КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИСТОРІИ БОЛГАРЪ,

Ю. И. Венелина.

Изданныя на иждивеніи Болгарина

И. Н. Денкоглу.

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА СОФИЯ

МОСКВА.
1849.

Ю. И. ВЕНЕЛИНЪ.

(Georgius Hutza.)

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА СОФИЯ

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИСТОРІИ БОЛГАРЪ.

УН. БИБ... ТЕКА
ИНВ. № 1446
1947

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИСТОРІИ БОЛГАРЪ

Ю. И. ВЕНЕЛИНА,

СЪ ПРИХОДА БОЛГАРЪ НА ѲРАКІЙСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ ДО 968 ГОДА, ИЛИ ПОКОРЕНІЯ БОЛГАРІИ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ РУССКИМЪ, СВЯТОСЛАВОМЪ.

ИЗДАННЫЯ НА ИЖДИВЕНІИ БОЛГАРИНА

И. Н. Денкоглу.

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА СОФИЯ

МОСКВА.
Въ типографіи Николая Степанова.
1849.

32.5054

32.5054
(3)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Августа 16 дня, 1849 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ Профессоръ, Протоіерей

Ѳеодоръ Голубинскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Жилища Болгаръ 1
Дунайскія жилища Болгаръ ..... —
Забереганъ 3
Боянъ 4
18-ти лѣтняя война ..... —
Кобратъ 6
Переселеніе Болгаръ изъ Валахіи въ Мизію и начало нынѣшней Болгаріи ..... —
Аспарухъ ..... —
Господство Болгаръ въ Венгріи до пришествія Мадяровъ (Угровъ) 654—910 7
Туданъ ..... —
Каранъ ..... —
Жоданъ ..... —
Королевство Болгарія до его крещенія съ 750 по 870 10
Сабинъ 12
Тѣлецъ ..... —
Боянъ 15
Телерикъ ..... —
Карданъ или Каранъ 15
Мудракъ 25
Владиміръ 30
Борисъ 32
Крещеніе Болгаріи 37
Переводъ Священнаго Писанія, Славянское Богослуженіе, начало Славянской письменности, и кругъ дѣйствія Меѳодія и Кирилла 57
Преобразованія Бориса въ Болгаріи въ гражданскомъ отношеніи 124
Отношенія Болгаръ при Борисѣ къ Славянамъ:
Моравскимъ и Чешскимъ 127
Русскимъ 132
Козаре 134
Походы Руссовъ на Цареградъ при Аскольдѣ и Дирѣ. 149

Стр.

Отношенія Болгаръ при Борисѣ къ Сербамъ и Хорватамъ..... 159
Владиміръ II (въ крещеніи Симеонъ)..... 160
а) Война съ Греками..... 161
Пришествіе Угровъ; понятіе объ ихъ происхожденіи. 162
Слѣдствіе соприкосновенія Русскихъ Славянъ съ Мадярами..... 171
б) Война съ Уграми 890—898..... 181
в) Война съ Россіянами..... 195
Миръ съ Россіянами и наступательный союзъ противъ Греческой Имперіи..... 201
г) Война съ Греками; Россіяне помогаютъ Болгарамъ въ ихъ войнѣ противъ Имперіи: 905—907..... 215
Россіяне съ Уграми сквозь Карпаты врываются въ Венгрію, нападаютъ на Болгарскія владѣнія и поселяются въ оныхъ вмѣстѣ: 905—955..... 218
Что за народъ Печенѣги?..... 220
Волохи..... 227
Римскія колоніи..... 229
Отраженіе Болгарами и Волохами Угровъ и Россіянъ. 237
Перемѣна въ Правительствѣ Греческомъ и Россійскомъ: 912 г.
Послѣдствія, ею причиненныя: д) Война съ Византійцами и съ Россіянами:..... 238
Ахелойская битва..... 246
Сраженіе при Катасиртѣ..... 247
— — — Моглавѣ и Пегахъ..... 249
Послѣдніе годы царствованія Владиміра II: 928—931..... 256
Понятіе о Болгарской Литературѣ..... —
Петръ I..... 261
Братъ его, Боянъ..... 265
Отношенія Петра къ братьямъ его:
а) къ Іоанну; востаніе Іоанна противъ Петра, при помощи В. Князя Русскаго, Игоря..... 267
б) къ Михаилу; возстаніе Михаила противъ Петра, подкрѣпляемаго Сербами и Уграми. Начало Сербіи 300
Начало Венгріи..... 302

Стр.

Общее сношеніе трехъ народовъ между собою: Россіянъ, Болгаръ и Грековъ: 946—970:

I. Россіянъ съ Греками..... 307

II. Болгаръ съ Греками..... 312

III. Россіянъ съ Болгарами..... 316

Слѣдствіе тѣсныхъ сношеній Россіянъ съ Болгарами..... 324

Положеніе Болгаріи..... 326

Возмущеніе Болгаръ..... 331

Война съ Россіей: В. К. Русскій, Святославъ, покоряетъ Болгарію; трагическій конецъ царствованія Петра I, 967—968.. 333

Изъ книги
на
Недѣлю Т. Не-
дѣлик.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЪ

ИСТОРІИ БОЛГАРЪ.

KOMÖDIEN BOILEAU'S

OPP

ЖИЛИЩА БОЛГАРЪ.

Жилища Болгаръ, въ историческомъ отношеніи, можно раздѣлить: 1-е на древнія, то есть, при Волгѣ; 2-е Россійскія, когда Болгаре, во время перехода изъ Волжской въ Дунайскую Болгарію находились нѣсколько времени въ юго-восточной или Черноморской части Россіи, и 3-е Дунайскія, въ которыхъ поселились они по выходѣ изъ Россіи.

Мы начнемъ сей взглядъ на исторію Болгаръ съ Дунайскихъ ихъ жилищъ.

ДУНАЙСКІЯ ЖИЛИЩА БОЛГАРЪ.

Стремленіе Болгаръ къ югу пріостановлено было Дунаемъ и защитниками Византійской Имперіи. Покамѣстъ должны были они довольствоваться областями над-Дунайскими, поселясь въ Валахіи, Молдавіи, Темешскомъ Банатѣ и въ восточной части Венгріи.

Изъ сего новаго отечества сей воинственный народъ наносилъ удары окружнымъ своимъ сосѣдямъ: Греческой Имперіи, Иллирику, Адріатической Украйнѣ, Италіи, Моравіи, Чехамъ, Германіи, и преграду дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ оружія могъ положить только Рейнъ и мечи Франковъ. Готъ Іорнандъ (живш. около 550 году въ Равеннѣ) называетъ ихъ наказаніемъ своего народа за его прегрѣшенія; древнѣйшія Франкскія и Германскія лѣтописи не одинъ разъ упоминаютъ объ опустошеніяхъ, произведенныхъ ими въ разныхъ областяхъ Германіи, и Несторъ не преминулъ пожаловаться на ихъ жестокость, съ какою обращались они съ Словенами и Дулѣбами, прибавивъ, что они были *тѣломъ велики, а умомъ горды.*

Первое нападеніе на Имперію Болгаре произвели въ исходѣ V столѣтія (498), въ царствованіе императора *Анастасія.* Съ сего времени весьма часто переправлялись они

чрезъ Дунай и возвращались съ добычею опять въ свои жилища. Предпріимчивость и храбрость отворяла имъ путь къ успѣхамъ, которые пріостановить замедляли внутреннія безпокойства Византійцевъ и частыя ихъ войны въ Азіи, Африкѣ, Италіи.

Вскорѣ открылся имъ благопріятный случай утвердиться въ предѣлахъ Греческой Имперіи. *Виталіанъ*, родомъ Славянинъ, одинъ изъ первыхъ генераловъ имперіи, возмутившись противъ Анастасія и чувствуя недостаточность взбунтованныхъ имъ войскъ, пригласилъ Болгаръ къ себѣ на помощь. Выигравъ сраженіе, подступилъ онъ къ осадѣ Константинополя. Анастасій, не будучи въ состояніи отразить силу силою (514), склонилъ Виталіана къ покорности не иначе, какъ новыми милостями, и подписавъ предложенныя имъ условія, между коими было и всепрощеніе всѣмъ послѣдовавшимъ ему войскамъ, коихъ большая часть состояла изъ Болгаръ, которые болѣе не возвращались въ Валахію, но подъ покровительствомъ Виталіана, сдѣланнаго генералъ-губернаторомъ Оракіи, поселились въ Мизіи, которую не задолго предъ тѣмъ оставили Готы, ушедшіе въ Италію, подъ предводительствомъ Оеодорика.

Остановясь на землѣ имперіи, Болгаре должны были признать ея власть; повиновались, однако, собственнымъ начальникамъ; или искали своей независимости въ горахъ, изъ коихъ выбѣгали шайками, подобно Кавказскимъ Горцамъ, или Морейскимъ Майнотамъ, для поживокъ въ разныя области имперіи, какъ сіе сдѣлали, три года спустя послѣ возмущенія Виталіана (517), въ Македоніи, Оессаліи и Эпирѣ, и въ послѣдствіи времени продолжали.

Восшедшіе, послѣ смерти Анастасія, на престолъ Славяне, Іустинъ I, Іустиніанъ Великій, Іустинъ II, старались привлечь ихъ къ себѣ деньгами, подарками, привиллегіями, а наипаче чинами и титлами, предлагаемыми ихъ начальникамъ, чтобы хотя нѣсколько обезопасить жителей равнинъ отъ ихъ набѣговъ.

Императоръ Іустиніанъ успѣлъ привязать къ себѣ большую часть сихъ Мизійскихъ Болгаръ, коимъ даны земли

въ Ѳракіи и Македоніи для поселеній, и которые по сему сдѣлались подданными имперіи. Иные же изъ нихъ, повиновавшіеся собственнымъ предводителямъ, хотя нѣкоторымъ образомъ были независимыми, однако, за покупаемую у ихъ начальниковъ преданность имперіи, находились, такъ сказать, подъ ея покровительствомъ, которое переходило мало по малу въ подданство.

Какъ тѣ, такъ и другіе служили имперіи цѣлыми полками. Іустиніанъ съ пользою употреблялъ ихъ корпусъ въ войнахъ противъ Готовъ въ Италіи, противъ Вандаловъ въ Африкѣ и Персовъ въ Азіи.

И такъ переселеніе нѣкотораго количества Болгаръ за Дунай распространило ихъ жилища, а не владычество, и напротивъ подчинивъ ихъ чужой власти, произвело ущербъ въ цѣлости политическаго бытія и народнаго могущества Болгаръ вообще.

Чтобы уменьшить въ нихъ приверженность къ ихъ над-Дунайскимъ единоплеменникамъ, Правительство старалось обратить ихъ въ Христіанство, и весьма естественно вышло то, что Болгаре, служившіе въ рядахъ Византійской арміи и въ областяхъ посреди Грековъ, приняли ученія Спасителя и высшую степень гражданственности. Не смотря на сіе, все еще находились въ Мизіи патріоты, которые ежегодно, въ бо́льшихъ и ме́ньшихъ отрядахъ, пускались въ малые походы къ обильнымъ Греческимъ городамъ и селеніямъ для сбора коморной и карманной аммуниціи.

Между тѣмъ Болгаре, въ Валахіи, Банатѣ и Венгріи, управляемые однимъ верховнымъ повелителемъ, находились на той степени могущества, которая могла поддержать вліяніе ихъ на прочихъ ихъ сосѣдей. Они защитили Словенъ въ Крайнѣ и Сѣверной Италіи противъ Готовъ. Германія была раздираема съ востока Болгарами, а съ запада Франками; оба сіи народа привлекали къ себѣ вассаловъ; но не долго удерживались Болгаре и отъ нападеній на Византійскую Имперію.

Заберганъ, ихъ повелитель, съ великимъ количествомъ войска переправившись чрезъ Дунай, вступилъ въ предѣлы

имперіи; раздѣливъ свои полчища на трое и отрядивъ два отдѣленія для опустошенія Греціи, самъ онъ съ 7,000 человѣкъ подступилъ къ Константинополю. Чтобы отвратить всякое его покушеніе на столицу, Велизарій, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, долженъ былъ встрѣтить его внезапно рѣшительною вылазкою (559). Это былъ послѣдній подвигъ сего героя *Заберегана*, отступивъ отъ столицы и награбившись въ Ѳракіи до сыта, соединился съ прочими отрядами и возвратился за Дунай.

Спустя нѣсколько лѣтъ Болгаре обратились въ Германію (571); въ Туринги поразили Франковъ.

Боянъ, преемникъ Заберегана, перешедъ чрезъ рѣку Саву въ Далмацію съ 12,000, завладѣвъ нѣсколькими городами имперіи въ Иллирикѣ, и поразивъ войско Римлянъ подъ командою Тиберія, зятя Іустина II-го, вынудилъ отъ императора 80,00 червонныхъ (574), въ видѣ ежегодныхъ подарковъ (подати), въ уплату за возвращеніе взятыхъ имъ мѣстъ и въ залогъ мирнаго пребыванія, которое онъ и наблюдалъ до восшествія на престолъ Императора Маврикія (583), отъ коего требовалъ возвышенія подати до 100,000 червонныхъ. Переговоры были безуспѣшны, и началась между Болгарами и Византійцами

18-ти ЛѢТНЯЯ ВОЙНА.

Войну сію началъ *Боянъ* взятіемъ имперскихъ городовъ: *Сингидуна*, *Августы* и *Виминіація*. Союзниками Болгаръ въ сей войнѣ были *Словене*, жители Крайны и Панноніи, и Болгаре Мизійскіе Борьба сія, во все ея продолженіе, была кровопролитная и съ попеременнымъ для обѣихъ сторонъ счастьемъ. Императоръ поручалъ дѣло отличнѣйшимъ своимъ генераламъ; *Боянъ* начальствовалъ своими почти всегда лично; не однажды опустошалъ Иллирикъ, Македонію, Ѳракію до самой столицы, бралъ города и терялъ ихъ, поражалъ и былъ поражаемъ. Византійцы, не могши взять верхъ надъ нимъ, обратились къ Франкамъ, коихъ послы, въ 591 г., прибыли въ Константинополь. Заключенъ

союзъ противъ Болгаръ, которые съ сего времени должны были держаться съ двухъ сторонъ, противъ Франковъ въ Германіи и противъ Грековъ.

Воеводы *Бояна* не безуспѣшно сражались съ Франками (596), коихъ побили въ Турингіи; и только за значительную сумму денегъ возвратились въ Венгрію. Самъ же повелитель продолжалъ войну съ Греками, кои, наконецъ, взяли надъ нимъ верхъ на сраженіяхъ въ Темешскомъ Банатѣ; въ послѣднемъ изъ нихъ (600) потерялъ Боянъ до 11,000 убитыми и ранеными, и трехъ сыновей.

Не смотря на сіе война не кончилась; Боянъ съ новыми силами переправился въ Мизію, и опустошивъ оную, возвратился въ Валахію. Маврикій выслалъ новое войско противъ Болгаръ подъ командою своего брата; это былъ послѣдній, но безуспѣшный, походъ со стороны Имперіи; ибо армія, едва достигнувшая Дуная и взбунтованная, стремглавъ возвратилась въ столицу, гдѣ нанесла конецъ какъ царствованію Маврикія, такъ и войнѣ съ Болгарами (602).

Фока, похититель престола, чтобы на немъ укрѣпиться, прекратилъ войну, подписавъ требованія Бояна, который и самъ желалъ уже дать отдохновеніе народу.

Въ сей войнѣ отличились со стороны Византійцевъ преимущественно генералы: Комендіолъ и Прискъ, а со стороны Болгаръ, ихъ повелитель Боянъ и Радогастъ, князь союзныхъ ему Словенъ.

Императоръ Ираклій, начиная войну съ Персами (619), желалъ обезпечить отъ Болгаръ Европейскія свои владѣнія; почему и пригласилъ преемника Бояна, для личнаго свиданія, въ городъ Ираклею. Условія, однако, не нравились Болгарину, и переговоры кончены ссорою, въ слѣдствіе которой изрублена свита императора, едва успѣвшаго избѣгнуть плѣну. Болгаре, награбившись, съ множествомъ плѣнныхъ отошли во свояси. Но немного спустя опять опустошили имперію, осадили, какъ союзники Персовъ, Константинополь, и не могши взять его, удовольствовались тѣмъ, что съ богатою добычею возвратились домой (626). До сихъ поръ

Болгаре находились на высочайшей степени могущества; но оно ослаблено воспослѣдовавшими внутренними ихъ раздорами, коихъ слѣдствіемъ былъ разрывъ между Болгарами Валашскими и Венгерскими, начавшими повиноваться особымъ правителямъ.

Сіе дало долгое время отдохнуть Византійцамъ со стороны Болгаріи. Императоръ Ираклій, воспользовавшись симъ случаемъ, склонилъ *Кобрата*, сдѣлавшагося независимымъ повелителемъ Болгаръ въ Валахіи, на свою сторону, и заключилъ съ нимъ дружеской договоръ (636), который сохранилъ Кобратъ во всю жизнь свою.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ БОЛГАРЪ ИЗЪ ВАЛАХІИ ВЪ МИЗІЮ И НАЧАЛО НЫНѢШНЕЙ БОЛГАРІИ.

Между тѣмъ Болгаре усиливались въ Мизіи, пользуясь безпрерывнымъ приливомъ изъ Валахіи своихъ единоплеменниковъ. Сіе усиленіе угрожало имперіи совершенною потерею Мизіи, въ которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще держались Византійцы.

Аспарухъ, преемникъ Кобрата, наконецъ довершилъ переселеніе въ Мизію, въ которой отнялъ остальныя мѣста у Грековъ. Безуспѣшный противъ него походъ императора Константина Погоната и пораженіе Греческой арміи утвердило за нимъ навсегда сію страну (679), которая, съ сихъ поръ, по имени новыхъ владѣтелей, стала именоваться Болгаріею.

Молодой, но безпокойный, наслѣдникъ Константина Погоната, Іустиніанъ II, въ началѣ своего царствованія, въ надеждѣ возвратить Мизію имперіи, напалъ на Болгаръ войною (687). Дѣло хорошо началъ императоръ, но худо кончилъ, и самъ спасся бѣгствомъ. Онъ заключилъ миръ, по коему призналъ Болгаръ господами занимаемыхъ ими мѣстъ.

Вскорѣ оказался случай, въ которомъ Болгарія обнаружила политическій свой вѣсъ. Іустиніанъ II, низверженный съ престола полководцемъ Леонтіемъ (въ 695 году) и прожившій 10 лѣтъ въ Херсонѣ, гдѣ нашелъ убѣжище подъ по-

кровительствомъ Кагана Казарскаго, боясь преслѣдованій императора Тиберія, отнявшаго царскую власть у Леонтія, или въ надеждѣ еще возсѣсть на престолъ, бѣжалъ на кораблѣ въ Болгарію (705), для испрошенія помощи отъ повелителя оной, Требеля. Болгаринъ, принявъ его сторону, собралъ значительное войско, отправился съ нимъ въ Царьградъ, взялъ городъ, низложилъ Тиберія съ престола и возвелъ на оный Іустиніана.

Императоръ не преминулъ возблагодарить Требеля за столь важныя оказанныя ему услуги. Сверхъ значительной суммы денегъ, уступилъ ему въ Македоніи область *Загорье* и провозгласилъ его цесаремъ (царемъ) Болгаріи, на которую съ сего времени, какъ въ историческомъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, будемъ смотрѣть, какъ на царство или королевство, соперничествующее съ преемниками Константина Великаго.

ГОСПОДСТВО БОЛГАРЪ ВЪ ВЕНГРІИ ДО ПРИШЕСТВІЯ МАДЯРОВЪ (УГРОВЪ).

654—910.

Переселеніе Валашскихъ Болгаръ въ собственно, такъ называемую, Болгарію еще больше отдѣлило ихъ отъ ихъ единородцевъ, живущихъ въ Венгріи, которые въ свою очередь стали повиноваться собственнымъ правителямъ. Собственныя жилища Болгаръ въ Венгріи заключались между Дунаемъ и Трансильваніею, и раздѣлялись на *урады* или округи, изъ коихъ каждый имѣлъ свою столицу и въ ней правителя, назначаемаго верховнымъ господаремъ. Еще и нынѣ основанные Болгарами города удержали свои названія, какъ: *Великій Варадинъ*, *Арадинъ*, *Сегединъ*, *Боянъ*, *Доброчинъ*, *Будинъ*, *Бѣлградъ*, *Землинъ*, *Моравица*, *Вершецъ* и проч.

Въ Задунайской же части Венгріи (Панноіи) и Австріи до рѣки *Инна* жили *Словене*, управляемые собственными князьями, вассалами Болгарскихъ господарей. Одни изъ сихъ князей жили въ городѣ *Блатенскѣ*, находившемся у озера *Блатень*, и назывались князьями Блатенскими. Область сихъ князей, по видимому, заключалась между рѣками Ду-

наемъ и Дравою, Каринтіею и Штиріею. Другая область Словенъ изъ сѣверозападной части Венгріи простиралась по Дунаю до границъ Баваріи (рѣки Инна), и составляла сѣверную часть Адріатической Украйны. Столицей и мѣстопребываніемъ князей ея былъ городъ *Видинъ* или *Видень*. Также и прочія области сей Украйны имѣли своихъ князей; — раздѣленіе сей Словенской земли на удѣльныя княжества разстроивало ея силы, и растерзанный народъ по частямъ клонилъ шею подъ иго могущественныхъ сосѣдей, то есть, Болгаръ съ одной стороны, а съ другой Франковъ.

Магущество сихъ двухъ народовъ не возрастало параллельно; разрывъ въ Болгарахъ произвелъ чувствительное ослабленіе силъ; переселившіеся за Дунай, одни боролись съ имперіей, между тѣмъ какъ другіе служили ей. Оставшіеся въ Венгріи продолжали еще поддерживать вліяніе или господство надъ сосѣдними Словенами. Между тѣмъ сохранялось единство и возрастало могущество Франковъ. Они пріостановили распространяющуюся исполинскими шагами власть Арабовъ, стали угрожать своимъ Восточнымъ сосѣдямъ: Нѣмцамъ въ Баваріи, Словенамъ въ Австріи, Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ, Лонгобардамъ въ Савойѣ. Паны отворили имъ путь въ Италію; Піемонтъ и Савойя отняты Франками у Лонгобардовъ, а эксархатъ Равенскій у Грековъ; Словенскіе князья въ *Фріулѣ* и *Крайнѣ* сдѣлались вассалами Франковъ (732). Опасность угрожала и Болгарамъ; они принялись за оружіе, поспѣшили на помощь Словенамъ и изъ Штиріи выгнали Франковъ на нѣкоторое время (736); но освободить ее не могли, ибо одни не были въ силахъ выдержать долговременную борьбу съ народомъ, отъ котораго отстали въ народной силѣ, и у котораго, послѣ двухъ государей героевъ, *Карла Мартелла* и *Пипина*, послѣдовалъ монархъ и полководецъ великій (Карлъ Великій).

Участь порабощенія сперва постигла нѣмецкія племена, заключавшіяся въ двухъ главныхъ вѣтвяхъ, *Боях*ъ (Баварцахъ) и *Саксах*ъ; (Саксонцахъ); ихъ повелители: *Тассило* и *Витекинд*ъ низложены, а управленіе ихъ землями поручено намѣстникамъ Карла.

Тассило, однако, взбунтовался, послалъ въ Венгрію просить помощи у господаря Болгаръ. Двѣ арміи, высланныя имъ, одна на помощь Баварцамъ, а дургая въ Крайну на помощь Словенамъ, ничѣмъ не успѣли улучшить участь вспомоществуемыхъ ими народовъ, и навели на шею Болгаръ тяжкую войну съ Карломъ Великимъ (791), въ которой лишились Виденскаго Словенскаго Княжества (797) и области между *Дравою* и *Савою*.

При семъ значительномъ перевѣсѣ могущества Франковъ, Болгаре, если не могли спасти землю Словенскую, то по крайней мѣрѣ защитили какъ свою независимость, такъ и своихъ вассаловъ, князей Блатенскихъ. Сего стремленія Франкскаго оружія, можетъ быть, не удержало бы одно Болгарское Господарство, если бы оному не поставила препоны смежная съ Болгарскими землями Великая Моравія, тогда простиравшаяся въ сѣверной Венгріи до самаго Дуная.

Вскорѣ, къ счастію ихъ обоихъ, Франкская держава, достигшая уже высочайшей степени своего могущества, пала въ древніе свои предѣлы: Карлъ Великій огромную монархію Франковъ раздѣлилъ между тремя своими сыновьями. Франція досталась въ удѣлъ одному изъ нихъ; завоеванныя Нѣмецкія и Словенскія области раздѣлены между двумя послѣдними, и посему сдѣлались независимыми отъ Франціи. Утихъ военный духъ Карла Великаго въ его потомкахъ, и отвращена опасность, угрожавшая господарству Болгаръ, Моравіи и оставшимся Словенскимъ княжествамъ. Впрочемъ, завоеванныя Карломъ Великимъ Словенскія области остались навсегда за его преемниками.

Со временъ Карла Великаго Болгаре жили спокойно; исторія упоминаетъ о нихъ рѣже, подробности внутренняго ихъ житья-бытья покрыты мракомъ; извѣстны только имена нѣкоторыхъ ихъ Господарей, какъ Тудунъ (Tudun, Tudan), Каранъ (Caranus, Karam), Жоданъ (Zodan, Zodanus). Старанія Карла Великаго обратить ихъ въ христіанство былитщетны, хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ ихъ начальниковъ, бѣжавшіе къ нему, крестились. Обращеніе цѣлаго господарства было слѣдствіемъ

крещенія Болгаръ Задунайскихъ; ибо Угры, при вшествіи своемъ въ Венгрію (900), нашли ихъ уже Христіанами Греческаго вѣроисповѣданія.

Отношеніе господарства къ царству Болгаріи было попечительное; ибо при напорѣ Франкскаго оружія оно должно было прибѣгнуть къ помощи Задунайскихъ своихъ однородцевъ, и Карамъ или Каранъ (съ коимъ имѣлъ дѣло Каралъ Велилій) въ Франкскихъ лѣтописяхъ есть тоже, что Крумъ (король Болгаріи) въ Византійскихъ. Преемники Карла въ Германіи, касательно дѣлъ съ Тисо-Болгаріей, относились къ королямъ Болгаріи; отсюда видно, что Болгарское господарсто въ Венгріи зависѣло опять отъ царства Болгаріи, а посему правителей его можно почесть за вассаловъ Болгарскихъ королей. Сіе господарство существовало въ Венгріи до пришествія Мадяровъ, коими, какъ увидимъ ниже, уничтожено. Но обратимся къ дѣламъ самой Болгаріи.

КОРОЛЕВСТВО БОЛГАРІЯ ДО ЕГО КРЕЩЕНІЯ.

съ 703 по 870.

По недостатку въ чисто Болгарскихъ писателяхъ, на сей разъ трудно изобразить истинную историческую картину внутренняго бытія Болгаріи. Источники ея исторіи находятся въ отрывкахъ въ лѣтописяхъ тѣхъ чужихъ народовъ, съ коими она бывала въ непріязненномъ соприкосновеніи, какъ въ Франскихъ, Германскихъ, Венгерскихъ, Сербскихъ, Россійскихъ, а преимущественно Византійскихъ. Все, однако, что можно бы составить изъ упомянутыхъ иностранныхъ свидѣтельствъ, заключаетъ въ себѣ почти одни только военныя событія, и посему можетъ представить одну только военную и, такъ сказать, внѣшнюю исторію Болгаръ. Но исторія ихъ гражданственности, образованности, успѣховъ въ искусствахъ и промышлености, словомъ исторія внутренняго ихъ быта должна быть еще открыта въ послѣдствіи прилежными изысканіями. Объемъ предпринятаго мною краткаго взгляда на исторію сего народа не можетъ заклю-

чать въ себѣ подобныхъ трудовъ; сіе принадлежитъ пространной исторіи. Мы здѣсь схватимъ главнѣйшія только черты оной, слегка, однако, распространяясь тамъ, откуда можно будетъ почерпнуть что-либо для объясненія Россійской.

Правленіе у Болгаръ было монархическое; важныя дѣла были рѣшаемы верховнымъ совѣтомъ, состоявшимъ изъ *боляръ* и *воеводъ*, и подносимы королю на утвержденіе. Статскіе чины занимаемы были боярами; воеводами называемы были только начальники войскъ, или коменданты городовъ и крѣпостей, князьями именовались только члены королевской фамиліи.

Болгарія весьма рано стала имѣть постоянное войско; ибо, не имѣя всегдашней дипломатитеской связи съ Византійцами и видя регулярныя ихъ войска, расположенныя во Ѳраки, и всего болѣе у предѣловъ Болгаріи, принуждена была, для собственной безопасности, и съ своей стороны содержать пограничные корпуса, коими, по свидѣтельству Византійцевъ, командовали *внѣшніе воеводы* (Boclades ab extus), т. е., стоявшіе противъ внѣшнихъ враговъ.

Всѣ узкіе проходы чрезъ горы Балканскія или Гемскія были защищаемы съ обѣихъ сторонъ укрѣпленіями, завалами, или только однѣми оградами. Болгаре были охотники до строенія крѣпостей, а наипаче у проходовъ, коихъ въ послѣдствіи времени въ Богаріи было множество. Главнѣйшія изъ нихъ были: непреодолимый *Берникъ; Перекопъ*, у прохода сего же имени; *Тріадица*, не подалеку отъ Софіи; *Прилапъ* и прочія, не выключая отсюда Македонскихъ и знаменитаго *Бѣлграда* въ Сербіи.

Византійцы съ занозою въ глазахъ смотрѣли на Болгарію, и непріязненность между обоими народами была вѣчная; и Іустиніанъ II, или по врожденному ему непостоянству, или чтобы избѣжать упрековъ за потерю Загорья и обвиненій въ соумышленности съ Болгарами, отправилъ (708) противъ нихъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ, значительную экспедицію; но потерявъ главное сраженіе при Анхіалѣ, едва успѣлъ самъ изъ окруженнаго Болгарами сего

города ускользнуть въ гавань, броситься на корабль и возвратиться въ столицу. Безуспѣшный исходъ войны заставилъ императора обратиться къ Требелю съ мирными предложеніями; и заключенъ между обоими державами защитительный союзъ, ибо Византійцамъ угрожали Арабы (Сарацины), а вниманіе Болгаріи обращали на себя дѣла Венгро-Болгарскаго господарства и сосѣднихъ Словенскихъ ея вассаловъ, обезпокоиваемыхъ то Лонгобардами, то Моравянами, а наипаче Франками.

Въ слѣдствіе сего союза, король въ царствованіе Льва Исаврійскаго, побилъ высаженное въ Ѳракію войско Сарациновъ (717), лишившихся 22000 человѣкъ, какъ говорятъ, убитыми и раненными, и принудилъ ихъ снять осаду съ Константинополя.

Спокойствіе Болгаріи со стороны Византійцевъ продолжалось до 755 года. Сынъ Льва Исаврійскаго, Константинъ Копронимъ, велѣлъ строить укрѣпленія на границахъ Болгаріи. Чтобы пересѣчь непосредственное сообщеніе Болгаръ Ѳракійскихъ и Македонскихъ, своихъ подданныхъ, съ королевствомъ, онъ значительное число жившихъ у предѣловъ Болгаріи переселилъ въ южныя части сихъ областей, а мѣста ихъ заселилъ Азійскими переселенцами.

Представленія Болгаріи были напрасны, и кончились тѣмъ, что Болгаре, напавъ на строителей (756), изрубили ихъ, срыли укрѣпленія и, ограбивъ окрестности, возвратились домой, преслѣдуемые отрядами войскъ Византійскихъ.

Вдругъ за симъ воспослѣдовала междуособная война въ Болгаріи, въ коей погибли всѣ члены королевской фамиліи, изключая *Сабина*, бѣжавшаго въ Константинополь. Въ короли избранъ молодой бояринъ, *Тѣлецъ*.

тѣлецъ. Императоръ, чтобы вмѣшаться въ дѣла Болгаръ, принялъ сторону Сабина. Экспедиція немедленно предпринята, и 24000 Византійцевъ спѣшили къ Анхіалу, гдѣ новый король встрѣтилъ ихъ съ 20000 Болгаръ. Сраженіе было кровопролитное (762), и побѣда досталась императору весь-

ма дорого Слѣдствіемъ сей побѣды было то, что *Сабинъ*, подъ прикрытіемъ Грековъ, возшелъ на престолъ Болгаріи; Тѣлецъ же, павъ въ сѣти приверженцевъ Сабина, убитъ.

Но народъ не захотѣлъ принять того, кто навелъ на отечество враговъ, посредствомъ коихъ пролилъ онъ кровь своихъ однородцевъ; и послѣ возвращенія императора въ Царьградъ (763), Болгаре на новомъ сеймѣ избрали *Бояна*.

БОЯНЪ. *Сабинъ*, видя, что не можетъ удержаться въ своей власти, бѣжалъ вторично къ императору, гдѣ и остался. Онъ былъ послѣдній изъ потомковъ Кобрата. Начатую войну продолжалъ Константинъ до самаго конца его царствованія; но, бывъ отраженъ Бояномъ и потерявъ свой флотъ въ гавани Анхіальской, возвратился въ столицу. Въ слѣдующіе годы онъ удерживался отъ личныхъ походовъ, и дѣло съ Болгаріей было продолжаемо то перемиріемъ, то небольшими стычками, но въ послѣдніе три года своей жизни Константинъ возобновилъ войну съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

ТЕЛЕРИКЪ. Преемникъ *Бояна* приготовился къ борьбѣ; Греческая армія вошла уже въ предѣлы Болгаріи, и главная квартира императора изъ Анхіала перенесена въ Варну. Король выслалъ къ нему двухъ бояръ съ предложеніемъ мира; императоръ, чувствуя себя еще не въ силахъ довершить завоеваніе Болгаріи, согласился на перемиріе, въ слѣдствіе коего далъ повелѣніе своимъ войскамъ выйти изъ предѣловъ Королевства (773), но съ множествомъ плѣнныхъ. Не смотря на сіе, король узналъ о тайномъ и рѣшительномъ намѣреніи императора завоевать Болгарію, и по необходимости и самъ тайно приготовился къ защитѣ отечества. Сожалѣя, что значительная часть его народа живетъ въ подданствѣ имперіи, и замѣтивъ стараніе Византійцевъ ослабить Болгарію въ ея народонаселенности черезъ выведеніе и переселеніе плѣнныхъ ея жителей въ области имперіи, онъ вознамѣрился противудѣйствовать мѣрамъ, предпринимаемымъ Двором Цареградскимъ.

Для сего выслалъ тайно 12000 корпусъ (774) для возвращенія плѣнныхъ, выведенныхъ императоромъ. Мѣры были бы спасительны для отечества, если бы вельможи государства, раздѣленные на факціи, не воспрепятствовали совершенію оныхъ. Императоръ не щадилъ ни издержекъ, ни трудовъ, чтобы пріобрѣсти себѣ соумышленниковъ между боярами, недоброжелателями своего царя и отечества.

Правленіе *Телерика* во многомъ походило на царствованіе Станислава Понятовскаго. Измѣнники увѣдомили Константина о предпріятіи 12000 Болгаръ напасть на Берегову (*). Собранныя тотчасъ 80000 Византійцевъ расположены были въ засаду, и внезапнымъ нападеніемъ схватили и изрубили неосторожныхъ Болгаръ.

Въ слѣдующемъ году, императоръ предпринялъ походъ на Болгаръ со всѣми силами имперіи (775), въ твердомъ намѣреніи не возвратиться въ столицу, пока не завладѣетъ цѣлымъ королевствомъ. Огромная армія спѣшила къ Анхіалу, межъ тѣмъ какъ 12000 пѣхоты на множествѣ красныхъ ботовъ изъ Азіи летѣли къ гавани Мезембрійской.

Отъ сей столь грозной опасности спасло Болгарію Провидѣніе. Буря не допустила флоту достичь гавани; войско, долженствовавшее выйдти на берегъ въ Мезембріи, поглощено волнами, и императоръ, заболѣвшій въ Адріанополѣ, на возвратномъ пути скончался, и достигла столицы только бренная его половина, а грозная армія разселилась по своимъ прежнимъ квартирамъ; ибо преемникъ императора, Левъ Казарскій, тотчасъ заключилъ миръ съ королемъ.

Между тѣмъ Телерикъ, казнію многихъ бояръ, умножилъ и разъярилъ противъ себя недоброхотовъ, такъ что при угрожающемъ возстаніи принужденъ былъ бѣжать въ Константинополь, и мѣсто его заступилъ

(*) Такъ называлась у Болгаръ приморская страна между Варною и Анхіаломъ, иначе *Бережье*, а у Византійцевъ: Berzetia.

КАРДАНЪ. Въ правленіе *Кардана* успоикоилась и отдохнула Болгарія. Левъ Казарскій сохранилъ миръ съ новымъ королемъ до конца своей жизни (780); подобно ему, и супруга его, *Ирина*, правительница имперіи и попечительница малолѣтнаго наслѣдника престола, Константина, поддержала сіе спокойствіе, столь нужное для исцѣленія ранъ Болгаріи, во все время своего регенства.

При семъ покоѣ со стороны Византійцевъ, событія на западѣ обратили на себя полное вниманіе Болгарскаго правительства, и причинили ему не мало заботъ объ обезпеченіи отъ Франковъ Тиссо-Болгарскаго господарства и покровительствуемыхъ имъ Словенскихъ княжествъ.

Между тѣмъ и императрица не менѣе старалась обезопасить свои Италіанскія владѣнія. Папы, подданные Восточной имперіи, старались всячески сдѣлаться независимыми отъ Византійцевъ, и для сего обращались къ Франкамъ. Ирина союзомъ съ Карломъ Великимъ желала обезпечить Равенскій эксархатъ, который въ противномъ случаѣ весьма легко могъ достаться Франкамъ. Для сего, въ 781 году, отправила къ нему пословъ, которые, сверхъ заключенія трактата, должны были просить дочь Карла Великаго, *Гертруду*, за наслѣдника Византійскаго престола, Константина. Церемонія обрученія совершена, и одинъ изъ пословъ остался при Дворѣ Франкскомъ для обученія невѣсты Греческому языку и обычаямъ Цареградскимъ.

Сіе сношеніе и союсъ обратили на себя полное вниманіе Кардана; въ слѣдствіе чего въ слѣдующемъ году отправилъ онъ посольство къ Карлу Великому, но какъ кажется безуспѣшно, ибо тотчасъ послѣ возвращенія пословъ двѣ Болгарскія арміи выступили изъ Венгріи, одна въ Крайну на помощь Словенамъ противъ Франковъ, а другая по Дунаю въ Баварію, на помощь взбунтовавшемуся противъ Карла князю Баваріи, *Тассилону* (784); но въ слѣдующіе годы сіи арміи были отражены Франками съ урономъ.

Наконецъ воспослѣдовалъ разрывъ и съ Византійцами; въ началѣ сей войны (789) Болгаре поразили Ѳракійскую ар-

мію, гдѣ былъ убитъ и главнокомандовавшій оною, *Филетъ*, а въ заключеніе изрубили большую часть другой, управляемой молодымъ и наглымъ Константиномъ, (791) и завладѣли всѣмъ ея лагеремъ и обозами, что навело на императора заговоръ, имѣвшій цѣлію низложеніе его съ престола.

Продолжать успѣхи войны съ Византійцами воспрепятствовала Болгарамъ начатая въ томъ же году шестилѣтняя война (791 — 796) съ Карломъ Великимъ, въ которой вся Украйна присоединена къ обширнѣйшимъ владѣніямъ Франковъ, какъ выше упомянуто; Блатенскіе же князья Словенъ остались въ покровительствѣ Болгаръ, а Краинскіе и Фріульскіе были вассалами Франковъ; наконецъ, миръ прекратилъ борьбу и далъ отдохнуть Болгаріи на нѣкоторое время.

КАРАНЪ. Вообще собиратели Византійскихъ извѣстій полагаютъ, что Кардану или Кардаму въ правленіи послѣдовалъ Крумъ; западныя же извѣстія, еще въ 797 году, правителя Тиссо-Болгаръ называютъ *Карамомъ* и *Кремомъ*, но въ самомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности, это былъ одинъ и тотъ же король Болгаріи Карданъ. По видимому, и Крумъ есть испорченное имя *Кардана*, что почти всегда случается въ Византійскихъ лѣтописяхъ, и Карданъ, начавшій царствовать съ 775 года, или какъ нѣкоторые полагаютъ, съ 777, легко могъ прожить, управляя Болгаріею, 40 лѣтъ, до 815 года, въ которомъ полагается смерть Крума. Но *Карданъ* ли правильнѣе или Каранъ, съ достовѣрностію нельзя сказать; по крайней мѣрѣ нельзя принять сихъ именъ за настоящія и чистыя Болгарскія въ такомъ видѣ, въ какомъ находятся оныя въ иностранныхъ извѣстіяхъ.

Болгаре, производя имена своихъ королей отъ ихъ качествъ, или какихъ либо событій, подводили ихъ подъ любимое ихъ окончаніе на *анъ*. Если имя Карданъ, было дѣйствительно, то оно соотвѣтствуетъ именамъ: *Проданъ Богданъ*, и произведено отъ слова: карать, наказывать, мстить, или кара—наказаніе, мщеніе, и *дань*. Впрочемъ, могло быть правильнѣе *Каранъ*, произведенное отъ одной *кары*, и зна-

чить наказатель, мститель, что и вѣроятнѣе, ибо сей король показалъ разительный примѣръ мщенія, какъ увидимъ ниже. Впрочемъ, легко могло статься и то, что были два короля, одинъ послѣ другаго, одного и того же имени; намъ здѣсь все равно, ибо обращаемъ вниманіе на исторію народа, а не однихъ королей.

Покой Болгаріи со стороны Грековъ можно приписать внутреннимъ ихъ безпокойствамъ и войнамъ ихъ въ Италіи и Азіи. Наконецъ, Никифоръ, сдѣланный изъ министра финансовъ Императоромъ, послѣ неудачныхъ предпріятій противъ Сарацинъ, обратилъ оружіе на Болгарію и началъ *восьмилѣтнюю войну*.

Первые годы (807—810) сей губительной войны провелъ Никифоръ безъ значительныхъ успѣховъ, по причинѣ безпорядковъ, возникавшихъ въ Византійской арміи, и по твердому сопротивленію Болгаръ. Онъ усилилъ свой четвертый походъ наборомъ множества рекрутъ и присоединеніемъ къ Адріанопольской арміи значительной части войскъ Азійскихъ, такъ что былъ въ состояніи наполнить своими войсками всю Болгарію. Многочисленную сію армію умножали длинные обозы осадныхъ и стѣнобитныхъ машинъ; императоръ шествовалъ за войскомъ въ полной надеждѣ покорить цѣлое королевство, и въ свидѣтели своихъ грядущихъ великихъ дѣяній взялъ съ собою цесаря *Ставракія* и длинный рядъ Цареградской знати. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Греческая армія вступила въ предѣлы Болгаріи.

Король, послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ мелкихъ сраженій, видя великое превосходство силъ непріятеля, обратился къ императору съ прошеніемъ мира; но, не получивъ надежнаго отвѣта, отступилъ и, сдѣлавъ диверсію къ своей столицѣ, далъ повелѣніе своимъ воеводамъ занять всѣ проходы, ведущіе изъ Болгаріи въ Имперію; самъ же наблюдалъ за главнѣйшими силами императора, прямо устремившагося на столицу Болгаріи. По тогдашнему духу (который еще и нынѣ сохранился между Восточными народами, и у самыхъ Турокъ и Грековъ), непріятель, въ свободное время отъ сраженія, занимался грабежемъ, опустоше-

ніемъ и смертоубійствами. Предвидя сіи несчастія, король вторично приступилъ къ императору съ просьбою о пощаженіи, по крайней мѣрѣ, жизни своихъ безоружныхъ подданныхъ, но тщетно. Императоръ горѣлъ местью за перехваченные, въ 808 году, Болгарами 100,000 фунтовъ золота, везенныхъ въ лагерь, для раздачи собравшимся въ Македоніи на смотръ войскамъ, и самъ далъ взбунтовавшимся, за невыдачу жалованья и необузданнымъ своимъ полчищамъ, примѣръ грабительства, велѣвъ, послѣ взятія столицы и дворцовой крѣпости, запечатать на свое имя королевскую казну и всѣ прочія драгоцѣнности. Вся армія бросилась на добычу, при чемъ не пощажено ни лѣтъ, ни пола. Но симъ дѣло еще не кончилось: Болгаре стекались подъ знамена своего царя и воеводъ, надлежало еще сражаться, ибо король приближался; 25-го іюля дано главное сраженіе; Византійцы изрублены, убитому императору король велѣлъ отрубить голову и изъ черепа ея приготовить въ золотѣ чашу, которая, въ послѣдствіи, на пирахъ его съ воеводами и боярами служила круговою; немногіе, спаслись, бѣгствомъ, между коими и цесарь *Ставрикій*, который, однако, черезъ два мѣсяца умеръ отъ ранъ въ Адріанополѣ. Весь лагерь и добыча достались въ руки побѣдителей.

Въ Константинополѣ провозгласили императоромъ зятя Никифора, *Михаила Куропалата*; а Каранъ, наказавъ Византійцевъ, поспѣшилъ еще мстить имъ. Большая часть Македонскихъ и Ѳракійскихъ городовъ частію взята (812), частію же сдалась на капитуляцію, какъ: *Дебелтъ*, *Верея*, *Филиппополь*, *Анхіалъ* и проч. и, знаменитый своею гаванью, многолюдствомъ и торговлею городъ, *Мезембріа*, обложенъ блокадою. Король изъ расположеннаго при немъ лагеря послалъ въ Константинополь воеводу *Драгомира* съ условіями мира:

1-е. Чтобы Мелеонъ во Ѳракіи былъ границею между обѣими державами.

2-е. Чтобы императоръ обязался присылать королю

ежегодно пурпуровыхъ и другихъ драгоцѣнныхъ матерій для одѣянія цѣною на 50 ф. золота.

3-е. Возвратить ему всѣхъ плѣнныхъ, уведенныхъ въ прошедшія войны, и бѣглецовъ.

4-е. Чтобы ввозимые въ Болгарію Греческіе продукты и товары имѣли клейма, а купцы свидѣтельства отъ Болгарскихъ начальствъ, и чтобы допущено было свободное отправленіе торговли Болгарскихъ подданныхъ въ городахъ имперіи.

Тонъ повелительный и тяжкія условія! Но въ тѣсныхъ обстоятельствахъ нѣчего было дѣлать, и боязливый, изнѣженный любовью юной супруги, Михаилъ самъ не зналъ, на что рѣшиться. Пункты касательно купечества и ежегодныхъ подарковъ были еще сносны, но лишиться половины Ѳракіи и Македоніи, а изъ остальной южной ихъ части, выслать издавна уже тамъ живущихъ Болгаръ-Христіанъ, было жестоко, несносно.

Императоръ, одержимый нерѣшительностію, требовалъ мнѣнія у *духовенства* касательно потери подданныхъ Христіанъ, и у Сената относительно къ прочимъ пунктамъ. Совѣщанія не могли обойтись безъ споровъ. Патріархъ, съ частію духовенства и статскихъ чиновъ, полагали выслать нѣкоторую часть Болгаръ. Межъ тѣмъ потомки переселенныхъ еще Іустиніаномъ II въ Анатолію 30,000 Болгаръ желали возвратиться въ Европу. Но архимандритъ, Ѳеодоръ Студитъ, воспротивился патріарху, говоря, что неприлично Христіанскому имени отдавать сыновъ церкви въ руки идолопоклонниковъ, что одобрилъ и Сенатъ; и такъ Драгоміръ, послѣ объявленія императора о непринятіи условій, возвратился къ королю, который тотчасъ приступилъ къ осадѣ *Меземврiи* и взялъ ее штурмомъ, послѣ трехнедѣльной осады, въ концѣ октября.

Паденіе сего города навело ужасъ на жителей Царяграда; въ продолженіе цѣлой зимы Греки принуждены были стоять подъ ружьемъ. Небольшими стычками и вылазками они выигрывали время и между тѣмъ дѣлали военныя приготовленія. Генералъ *Леонъ* вызванъ отъ Восточной, съ ус-

пѣхомъ командованной имъ, арміи противъ Сарациновъ, въ столицу для принятія начальства надъ Оракійскою арміей, со всѣхъ сторонъ умножаемой свѣжими полками.

Съ наступающей весной (813) король осадилъ Адріанополь; сіе побудило Византійцевъ ускорить походъ, при коемъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, долженъ былъ лично находиться и самъ императоръ Императрица Прокопія, побуждаемая любовью, рѣшилась сопровождать супруга во всѣхъ опасностяхъ сей кампаніи, но Сенатъ сему воспротивился; въ отчаяніи истощала она всѣ щедроты на начальниковъ и офицеровъ гвардейскаго корпуса, для сохраненія и защищенія супруга ея. Въ началѣ мая Византійцы двинулись впередъ въ трехъ колоннахъ: первая подъ начальствомъ *Леона*, другая подъ командою *Аплакея*, предводителя войскъ Македонскихъ, и, наконецъ, самъ императоръ съ гвардіей и войсками изъ Анатольскихъ военныхъ поселеній (Themeta).

Послѣ разныхъ диверсій, дѣланныхъ безъ цѣли и безъ успѣха, наконецъ, 22 іюня, дано главное сраженіе подъ Адріанополемъ; Греки побиты на голову; король, завладѣвъ лагеремъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ; императоръ, поспѣшно возвратившись въ столицу, въ отчаяніи сложилъ съ себя корону, которую Цареградцы, 11-го іюля, возложили на, прибывшаго въ слѣдъ за нимъ, генерала Леона, называемаго Армянскимъ.

Король предоставивъ продолженіе осады Адріанополя брату своему, съ большею частію Болгарскихъ войскъ спѣшилъ къ осадѣ столицы. Ужасъ объялъ гражданъ; большая часть ихъ семействъ поспѣшно переправлена въ Анатолію, и безоружная, изнѣженная знать бѣжала во свояси. Новый Императоръ издалъ прокламацію, въ коей вызывалъ всѣхъ гражданъ къ принятію оружія. Король, окруживъ городъ на сушѣ, не могъ сдѣлать ничего: ибо, къ несчастію, не доставало ему нужнаго количества стѣнобитныхъ орудій и значительнаго флота, который бы могъ пересѣчь сообщенія города съ Азіею. Множество Греческихъ ботовъ

находилось въ каналѣ, чрезъ который перевозили день и ночь въ Азію женъ и дѣтей, а оттуда подоспѣвающіе ежечасно батальоны. Кромѣ сего императоръ явилъ въ себѣ храбраго и опытнаго воина, и мудраго военачальника въ распредѣленіи войскъ къ защитѣ стѣнъ, башень и воротъ.

Сіи и другія обстоятельства дали чувствовать Болгарамъ, что они въ началѣ осады напрасно дѣлали жертвоприношенія Перуну, Яровиду и Даждбогу. Впрочемъ, императоръ не могъ отогнать ихъ силою оружія, и старался избавиться отъ нихъ заключеніемъ мира, испрашиваемаго имъ у Короля. *Каранъ*, лишившись надежды взять городъ, допустилъ склонить себя къ переговорамъ. Мѣсто и время свиданія назначены въ предмѣстьѣ столицы; король, сопровождаемый небольшею свитою, явился верхомъ въ назначенное мѣсто, но попалъ въ сѣти: 2000 солдатъ, расположенныхъ въ засаду между домами, по данному сигналу, тотчасъ бросились во всю прыть на сошедшаго съ лошади короля и на его свиту. Каранъ, видя внезапную опасность, бросился на лошадь, сопровождаемый стрѣлами ускользнулъ отъ очевидной погибели и, вмѣсто изрубленной свиты, въ лагерь принесъ на себѣ нѣсколько легкихъ ранъ.

Сія низость Грековъ возбудила справедливую ярость въ войскахъ Болгарскихъ, обожавшихъ своего монарха-героя; движимыя местью, разграбили они до чиста и разорили оставленныя ими до сихъ поръ въ цѣлости окрестности столицы: верфи, загородный дворецъ императоровъ, величественныя зданія вельможъ, обильные сады разрушены; статуи и все движимое увезено; города *Селиврія*, *Ираклея*, *Даонъ*, *Аѳира*, *Родосто* разорены. Между тѣмъ и Адріанополь, важнѣйшій послѣ столицы городъ Имперіи, сдался побѣдителямъ. Король на зиму отправился въ Болгарію, куда послѣдовало за нимъ множество плѣнныхъ Болгаръ-Христіанъ; такимъ образомъ хотѣлъ онъ вознаградить ущербъ въ цѣлости народа и усилить отечество возвышеніемъ населенности.

Подвинувъ столь высоко перевѣсъ Болгарскаго оружія надъ Греческимъ, Каранъ и среди стука борьбы старался о внутреннемъ процвѣтаніи своего отечества: Болгарамъ-Христианамъ назначены поселенія посреди жителей королевства, въ коемъ они исправили земледѣліе и винодѣліе, распространили искусства, рукодѣлія и художества, перенятыя ими у Грековъ, и заботливый Король не преминулъ выписать и нѣсколько Арабовъ для обученія Болгаръ не только кораблестроенію и изготовленію осадныхъ орудій, но и дѣланію всякаго рода машинъ, нужныхъ въ хозяйственномъ быту. Не менѣе занимала его и народная торговля; успѣхи его оружія подавали ему поводъ къ предпріятіямъ еще важнѣйшимъ: подобно Константину Великому, или Петру Великому, возъимѣрился онъ перенесть столицу изъ Переяславля въ какой либо приморской городъ; посему Дворъ свой перенесъ въ Анхіалъ, славившійся своею гаванью и верфью.

Межь тѣмъ война продолжалась: Болгаре, пріостановленные стѣнами Цареграда (814), продолжали распоряжаться по своему въ завоеванныхъ ими Ѳракіи и Македоніи, то есть, переселяли въ Болгарію находящихся въ этихъ областяхъ издавна своихъ единоплеменниковъ, коихъ въ одинъ только разъ выведено 50,000 душъ, защищались противъ предпріятій Леона, и между тѣмъ взяли еще нѣкоторыя мѣста, между коими и *Аркадіополь*.

При толикой потерѣ, Византійцы принуждены были прибѣгнуть къ напряженію всѣхъ силъ своихъ. Армія Анатольская уже готова была къ походу; мысль о важности потерянныхъ приморскихъ городовъ поддерживала въ нихъ желаніе отмстить непріятелямъ: посему отправили значительную экспедицію моремъ и сушею противъ Анхіала, при которомъ удалось имъ изрубить корпусъ Болгаръ и вывесть не малое число плѣнныхъ. По видимому, при семъ случаѣ плѣнена ими и малолѣтняя княжна, дочь короля.

Наконецъ Каранъ, чтобы довершить месть свою взятіемъ Константинополя, сталъ собирать многочисленное войско; во всю наступившую зиму дѣлались приготовленія (815). Уже

армія его находилась въ дорогѣ, и 5,000 возовъ, нагруженныхъ стѣнобитными орудіями и машинами, подъ ударами коихъ долженствовали развалиться стѣны Цареграда, двинулись въ слѣдъ за нею съ мѣста, какъ король занемогъ и внезапно скончался, 13 апрѣля, къ неописанной скорби Болгаръ и радости Византійцевъ, оставивъ двухъ сыновей, *Владиміра* и *Бориса*; а на престолъ Болгаріи возсѣлъ братъ его

МУДРАКЪ. Узнавъ о семъ происшествіи, императоръ чтобы отвратить наступающую грозу, обратился тотчасъ къ новому тихонравному повелителю Болгаръ съ предложеніемъ мира. Король, коему недоставало охоты подвергаться опасностямъ, сопряженнымъ съ военными дѣйствіями, далъ себя уговорить къ оному, и миръ дѣйствительно заключенъ между обоими Государствами на 30 лѣтъ.

Сей миръ съ Имперіей строго наблюдалъ Мудракъ, и даже въ послѣдствіи выслалъ армію во Ѳракію (824) на помощь императору, *Михаилу Балбу*, противъ возникшаго противъ него возмущенія, и сія армія, разсѣявъ толпы мятежниковъ и утвердивъ императора на престолѣ, со славою возвратились въ отечество.

Въ сіе время Болгарія, послѣ раздѣленія Франкской Монархіи, была однимъ изъ первостепенныхъ государствъ Европы; въ пространство ея владычества входили лежащія вокругъ ея области, въ послѣдствіи сдѣлавшіяся извѣстными подъ именемъ Валахіи, Венгріи, Сербіи, Босніи, Кроаціи, Славоніи; а по силѣ послѣдняго мира съ Греками, въ Имперіи остались за Болгаріею область *Берегова* и *Загорское* княжество.

Невластолюбивый преемникъ великаго Карана довольствовался мирнымъ управленіемъ доставшеюся ему монархіею, и, вмѣсто военныхъ предпріятій, умствованіемъ и волхвованіемъ, къ чему подавали ему обильную пищу народные предразсудки и идолопоклонство, которое нашло въ немъ сильнаго защитника и ревнителя. Каранъ, разъяренный противъ Христіанъ поступкомъ Византійцевъ, при военныхъ занятіяхъ, не могъ исполнить своего намѣренія, заставить выведенныхъ изъ Имперіи Болгаръ-Христіанъ принять опять идолопоклонство, и, постигнутый внезапною смер-

тію. предоставилъ сіе дѣло брату своему, коего народъ, за привязанность къ язычеству и за толкованіе его таинъ, назвалъ *Мудраномъ* или *Мудракомъ*.

Множество переселенныхъ Христіанъ испыталo въ немъ настоящаго Діоклетіана: и здѣсь лилась кровь за ученіе Христово, и сія страна имѣла своихъ мучениковъ, изъ коихъ преимущественно замѣчательны епископъ *Манунлъ* съ своими родственниками и друзьями.

Сверхъ сихъ внутреннихъ обстоятельствъ, Болгарія принуждена была войти въ сношенія съ Франками. *Лудовикъ Благочестивый*, сынъ Карла Великаго, ревностный распространитель Христіанства, владѣя Украйною, сообразно интересу папъ, обратилъ виды свои и на Словенъ пограничныхъ, живущихъ подъ властію Болгаръ, и на самихъ Кроатовъ. Въ слѣдствіе сего произошелъ споръ о границахъ между владѣніями обѣихъ державъ. Представленія и посольства Болгаръ къ Императору были безуспѣшны, и дѣло дошло до оружія. Болгаре заняли спорныя области (между рѣками Дравою и Савою (827) и нынѣшнюю Кроацію), и поставили въ нихъ свои начальства и гарнизоны. Vid. annal. Eginhard ad. ann. 827.

Сіи области остались за Болгаріей, какъ прежде ей принадлежавшія, не смотря на небольшія нападенія Франкскихъ пограничныхъ начальниковъ; и въ слѣдующіе два года (829) Болгаре опустошали сосѣднія ихъ области огнемъ и мечемъ. Vid. annal. Fuldenses ad. ann. 819, apud Bouquet. Tom. VI. pag. 209. Engel's Geschichte des alten Pannoniens. pag 280, in not.

Значительные успѣхи въ распространеніи Христіанской Религіи, сдѣланые Карломъ В., были только началомъ того всеобщаго преобразованія народовъ силою сей религіи, которое въ послѣдствіи обняло всю Европу. Но такъ какъ они были начаты силою оружія, то на нѣсколько времени пріостановлены были кончиною сего героя.

Словене въ Крайнѣ и Сѣверной Италіи были Христіанами уже издавна и принадлежали къ Медіоланской (Миланской)

епархіи; въ послѣдствіи же учреждено было для нихъ епископство въ Лавреакѣ (Laureacum) или Лархѣ, послѣ перенесенное въ *Пассавъ*, и Франки нашли ихъ уже Христіанами или, если находились между ними еще язычники, довершили ихъ обращеніе.

Однако, Паннонскіе или Блатенскіе *Словене*, *Кроаты* и *Сербы*, принадлежавшіе Болгаріи, были еще язычниками. И такъ до сего времени изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, Славянскихъ народовъ, были Христіанами: 1-е *Болгаре*, живущіе во Ѳракіи, а преимущественно въ Македоніи; 2-е *Словене*, отчасти въ Сѣверной Италіи, а отчасти въ Украйнѣ; первые были подвластны Грекамъ, а послѣдніе — господствовавшимъ попеременно въ Италіи Христіанскимъ властямъ. Первые принадлежали къ Патріаршеству Константинопольскому; по правиламъ Восточной Церкви, они могли молиться Богу, читать изложенія истинъ Христіанской Вѣры и слушать Божественную Литургію на своемъ языкѣ; между тѣмъ какъ послѣдніе должны были довольствоваться обветшалымъ и непонятнымъ языкомъ Латиновъ.

И такъ ученіе Христово сперва принято было Славянами, *подданными Христіанскихъ властей*; у нихъ-то оно въ продолженіе нѣкотораго времени и процвѣтало; но не тотчасъ могло быть привито прочимъ Славянскимъ народамъ, независимымъ и составлявшимъ особыя Государства; и много протекло лѣтъ, пока, наконецъ, разныя обстоятельства приготовили ихъ къ принятію сей новой Религіи.

Карлъ Великій, принимая корону императоскую изъ рукъ папы, присягнулъ распространять ученіе Христово; но сіе распространеніе не проходило далѣе конца меча его въ Болгаріи и Саксоніи, въ коихъ довершилъ онъ совершенное обращеніе Нѣмцевъ.

Сіе обращеніе пріостановилось на предѣлахъ его завоеваній, на границахъ или длинной линіи Славянскихъ Государствъ. Самое Сѣверное изъ нихъ было: 1-е царство *Вандальское*, или Балтійской Славоніи, къ западу простирав-

шееся до рѣки Везера; 2-е, *Сорабія* или *Сорбія*, къ югу отъ Вандаловъ: это нынѣшняя Саксонія, которая по рѣкѣ Салѣ простиралась до Тюрингіи; далѣе: 3-е, *Чехи* и *Великая Моравія*, которая къ югу граничила съ Дунаемъ и Болгарскими владѣніями въ Венгріи, и наконецъ 4-е, *Болгарія*.

Вотъ Славянскія языческія Государства, граничившія съ огромной державою (Христіанскою) Франковъ. Прочее къ востоку занимали Поляки и Россы. Нѣмцы потеряли свое политическое существованіе и ожили только 100 лѣтъ спустя. Обращеніе сильныхъ и независимыхъ Славянскихъ народовъ было тогда едва ли возможно. Карлъ Великій испытывалъ свое оружіе по всей выше означенной линіи, начиная съ Балтійскаго до Адріатическаго моря, но безъ важныхъ успѣховъ, ибо на сѣверѣ добился только до рѣки Лабы (Эльбы), на коей построилъ крѣпостцу Гамбургъ, начало нынѣшняго Гамбурга. Цвѣтущее состояніе тогдашней Балтійской Славоніи противопоставляло ему сильное сопротивленіе. Кажется, однако, что часть Славянъ-Вандаловъ, жившихъ за Эльбою, а наипаче въ Ганноверѣ, испытала участь, постигшую Нѣмцевъ. На Югѣ мы видѣли его съ Болгарами. Смерть (814) прекратила его дальнѣйшія предпріятія въ пользу пропаганды.

Сынъ его, Лудовикъ, наслѣдовавшій страны, прилежащія къ Славянскимъ, отличился болѣе набожностію, чѣмъ храбростію, и обильная богами и народными увеселеніями, Славянская Миѳологія, питавшая и восхищавшая воображеніе и покровительствовавшая страстямъ, не могла быть унижена въ глазахъ народа предъ тѣмъ Божественнымъ Ученіемъ, которое предписывало посты и обуздывало страсти, особенно когда присоединялась къ этому мысль о податяхъ, которыя нужно было платить папамъ. Вообще, дѣло съ Славянами, а наипаче съ Балтійскими, Воллинскими и Винетскими республиканцами, которые, среди своихъ городовъ, соперничали въ тонкости общежитія съ гражданами Рима или Царяграда, было не то, что съ Саксонцами, жившими въ дымныхъ колибахъ *.

---

* Хижинахъ.

И такъ въ обращеніи Славянъ были большія затрудненія. Однако же обращены. Да: съ двухъ сторонъ возсіялъ имъ свѣтъ Евангелія и на двое распался міръ Славянскихъ племенъ; одни отошли къ Царюграду, а другіе къ Риму; одни послѣдовали *Болгарамъ*, а другіе *Словенамъ* подъ сладкое иго ученія Христова; но съ какою противоположною охотою!!

Еще ни кто не означилъ вѣрныхъ чертъ, до коихъ простираются заслуги обѣихъ Церквей въ обращеніи Славянскаго міра. Споры, касательно крещенія Венгровъ, Моравянъ и Чеховъ еще не кончены. Дѣло сіе предлагаетъ прекрасный подвигъ историку-изыскателю. Оставляя сіе, какъ непринадлежащее къ исторіи Болгаріи, скажемъ только, что обѣ Церкви шествовали противуположнымъ путемъ въ дѣлѣ Апостольскомъ.

Послѣ прекращенія царствующаго Франкскаго Дома Каролинговъ, возвращеніе независимости и возрожденіе Нѣмечины не стоило ни грома, ни капли крови сынамъ ея. Этого мало: они наслѣдовали отъ Франковъ не только завоеванныя Славянскія области по ту сторону Эльбы, но и заслуженное Франками достоинство Императорское; кромѣ сего Франки пріучили ихъ къ строевой службѣ и къ лучшей гражданственности.

Получившая свою политическую независимость, Нѣмечина сдѣлалась, однако, зависимою отъ папъ, и служила оруді-емъ пропаганды въ ея интересахъ; мѣсто Франковъ въ Германіи заступила образовавшаяся Нѣмецкая Имперія.

Между тѣмъ Римская Консисторія не теряла охоты обратить Славянскія Государства; не умѣя владѣтъ языкомъ, надобно было схватиться за мечъ, чтобы заставить жителей *Лабы* и *Оддоры* повѣрить тому, что говорили имъ Римскіе и Нѣмецкіе монахи изломаннымъ Славянскимъ языкомъ объ истинѣ Христіанской Религіи и о достоинствахъ папы.

Нѣмцы, съ своей стороны, щелкали зубами, смотря на Балтійскую Славонію, изобилующую дарами природы, сокровищами всего Сѣвера, стройнымъ, красивымъ народомъ и богатыми городами. Коротко: дѣло Апостольства у Герман-

скихъ Славянъ предоставлено имъ; двинулись Крестовые походы противъ Эльбы. Борьба между Нѣмцами и Славянами въ Германіи была продолжительная; ни какой народъ въ мірѣ не принималъ Христіанской Релгіи такъ тяжко, такъ медленно, какъ Балтійскіе Славяне. Въ продолженіе IX, X, XI и XII столѣтій защищалисъ они съ отчаянностію. Наконецъ, Нѣмцы, въ послѣдній разъ перешедъ Эльбу, заняли Украйну, Сербію и нѣкоторыя другія области, и истребивъ жителей сей страны, какъ говоритъ Шлецеръ, до корня, ввели въ развалины ея Христіанскую Религію не иначе, какъ вмѣстѣ съ Нѣмецкими колоніями.

Когда Балтійцы и Сербы приняли Христіанскую Вѣру, прочіе Славянскіе народы давно уже были Христіанами; а сіе потому, что между тѣмъ, какъ Западная Церковь употребляла мечь и лила кровь, Восточная, своею кротостію и терпимостью, силою слова Божія, а не оружія, покорила сильныхъ государей и подымала на нихъ руки только для благословенія. Примѣру монарха Болгаріи послѣдовали князья Словенъ Паннонскихъ, господари Моравіи и Чеховъ, а послѣ нихъ, въ одно почти время, *Стефанъ*, Король Венгерскій, и Владиміръ Великій Россійскій.

Все, что сказано здѣсь вкратцѣ объ обращеніи Славянскихъ народовъ вообще, упомянуто для того, чтобы обратить полное вниманіе на заслуги обѣихъ Церквей въ столь спасительномъ для народовъ подвигѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Церковь Восточная въ короткое и мирное время вдвое или втрое болѣе успѣла противъ Западной. Сіе должно имѣть свои причины; впрочемъ, нельзя допустить, чтобы только кротость, терпимость, краснорѣчіе Восточной Церкви могли быть причиною ея успѣховъ; ибо нельзя вообразить, чтобы симъ однимъ иноплеменные и царствующіе народы были убѣждены вдругъ рѣшиться добровольно къ толикой перемѣнѣ нравственнаго ихъ бытія, не бывъ къ тому предуготовлены прежде другими причинами, другими обстоятельствами.

Постепенному обращенію не только Славянскихъ племенъ, но и Волошскаго и Мадярскаго, предшествовало крещеніе Болгаріи, которое повлекло за собою крещеніе Сербовъ, Кроатовъ, Паннонскихъ Словенъ, Волоховъ, Моравянъ, Чеховъ, Мадяровъ и Россіянъ. Сіи народы, отдѣляемые Болгарскою Монархіею отъ Византійской Имперіи, слишкомъ мало знали Грековъ для того, чтобы принять ихъ Вѣроисповѣданіе, и нельзя повѣрить, чтобы Христіане сіи прежде и бо́льшее сдѣлали впечатлѣніе на отдаленныхъ, на примѣръ, Мадяровъ, или Россіянъ, нежели на тѣсныхъ ихъ сосѣдей, Болгаръ, и чтобы Христіанство сперва началось вдали отъ Христіанъ, посреди язычниковъ, и обратнымъ путемъ распространялось до предѣловъ той Державы, откуда оно занесено.

И такъ дѣйствію Христіанской Греческой Державы подвержена была Болгарія, которая, въ свою очередь, будучи Христіанскою, дѣйствовала на народы сосѣдственные, и свѣтило истинной Вѣры принималось постепенно въ направленіи къ Сѣверу: дѣйствительность сего естественнаго порядка показываетъ исторія.

По сему обращеніе упомячутыхъ племенъ было слѣдствіемъ предшествовавшаго крещенія Болгарскаго народа. Великое событіе, великое дѣяніе имѣло свою побудительную причину, и при стеченіи новыхъ обстоятельствъ было опять причиною другихъ событій; ибо естественно, что новыя событія произраждали новыя обстоятельства, а по сему и новыя причины, и такъ безпрестанно далѣе. Сей длинный рядъ причинъ проложилъ дорогу тому происшествію, о которомъ здѣсь дѣло идетъ, и которое составляетъ важнѣйшую эпоху въ исторіи каждаго Христіанскаго народа.

Всѣ сіи причины и событія представляютъ историческую картину обращенія народовъ. Отсюда явствуетъ:

1-е. Сколь недостаточенъ для начертанія вѣрной исторической картины такой источникъ, въ которомъ только сказано: въ такое-то лѣто крестился такой-то царь, или князь, или народъ, и тому подобное. Это есть только послѣдующій актъ, послѣдующая черта обращенія.

2-е. Поелику большая часть обстоятельствъ, приготовлявшихъ, на примѣръ, Россію къ принятію Христіанства, проистекала извнѣ, то, для полноты исторіи обращенія Россіянъ, необходимо знать и тѣ источники, подъ вліяніемъ коихъ совершалось сіе событіе, т. е., надобно знать обращеніе Болгаріи, отъ коей весьма, весьма много перешло къ Сербамъ, Волохамъ, Венграмъ и Россіянамъ.

Но возвратимся къ *Мудраку* и къ началу Христіанства у Болгаръ. Мѣры, предпринятыя симъ Монархомъ возвратить идолопоклонству Болгаръ-переселенцевъ посредствомъ строгости, страха, угнетенія и гоненія, противудѣйствовали его цѣли; ибо *мухъ не наловишь уксусомъ*, и — *чѣмъ болѣе кого раздражаешь, тѣмъ болѣе усиливаешь его упрямство*, да и страхъ геенны былъ сильнѣе, чѣмъ угрозъ его. Все сіе хорошо чувствовалъ Тертулліанъ, когда сказалъ: *Sanguis martyrum semen est Christianorum.*

Въ Константинополѣ, однако, принимали живѣйшее участіе въ положеніи Христіанъ въ Болгаріи, и король не политикъ возбудилъ охоту во многихъ бѣжать обратно въ предѣлы имперіи. Но духъ Болгарскаго Правительства вскорѣ совсѣмъ перемѣнился, когда возшелъ на престолъ кроткій, добрый, благосклонный

ВЛАДИМІРЪ. Заключенный его предшественникомъ тридцатилѣтній миръ съ Византійцами, онъ подтвердилъ торжественно, при чемъ согласился и на требованіе императора Ѳеофила, возвратить извѣстное количество плѣнныхъ Болгаръ, переселенныхъ еще Караномъ изъ Македоніи въ Валахію, о возвращеніи коихъ доселѣ напрасно ходатайствовало Греческое Правительство. Сему поступку Владиміра воспротивились послѣдователи системы Карана и Мудрака, наполнявшіе Государственный Совѣтъ, и освобожденіе сихъ Македонцевъ отлагаемо было со дня на день.

Не много спустя король предпринялъ путешествіе въ Имперію; осмотрѣвъ нѣкоторые города Македоніи, наконецъ, отправился въ Ѳессалонику. Сія страна преимущественно была населена Болгарами, которые составляли и въ Ѳесса-

лоникѣ важную часть гражданъ. Будучи Христіанами и подданными, они служили Имперіи, и пользовались преимуществами и правами на равнѣ съ Греками; многіе изъ среды ихъ не только дослуживались до среднихъ чиновъ, но и достигали до первѣйшихъ достоинствъ въ Государствѣ: и Болгаре не безъ удовольствія считали своихъ единоплеменниковъ то въ генералитетѣ, то между сенаторами, то между патриціями Имперіи; и даже, какъ увидимъ ниже, одна Болгарская фамилія, вступивъ на престолъ, въ продолженіе 162 лѣтъ, поддержала увядавшія силы Имперіи, и дала ей правителей, коими столько гордится Византійская исторія.

Неизвѣстно, по какому поводу предпринялъ король сіе путешествіе въ Имперію; по крайней мѣрѣ оно подѣйствовало на него пріятнымъ для Христіанства образомъ. По видимому онъ имѣлъ гдѣ нибудь свиданіе съ императоромъ, при чемъ и было испрошено возвращеніе Болгаръ изъ Валахіи въ Македонію. Пребываніе его въ Ѳессалоникѣ, въ продолженіе котораго онъ могъ, и долженъ былъ, хотя бы и невольно, познакомиться съ истинами Религіи, исповѣдуемой его единоплеменниками по всей Македоніи, могло измѣнить образъ его мыслей касательно баснословнаго божества *Перуна*, *Позвизда* и другихъ боговъ.

Еще въ его отсутствіе изъ Болгаріи прибылъ, кажется, по договору, Греческій флотъ въ устье Дуная, для принятія, съ береговъ Валахіи, 12,000 Болгаръ Македонскихъ. Болгарскіе пограничные воеводы противились сей переправѣ, по крайней мѣрѣ до прибытія короля; однако, Македонцамъ удалось, наконецъ, вскочить на корабли и отправиться въ Константинополь, а оттуда въ прежніе свои жилища въ Македоніи.

Нѣкоторые изъ нихъ остались въ столицѣ; изъ числа ихъ одинъ молодой человѣкъ, именемъ Василій, вступившій въ службу при одномъ сенаторѣ и достигшій важнѣйшей должности при Дворѣ, наконецъ, въ 867 году, возшелъ на престолъ Имперіи, и извѣстенъ подъ именемъ *Василія Македонскаго*. Сыновья его, *Леонъ Философъ*, *Александръ*, *внукъ*

Константинъ Багрянородный, прочіе потомки: *Романъ II*, *Василій II* и *Константинъ* царствовали со славою. Это была вторая Славянская династія, изъ коей Имперія имѣла лучшихъ своихъ Государей.

Между тѣмъ слѣдствіе путешествія короля еще сильнѣе обнаружилось послѣ его возвращенія въ Болгарію, въ которой онъ обнародовалъ всеобщую терпимость. Сія благосклонность къ Христіанамъ надѣлала ему не мало недоброхотовъ, тѣмъ паче, что нѣкоторые подозрѣвали, будто онъ тайно Христіанинъ. Впрочемъ, можетъ и то статься, что онъ дѣйствительно, во время своею путешествія, крестился тайно, но еще lis penes judicem.

Остальное время царствованія Владиміра было спокойно, или, по крайнѣй мѣрѣ, мы не имѣемъ источниковъ, въ коихъ видѣли бы картину тѣхъ событій, которыя происходили внутри Болгаріи и при Дворѣ короля. Дружественное отношеніе между нимъ и императоромъ было однимъ изъ главныхъ условій, приготовлявшихъ подрывъ подъ господствующее Вѣроисповѣданіе Болгаріи. Человѣколюбіе и терпимость Владиміра обезоружили тираническую власть язычества; они дали высокій перевѣсъ его господству, и тѣмъ самымъ возвысилось положеніе Христіанъ, и быть Христіаниномъ уже не означало болѣе преступника. Преемникъ Владиміра,

Борисъ, не отступалъ отъ правилъ своего предшественника. Между тѣмъ императоръ Ѳеофилъ (842 года) скончался, оставивъ опеку Имперіи и малолѣтнаго сына сво его, Михаила, супругѣ, императрицѣ Ѳеодорѣ. Вскорѣ (въ 845 году) тридцатилѣтній миръ приблизился къ концу. Борисъ, видя жезлъ Имперіи въ рукахъ женщины, по истеченіи срока перемирія, обратился къ императрицѣ съ нѣкоторыми требованіями и вмѣстѣ, для устрашенія ея, приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ.

Историки повторяютъ дилемму, которою будто отвѣчала императрица на угрозы короля: «Если побѣдишь меня, то мало заслужишь славы побѣжденіемъ женщины; если же мною побѣжденъ будешь, тѣмъ бо́льшій наслѣдуешь стыдъ.» Какъ

бы то ни было, но дѣло не дошло до войны; переговоры шли успѣшно, и продолженіе мира съ обѣихъ сторонъ подтверждено.

Между прочими условіями сего трактата преимущественно были: 1-е, Возвращеніе Княжны, сестры Борисовой, которая, какъ мы видѣли выше, въ царствованіе Карана была плѣнена и воспитана при Дворѣ Императорскомъ въ правилахъ Христіанской Вѣры; а Борисъ, съ своей стороны, долженъ былъ отпустить знаменитаго монаха, *Ѳеодора Кифару*. 2-е, Уступка Болгаріи одной областцы, прилежащей къ Княжеству *Загорскому*.

Угнетаемая со всѣхъ сторонъ, а наипаче Сарацинами и Болгарами, Восточная Имперія должна была принять сильныя мѣры къ удержанію или, отвращенію ихъ воинственныхъ сосѣдей. Правители ея не могли избавиться отъ нихъ борьбою, надѣялись, по крайней мѣрѣ, усмирить ихъ кроткимъ ученіемъ Церкви.

Въ прошедшія военныя времена и думать нельзя было объ обращеніи Болгаръ, за исключеніемъ подданныхъ Имперіи, коихъ самыя сношенія ихъ съ Греками гораздо ранѣе побудили присоединиться къ стаду Христову. Надобно было ожидать благопріятнаго времени и случая. Не уже ли созданныя воображеніемъ и поддерживаемыя суевѣріемъ и заблужденіемъ ума, божества, рано или поздно не должны были обрушиться и при возсіяніи истины исчезнуть подобно привидѣніямъ? Не уже ли просвѣтившійся, наконецъ, народъ не долженъ былъ отступить отъ *Перуна*, который не обѣщалъ ни награжденія за добродѣтели, ни будущей блаженной жизни, сей высшей цѣли нашего земнаго бытія, — и обратиться къ истинному, всемогущему, вѣчно доброму Богу, подателю всѣхъ благъ? Для сего обращенія благопріятный поводъ, ускорившій оное, заключался въ трактатѣ Короля съ Императрицею, по силѣ коего Борисъ подтвердилъ терпимость, введенную его предшественникомъ; но преимущественно возвращеніе въ Болгарію сестры его.

Не уже ли Византійцы рѣшились бы не воспользоваться симъ особенно благопріятнымъ случаемъ? Весьма благочестивая

Императрица, безусыпно трудившаяся надъ обращеніемъ еретиковъ къ Православію внури Имперіи, безъ сомнѣнія, не упустила изъ виду сего обстоятельства. Она имѣла въ рукахъ весьма сильное орудіе—Болгарскую Царевну; и могъ ли подумать добрый Борисъ, что, послѣ возобновленія мирнаго трактата съ Византійцами, въ Царѣградѣ двѣ высокія царственныя особы заключили между собою договоръ, чтобы его переувѣрить, что у Перуна нѣтъ ни глазъ, ни ушей, ни бороды, и даже что онъ никогда не существовалъ? Можетъ быть, впрочемъ, что откровеніе сихъ истинъ сдѣлано было Борису какимъ либо случаемъ еще прежде, а именно, во время его княжества, какъ не безъ причины можно подозрѣвать изъ поступковъ Владиміра, коему, по видимому, какъ и наслѣднику его, не преминули открыть глаза ревностные къ Христіанству его други и сосѣди, Дворъ Цареградскій и Людовикъ Благочестивый.

Впрочемъ, Борисъ отнюдь не сердился на Христіанъ, что докажется въ послѣдствіи, и охотно пригласилъ сестру-Христіанку къ своему Двору. Какія были на сей разъ тайныя его чувствованія, сказать нельзя; ибо современные о семъ не оставили намъ свѣдѣній, мы же слишкомъ поздо родились, чтобы могли отдать отчетъ въ его душевныхъ расположеніяхъ. По крайней мѣрѣ уничтожить господствующую, отечественную Вѣру, было дѣло не легкое. Однако, какъ бы то ни было, Царевна, уѣзжая изъ Константинополя, конечно, получила для сей цѣли нужныя наставленія, и сверхъ того, взяла съ собою духовника-монаха, Ѳессалоникскаго урожденца, *Меѳодія*.

Ея пребываніе при Дворѣ своего брата есть самое любопытное и важное мѣсто въ исторіи обращенія Болгарскаго народа; оно есть сильнѣйшее явленіе, ускорившее переломъ въ недугѣ ума народнаго, и бывшее поводомъ къ новому и прочному его перерожденію. Но что дѣлала, какъ доказывала, какъ поступала Княжна во внутренностяхъ Двора Переяславскаго, не знаемъ. Не смотря на сіе, нельзя не признать, что Княжна была главною пружиною обращенія Болгаріи, и сія честь не диво; ибо знаемъ, что и въ Вен-

гріи, Польшѣ, Литвѣ, Россіи, Англіи, первые, обратившіеся въ Христіанскую Вѣру, были женщины.

Не умѣя исчислить поименно всѣ подробности постепеннаго приготовленія Болгаріи къ перемѣнѣ Вѣры, мы не станемъ прибѣгать къ одному, или двумъ анекдотамъ, сохранившимся у Византійцевъ и принятымъ въ послѣдствіи инородными писателями за побудительныя причины крещенія Болгаріи; ибо изъ всего вышесказаннаго видно, что они недостаточны для того, чтобы могли одни произвести вдругъ то, что не могло быть иначе произведено, какъ долговременнымъ дѣйствіемъ многихъ обстоятельствъ.

Первый изъ этихъ анекдотовъ есть о живописи Меѳодія. «Поелику Меѳодій былъ искусный живописецъ», говоритъ г Енгель (Allgemeine Weltgeschichte XLIX Theil. pag. 332), «то Борисъ поручилъ ему росписать покои своего загороднаго дома. Предметъ картинъ предоставилъ на произволъ самому живописцу, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ изобразилъ что либо *весьма страшное*. Меѳодій представилъ изображеніе *Страшнаго суда*, которое увидѣвъ, Борисъ такъ испугался, что тотчасъ рѣшился выучиться тайно у Меѳодія Христіанской Религіи, и креститься, приявъ имя Михаила.»

Второй анекдотъ находится у Нестора (по Кенегсберг. списку стр. 15): «*Въ лѣто 6366* (858 года) *Михаилъ Царь изыде съ вои своими брегомъ и моремъ на Болгары; Болгары же видѣвше не могоша стати противу ему, и просиша креститися и покоришася Грекомъ. Царь же Михаилъ крести Князя ихъ и Бояры вся, и миръ сотвори съ Болгары въ седьмое лѣто царства своего*».

Несправедливо: 1-е. Болгарія во все царствованіе Бориса находилась въ глубокомъ мирѣ съ Имперіей. Впрочемъ, сіе мѣсто пересажено въ Русскія лѣтописи (Несторомъ ли, или кѣмъ либо другимъ, еще не знаю) изъ *Симеона Логоѳета*, у коего одного оно находится; прочіе же Византійскіе писатели ничего не знаютъ о семъ предпріятіи Михаила. Одинъ Леонъ Грамматикъ упоминаетъ о нападеніи на нѣкоторые Имперскіе города Горской Болгарской разбойничей шайки; но это не была война, и притомъ здѣсь былъ

родъ нападенія со стороны Болгаріи, а не Михаила; да и случилось сіе въ царствованіе Императрицы Ѳеодоры, т. е., еще во время малолѣтства Михаила (Vid. Orient. ad ann. 845).

2-е. Несообразность сего мѣста въ лѣтосчисленіи: Михаилъ принялъ жезлъ правленія въ концѣ 855 или началѣ 856 года: то 858-й будетъ второй или третій годъ его царствованія, а Борисъ крестился только въ послѣдствіи.

3-е. *Симеонъ Логотетъ*, впрочемъ, удерживается отъ сказанія о покореніи Болгаріи и заставляетъ Михаила только грозить Болгарамъ издалека. Но если бы ни народъ, ни Дворъ не были склонны къ Христіанской Вѣрѣ, то ни какія въ мірѣ угрозы не могли бы ихъ принудить къ принятію оной; если же были склонны, то обращеніе должно было произойти и безъ войны: военное же нападеніе и всякая непріязненность не только что не ускорили бы обращенія народа, но еще уменьшили бы или даже уничтожили сію его склонность и замедлили бы обращеніе онаго на значительное время; ибо нравственное завоеваніе производится мѣрами, совсѣмъ противуположными образу политическаго завладѣнія.

Миръ, союзъ, дружба, доброжелательство, благосклонность, кротость, безкорыстіе — вотъ пути, коими Восточная Церковь дѣлала свои обширныя завоеванія, въ чемъ и успѣвала, потому что, предлагая народамъ легкое и спасительное иго Христа, никогда не посягала на ихъ гражданскую независимость. Внутреннее ихъ убѣжденіе одно было вѣнчательнымъ условіемъ ея желаній, условіемъ, sine qua non.

4-е. Михаилъ былъ слишкомъ развратенъ, чтобы могъ заботиться о приращеніяхъ Церкви. Кони, охота, циркъ, красавицы, стаканы — вотъ поприще его завоеваній; жезлъ правленія держалъ дядя его, Цесарь Варда. Несчастная война съ Сарацинами, и внутренніе споры и безпокойства не позволяли и думать о войнѣ съ Болгаріей. Леонъ Грамматикъ, философъ и писатель, одинъ изъ первыхъ приближенныхъ Варды, бывшій въ сіе время директоромъ учебныхъ заведеній въ Константинополѣ, глубоко молчитъ о приготовле-

ніяхъ противъ Болгаріи, и воспослѣдовавшее вскорѣ крещеніе Болгаріи явно показываетъ совершенно мирную тишину между обѣими державами.

Впрочемъ, что Борисъ крестился въ царствованіе Михаила, это дѣйствительно; почему же не прежде, почему еще не въ царствованіе Ѳеодоры? Въ отвѣтъ предоставляю разсудить каждому, какія затрудненія имѣли преобразователи народовъ: истребить народные предразсудки, кольми паче уничтожить народную религію — дѣло трудное! Посему легко можно вообразить препятствія, встрѣченныя Королемъ.

Между тѣмъ Борисъ велъ сношенія съ Королемъ Германскимъ, Людовикомъ, съ коимъ (845) заключилъ мирный трактатъ. Въ 852 возобновлены сіи сношенія, а въ слѣдующемъ году произошелъ разрывъ между обѣими державами и заключенъ Борисомъ союзъ съ Французскимъ Королемъ, Карломъ. Сіи сношенія были по дѣламъ пограничныхъ съ Германіей Болгарскихъ владѣній, и кончились возникшею, но скоро кончившеюся, войною. Наконецъ твердо рѣшился Борисъ ввести народъ свой въ число Христіанскихъ державъ, что вскорѣ и воспослѣдовало.

КРЕЩЕНІЕ БОЛГАРІИ.

Крещеніе Болгаріи началось крещеніемъ Двора; сдѣланы приготовленія къ великому обряду; Императоръ Михаилъ черезъ своего чрезвычайнаго посланника, заступалъ мѣсто крестнаго отца; священнодѣйствіе, вѣроятно, совершалъ, можетъ быть, съ помощію другихъ священниковъ, духовникъ Княжны, Меѳодій, и Борисъ, утвержденный въ началахъ истинной Вѣры, со всѣмъ своимъ домомъ и дворомъ торжественно отрекся отъ Перуна (863) и всѣхъ заблужденій древняго вѣрованія.

Король, въ знакъ искренняго своего дружелюбія, принялъ имя своего крестнаго отца, *Михаила*. Какъ былъ названъ старшій сынъ его *Бережанъ* (или Пружанъ), не извѣстно; но младшій его сынъ, Владиміръ, наречень *Симеономъ*.

Послѣ сего Король отправилъ нарочныхъ пословъ къ высокимъ своимъ союзникамъ: въ Константинополь, въ Гер-

манію, Францію, и даже въ Римъ, съ извѣстіемъ о семъ великомъ событіи, и вмѣстѣ издалъ манифестъ или указъ своимъ подданнымъ какъ въ Болгаріи, такъ и въ принадлежащихъ къ ней областяхъ, о введеніи публично Христіанской Вѣры.

Казалось бы, что здѣсь легко могла исполниться Латинская пословица:

Regis ad exemplum totus componitur orbis,

какъ она исполнилась при возникшей Реформаціи въ Сѣверныхъ государствахъ Европы; но не такъ было въ Болгаріи. Различіе обоихъ сихъ преобразованій было въ противуположномъ направленіи. Въ Реформаціи уничтожены посты, прекращено гласное исповѣданіе грѣховъ и проч., и народъ легко принялся за то, что легче. Напротивъ у Болгаръ, а наипаче у знати, царствовалъ старый вкусъ Азіятскій. Не легко было, не смотря на всѣ доказательства изъ Закона Божія, природы и здраваго разсудка, увѣрить сихъ здоровыхъ, дородныхъ и закоснѣлыхъ язычниковъ, что должно имѣть одну жену, коей надлежитъ возвратить права, равныя мужчинамъ. и сверхъ сего присягнуть на вѣчную супружескую вѣрность; не легко было вдругъ убѣдить ихъ, чтобы всякій приходилъ добровольно къ духовнымъ судьямъ обвинять самого себя въ своихъ преступленіяхъ, или, произвольно покинувъ страсти и власти, подвергся законамъ разнаго роду воздержанія, предписываемымъ новою Вѣрою.

Славянскіе химирическіе божки ничего подобнаго не требовали; рожденные плодовитымъ воображеніемъ, они покровительствовали страстямъ; будучи ограничены въ своей власти, они не наказывали преступленій вѣчными мученіями, и Болгаре весьма легко разсчитывались съ ними за совѣстные свои долги, т. е., зарѣзали и посвящали имъ барана, или быка, съ тѣмъ, однако, что одну половину (лучшую, сѣдомую) сами съѣдали съ жрецами, а послѣднюю (желудокъ, кишки, клѣтчатую плеву. кости, кожу, хвостъ и рога) въ честь ихъ сожигали на священныхъ огнищахъ.

(Въ Болгаріи, какъ и въ другихъ Славянскихъ языческихъ странахъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ были общенарод-

ныя капища, въ коихъ простой народъ отправлялъ свои богослужебные обряды. Богачи, вельможи и вообще знать тоже воздвигали въ своихъ помѣстьяхъ, садахъ, лугахъ, истуканов тѣхъ божествъ, коими кто особенно интересовался. Въ прошедшія войны и опустошенія Греціи, между прочею добычею, вывезено множество статуй изъ загородныхъ дворцовъ и садовъ Константинополя, изъ Мезембріи, Адріанополя, Аѳинъ и прочихъ городовъ въ Болгарію; и не диво, что изъ бычачьихъ или бараньихъ остатковъ возносился смердящій и несносный дымъ подъ носомъ мраморнаго Платона, Сократа, Демосѳена, Венеры и проч.).

И такъ весьма трудень былъ переходъ отъ мягкаго языческа къ Вѣрѣ, болѣе строгой, которая, налагая узду на страсти, лишала ихъ похотливой свободы, и напротивъ сіи самыя похоти и невѣжество были тѣ сильныя цѣпи, коими былъ прикованъ разумъ въ рабствѣ у страстей, язычества и суевѣрій.

Рѣшительный поступокъ Двора, при подобныхъ обстоятельствахъ, завлекъ его въ критическое положеніе, ибо образумить вдругъ цѣлый народъ было не возможно. Надобно было ожидать трагическихъ сценъ; слабая дѣятельность Короля могла бы уничтожить всѣ надежды Христіанства, и произвела бы пагубныя послѣдствія и для самаго Двора; необходимость заставляла принять тотчасъ строгія мѣры, чтобы предупредить, по крайней мѣрѣ, собраніе сильной грозы.

Не станемъ углубляться въ дальнѣйшія подробности и причины, побудившія народъ возстать противъ Короля; ибо сего, по неимѣнію источниковъ, сдѣлать не возможно прибавимъ только къ сказанному выше, что уже одна мысль: «государь не патріотъ», могла произвести въ народѣ сильное противъ него волненіе.

Революція приготовлялась во всемъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ стало происходить движеніе къ центру, чтобы потушить свѣтило истинной Вѣры въ стѣнахъ самаго дворца Въ самой столицѣ; гдѣ прежде всего и сильнѣе дѣйствовало повелѣніе Короля, прежде всего вспыхнуло возмуще-

ніе. Взбунтованныя знатью горожане и загородская чернь осадили дворецъ; чего хотѣли зачинщики сего возстанія и что дѣлалъ взбѣшенный народъ подъ стѣнами замка, знаетъ тотъ, кто былъ на ихъ совѣщаніяхъ и смотрѣлъ на толпы черни. Нечего было мѣшкать жителямъ дворца, и отряду Королевскихъ тѣлохранителей удалось рѣшительною вылазкою и изрубленіемъ главныхъ смѣльчаковъ прогнать мятежниковъ во свояси; при чемъ схвачено множество изъ знати, изъ коей казнено до 52 человѣкъ; другіе же, чтобы избѣгнуть наказанія, или снискать себѣ благоволеніе государя, приняли крещеніе.

Гораздо легче можно было привлечь подъ владычество Креста простолюдиновъ, которые и безъ того часто постились и едва могли содержать одну подругу, и сверхъ сего не худо заключали, что Государь лучше знаетъ, чему надо вѣрить, нежели бояре. За симъ воспослѣдовало, по повелѣнію Короля, разрушеніе кумировъ какъ въ столицѣ, такъ и въ окрестностяхъ оной. И дѣло тѣмъ кончено.

Нѣтъ. До сихъ поръ Крестъ водруженъ на стѣнахъ только столицы; надобно было распространить оный на всѣ города и области государства. Но вездѣ были препятствія, вездѣ возмущенія, и сія внутренняя религіозная война семь или восемь лѣтъ сряду продолжалась съ перемѣняющимся успѣхомъ, пока, наконецъ, въ 869, или 870 году Христіанство взяло совершенный перевѣсъ. Тутъ-то нужда въ учителяхъ, тутъ-то поприще для проповѣдниковъ, тутъ-то поле Апостольской жатвы!

Всѣ событія, всѣ сцены сей внутренней борьбы Болгаріи сокрыты отъ взоровъ нашихъ, да и то, что сказано выше о крещеніи Болгарскаго Двора, знаемъ только отъ Византійцевъ. Волненіе и споры въ Константинополѣ исключительно обратили на себя вниманіе немногихъ тогдашнихъ Греческихъ писателей. Подробности происшествій въ Болгаріи или не трогали ихъ вниманія, или не доходили до ихъ свѣдѣнія: по видимому, было и то и другое. Кромѣ того, сіи подробности, будучи совсѣмъ посторонними для Византійской Исторіи, не входили въ составъ ихъ за-

нятій, и вѣчныя интриги при Дворѣ, споръ Патріарховъ съ Папами, Соборъ, процессъ Фотія, Богословскіе споры, войны съ Сарацинами, трагедія Цесаря Варды, трагедія Имп. Михаила — сколько сильныхъ и обильныхъ предметовъ для ихъ вниманія!

Не смотря на сіе, писатели Византійскіе заслуживаютъ благодарность за то, что, по крайней мѣрѣ, упомянули о замѣчательномъ событіи для Христіанства въ Болгаріи, т. е., объ угнетеніи совершеномъ язычества и крещеніи народа. Несторъ сіе мѣсто замѣтилъ въ своей лѣтописи: «*Въ лѣто* 6375 — 6 — 7 (т. е., 867 — 8—9), *крещена бысть земля Болгарская*. Сіе мѣсто нѣкоторые писатели, между коими и Шлецеръ, называютъ, но неправильно, вторымъ крещеніемъ Болгаріи, но подлинно оно есть продолженіе начатаго Дворомъ Апостольскаго дѣла и означаетъ просто значительные успѣхи онаго. Что иностранные писатели, Греки и Русскій, два раза упомянули о крещеніи Болгаріи, значитъ, что они взяли двѣ главныя точки онаго, между коими, придерживаясь хронологическаго порядка, поставили событія отечественныя; но ни кто не станетъ сомнѣваться, что между тѣмъ безпрерывно продолжалось дѣло обращенія упомянутаго государства, ибо иначе оно не могло достичь своего совершенія, не смотря на то, равные ли, или неравные были каждый годъ успѣхи онаго.

Теперь рождается вопросъ: въ 869, или 870 году всѣ ли Болгаре дочиста были крещены? Не возможно повѣрить, чтобы послѣ сихъ годовъ сямъ и тамъ въ самой Болгаріи не находились еще послѣдователи идолопоклонства; кромѣ сего Болгаре имѣли обширныя владѣнія въ Валахіи, Венгріи, Сербіи, Славоніи, Далмаціи, Кроаціи, послѣ сего времени. На сіи годы смотрѣть можно не иначе, какъ на эпоху, въ которую Христіанская Вѣра, послѣ борьбы съ язычествомъ, сдѣлалась государственною, публичною, царствующею.

Не смотря на то, Болгарію въ сіе время еще нельзя назвать совершенно Христіанскою, хотя она и была крещена; ибо крестить народъ и вполнѣ обучить оный догматамъ Вѣры и обязанностямъ, предписываемымъ Церковью, суть

вещи различныя. Крестить легко; обучить нѣсколько учеников стоитъ труда и времени: что жъ цѣлый народъ? Какихъ именно трудовъ то и другое стоило Борису, Меѳодію и ихъ сподвижникамъ, неизвѣстно; но что многихъ, это несомнѣнно.

Вотъ что можно сказать съ достовѣрностію о крещеніи сего народа. Такъ какъ мы не знаемъ подробностей сего великаго дѣла, то оно естественно представляется намъ темнымъ: посему и послѣдствія онаго въ прочихъ областяхъ Восточной Европы темны. Какъ, при какихъ обстоятельствахъ, при какомъ вліяніи Православное Греческое вѣроисповѣданіе перешло въ Сербію, Иллирикъ, Валахію, Трансильванію, Венгрію и Богемію, недавно стали объяснять, но запутали все, и все остается по прежнему темнымъ. Не имѣемъ вѣрныхъ источниковъ, свидѣтелей, а которые имѣемъ, крайне недостаточны для справеливаго, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнаго рѣшенія. Изъ неясныхъ и противорѣчивыхъ свидѣтельствъ не возможно вывесть вѣрнаго слѣдствія, и дѣло останется до тѣхъ поръ подъ судомъ, пока не отъищутъ сказаній ближайшихъ по времени къ обращенію Болгаріи, или, по крайней мѣрѣ, пока не проникнутъ во взаимное вліяніе между Имперіей, Болгарскимъ государствомъ и выше означенными народами, пока не узнаютъ тѣхъ обстоятельствъ и причинъ, которыя служили Хритіанской Религіи, такъ сказать, мостомъ при переходѣ изъ Греціи, или изъ Болгаріи въ упомянутыя земли. Сіе послужитъ къ поясненію немногихъ свидѣтельствъ современныхъ писателей, а посему и замѣнитъ собственное признаніе того народа, о крещеніи коего должно быть говорено. Вотъ условіе, безъ котораго въ судебномъ, критическомъ изслѣдованіи ни шагу.

Немногіе же источники и свидѣтельства, которыя имѣемъ по сему дѣлу, могутъ только нѣсколько подтвердить то, что уже доказано. На оныя обратить должно строжайшее вниманіе, изыскать, *не противурѣчатъ* ли они дѣйствительнымъ событіямъ, *согласны ли* съ естественнымъ и общимъ теченіемъ дѣлъ народнаго обращенія; сверхъ сего

поелику вражда и споры между Церковью Восточною и Западною были велики, то увѣриться, *не подложны* ли или *ложны*. Взявъ въ соображеніе всѣ принадлежности настоящаго свидѣтеля, упомянутымъ свидѣтельствамъ мы не можемъ приписать полной достовѣрности, и Несторъ ли, Діоклейскій ли пресвитеръ, или какой либо другой Римскій монахъ, начертавшій въ XIII или XIV столѣтіи Латинскія легенды, слишкомъ поздо явились, чтобы можно было принять ихъ въ качествѣ вѣрныхъ свидѣтелей; они могли, около 1112, или 1230 года, также ошибиться на счетъ того, что случилось за 250 до нихъ лѣтъ, какъ и мы послѣ 1800 года.

Если бы какой либо Грекъ, бывшій въ 860 по 870 г. въ Болгаріи или другой, въ послѣдующіе годы, ѣздившій въ Венгрію, Моравію и проч., описалъ подробно не только всѣ событія, но проникнулъ и во всѣ причины крещенія того, или другаго народа.... вотъ свидѣтели, коимъ бы повѣрилъ уже и Шлецеръ, и не существовала бъ X глава (во 2 части толкованій на Нестора), въ коей онъ отличился какъ искусный, проницательный, безпристрастный, но не совсѣмъ осторожный, стряпчій.

Впрочемъ, пространное изслѣдованіе объ обращеніи крестившихся послѣ Болгаръ народовъ не принадлежитъ собственно къ Исторіи сего Государства; не смотря на сіе, мы упомянемъ о каждомъ на своемъ мѣстѣ, здѣсь же обратимъ вниманіе еще на крещеніе Болгаріи. Но какъ Апостолы сей страны приняты за главныя дѣйствующія лица и въ обращеніи Моравіи, то разсмотримъ вкратцѣ выведенныя изъ произшедшей отсюда запутанности изыскателями слѣдствія. По недостатку времени, мѣста и случаевъ, я не могу приводить разсужденій о семъ предметѣ всѣхъ писателей, и буду довольствоваться изысканіями новѣйшихъ критиковъ, на коихъ мнѣніи нынѣ почиваетъ сіе дѣло.

И такъ обратимся къ крещенію Болгаріи. Существеннымъ условіемъ введенія въ сію страну Христіанской Вѣры было: 1-е обученіе народа, проповѣдываніе; 2-е, введеніе

Богослуженія и переводъ Св. Писанія. Сіе производилось стараніемъ Правительства, при неусыпныхъ трудахъ учителей.

Посему сообразно необходимости, надлежало для сего пріискать нужное количество священниковъ: откуда? а) Изъ своей же Христіанской области: — разумѣю, принадлежащее Болгаріи, лежащее по ту сторону горъ Балканскихъ, и обитаемое Болгарами-Христіанами, Княжество *Загорье*; б) Изъ Имперіи: Борисъ отнесся къ Византійскому Правительству объ отпущеніи ему искусныхъ проповѣдниковъ и учителей (вотъ чего требовало дѣло); изъ Грековъ? Для чего именно изъ Грековъ, когда было во Ѳракіи, Ѳессаліи, а преимущественно въ Македоніи довольное количество Болгарскаго духовенства? Шлецеръ не можетъ довольно восхвалить благоразуміе Восточной Церкви, что она никогда не отпускала невѣждъ и незнатоковъ въ нужныхъ языкахъ въ проповѣдники обращенныхъ ею народовъ. Онъ совершенно правъ. Какъ неблагоразумно поступили бы и Король и Императоръ, употребивъ людей, не знающихъ народнаго языка! Это бы хуже еще было, нежели употребить въ дѣло самыхъ грубыхъ Болгарскихъ неучей; изломанныя Болгарскія слова, въ устахъ Грековъ, поселили бъ въ народѣ недовѣрчивость къ симъ иноплеменникамъ, или смѣхъ, или презрѣніе, или даже негодованіе: напротивъ, кто не согласится, что увѣщаніе изъ устъ, изъ коихъ вытекали родные звуки, родныя слова, родныя выраженія, были несравненно сильнѣе, убѣдительнѣе? И такъ повторяю еще: Греческая Церковь была благоразумна, т. е., отпустила въ Болгарію не Грековъ, а Болгаръ.

Кромѣ сего: отпускаемые изъ Имперіи проповѣдники, долженствовавшіе занять въ Болгаріи пастырскія мѣста, дѣлались уже подданными новаго своего Государя. Не легко было Грекамъ рѣшиться оставить своихъ родныхъ, знакомыхъ, свой языкъ, свой нѣжный климатъ, свое отечество, чтобы отправиться въ страну болѣе суровую, не такъ плодородную, иноязычную, иноплеменную, и чтобы тамъ на чужбинѣ, подъ чужимъ правленіемъ остаться навсегда, или на-

долго. Совсѣмъ противуположное отношеніе было Болгарскаго Имперскаго духовенства, которое не могло не стремиться въ страну родную, подъ правленіе родное, съ много обѣщающею надеждою; ибо въ Болгаріи должны были учредиться Епископства, Архіепископства, и проч. Да и Византійское Правительство скорѣе согласилось бы лишиться нѣкотораго количества Болгаръ, нежели Грековъ, какъ изъ благоразумія, такъ и изъ патріотизма. Весьма естественно. И такъ здѣсь нельзя сказать ничего лучше и вѣроятнѣе, какъ то, что Борисъ, сверхъ своего Загорскаго духовенства, вызвалъ изъ Имперіи Болгарскихъ священниковъ и учителей, и не почтемъ за грѣхъ сказать, что къ нимъ могли пристать и нѣсколько Грековъ.

Но какъ происходили выборъ и отпускъ сихъ грамотныхъ духовныхъ? По видимому, Король предоставилъ сіе дѣло Меѳодію, который, будучи Македонскимъ уроженцемъ, зналъ хорошо тамошнія обстоятельста, имѣлъ знакомыхъ — да еще какихъ! родныхъ, между коими и своего брата, и проч. Иначе быть не могло. Греческое же Правительство, съ своей стороны, вѣроятно, объявило, чтобы тѣ, которые пожелаютъ отправиться въ Болгарію, явились (для узнанія условій, потому-что не всякій захотѣлъ бы даромъ издержаться на путешествіе и подвергаться опасности быть задавленнымъ въ Болгаріи). Куда, къ кому? Конечно, Меѳодій) съ своей стороны, далъ порученіе приглашать проповѣдниковъ кому либо изъ своихъ знакомыхъ въ Македоніи; и сей ближайшій его знакомый былъ его братъ въ Ѳессалоникѣ, Константинъ, коему прежде всего и лучше всего могъ онъ ввѣрить дѣло, предоставленное ему Монархомъ, и съ коимъ могъ имѣтъ на сей счетъ переписку еще до крещенія Двора. Кажется, что сіи два брата и съ ними всѣ Имперскіе Болгаре душевно желали обращенія Короля и цѣлаго единоплеменнаго имъ народа на путь истины и спасенія. И такъ: къ Константину въ Ѳессалонику.

Что же за человѣкъ былъ сей Константинъ? Всѣ писатели его жизни называютъ его братомъ Меѳодія, уроженцемъ Ѳессалоникскимъ и философомъ, конечно, не такимъ,

какими слыли въ новѣйшія времена мастера силлогистическихъ формъ à la *atqui* et *ergo*, или люди съ энциклопедическою головою и собраніемъ острыхъ словъ на всякій случай; какимъ же? Ученѣйшій дю Канжъ въ своемъ безцѣнномъ словарѣ средней и новѣйшей Греческой Словесности, весьма хорошо объяснилъ слово: *философъ*. Симъ-то объясненіемъ украсилъ Шлецеръ свои толкованія на Нестора, гдѣ говоритъ: «*φιλοσοφος* значитъ у Византійцевъ «*монахъ*; *φιλοσοφειν* — постричься въ монахи, или жить въ «монашескомъ состояніи. Ректоръ въ Греческихъ Патріаршихъ училищахъ еще и теперь называется главою *философовъ*. Въ томъ же смыслѣ и Западные писатели принимаютъ слова: *Philosophus*,» *philosophari*.“ Но какъ дю Канжъ же мѣстами доказываетъ, что слово *philosoppia* берется также за *письменность* вообще, то въ этомъ случаѣ слово *philo sophus* будетъ значить то, что теперь называемъ мы *ученымъ человѣкомъ*. Въ Капитулахъ (а по нынѣшнему въ Семинаріяхъ) имѣвшій надзоръ за преподаваніемъ ученія, назывался *philosophus*. Очень ясно, что слово это здѣсь принимается въ томъ же значеніи.

Что философъ значитъ *ученаго человѣка*, или любителя мудрости или наукъ, и что *философія* значитъ ученость, или все равно, письменность, извѣстно и безъ доказательствъ ибо оно въ семъ значеніи употреблялось во всѣ времена. Но называли ли Греки каждаго монаха философомъ, не знаю; или, если, Ректоръ Патріаршихъ училищъ былъ главою философовъ, то не уже ли такъ назывались ученики? Нѣтъ, не ученики, а учители, находившіеся подъ вѣдѣніемъ Ректора.

Участь ученыхъ, т. е., философовъ, съ незапамятныхъ временъ была учительская; это въ порядкѣ вещей, ибо не неучамъ учить. Кто не знаетъ, что у Платона, Пиѳагора, Аристотеля и прочихъ философовъ были свои школы? Профессоры не только высокихъ Аѳинскихъ училищъ, но и прочихъ школъ въ Александріи, Антіохіи, Пергамѣ и проч. въ послѣдующія послѣ Рождества Христова столѣтія назывались философами. Философы, уважаемые Имп. Іудіа-

номъ: *Плотинъ*, *Порфирій*, *Ямвлихъ*, *Едезій*, *Хризантъ* и *Евсевій* отчуждили своего знаменитаго воспитанника отъ истинъ Христова ученія; переведеннаго послѣ въ Ефесскую школу утвердилъ въ язычествѣ главный оной учитель (философъ) Максимъ; наконецъ посланный въ Аѳинскую Академію Іуліанъ, стараніемъ тамошнихъ философовъ (профессоровъ), сдѣлался врагомъ Христіанъ. Имп. Ѳеодосій II женился на дочери Аѳинскаго философа (профессора), Леонтія. Извѣстно, что, начиная съ первыхъ столѣтій, уже учители Христіанскіе безпрерывно спорили съ профессорами (философами) языческими.

Весьма естественно, что какъ еще при язычествѣ, такъ и послѣ истребленія онаго, сіе названіе рода занятія по дѣлу просвѣщенія осталось и у Христіанъ, хотя, впрочемъ, великихъ своихъ духовныхъ учителей они называли отцами, по сему названіе философовъ преимущественно предоставлено было учителямъ не духовнаго званія, какъ мы видимъ во время Константина.

Упадающее просвѣщеніе въ Имперіи поддержано въ царствованіе Ѳеодоры и Михаила. Сверхъ благочестія Императрицы, главною виною сему былъ братъ ея и дядя Михаила, Цесарь Варда, истинный покровитель наукъ и просвѣщенія. Стараніемъ его и ученнѣйшаго мужа, Патріарха Фотія, сдѣлано преобразованіе и усовершенствованіе училищъ въ Имперіи, и ввѣрены отличнымъ мужамъ какъ ученіе, такъ и надсмотръ за оными. Знаменитый Леонъ Грамматикъ носилъ имя философа потому, что въ сіе самое время училъ въ Константинопольской Академіи логикѣ и діалектикѣ, и былъ директоромъ оной *.

---

* Въ послѣдствіи при вторичномъ паденіи училищъ, просвѣщенія и съ нимъ благоденствія Имперіи, публичное обученіе теплилось еще въ монастыряхъ, по сему и названіе философовъ досталось учителямъ-монахамъ;—и по дѣломъ! ибо не только что занимались науками, но и искусствами, и даже ремеслами. Ближайшій тому примѣръ нашъ Меѳодій, какъ искусный живописецъ.

И такъ добиваемся, что нашъ Константинъ, будучи Θессалоникскимъ философомъ, былъ профессоромъ, или, можетъ быть, директоромъ училищъ въ Θессалоникѣ. Вотъ того-то и надобно было Королю Болгаріи, человѣка ученаго, профессора, философа, учителя, наставника; къ чему 1-е, примѣръ подало ему Греческое Правительство, 2-е, могъ возбудить его самъ Меѳодій, 3-е, принуждала самая необходимость. Отсюда явствуетъ намѣреніе Болгарскаго Правительства учредить училища. Возможно ли повѣрить, чтобы Королю не было совѣстно, что самъ онъ и знаменитые его бояре писать не умѣютъ, между тѣмъ какъ не только всякій Грекъ, но даже и Западные его сосѣди довольно успѣшно марали!

Теперь невольно рождается вопросъ: былъ ли нашъ Константинъ, а по сему и братъ его, Меѳодій Грекъ? Подобный вопросъ до сихъ поръ ни кому не приходилъ въ голову; ибо всѣ думали, что они были Греки, и между прочими Шлецеръ именно симъ именемъ ихъ величаетъ; почему такъ? а вотъ почему: всякій родившійся и живущій въ Греческой Имперіи есть Грекъ; *atqui* Константинъ родился и жилъ въ Греческой Имперіи; *ergo* Константинъ Грекъ(!!). По крайней мѣрѣ нельзя привести лучшей причины.

Однако, всякій согласится, что подобное разсужденіе и доказательство предосудительно для критика, ибо основано на ложномъ положеніи, изъ коего и слѣдствіе выходитъ ложное. Кто не знаетъ, что Европейская часть Восточной Имперіи населена была Болгарами, если не больше, то, по крайней мѣрѣ, наровнѣ съ Греками, не беря даже въ разсужденіе Болгарскихъ поселеній въ Анатоліи, кои доставляли Имперіи до 30,000 воиновъ. Если кто убоится заблудиться въ обширномъ лѣсу Греческихъ фоліантовъ, тому, для избѣжанія опасности, совѣтую взять въ руки лучшую подробную карту Турецкой Имперіи, гдѣ увидитъ разсѣянныя Славянскія мѣста, начиная изъ-подъ Царяграда до самыхъ предмѣстій Аѳинъ.

Разумѣется, что я не брошу силлогистической нити, коею придерживаюсь Константина, чтобы побѣжать по нынѣшней Турецкой Имперіи, которой ни вѣрнаго описанія,

ній карты и по сію пору еще не имѣемъ. Однако, чтобы не остаться безъ примѣра, оглянувъ мѣста вокругъ, я упомяну о тѣхъ, кои замѣчу глазами; а тѣ 1-е, которыхъ по близости Турокъ и времени, нѣтъ уже ни слуху, ни слѣду; 2-е, коихъ имена замѣнены Турецкими, и 3, которыя еще и нынѣ существуютъ, но коихъ, по невѣдѣнію, исчислить не могу, прибавлю подъ общимъ заглавіемъ *«и прочая»*.

И такъ замѣтимъ: Адріанополь стоитъ при рѣки *Моравицѣ*, которая, выходя изъ горъ Балканскихъ, протекаетъ по Ѳракіи (Румиліи, Романіи) къ Востоку, какъ вдругъ, обратившись, мимо Адріанополя стремится къ Югу, гдѣ, присоединивъ къ себѣ, между городками *Черничемъ* и *Траянополемъ*, рѣку *Черну*, вливается въ Архипелагъ. Не менѣе рѣки Македоніи: Струмица, Стужница, Вредица, Ежова, Быстрица, Яница наперерывъ стремятся въ Архипелагъ же. Сіе замѣтить можно и въ Тессаліи и даже въ Ливадіи, не говоря уже о части Имперіи, прилежащей къ Адріатическому морю и прочимъ Славянскимъ землямъ.

Естественно, что имена рѣкъ болѣе уцѣлѣли, ибо истребить ихъ ни Туркамъ, ни времени было не возможно; однако, не смотря на жестокость сихъ враговъ, уцѣлѣли и многія мѣста, какъ напримѣръ мѣстечки вокругъ Ѳессалоники, *Погорьяны*, *Пещера*, *Ровнякъ*, *Яница*, и проч.

И такъ при первомъ взглядѣ уже не льзя дать рѣшительнаго отвѣта на предложенный вопросъ; ибо Константинъ и Меѳодій также легко могли быть Болгарами, какъ и Греками, тѣмъ паче, что Ѳессалоника была столицею Имперскихъ Болгаръ и центромъ торговли не только ихъ, но и Мизійскихъ ихъ собратій, что уже давно изъ Византійцевъ показалъ Стриттеръ, а изъ него повторилъ Шлецеръ.

Можетъ быть, однако, станетъ кто либо заключать изъ не-Славянскихъ именъ Константина и Меѳодія, что они точно не Славяне. Да это только имена, но не знаемъ ихъ фамиліи; а фамиліи въ то время были уже въ модѣ въ Имперіи. А развѣ можно заключать изъ именъ, данныхъ въ крещеніи, о племени того, или другаго человѣка? Угадайте, какого народу г. Генрихъ Вильгельмъ, съ которымъ я недавно по-

знакомился случайно? Скажете: *Нѣмецъ*. Нѣтъ, онъ называется *Ставровскій*, и самый набитый Чехъ-Славянинъ, а вѣдь житель Нѣмецкой державы! И такъ видно, что подобное умствованіе походитъ на *baculus stat in angulo, ergo pluit.*

Впрочемъ, находится мѣстечко у Кедрина и Багрянароднаго, на которомъ спотыкалось множество изыскателей, и которое, смотря по надобности, переходило изъ книги въ книгу, изъ разсужденія въ разсужденіе, изъ брошурки въ тетрадьку и до сего дня, и которое, кажется, будто говоритъ въ пользу Греческаго происхожденія Меѳодія по тому, что называетъ его *монахомъ Римскимъ, живописцемъ.* Но какъ знать, что монахъ Римскій или Римлянинъ значитъ Грека? Легко; стоитъ только вылить сію матерію въ силлогистическую форму, и слѣдствіе само собою вытечетъ; вотъ какъ: Греки назывались Римлянами; но какъ Меѳодія называютъ Римскимъ: то онъ Грекъ (!).

Чтобы понять настоящую цѣну сего доказательства, надо знать, какимъ образомъ имя Римлянъ перешло къ Грекамъ, съ какихъ поръ и исключительно ли они только могли имъ называться?

Начнемъ сначала. Извѣстно, что еще во время Республики, изъ всѣхъ ея подданныхъ, самыя выгодныя, лестныя права и преимущества предоставлены были жителямъ или гражданамъ Рима; посему быть Римскимъ гражданиномъ въ областяхъ значило быть дворяниномъ. При возрастаніи могущества и разширеніи владѣній Рима, сіи права, въ награжденіе за заслуги, даваемы были разнымъ лицамъ (чиновникамъ) въ Испаніи, которые посему стали именоваться «Римскими гражданами», «Римлянами» хотя бы даже родились и воспитывались въ ущельяхъ Альпійскихъ или Аппенинскихъ горъ И какъ было не придерживаться руками и ногами сего столь важнаго имени! Италійскіе муниципальные, т. е., подвластные, города поперемѣнно добивались у столицы сихъ преимуществъ, въ чемъ и успѣвали, дѣлая значительныя пожертвованія, или присоединяя свои ополченія (sccios) къ полкамъ, набираемымъ въ Римѣ.

Выводимыя колоніи изъ сихъ послѣднихъ и изъ столицы въ Галлію и Испанію удерживали за собою права тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ переселялись. Наконецъ прекратилась Республика, и вотъ всѣ преимущества, которыхъ желали заслуженные, требовали города и области, домогались народы, начали зависѣть отъ одного Императора, и, разумѣется, что несравненно легче было добиться оныхъ у одного человѣка, нежели шестидесяти или семидесяти гордыхъ, скупыхъ, властолюбивыхъ, закоснѣлыхъ старшинъ (Patres Conscripti, Senatus).

Императоры стали давать преимущества Римлянъ не только разнымъ городамъ Италіи, но и выводимымъ на имя ихъ колоніямъ. Это было жесточайшее иго, которое могъ наложить Римъ на завоеванные народы; ни подати, ни квартиры легіоновъ не были для нихъ столь чувствительны, какъ тѣ препятствія, которыя имъ противуставляли во всѣхъ ихъ общежитейскихъ предпріятіяхъ предоставленныя поселеннымъ между ими колонистамъ права и преимущества Римскихъ гражданъ, не упоминая уже о презрѣніи и насмѣшкахъ, сносимыхъ ими отъ горделивыхъ сихъ Латинскихъ патріотовъ. Великій инородецъ былъ ниже послѣдняго Италіянца; надлежало или бросить несчастное отечество, или остаться рабомъ, или заслужить достоинство Римлянина, которое было тѣмъ еще привлекательнѣе, что никто не могъ тронуть Римлянина, тѣмъ менѣе подвергать его тѣлесному наказанію. Высокое мнѣніе о могуществѣ, образованности, достоинствѣ, благородіи крови Римлянъ, бѣда, нужда, обстоятельства причинили, что не одинъ Испанецъ, не одинъ Галлъ, не одинъ Славянинъ стали прилѣпляться къ толпѣ своихъ господъ. Того-то и желали на берегахъ Тибра. Италія одна не могла родить столько Латиновъ, сколько было ихъ нужно для наполненія гарнизономъ всего Римскаго міра; надобно было возвысить прирощеніе народа.

Въ Римѣ были на сей счетъ весьма разсчетливы политики: завоеванныя области были *олатиняемы* колоніями; убытокъ ихъ изъ Государства замѣняемъ былъ множествомъ плѣнныхъ, коихъ дѣти, или внуки выходили изъ Италіи въ ка-

чествѣ Римлянъ подъ знаменами легіоновъ. Иноплеменники допускаемы были въ военную службу, и если предоставлено имъ было право гражданства, за то они обязаны были быть душею и тѣломъ Римлянамъ, т. е., знать хорошо по-Латыни, бросить народное свое названіе и принять Римское.

Греческіе и Восточные города не менѣе подвержены были сей участи: вездѣ брало верхъ преимущественно Римлянство. Чтобы ихъ укрѣпить за собою и ввести въ нихъ Римское правленіе, уже Августъ и Тиберій Императоры многихъ изъ нихъ взяли подъ свое особенное покровительство, давъ имъ свое имя, право гражданства и съ тѣмъ вмѣстѣ обязанности онаго. Сіи-то города назывались Neoporlites. Отсюда-то произошло, что какой нибудь старожилъ береговъ Іордана, или Архипелага, или Дуная, Сены, или Гвадалквивира имѣлъ право кричать, что онъ Римлянинъ.

И такъ ясно видно, что уже во время первыхъ Императоровъ, имя «Римлянинъ» значило не народность, а гражданское преимущество, хотя, впрочемъ, и всякой крѣпостной житель или уроженецъ Рима могъ такъ же, но со всѣмъ въ другомъ смыслѣ, называться.

Въ послѣдующія столѣтія сіе право было мало по малу распространяемо и на прочіе города и области, пока въ царствованіе Антонина не присвоено всѣмъ подданнымъ Имперіи и тѣмъ самымъ уничтожено доселѣ существовавшее рабство. Симъ однообразіемъ и уравненіемъ правъ уничтожилось преимущество оныхъ. Уроженецъ Италіи, Грекъ, Славянинъ, Галлъ наравнѣ повиновались указамъ Императоровъ, наравнѣ обязаны были служить Имперіи и быть ей вѣрными подданными. потому-то и видимъ многіе Римскіе полки, составленные изъ людей совсѣмъ не Латинскаго племени.

Когда введено чисто военное правленіе, когда на тронъ стали восходить генералы, то тѣмъ самымъ отворенъ путь къ оному и народамъ не Латинскаго племени; таковы были полководцы: Пробъ, Галіенъ, Діоклетіанъ и нѣкоторые другіе, большею частію уроженцы Дунайскихъ странъ. Господство Латиновъ уже почти исчезло, ибо дѣло отечества или Имперіи было общее имъ съ прочими племенамъ Тѣнь

господства Италіи состояла въ томъ, что Императоры проживали въ Римѣ, и указы выходили на Латинскомъ языкѣ, ибо это было старинное заведеніе, и что ни Славяне, ни Галлы, ни Испанцы, или Бритты не имѣли еще собственной письменности. Впрочемъ, стоило только смыслить нѣсколько по-Латыни, чтобы растолковать оное по-Славянски, по-Галльски и проч. За то въ Аѳинахъ или Смирнѣ указы погребаемы были въ Присутственныхъ Архивахъ, ибо переводимы и обнародываемы бывали на Греческихъ таблицахъ.

Но и сей тѣни нанесъ ударъ Константинъ В. Отецъ его Χλορος, Грекъ, женатый на Гречанкѣ Еленѣ, родомъ изъ Виѳиніи, въ службѣ Имперіи принялъ имя Constantinus. Онъ былъ военнымъ Губернаторомъ страны Славянской, жилъ на берегахъ рѣки *Нишавы*, въ городкѣ сего же имени, который Греки называли Ναϊσσος или Ναϊσσα, а Латины Nissa (тамъ родился Константинъ).

Константинъ, сдѣлавшись Самодержцемъ, перенесъ столицу Имперіи въ страну родную, и Римъ, повелитель міра, сталъ слушаться съ покорностію повелѣній Византіи. Исчезла послѣдняя тѣнь владычества Рима, отъ коего остался народамъ въ наслѣдство мертвый судебный Латинскій языкъ, коему долженъ былъ обучаться не только Грекъ, или Славянинъ, но и самъ Италіянецъ. Ѳеодосій I раздѣлилъ Имперію на двое: Западная часть оной наводнена Слявянами и Готами, и Римъ занятъ Варварами; Восточная же, болѣе уцѣлѣвшая отъ ударовъ, осталась населенною Славянами Греками, Армянами, Сирійцами, Коптами. Восточные народы, состоя большею частію подъ общимъ правленіемъ и не имѣя, такъ сказать, права назвать все Государство своимъ именемъ, удержали за собою старинное, уже ничего не значащее, имя Римлянъ. Но какъ столица находилась между Греками и Славянами, то они вмѣстѣ хозяйничали въ оставшемся послѣ Римлянъ ихъ отечествѣ, и Греки и Славяне восходили на престолъ. Надобно было ожидать отъ времени, кто кого изъ нихъ переможетъ взаимнымъ вліяніемъ. По прибытіи Болгаръ, и въ царствованіе Іустина и Іустиніана Ве-

ликаго, Славяне стали брать верхъ надъ Греками. Армія, высылаемая въ Африку и Италію противъ Готовъ, состояла большею частію изъ Славянъ; безсмертный ея начальникъ былъ такой же Славянинъ, какъ и Императоръ, коего гвардія въ столицѣ состояла исключительно изъ однихъ Славянъ. И все, что сіи люди сдѣлали добраго, или злаго, слыветъ подъ именемъ Римлянъ!!

Впрочемъ, какое бы ни было превосходство количества Славянъ, въ борьбѣ взаимнаго вліянія они бы никогда не могли взять верхъ надъ древнимъ классическимъ народомъ; ибо въ подобныхъ обстоятельствахъ качество народа еще сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ количество. Просвѣщеніе, искусства и образованность Грековъ были тѣ орудія, коими сей народъ сильно дѣйствовалъ на отдаленный Римъ даже и во время глубочайшаго своего униженія, и не одинъ проницательный Римлянинъ повторялъ: *Victorem Romam victa Graecia superavit*, т. е., «Побѣжденная Греція взяла верхъ надъ побѣдителемъ Римомъ».

Естественно, что сіи самыя орудія еще сильнѣе дѣйствовать могли въ сей Греко-Славянской Имперіи. Мѣсто мертваго Латинскаго, слегка только удерживающагося въ судилищахъ и вскорѣ совершенно погасшаго, языка, долженъ былъ заступить Греческій: 1-е по праву классическому старшинства, образованности; 2-е по тому что Славянская письменность, если она уже тогда и существовала, уступила бы Греческой, для одной только политической удобности; т. е., между разноплеменными жителями Восточной Имперіи должно было имѣть языкъ посредствующій и общій, на которомъ могъ бы производить свои дѣла, на примѣръ, Славянинъ, купецъ Ѳессалоникскій, съ Коптомъ Александрійскимъ, иль уроженецъ Варны съ Грузинцемъ, иль Армяниномъ.

И такъ сіе достоинство не могло быть предоставлено другому языку, какъ только Греческому, какъ достойнѣйшему сей общности, тѣмъ паче, что столица Имперіи и ближайшія къ ней области населены были большею частію Греками, иноплеменниками же болѣе отдаленныя провинціи Государства.

Хотя Греческій языкъ былъ первенствующимъ въ Имперіи, однако и прочіе остались въ употребленіи и имѣли собственную письменность; такъ имѣли ее: Копты въ Африкѣ, Евреи, Сирійцы, Армяне, Грузинцы въ Азіи; а въ Европѣ? Славяне. Вотъ слово, которое тронетъ сердце всякаго Русскаго, и всякій согласится, что статья или книга: О началѣ, ходѣ и успѣхахъ Славянской письменности, крайне достойна любопытства; но здѣсь она была бы не кстати.

Хотя, впрочемъ, Греки были первенствующими между народами Восточной Имперіи, однако господствовавшими, въ строгомъ смыслѣ, никогда не были. Все ихъ господство заключалось во вліяніи, происходящемъ изъ качественнаго ихъ превосходства надъ прочими. Не взирая на сіе, они никогда не присвояли исключительно однимъ себѣ дѣлъ и хозяйства оставшейся послѣ Римлянъ Имперіи, и никогда не думали о тѣхъ безчеловѣчныхъ средствахъ угнетенія и истребленія, кои употребляемы были Нѣмцами противъ Германскихъ Славянъ послѣ наслѣдованія ими Германіи отъ Франковъ.

Безкорыстіе есть главнѣйшая черта въ политическомъ поведеніи Грековъ съ прочими ихъ соотечественниками, точно какъ и въ религіозномъ отношеніи къ иностранцамъ, какъ мы замѣтили выше. Вся Имперія представляетъ союзъ различныхъ племенъ, сцѣпленныхъ между собою старыми Римскими законами. Всякій подданный Имперіи назывался Римляниномъ Грекъ ли, Славянинъ ли, иль другой инородецъ, все равно и всякій могъ и долженъ былъ служить дѣлу общему.

Изъ всѣхъ племенъ Имперіи, послѣ Грековъ, главнѣйшую роль играли Славяне.

И такъ явно видно, что *монахъ Римскій* не значитъ *монахъ Грекъ*, но монахъ, *подданный Государства, которое называется Римскимъ по имени давнишнихъ его господъ*; по сему еще не знаемъ: были ли братья Константинъ и Меѳодій Греки, или Славяне.

По крайней мѣрѣ сказанное выше о духовенствѣ, употребленномъ Борисомъ для ученія народа, распространяется и на сихъ братьевъ, которые, будучи изъ числа сего народа,

сдѣлались болѣе замѣчательными и безсмертными по тому, что были болѣе дѣятельными. Сіе, кажется, уже довольно для догадки, что они были Славяне-*Болгаре*

Мы прибавимъ еще нѣкоторыя замѣчанія: 1-е. Сказанное выше о выписываемомъ духовенствѣ, строже всего и преимущественно падаетъ на Меѳодія, который отправился въ Болгарію еще въ царствованіе Императрицы Ѳеодоры, около 846 года, слѣдственно за 16 лѣтъ до крещенія Королевскаго Дома, и который по сему долженъ отворить и предуготовить путь означенному духовенству. Не могу повѣрить, чтобы благоразумная Императрица рѣшилась отправить ко Двору языческому Грека, который бы еще долженъ былъ обучаться тамъ Болгарскому языку. Но, скажете, онъ умѣлъ по-Болгарски и выучился сему между Имперскими Болгарами. Нѣтъ, Грекъ всегда пахнулъ бы Грекомъ, и произношеніе его осталось бы всегда не народнымъ Болгарскимъ, — и Король, изъ одной только предосторожности, не принялъ бы Грека во внутренность своего Дворца. Почему же не сказать лучше, что онъ, какъ уроженецъ Ѳессалоники, города, преимущественно населеннаго Болгарами, былъ настоящимъ Болгариномъ?

Обстоятельства языческаго Двора уже заставляли Княжну не брать съ собою Грека, который, какъ иноплеменникъ и иновѣрецъ, могъ производить непріятное ощущеніе въ боярахъ, царедворцахъ Бориса, и въ самомъ даже народѣ, и могъ быть причиною разныхъ личныхъ непріятностей какъ Княжнѣ, такъ и самому себѣ. Кажется, въ Константинополѣ, гдѣ чувствовали всю важность и трудность преобразованія столь обширнаго Государства, какъ Болгарія, все было разсчитано. Довольно: отправили Болгарина, да и то подъ личиною живописца.

Говоря выше о благоразуміи и безкорыстіи Восточной Церкви, мы дали знать, что Греки. въ проповѣдываніи народовъ употребляли истинныхъ знатоковъ тѣхъ языковъ (ибо для сего имѣли средства, потому что въ Имперіи находилось множество единоплеменниковъ, долженствовавшихъ

обратиться народовъ), и что не воспрепятствовали имъ вводить богослуженіе на отечественномъ языкѣ. Но чтобы они сами имъ переводили все нужное, этого доказать нельзя.

2-е. Окружающіе Имперію независимые народы озарены свѣтомъ ученія Христова при посредствѣ своихъ Имперскихъ единоплеменниковъ. Всѣ они сами себѣ переводили Св. Писаніе и Литургію; изъ среды своей имѣли Апостоловъ. Не уже ли и Славяне должны были дожидаться, пока все сдѣлаютъ для нихъ Греки? Не стану, однако, утверждать, что не бывалъ ни одинъ Грекъ въ новообращенныхъ странахъ; конечно бывалъ, и не одинъ.

3-е. Труды, понесенные Меѳодіемъ какъ въ водвореніи истиннаго ученія Христова, такъ и во введеніи письменности, и та любовь къ народному слову, которую внушилъ онъ новообращенному Монарху и его наслѣднику престола, явно и неоспоримо показываютъ въ немъ истиннаго патріота-Болгарина. Разумѣется, что сказанное о Меѳодіѣ распространяется и на брата его, Константина.

Безъ сомнѣнія, великія и безсмертныя услуги Меѳодія Королю и народу дали ему неотъемлемое право на признательность Короля и цѣлаго его новаго отечества, и новообразованная имъ Болгарская Іерархія, Болгарская Церковь должна и могла быть нѣсколько времени управляема только имъ, великимъ своимъ основателемъ, отцемъ и апостоломъ, Меѳодіемъ. Помощникомъ ему, вѣроятно, былъ достойный его братъ, Константинъ, въ монашествѣ нареченный Кирилломъ.

Сей рядъ понятій наводитъ меня на важное событіе, именно на

а) Переводъ Св. Писанія, Славянское богослуженіе, начало Славянской письменности, и б) Кругъ дѣйствія Меѳодія и Кирилла.

Вотъ главныя черты исторіи происхожденія Болгарской Церкви. Сія точка исторіи Болгаріи приводитъ меня въ соприкосновеніе съ изысканіями мужей, достойныхъ всякаго

почтенія и уваженія, каковы Добровскій, Шлецеръ и многіе другіе, которые, отсудивъ отъ Болгаріи ея Апостоловъ, присудили ихъ Моравіи.

Нынѣшніе Болгаре, отдѣленные отъ сообщества Европейскихъ просвѣщенныхъ народовъ, ни слова не знаютъ о спорахъ, происшедшихъ до сихъ поръ въ Богеміи, Моравіи, и проч. касательно проповѣдыванія и дѣлъ ихъ Меѳодія и Кирилла, за коихъ они до сихъ поръ еще не вступались, кажется, по тому, что, благодаря Турокъ и судьбу просвѣщенія, не оказались бы сильны въ историко-судебной діалектикѣ.

Принимаясь за исторію Болгаръ, единственно для принесенія какой либо пользы Россійской, я принужденъ вмѣшаться не много въ сію распрю (распрю? нѣтъ, не распрю: Болгаре еще не подавали голоса, а господа иностранцы занимались только повѣркою своихъ легендъ, съ безпечною увѣренностію въ своей правотѣ), пока возстанутъ сами Болгаре.

Да простятъ мнѣ всѣ великіе и малые толкователи лѣтописей и легендъ за мою дерзость противъ историческихъ предразсудковъ. Въ меня вселилась искусительная недовѣрчивость къ авторитетамъ писателей, и вопросъ: *откуда взялся къ намъ тотъ чудный не Русскій языкъ, который, со временъ Нестора, съ такою силою господствовалъ въ Русской словесности, до самой смерти Тредьяковскаго, и который еще и теперь владычествуетъ въ церквахъ не только обширнѣйшей Россійской Имперіи, но и въ Красной Россіи (Галиціи), и у Карпато-Россовъ (въ С. Восточной Венгріи), и въ многихъ церквахъ природныхъ Венгровъ (Мадяровъ, не Славянъ)? Какимъ образомъ онъ завладѣлъ Русью? Не уже ли онъ переселился въ оную безъ важныхъ обстоятельствъ, безъ сильнаго вліянія? Не уже ли онъ не былъ народнымъ языкомъ? И какого народа?* такъ сильно тревожитъ меня, что отъ этой тревоги тогда только могъ бы я освободиться, когда бы получилъ обстоятельный отвѣтъ. Признаюсь, чтобы избавиться отъ сей напасти, я

прибѣгалъ къ Исторіи Россійскаго Государства и къ толкованіямъ на Нестора; но напрасно. По видимому подобные вопросы не искушали почтенныхъ создателей сихъ твореній, или, если они ихъ и безпокоили, то они не имѣли времени отвѣтить имъ, первый въ продолженіе 12, а послѣдній въ теченіе 40 лѣтъ, кои они посвятили на объясненіе, изысканіе и сочиненіе Россійской Исторіи; а въ пространной Русской Грамматикѣ не было мѣста, чтобы потолковать о семъ дѣлѣ пообширнѣе.

Всякій поймет, что сіи вопросы весьма важны для Россійской Исторіи, и что расчитаться съ ними краткими и дешевыми отвѣтами не возможно безъ того, чтобы не остаться должникомъ здравому разсудку. Не менѣе всякій согласится, что сей иностранный языкъ перешелъ къ намъ съ книгами Св. Писанія и Богослуженія, и что по сему нужно намъ изслѣдовать обстоятельства о переводѣ сихъ книгъ на сей же языкъ. И такъ всякій видитъ, что отвѣты на сіи вопросы проистекаютъ и зависятъ отъ объясненія выше означеннаго заглавія сей статьи, которая можетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на Исторію Руси.

Но сколь трудно объяснить сіе заглавіе, сколь трудно вникнуть въ подробности безъ надлежащихъ источниковъ, видно оттуда, что проницательнѣйшіе изслѣдователи притупили взоръ свой о сей камень преткновенія, и самъ Шлецеръ, толковавъ, какъ могъ, наконецъ бросаетъ дѣло и предоставляетъ оное изыскать, исправить, кому захочется потрудиться надъ онымъ.

Хотя знаменитый Добровскій усиливался утвердить Меѳодія и Кирилла въ Моравіи, въ чемъ ему притакалъ и Шлецеръ, и заставить ихъ перевесть Св. Писаніе на Моравскій, т. е., Чешскій языкъ, однако изъ всего этого нельзя ничего вывести въ отвѣтъ и въ объясненіе на Россійскіе вопросы; по крайней мѣрѣ то, что нашъ Церковный языкъ также чуждъ Чехамъ и Моравянамъ, какъ и Россамъ, вѣрно, какъ дважды два четыре, но не менѣе вѣрно и то, что сей же языкъ перешелъ къ намъ не изъ Моравіи, или Богеміи.

Если же Меѳодій и Кириллъ преимущественно и прежде трудились для Чеховъ (Моравянъ, одно и тоже), то какимъ образомъ и почему переводили бы они для нихъ Св. Писаніе не на ихъ собственное, но со всѣмъ чуждое, Болгаро Македонское нарѣчіе, какъ хочетъ Г. Добровскій? Возможно ли, чтобы сіи люди, коимъ легенды не даютъ ни малѣйшаго отдыха, заставляя ихъ идти изъ Ѳессалоники въ Константинополь, оттуда въ Херсонъ, въ Крымъ, а оттуда къ Казарамъ, чтобы тамъ спорить съ Евреями и Магометанами, отсюда опять, по инымъ, въ Аравію, чтобы тамъ спорить съ Сарацынскими умниками, а по другимъ чрезъ обширныя степи Руси и Польши въ Моравію, или чрезъ Болгарію и Венгрію въ Моравію, чтобы тамъ проповѣдывать государю и народу, и бороться съ Нѣмецкимъ духовенствомъ, послѣ отправиться въ Римъ, чтобы тамъ умереть Кириллу, а Меѳодію оттуда обратно путешествовать въ Моравію, а отсюда въ Болгарію, отсюда опять въ Моравію; возможно ли, говорю, чтобы сіи мужи, въ безпрерывномъ своемъ путешествіи и занятіи проповѣдываніемъ, крещеніемъ и спорами могли и помыслить о переводѣ тѣхъ огромныхъ книгъ (прежде надобно было имъ перевести служебныя, безъ коихъ не могли ввести Богослуженія, а послѣ Библію; все это составляетъ дѣйствительно много книгъ), для перевода коихъ, сообразно тогдашнему искусству писать, не довольно было цѣлой жизни, а именно спокойной, сидѣльческой, да еще такими письменами, кои еще не существовали и кои надобно только еще изобрѣсть?

Или, возможно ли, чтобы Монархъ Болгаріи и новонасажденная въ ней Церковь отпустили отъ себя добровольно сихъ людей, безъ коихъ ни Король, ни народъ не могли обойтись, сихъ драгоцѣнныхъ и необходимыхъ для Государства и Церкви мужей, въ Моравію и дальше?

Явно, что здѣсь много неправды, и на повѣрку выходитъ, что или не могъ тогда составиться переводъ Св. Писанія, Болгарамъ оставалось только впасть опять въ идолопоклонство, юной ихъ Церкви лишиться отца и пастыря, народу

остаться въ варварствѣ, или надобно отвергнуть свидѣтельства легендъ и основанныхъ на нихъ мнѣній и догадокъ.

Однако же знаемъ, что Болгарія не только укрѣплена въ Христіанской Вѣрѣ, не только получила переводъ Св. книгъ на отечественный языкъ, но немедленно стала процвѣтать и въ литературномъ отношеніи. Извѣстно, что, такъ называемый, переводъ Св. Писанія Кирилла и Меѳодія былъ первый, и что прежде всѣхъ плоды его вкушали Болгаре, для которыхъ именно онъ былъ совершенъ, и для которыхъ должно было немедленно совершить его, ибо юная Церковь не могла прожить безъ сей пищи.

Вошедшее однажды въ одно нарѣчіе обширнаго Славянскаго языка, Св. Писаніе не скоро переходило въ другія нарѣчія, но принятно нѣсколькими Славянскими племенами вмѣстѣ съ нарѣчіемъ, на которое оно было переведено съ самаго начала. Какое же было сіе нарѣчіе Славянское, на которое въ первый разъ было переложено Св. Писаніе? Какой Славянскій народъ имъ говорилъ? Не уже ли трудно догадаться?

Я бы могъ немедленно отвѣтить на сей вопросъ, который себѣ предлагалъ и самъ Добровскій; но какъ онъ, прежде нежели приложилъ свой отвѣтъ, вкратцѣ исчислилъ разные отвѣты его предшественниковъ, то весьма любопытно будетъ прежде выписать эти отвѣты, въ коихъ мой будетъ заключеніемъ. И такъ выписываю слова почтеннаго аббата:

«Какъ же должно называть по нарѣчію языкъ, на которомъ написаны книги Словено-Сербскія, Словено-Русскія (Кирилловскими буквами), Словено-Далматскія (Глаголическими буквами)? 1) Названіе сего письма Моравскимъ или Русскимъ Коль находитъ неправильнымъ.

2) Онъ слы-шалъ, какъ разсказываетъ на стр. 10, отъ одного Русскаго, путешествовавшаго въ Славоніи (между Дравою и Савою?), что тамъ говорятъ еще тѣмъ же, или не много отличнымъ языкомъ отъ называемаго у него (древнимъ) Словенскимъ книжнымъ языкомъ. На стр. 11-й у него же сказано опять, что Кіевское нарѣчіе въ Украинѣ и въ сторонѣ на Востокъ отъ Москвы, отмѣнно сходно съ древ-

нимъ книжнымъ языкомъ, какъ слышалъ Дедерлейнъ отъ одного знатнаго Россіянина.

3) « Христофоръ Іорданъ (Чехъ) думаетъ, что Кириллъ воспользовался, можетъ быть, Болгарскимъ наречіемъ, коему научился въ Константинополѣ, и прибавляетъ, что Моравы легко могли понимать это наречіе, хотя бы разговорны языкъ у нихъ разнствовалъ отъ онаго Смотри: Orig. Slav. part. IV. p. 126.

4) «Луцій и Шёнлебенъ указываютъ на окрестности Солунскія. Очень естественно

5) Стефанъ Роза, Рагузанецъ, почитаетъ даже Кирилловъ переводъ, по причинѣ примѣшанныхъ Ѳракійскихъ словъ, не чистымъ Словенскимъ.

6) Матѳій Меховита называетъ прямо языкъ Русскихъ церковныхъ книгъ Сербскимъ, хотя общеупотребительный Сербскій языкъ его времени былъ уже очень много смѣшанъ съ Турецкими словами и даже во многихъ формахъ отклонился отъ древне-Словенскаго, и идревне-Сербскаго. Сами новѣйшіе Сербы называютъ древнюю Сербскую церковную книгу *Srbulja*, которая, по замѣчанію Вука, ближе подходитъ къ Сербскому наречію, нежели новыя Русскія изданія. Тамъ, на примѣръ, пишется *перстъ* безъ *е*, *солнце* безъ *о* и *князъ*, *ме*, *те*, *се*, по позднѣйшему народному выговору, вмѣсто древнѣйшихъ *князь*, *мя тя*, *ся*. По сему глаголическія книги произошли отъ Сербскихъ. »

7) »И я, при обработываніи Словенской Грамматики и при прилежномъ сравненіи новыхъ изданій съ древнѣйшими списками, безпрестанно убѣждался болѣе и болѣе, что Кирилловымъ языкомъ было древнее, еще *не смѣшанное*, *Сербо-Болгаро-Македонское наречіе*, при которомъ убѣжденіи долженъ остаться и теперь, даже по прочтеніи новаго разсужденія г. Калайдовича о древнемъ Церковномъ языкѣ. Если бы я и могъ допустить, что Болгаре, Сербы и Россы говорили однимъ языкомъ въ IX столѣтіи и не образовали себѣ никакого примѣтно отличнаго наречія отъ онаго, то никакъ не могу сказать того о Моравахъ (и нынѣшнихъ Словенахъ), и по этому не могу также понять, какъ

могъ онъ утверждать о Моравскомъ церковномъ языкѣ, что сходство онаго способствовало къ принятію онаго Болгарами и Россами. Языки: Моравскій, Славянскій (надобно бы сказать правильно: Словенскій), Богемскій, Польскій принадлежатъ къ совершѐнно другому разряду, нежели Болгарскій, Сербскій, Далматскій, Русскій, хотя оба разряда языковъ причисляются вообще къ Словенскому языку. Словенскія церковныя книги перешли не изъ Моравіи къ Болга́рамъ, но на оборотъ, чрезъ Кирилла и Меѳодія изъ Болгаріи въ Моравію, а послѣ также непосредственно изъ Болгаріи и Сербіи въ Россію. »

Точно такъ, точно такъ, высокопочтенный Аббатъ! Прежде нежели приложу и мой отвѣтъ, вы мнѣ позволите прибавить по отмѣтамъ нѣкоторыя замѣчанія на приведенныя вами мнѣнія.

1-е. Вопросъ тотъ же, что у меня; я его представлю иначе: «Какъ называется то нарѣчіе Славянскаго языка, на которомъ написаны книги церковныя, употребляемыя Сербами, Далматами, Россіянами (и прибавлю), Болгарами, и двумя не Славянскими народами: Волохами, * (въ Валахіи, Трансильваніи, Молдавіи и Венгріи) и Венграми?

Почему вошло такъ называемое сіе Славянское писаніе и на престолы Волошскихъ церквей, мы увидимъ въ послѣд-

---

* Хотя, впрочемъ, нынѣ богослуженіе Волоховъ совершается на ихъ языкѣ, но я ихъ прибавилъ потому, что сей общій Церковный языкъ былъ и ими употребляемъ до начала, кажется, прошедшаго столѣтія. Поелику Болгарія пала подъ иго Турковъ еще до введенія книгопечатанія, и ввести оное въ сію страну не было позволено Магометанами: то многіе частные Болгаре, чтобы не оставить несчастнаго и начавшаго погружаться во тьму невѣжества, отечества, содержали въ Букорестѣ типографію, которая снабжала церковными книгами не только Болгарію, Македонію, Сербію, Валахію, но и Трансильванію, и отчасти Венгрію. Вскорѣ возникли ей помощницы въ Краковѣ, Венеціи, Кіевѣ, Львовѣ и по другимъ мѣстамъ Валахіи и Трансильваніи. Вездѣ сіи книги были только перепечатываемы, съ нѣкоторыми развѣ поправками, или ошибками; языкъ ихъ или нарѣчіе вездѣ оставалось тоже.

ствіи; но кто и когда перевелъ оное на Волошскій языкъ, еще не знаю.

2) Естественно, что нельзя назвать Церковнаго языка ни Моравскимъ, ни Русскимъ; ибо онъ въ обѣихъ сихъ странахъ чужой.

3) Свидѣтельство Русскаго путешественника, будто въ Славоніи говорятъ еще тѣмъ же, или немного отличнымъ, языкомъ отъ называемаго у него (т. е., въ Россіи) древнимъ Словенскимъ книжнымъ языкомъ, неосновательно и происходитъ изъ неопредѣленности свѣдѣній о заграничныхъ Славянскихъ народахъ. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ въ Россіи не знали, къ которому изъ нихъ отнести языкъ Церковный. Многіе обращались въ Сербію, какъ ближайшую страну къ Имперіи (а развѣ Сербы къ Имперіи ближе всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ?!).

4) Почему именно въ Константинополѣ Кириллъ (если бы онъ былъ Грекъ) долженъ бы познакомиться съ Болгарскимъ языкомъ?

5) Почему бы не указать правильнѣе, какъ сіе дѣлаетъ Луцій и Шёнлебенъ, на окрестности Солунскія, или, все равно, на городъ Солунь?

6) Что значитъ: «Ѳракійскія слова»? Греческія ли, или Болгарскія? Вѣдь сіи только два народа населяли эту страну, если исключить нѣкоторыя поселенія Сирійцевъ. Но не уже ли Кириллъ, будучи членомъ того, или другаго господствующаго народа, рѣшился бы занимать слова отъ сихъ колонистовъ?

Совершенно согласенъ, что оригинальный переводъ Кирилла, или Меѳодія былъ непонятенъ во многихъ изреченіяхъ и словахъ прочимъ Славянскимъ племенамъ, или даже и самимъ Болгарамъ; потому что будучи переводимъ уроженцемъ той, или другой области Государства, могъ, или лучше, долженствовалъ быть испещренъ словами и провинціализмами, свойственными родинѣ переводчика; и не уже ли сіи слова и сіи провинціализмы должны быть названы Ѳракійскими и переводъ нечистымъ Славянскимъ?

7) Что нынѣшній Сербскій отклонился отъ древле-Серб-
скаго. объ этомъ ни слова. Что нынѣшній Сербскій не ме-
нѣе далекъ отъ Церковнаго, какъ и Русскій, или Чешскій, это
точно, и что по сему не менѣе чуждъ оному, это безсомнѣн-
но. Сравнивать же, или угадать удаленіе нынѣшняго Серб-
скаго отъ Церковнаго, не возможно, и здѣсь не нужно; ибо
мнѣніе, что «Св. Писаніе переведено на Сербскій языкъ, что
нынѣшній Церковный есть древній Сербскій», есть толь-
ко одно предположеніе, котораго ни исторія, ни любословіе
(философія) подтвердить не могутъ.

8) Что значитъ: *несмѣшанное Сербо-Болгаро-Македоч-
ское нарѣчіе?* Изъ сего неопредѣленнаго заключенія выхо-
дитъ только неопредѣленное, смѣшанное понятіе о названіи
Церковнаго языка. Что Сербскій и Болгарскій суть два раз-
личные, языка или нарѣчія, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: сіе
различіе обоихъ языковъ, начиная отъ нынѣ, восходитъ въ
древность къ своимъ старымъ прадѣдамъ въ паралельномъ
разстояніи, то есть, сіи языки были различны между собою
во всѣ времена, ибо во всѣ времена Болгаре были Болга-
рами, а Сербы Сербами, т. е., оба народа были не одно и
то же.

И такъ означать Церковный языкъ двумя различными
именами и не нужно и нельзя. Вѣдь надобно же отнести
къ какому либо изъ нихъ сей переводъ, который на од-
номъ только, на томъ, или на другомъ, былъ совершенъ?
Мы увидимъ ниже яснѣе, что слово: «Сербо», сюда нельзя
приплетать.

И такъ остается намъ «Болгаро-Македонское». Но не уже ли
и сіе послѣднее слово значитъ какой либо новый языкъ,
или нарѣчіе?—Нѣтъ, Македонія есть названіе одной страны,
а жители ея суть Болгаре, которые могутъ называться
Македонцами, потому что обитаютъ въ Македоніи. По сему
Македонское значитъ Болгарское же. Сообразно же нашему
вопросу, по требованію коего должно указать на искомый
видъ общаго Славянскаго языка, довольно наименовать
только одно Болгарское. Слово же Македонское для даль-
нѣйшаго и точнѣйшаго опредѣленія перевода Св. Писанія

можно тогда только прибавить, когда бы мы знали, что Болгарскій языкъ подраздѣлялся еще на свои собственныя нарѣчія.

Впрочемъ, чтобы Болгарскій языкъ, будучи уже самъ нарѣчіемъ, такъ называемаго, Славянскаго, раздѣлялся на нарѣчія, допустить не могу: признаю его вездѣ цѣлымъ, однимъ и тѣмъ же; впрочемъ, долженъ признать, что въ разныхъ частяхъ пространства, имъ занимаемаго, подвергался, какъ то вездѣ бываетъ, разнымъ провинціализмамъ. Но какіе и гдѣ были сіи провинціализмы, знать нельзя; а раздѣлять ихъ по именамъ областей, занимаемыхъ Болгарами, на Венгерскій, Краевскій въ Валахіи, Мизійскій, Македонскій и проч., было бы дерзко и предосудительно безъ достаточныхъ на то доказательствъ.

Все, что можно на сей разъ сказать съ бо́льшею вѣроятностію, есть то, что Имперскіе Болгаре во Оракіи, а наипаче въ Македоніи, будучи Христіанами задолго до крещенія самой Болгаріи, живущіе подъ особыми законами, обрядами и обыкновеніями, введенными вмѣстѣ съ Христіанствомъ, невольно должны были принять новыя слова, новыя выраженія, или даже перенять Греческія.

Если же Добровскій словомъ: *Македонское*, указываетъ на страну, коея словами, или въ которой сдѣланъ переводъ (какъ сіе и само собою слѣдуетъ, тѣмъ паче, что наши Апостолы были Македонскіе уроженцы), то я въ томъ совершенно согласенъ.

И такъ Кириллъ и Меѳодій перевели Св. Писаніе не на какой другой языкъ, какъ только на Болгарскій, именно на Болгарскій; или, что одно и тоже, Церковный языкъ, употребляемый нынѣ въ Россіи, Венгріи, Сербіи, Далмаціи и въ самой Болгаріи, есть языкъ Болгарскій, мертвый въ прочихъ странахъ, но живой и народный еще и нынѣ въ Болгаріи.

На другой языкъ или нарѣчіе Св. Писаніе не могло быть переведено, какъ только на Болгарскій; сіе показываетъ какъ исторія, такъ и самое языковѣдѣніе, именно:

а) Болгаре приняли Христіанскую Вѣру прежде всѣхъ Славянскихъ племенъ Восточнаго Вѣроисповѣданія.

б) Переводчики были уроженцы Болгарской страны, или Болгаре.

в) Самое крещеніе независимыхъ Болгаръ предшествовало, на примѣръ, крещенію Сербовъ, какъ вторыхъ послѣ нихъ сосѣдей Имперіи, нѣсколькими десятилѣтіями.

г) Сербія тогда еще не существовала какъ отдѣльное Государство: она была областью Болгарскаго Государства, и обращена уже въ послѣдствіи стараніями Христіанскаго Правительства Болгарскаго

д) Переводъ, если онъ даже не существовалъ до Меѳодія, по естественному порядку и по требованію Короля, долженъ былъ быть совершенъ на языкѣ, или нарѣчіи царствующаго народа, Болгаръ.

е) Наконецъ, неоспоримымъ всему сказанному служитъ доказательствомъ и подтвержденіемъ нынѣшній языкъ Болгарскій, живой и истинный отпечатокъ Церковнаго. Возьмите и сравните всѣ нынѣшніе Славянскіе языки: Русскій, Чешскій, Моравскій, Кроатскій, Сербскій, Болгарскій (говорю только о видахъ, склонившихся къ Восточной Церкви; по сему и оставляю: Словенскій, Сорабскій и обширный Вандальскій); сравните ихъ съ Церковнымъ, и если вы проницательный филологъ-философъ, то увѣритесь въ истинѣ сказаннаго мною (сравн. 5-ю и 7-ю стр. 2-го тома «Древніе и нынѣшніе Болгаре.).

9) Весьма справедливо говоритъ почтенный Добровскій, что Св. Писаніе, то есть Церковныя книги, перешли не изъ Моравіи къ Болгарамъ, а на оборотъ изъ Болгаріи въ Моравію (но чрезъ Кирилла ли и Меѳодія, не извѣстно), а послѣ также непосредственно изъ Болгаріи въ Россію. Слово: «и Сербіи» здѣсь не нужно; ибо нельзя о ней сказать того, чего о Болгаріи.

И такъ Кириллъ и Меѳодій (если они) переводили Священное Писаніе на Болгарскій языкъ и для Болгарскаго народа.

Теперь спрашиваю, не у господъ позднѣйшихъ изыскателей, но у самихъ сочинителей житій и лѣтописей: какъ

могло случиться, что сіи Апостолы, вызываемые изъ Имперіи, по ихъ мнѣнію, тремя, или двумя Князьями въ Моравію для ученія народа, перевели Библію для Болгаръ, а не для Моравовъ? Поелику сей вопросъ касается круга дѣйствій сихъ великихъ и трудолюбивыхъ учителей, и требуетъ взвѣшенія достоинства легендъ и буллъ, на коихъ однѣхъ основываемы были до сихъ поръ критическія изысканія, то, чтобы придерживаться теченія дѣлъ, я здѣсь пріостановлюсь, чтобы обратиться къ первой половинѣ заглавія сей статьи, т. е., къ началу, такъ называемой, Славянской письменности, Славянскаго богослуженія и переводу Св. Писанія, а послѣ перейду ко второй половинѣ.

О ПИСЬМЕННОСТИ.

Означать предметы и мысли знаками, — вотъ письменность. Кто первый изобрѣлъ сіе искусство? Говорятъ: Финикіяне; пожалуй, да это только для себя. Нѣтъ, не такъ: нужда заставила ввести подобные знаки, и каждый главный народъ имѣлъ свой родъ болѣе удобной, или неудобной, письменности; Финикіяне писали такъ (кто знаетъ какъ?); Египтяне иначе (іероглифами); Китайцы иначе (своими знаками); Греки опять совсѣмъ иначе; и столь же древніе, какъ и всѣ сіи, Славяне опять иначе (рѣзами). Вотъ народныя письменности, вотъ собственно Славянская!

Изъ сихъ народныхъ письменностей болѣе легкія и болѣе удобныя были двѣ: 1) *Финикійская*, у жителей Сиріи, или Ассиріи; 2) *Греческая*, у однихъ Грековъ. Объ онѣ сходны удобствомъ въ образованіи слоговъ словъ, а по сему и рѣчей, но совсѣмъ различны въ способѣ образованія и писанія оныхъ; къ сему различію принадлежитъ и то, что первая течетъ съ правой руки на лѣвую, а послѣдняя съ лѣвой на правую. Впрочемъ, каждый согласится, что гораздо легче и скорѣе можно выучиться писать и читать по сей послѣдней методѣ писанія, и потому послѣдняя гораздо выгоднѣе первой.

По сей-то удобности и Греческая метода писанія постепенно прививалась къ окружнымъ своимъ сосѣдямъ, но замѣтимъ, что не такъ рано, какъ Сирійская. Прежде всѣхъ прочихъ Европейцевъ, то есть, за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, буквы Греческія перешли изъ Великой Греціи (что нынѣ южная Италія) къ непосредственно сосѣднему, бѣдному, грубому, но храброму народу *Латышскаго* (не думайте, что это опечатка вмѣсто: *Латинскаго*) племени, который въ послѣдствіи слылъ подъ именемъ Римлянъ, или Италіянцевъ, по имени страны, называемой Греками, Италіею. Сей бѣдный народъ выучился у Грековъ всему добру во всѣхъ отношеніяхъ онаго; бѣдность и строгій надзоръ за нравами поддерживали его мужество, а успѣхи въ просвѣщеніи отворяли ему путь къ военнымъ успѣхамъ, т. е., къ завоеванію своей учительницы.

Правда, что сіи буквы нѣсколько измѣнились подъ руками Римлянъ; но всмотритесь въ оныя хорошенько, и увидите въ оныхъ вездѣ слѣды Греческихъ.

Между тѣмъ на Востокѣ: въ Аѳинахъ, Александріи, Пергамѣ и проч., и проч., Греческая ученость и письменность удостоились вниманія и подражанія сосѣднихъ племенъ. Армяне до V столѣтія писали Греческимъ чистымъ почеркомъ, пока не нашелся знаменитый Месровъ, выдумавшій нынѣшнія, ими употребляемыя. Жители Колхиды (Грузіи) и Понта тѣ же Греческія употребляли, пока, при безпрерывныхъ успѣхахъ чистописанія, не переродили ихъ до того положенія, въ которомъ онѣ находятся нынѣ. Готы при Черномъ морѣ еще въ IV столѣтіи приняли отъ Грековъ и Вѣру и буквы, и Аріанизмъ, которые унесли съ собою въ самую Италію и Испанію.

Замѣтимъ здѣсь, что распространеніе Греческихъ письменъ происходило вмѣстѣ съ распространеніемъ Христіанства, которое, однако, на нѣсколько столѣтій было пріостановлено, и возобновлено съ бо́льшими усиліями со временъ Карла Великаго, то есть, съ начала IX столѣтія. Но какъ оно происходило съ двухъ сторонъ, Греціи и Италіи, то

по сему и буквы были распространяемы двоякія, именно чистыя Греческія, у тѣхъ народовъ, которые достались въ удѣлъ Восточной Каѳолической Церкви, и Греческія преобразованныя и названныя, по праву присвоенія, Латинскими, у народовъ, доставшихся въ удѣлъ Римскимъ Епископамъ.

Между тѣмъ Готическія буквы въ Италіи и Испаніи исчезли, подобно ихъ господамъ; а Латынскія взяли верхъ повсюду, и даже, по мѣрѣ разширенія владѣній Папъ въ земляхъ Восточной Церкви, выгоняли Греческія во свояси, какъ въ Богеміи, Моравіи и Венгріи. Впрочемъ, и Латынскія измѣнились въ одной странѣ въ своемъ почеркѣ, и называются Нѣмецкими по тому, что придерживаются ихъ одни Нѣмцы.

И такъ Славянскій родъ, распавшись на двѣ религіозныя стороны, принялъ письмена двухъ почерковъ, Греческаго и Латинскаго. Какое же, и съ какихъ поръ начало Славянской письменности? Принятіе ли тѣхъ, или другихъ буквъ? Пусть такъ. Или то время, съ котораго Славяне стали писать на своемъ языкѣ? Пусть такъ: и то и другое заключается въ понятіи о письменности. Въ первомъ отношеніи заключается письменность пригнутыхъ къ землѣ Западныхъ Славянъ, которые не могли воспользоваться буквами, чтобы оставить намъ памятники древняго ихъ слова; въ обѣихъ же гораздо ранѣе и лучше успѣли счастливые Восточные.

Между тѣмъ какъ распространились по всей Европѣ и по нѣкоторой части Азіи неудачные снимки Греческихъ письменъ, на Востокѣ дѣлало и Сирійское письмо свои завоеванія. Мы прежде остановились на Арабахъ, коихъ письменные крючки приняты вездѣ въ Азіи и Европѣ, куда тодько могъ проникнуть Исламизмъ, какъ у Турковъ, Персійскихъ Татаръ, Бухарцевъ и проч., и проч., точно такъ, какъ Греческое перешло къ Болгарамъ, Сербамъ, Кроатамъ, Моравамъ, Россамъ и проч.

Теперь спрошу, выдумывали ли Болгаре для себя буквы, или изобрѣлъ ли Кириллъ или Меѳодій, такъ называе-

мыя Славянскія письмена? Всякій видитъ, что буквы, коими начали писать Болгаре, а потомъ и Россіяне, суть чистыя и настоящія Греческія, и говорить объ изобрѣтеніи сихъ буквъ Кирилломъ и Меѳодіемъ будетъ нелѣпо.

Пусть же теперь обратитъ вниманіе свое читатель на понятія и историческіе таланты сочинителей легендъ, извѣстій и, такъ называемыхъ, источниковъ: вотъ, на примѣръ, слова Грека, біографа Болгарскаго Архіепископа Климента:

«Но поелику народъ Словенскій (??) или Болгарскій не понималъ писанія, на Греческомъ языкѣ предложеннаго, то Святые почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова происходитъ, ниспослать имъ *способность къ изобрѣтенію* письменъ, соотвѣтствующихъ грубости языка Болгарскаго; молитва ихъ была услышана, и они *изобрѣли* Словенскія (!!) буквы, перевели Богомъ дарованныя писанія съ Греческаго языка на Болгарскій, и старались сообщить божественныя словеса достойнѣшимъ ученикамъ своимъ. Между почерпавшими изъ источника ихъ ученія, находились ликоначальники: Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларь и Савва.»

Или мѣсто изъ мнимой буллы Папы Іоанна VIII къ Святополку, Великому Господарю Моравскому, въ коей говорится, что Славянскія буквы найдены какимъ-то Константиномъ философомъ, а Constantino (Litteras Slavicas, quodam Philosopho repertas) и прочія, тому подобныя, извѣстія, въ коихъ говорится о семъ мнимомъ изобрѣтеніи. Даже и самъ знаменитый Добровскій, сообразно легендамъ (многократно) употребляетъ слова: *изобрѣли*, *изобрѣтатель*, говоря о сихъ Апостолахъ Болгаріи; и Шлецеръ не усомнился обратиться къ нимъ съ поклономъ: « Привѣтствую васъ, безсмертные *изобрѣтатели Славянскія грамоты!*»

Правда, что къ Греческому алфавиту прибавлены нѣкоторыя буквы для изображенія остальныхъ Болгарскихъ звуковъ; но не уже ли это значитъ быть изобрѣтателемъ той азбуки, которую въ самомъ дѣлѣ только пополнилъ, кто бы то ни былъ? Почему не говорить гораздо естественнѣе и

приличнѣе о введеніи, или принятіи Болгарами Греческаго алфавита, вмѣсто безтолковаго слова *изобрѣтенія*?

И такъ ни Кириллъ, ни Меѳодій, ни какой либо другой Болгаринъ не изобрѣталъ и не могъ изобрѣтать алфавита, который существовалъ уже прежде за тысячу лѣтъ, и который называется Славянскимъ по тому только, что вошелъ въ употребленіе у нѣсколькихъ видовъ Славянскаго рода и что пополненъ нѣсколькими новыми знаками.

Сообразно симъ понятіямъ, мы предложимъ другой вопросъ, болѣе важный и болѣе подходящій къ дѣлу: кто и когда ввелъ въ употребленіе у Болгаръ Греческія письмена?

Отвѣтъ на сей вопросъ находится въ совершенно аналогическомъ отношеніи съ отвѣтами на вопросы: кѣмъ, какъ и когда перенесены Греческія буквы къ Латинамъ, Коптамъ, Готамъ и проч., или Арабскія къ Туркамъ, Татаро-Персамъ, Бухарцамъ и проч. Если обратить полное вниманіе на принадлежности сего переноса, то нельзя не замѣтить, что главнѣйшею изъ оныхъ былъ переходъ Религіи, и, во вторыхъ, непосредственное сосѣдство и тѣсное соприкосновеніе двухъ народовъ, между коими долженствовалъ случиться сей переходъ, или сообщеніе письменности. Дѣйствіе образованнаго Греческаго народа не могло быть обращено на одного только, или двухъ Болгаръ, ибо сіе не возможно, но происходило на всѣхъ точкахъ соприкосновенія онаго съ Болгарскимъ, т. е., не могу допустить, чтобы исключительно одному Кириллу, или Меѳодію могло придти на мысль писать Болгарскія слова Греческими буквами.

Отвергнувъ неосновательное понятіе сочинителей легендъ и извѣстій, писавшихъ наобумъ, объ изобрѣтеніи Словенской грамоты, обращаемся къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, въ коихъ сія Славянская азбука признается Греческимъ дополненнымъ алфавитомъ, а по сему представляется понятіе только о введеніи онаго между Болгарами, что гораздо естественнѣе.

И такъ скажете, сообразно симъ извѣстіямъ: Криллъ и Меѳодій ввели между Болгаръ Греческія письмена? Совер-

шенно такъ; но сіе должно разумѣть только въ отношеніи независимой Болгаріи: естественно, что сіи мужи, знакомя народъ съ истинами Св. Писанія, познакомили оный и съ письменами; по крайней мѣрѣ такъ думаемъ, ибо не знаемъ поименно всѣхъ тѣхъ людей, коихъ употребляло Болгарское Правительство, какъ орудія, въ проповѣдываніи, ученіи и крещеніи всей Державы; по сему все падаетъ на тѣхъ, о коихъ донесли источники. Такое свойство человѣческихъ сужденій, что тѣ лица, на коихъ дѣлается донесеніе прежде всѣхъ, остаются виновниками всего дѣла, до тѣхъ поръ, пока безпристрастный и проницательный судья не разбереть всѣ подробности происшествія. Но повѣрите ли, что можно сдѣлать истинное заключеніе, справедливое рѣшеніе безъ истинныхъ и справедливыхъ свидѣтельствъ? Думаете ли, что можно въ изслѣдованіи употребить одни голыя (какія бы то ни были, справедливыя, или подложныя) свидѣтельства, не сообразивъ оныхъ ни съ естественностію дѣла, ни съ теченіемъ обстоятельствъ, ни съ порядкомъ вещей, ни здравымъ разсудкомъ?

Не имѣя точныхъ и подробныхъ свидѣтельствъ о введеніи Греческихъ письменъ въ Болгарію, мы будемъ довольствоваться Меѳодіемъ и Константиномъ, названнымъ послѣ въ монашествѣ Кирилломъ, какъ главнѣйшими виновниками сего великаго и спасительнаго дѣла. Впрочемъ, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ допустить, что въ этой богатой жатвѣ они имѣли у себя нужное число помощниковъ. И такъ нельзя приписать введенія въ Болгарію письменности другому кому, кромѣ Меѳодія и Кирилла. Это такъ.

Но со всѣмъ другое дѣло будетъ вопросъ: кто первый изъ Болгаръ сталъ употреблять Греческій алфавитъ? Сіе приписать Кириллу и Меѳодію тогда только могутъ, если докажутъ, что никому изъ многочисленныхъ Болгаръ, преимущественно наполнявшихъ не только Европейскія области Восточной Имперіи, но даже поселенныхъ въ довольномъ количествѣ въ Малой Азіи, Болгаръ, говорю, которые съ давняго времени были большею частію смѣшаны съ Греками, были гражданами Имперіи, въ большой силѣ и уваже-

нiи у Грековъ, были давно уже Христiанами, и коимъ отворенъ былъ путь ко всѣмъ чинамъ, достоинствамъ и самому трону Государства, ни случая не было, ни мысль не приходила въ голову писать Болгарскiя народныя свои слова Греческими буквами. Этого доказать совершенно не возможно, и напротивъ допустить даже должно, что Болгаре (Имперскiе) еще до Меѳодiя и Кирилла, писали сими буквами, ибо принятiе ихъ было неразлучно и необходимо соединено съ принятiемъ Христiанской Вѣры.

Зная, что письменность у Восточныхъ Славянскихъ племенъ распространялась вмѣстѣ съ Христiанствомъ, и что начало ихъ обращенiя значительное время заключалось въ предѣлахъ Имперiи между Болгарскими ея жителями, я совершенно убѣжденъ, что и письменность между ними уже долгое время была въ употребленiи, пока, наконецъ, при благопрiятномъ случаѣ, изъ-за горъ Балканскихъ не распространилась и на прочiя страны. Явнымъ доказательствомъ тому служитъ, что два Македонскiе уроженцы (не упоминая о прочихъ предполагаемыхъ), Кириллъ и Меѳодiй, учили въ Болгарiи читать, писать и проч.

Сообразно понятiю, что письменность существовала между Болгарами Имперскими еще до крещенiя Бориса, предложу вопросъ: не уже ли сiи Болгаре, которые во время обращенiя Короля были всѣ Христiанами, не имѣли ни одного, какого бы то ни было, училища? Отрицать сiе категорически было бы предосудительно для всякаго, и я не могу принудить себя повѣрить, чтобы сiи Христiане были хотя безъ нѣсколькихъ подобныхъ заведенiй. По крайней мѣрѣ, образованiе духовенства, хотя бы даже и посредственное, для Болгарскаго народа въ разныхъ областяхъ Имперiи, того непремѣнно требовало. Кромѣ сего, если даже не обратимъ вниманiя на необходимость учрежденiя училищъ, то одному только примѣру образованныхъ Грековъ не могли не послѣдовать Болгаре во введенiи сихъ заведенiй, и думаю, что могъ найтись не одинъ знаменитый Болгаринъ (а изъ Болгаръ многiе, какъ я выше упомянулъ, занимали въ Имперiи высокiя мѣста), который могъ усмотрѣть нужду и

пользу подобныхъ заведеній, и могъ, какъ патріотъ, содѣйствовать къ учрежденію и распространенію оныхъ.

Впрочемъ, много ли было сихъ училищъ, на какой ногѣ они состояли, находились ли въ однихъ только монастыряхъ, или и въ городахъ, здѣсь изыскивать не стану; замѣчу только, что въ какихъ бы ни были мѣстахъ сіи училища, преимущественно, однако, они должны были находиться въ болѣе усовершенствованномъ состояніи въ столицѣ Имперскихъ Болгаръ, Ѳессалоникѣ и вмѣстѣ столицѣ Македонской Епархіи. Сіе подтверждается тѣмъ, что Константинъ (Кириллъ) былъ философомъ Ѳессалоникскимъ, т. е., профессоромъ или, можетъ быть, и директоромъ Ѳессалоникскихъ училищъ; Греческихъ? нѣтъ, но Болгарскихъ. Сіе самое повторяется и во вложенномъ мѣстѣ въ лѣтопись Нестора, гдѣ сказано, что въ Ѳессалоникѣ у Льва философа есть два сына (Меѳодій и Константинъ), знающіе Славянскій (Болгарскій) языкъ, весьма ученые и философы. Не былъ ли по сему и отецъ ихъ профессоромъ?

И такъ начало письменности въ Болгарской Державѣ дѣйствительно начинается съ Кирилла и Меѳодія, и есть только слѣдствіемъ и распространеніемъ письменности Болгаръ Имперскихъ; но когда она у нихъ началась, опредѣлить не возможно, и сказать на сей разъ можно только то, что они переняли отъ своихъ добрыхъ сограждан, Грековъ, и буквы и Вѣру вмѣстѣ, и что сіе случилось не вдругъ и не введено однимъ человѣкомъ, но постепенно, и могло входить въ употребленіе у разныхъ лицъ въ одно и то же время.

Правда, что не имѣемъ ни какихъ особыхъ памятниковъ письменности Имперскихъ Болгаръ, т. е., до временъ Кирилла и Меѳодія, ибо время слишкомъ ѣдко, и мы не имѣемъ подлинниковъ даже и начала XI столѣтія.

Изложенныя мною понятія о Болгарской письменности суть почти одно и то же съ понятіями о переводѣ Св. Писанія и служебныхъ книгъ на языкъ Болгарскій; ибо одно не могло случиться безъ другаго: обращеніе въ Христіан-

ство, введеніе письменности, переводъ Церковныхъ книгъ, суть принадлежности одного и того же событія.

Сообразно сему положенію, Имперскіе Болгаре должны были имѣть въ переводѣ, если не все Св. Писаніе, то, по крайней мѣрѣ какую либо самую нужную часть онаго. Приписываемый источниками Меѳодію и Кириллу переводъ всей Библіи и даже другихъ служебныхъ книхъ, заключаетъ въ себѣ что-то затруднительное, неестественое. Самъ Добровскій, основывая свои изысканія единственно на свидѣтельствахъ, такъ называемыхъ, источниковъ, весьма нерѣшительно и необстоятельно говоритъ о семъ дѣлѣ, а Шлецеръ, какъ толкователь, чтобы не упустить каждую строку безъ объясненія, пускается въ замѣчанія постороннія, а сущность дѣла оставляетъ еще подъ вопросомъ.

У меня безпрестанно вертится въ головѣ подозрѣніе, не ошиблись ли составители источниковъ и легендъ касательно перевода Св. Писанія, какъ ошиблись они и въ понятіи объ изобрѣтеніи, такъ называемыхъ, Словенскихъ письменъ? Неясность ихъ свидѣтельствъ дѣлаетъ ихъ недостаточными, а противурѣчія лишаютъ ихъ судебнаго достоинства; основовываться же на тѣхъ или на другихъ не льзя до тѣхъ поръ, пока, быѣъ повѣрены съ естественностію событія, не окажутся достойными вниманія.

Основываясь на сихъ извѣстіяхъ, Добровскій предлагаетъ вопросъ: «что собственно перевелъ Кириллъ, что Меѳодій?» и вмѣстѣ отчаявается отвѣтить на оный рѣшительно, говоря: «Кто можетъ отвѣчать теперь на этотъ вопросъ «удовлетворительно? Одинъ говоритъ, что Кириллъ перевелъ «всѣ Словенскія книги; другой, что и Меѳодій принималъ въ «томъ участіе». А я прибавлю: возможно ли объяснить сіе дѣло удовлетворительно до тѣхъ поръ, пока станемъ придерживаться однихъ только извѣстій, сочиненныхъ въ среднія времена?

Впрочемъ, сей вопросъ въ строгомъ смыслѣ принадлежитъ къ біографіи нашихъ Апостоловъ; намъ же для исторіи распространенія Славянской письменности нужно объяснить

вопросъ, кто переводилъ Св. Писаніе, гдѣ и когда и, наконецъ, сколько? Вотъ четыре вопроса, которые должны бы вполнѣ объяснить событіе, коего ходъ, какъ и всѣхъ другихъ, заключающихся во времени и пространствѣ, долженъ имѣть свои побудительныя причины, количество лицъ дѣйствующихъ и качество дѣйствія: это суть категоріи, безъ объясненія коихъ нельзя имѣть настоящаго понятія о спорномъ дѣлѣ.

Желая проникнуть, сколько возможно, въ естественный ходъ сего происшествія, предложу по одиначкѣ выше означенные вопросы.

Если даже и переведено Кирилломъ и Меѳодіемъ Св. Писаніе, то гдѣ, въ какой странѣ случился сей переводъ?

а) Мы видѣли выше, и самъ Добровскій такъ думаетъ, что Св. книги въ Моравію внесены изъ Болгаріи: иначе быть не могло; ибо сіи книги были не на Моравскомъ языкѣ.

б) Если бы Кириллъ или Меѳодій переводилъ Св. Писаніе на Моравскій языкъ, то кто переводилъ оное на Болгарскій, или тотъ самый, на которомъ писаны нынѣшнія Церковныя книги? Здѣсь надобно отвергнуть то, или другое. Моравяне сами признаются, что переводъ Кирилловъ не былъ на ихъ языкѣ.

«Первая Латинская легенда (пишетъ Добровскій) говоритъ именно: «Моравы обрадовались, услыша, что учители, ими испрошенные, несли съ собою мощи Св. Климента и Евангеліе, переведенное на ихъ (??) языкъ выше упомянутымъ Философомъ.«

Какое противорѣчіе! Самъ прежде признается, что Кириллъ переводилъ не на Моравскій языкъ, а здѣсь опять закрываетъ глаза на ошибочное мѣсто легенды. Что Кирилъ и Меѳодій, если они дѣйствительно отправлялись въ Моравію, несли съ собою Евангеліе, уже готовое, переведенное, согласенъ; но возможно ли, чтобы переводчики перевели Евангеліе на языкъ такого народа, коего еще они не знали, къ коему только еще отправлялись, и котораго языка еще не вѣдали?

Но скажете, можетъ быть, что они, будучи опредѣлены въ проповѣдники Христіанства въ Моравіи, могли перевести оное на ихъ собственный языкъ во время своего между ними пребыванія. Кто же перевелъ сіе самое для Болгаръ на Болгарскій языкъ? Вы опять признаетесь, что Кириллъ же, или Меѳодій? Не уже ли кто будетъ столь опрометчивъ, чтобы отважился приписать двоекратное преложеніе Св. Писанія, одно на Болгарскій, а другое на Моравскій языкъ, одному, или двумъ человѣкамъ, между тѣмъ какъ переводъ сего же самаго Писанія, за исключеніемъ Новаго Завѣта и богослужебныхъ книгъ, на одинъ только Греческій нѣкогда стоилъ довольно труда и времени 70-ти толковникамъ?

Конечно, всякій согласится, что переводъ могъ быть сдѣланъ только на одинъ языкъ, и что Св. Писаніе долгое время оставалось на семъ одномъ языкѣ, пока, въ послѣдствіи, времени не переведено и на прочіе виды общаго Славянскаго. Всѣ древнѣйшіе памятники Церковной Словесности писаны на одномъ Болгарскомъ языкѣ, и всякій Чехъ, или Моравянинъ долженъ признаться, что его праотцы, прежде нежели ввели у нихъ въ употребленіе Латынь, пѣли тропари и кондаки на семъ самомъ, неупотребительномъ среди ихъ, нарѣчіи, точно какъ и нынѣ еще поютъ Россіяне.

И такъ само собою слѣдуетъ, что Св. Писаніе переведено было для Болгаръ, ибо на Болгарскомъ языкѣ и что оно уже готовое перенесено въ Моравію такъ же, какъ и въ Россію. И такъ Св. Писаніе никогда не переводилось въ Моравіи. Или, не уже ли вздумаете сказать, что Кириллъ переводилъ оное въ Моравіи для Болгаръ? или на Болгарскомъ языкѣ въ Моравіи для Моравовъ? Что значитъ подложное мѣсто у Нестора: «*Симъ бо перьвое преложена книга въ Моравѣ, яже прозвася грамота Словенская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ*»? Не уже ли Христіанская Вѣра, и съ нею Св. Писаніе, обратнымъ путемъ перенесено изъ Моравіи въ Болгарію и Россію, да еще, замѣтьте, на Болгарскомъ языкѣ??! Или, какъ понимать: «*Въ Моравы бо ходилъ и Апостолъ Павелъ, и училъ*

ту; ту бо есть Иллирикъ, его же дошелъ Апостолъ Павелъ» Моравія въ Иллирикѣ, или Иллирикъ въ Моравіи!

Довольно, самая первая легенда говоритъ, что Евангеліе уже готовое принесено въ Моравію изъ другой страны; а Добровскому «переводъ всего Ветхаго Завѣта очень сомнителенъ, потому что древнихъ списковъ не находится«. Если мнимый Болгарскій Ексархъ, Іоаннъ, въ предисловіи къ книгѣ: «Небеса», приписываетъ одному Меѳодію переводъ шестидесяти церковныхъ книгъ, то трудно будетъ исчислить ихъ поименно. «Меѳодій, какъ Архіепископъ, даваль иное переводить другимъ» - (кому? Моравянамъ? которые не знали Греческаго языка, и чтобы переводиди не на ихъ, но на Болгарскій языкъ?): «но чтобъ онъ самъ и одинъ занимался сими переводами, это не можетъ быть доказано, и невѣроятно.»

Правда, чтобы Меѳодій, во первыхъ, переводилъ Св. Писаніе въ Моравіи, доказать не возможно; во вторыхъ, чтобы онъ самъ и одинъ перевелъ оное, гдѣ бы то ни было, повѣрить трудно. Впрочемъ, дѣло останется фактомъ, что В. Завѣтъ перенесенъ къ Моравамъ, Меѳодіемъ ли, или кѣмъ либо другимъ, все равно, оттуда, откуда и Н. Завѣтъ.

И такъ, Св. Писаніе переведено въ Болгаріи. Теперь слѣдуетъ другой вопросъ.

Когда же случился переводъ сихъ книгъ? Такъ какъ не трудились надъ нимъ въ Моравіи, то онъ долженствовалъ быть совершеннымъ въ Болгаріи еще до 861, или 863 года, въ которомъ сравнители легендъ заставляютъ Константина и Меѳодія путешествовать въ Моравію. Добровскій ясно видитъ что «они, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Моравію, слѣдовательно, за нѣсколько лѣтъ до 867 года (и такъ въ самомъ еще 863 году?) ввели тамъ Словенское (Болгарское) богослуженіе. Что иное могутъ означать слова: coeperunt itaque ad id, quod venerant, studiose peragendum insistere, et parvulos eorum literas edocere, officia ecclesiastica instruere?» Какъ могли бы они вводить тотчасъ бого-

служеніе, не имѣя съ собою уже изъ Болгаріи готоваго перевода?

Какія же книги должны были быть уже готовы при начатіи сего дѣйствія? Легенда говоритъ, что это было Евангеліе, а вставщикъ Несторовъ прибавляетъ и Апостолъ; а служебныя книги: Псалтирь, Осмогласникъ, Литургіію и Ветхій Завѣтъ, прибавляетъ, перевели послѣ (!!). Какъ же могли они ввести тотчасъ богослуженіе, не имѣя нужныхъ для того книгъ, для перевода коихъ вся остальная часть жизни Меѳодія не была достаточна, который и безъ того, занимаясь, по смыслу легендъ, другими дѣлами и путешествіями въ Римъ, не имѣлъ времени переводить?

Признаніе перевода Св. Писанія въ Моравіи влечетъ за собою великую несообразность въ естественности происшествія. Шлецеръ думаетъ, что всѣ книги переведены въ Моравіи, потому что буквально объяснялъ вставщика Нестора.

Замѣтимъ здѣсь, однако, что все зависитъ не отъ объясненій Шлецера, но отъ достоинства понятій вкладчика Нестора. Вотъ текстъ вкладчика:

«*Меѳодій же посади два попа борзые писца вельми, и преложиста вся книга исполнь отъ Греческа языка во Словенескъ въ шесть мѣсяцъ, наченше отъ Марта мѣсяца до 26 дня Октября.*»

Вотъ толкованіе: «почти, кажется, говоритъ Шлецеръ, что все это мѣсто вставлено недавно.» Это точно.

«Но между тѣмъ, извѣстія сіи, откуда бы они взяты ни были, важны и достойны всякаго вѣроятія; ибо что за польза лгать такъ подробно?»

а) Что сіе извѣстіе было бы весьма важно, правда; но что достойно всякаго вѣроятія — неправда. б) Къ чему этотъ вопросъ? Уже ли Шлецеръ хотѣлъ имъ доказать, что вставщикъ не могъ ошибиться въ своихъ понятіяхъ, и что онъ точно зналъ то событіе, которое случилось до него за 4 или 5 столѣтій?

«Но болѣе затрудненій представляется съ другой стороны.

I. Начало перевода сдѣлали оба брата вм стѣ, въ теченіи $4^1/_2$ лѣтъ, проведенныхъ ими въ Моравіи а; довольно уже работы для такого короткаго времени, хотя бы они перевели только Новый Завѣтъ, Псалтирь и Осьмогласникъ б); но еще оставался Ветхій Завѣтъ в).

а) Откуда знаетъ онъ, что оба брата провели четыре съ половиною года въ Моравіи? Ужели Морава при Иллирикѣ вставщика по Шлецеру значитъ Моравія при Богеміи? б) Нѣтъ, не переводили въ сіе короткое время ибо съ собою принесли уже готовый переводъ. в) Но для чего говорить, заключать, что еще остался Ветхій Завѣтъ? Не по тому ли онъ раздѣлилъ дѣло перевода на двое, что вставщикъ говоритъ объ немъ въ двухъ мѣстахъ, и говоритъ, замѣтьте, одно и то же? Другой причины не вижу. И такъ, по Шлецеру, оставался еще В. З. по тому только, что вставщикъ еще разъ упомянулъ о томъ, что сказалъ выше: «преложиста Апостолъ и Евангеліе, посемъ же Псалтырь, Октоихъ и прочая книга!»

II. «Я полагаю, что здѣсь говорится только о послѣднемъ а). Но вѣроятно ли, чтобы два человѣка въ шесть мѣсяцовъ могли перевести гораздо бо́льшую и гораздо труднѣйшую часть Библіи? б). Меѳодій трудился надъ своимъ дѣломъ слишкомъ 30 лѣтъ; во все это время, вѣрно, переводилъ онъ, съ помощниками, книги по одиначкѣ, и теперь только, какъ я себѣ представляю, не за долго до своея смерти, собралъ всѣ эти отрывки и привелъ ихъ въ порядокъ. Слѣдственно, упоминаемые здѣсь два попа были только переписчики, переписавшіе готовый уже переводъ, а не настоящіе переводчики, какъ неправильно сказано о нихъ въ спискахъ« в).

а) Возможно ли полагать, что здѣсь говорится только о Ветхомъ Завѣтѣ? Уже ли слова: *исполнь вся книги* (т. е, сполна всѣ книги), значатъ одну часть Св. Писанія, одинъ Ветхій Завѣтъ? Это ли значитъ толковать? б) Какое противурѣчіе самому себѣ! Выше онъ рекомендуетъ слова

вставщика, какъ *достойныя всякаго вѣроятія*, а здѣсь обличаетъ ихъ въ невѣроятности!

Что свидѣтельство вставщика ниже всякаго вѣроятія, и безъ толкованій Шлецера всякій пойметь; ибо нѣтъ ни малѣйшей возможности въ исполненіи онаго.

в) Шлецеръ, чтобы поддержать мнимое достоинство сего мѣста, объясняетъ, что *два попа борзописца—преложиста*, значитъ не перевели, но переписали! А развѣ выраженіе вставщика: *преложиста съ Греческаго языка во Словенскѣ*, не значитъ переводить, а просто переписывать?? Какая нелѣпость!

Но посмотрите далѣе: чтобы объяснить, или доказать, что слово: *преложиста*, значитъ: *переписывали*, онъ представляетъ себѣ, что Меѳодій трудился надъ своимъ дѣломъ (въ Моравіи, разумѣетъ) слишкомъ 30 лѣтъ; и вотъ чѣмъ доказываетъ это: «во все это время вѣрно переводилъ онъ, съ помощниками, книги по одиначкѣ» (!! idem per idem!); и теперь только, какъ я себѣ представляю, «не задолго до своея смерти, собралъ всѣ эти отрывки и привелъ ихъ въ порядокъ».

Для чего дѣлать было подобныя увертки и почерпать доказательства изъ одного: «думаю», «кажется», чтобы перетолковать слова вставщика? Почему бы не сказать лучше, что сіи переписчики переписывали изъ готоваго Болгарскаго перевода? Вѣдь Ветхій Завѣтъ переведенъ на тотъ же Греческій языкъ, на которомъ писанъ и Новый и прочія Церковныя книги.

III. Шлецеръ полагаетъ, что переводъ конченъ около 897 года, но сіе, какъ онъ все думаетъ, было для Моравовъ. А развѣ Болгаре въ продолженіе 35 лѣтъ, а въ Имперіи въ продолженіе, можетъ быть, слишкомъ двухъ столѣтій, были безъ перевода?

Вся бѣда состоитъ въ томъ, что Шлецеръ отказался обратить вниманіе на Болгаръ, и всѣ свои изысканія основывалъ на ложномъ и сбивчивомъ повѣствованіи вставщика, которое онъ называетъ чистымъ, простымъ. Сіе мѣсто, встав-

ленное въ послѣдующія времена, и происшедшее, какъ вид-
но, изъ одного источника вмѣстѣ съ легендами и прочими извѣстіями, само по себѣ неосновательное, еще болѣе перетолковано? Слово *Морава* подало поводъ изыскателямъ къ заключенію о Чешской Моравіи, въ коей будто Кириллъ и Меѳодій переводили, потому что въ источникахъ говорится и о переводѣ. Заключеніями вывели, будто они прожили въ Моравіи 4½ года, гдѣ перевели Св. Книги.

Впрочемъ, откуда бы ни были взяты существующія понынѣ свидѣтельства, мы на сей разъ оставляемъ ихъ и обращаемся въ Болгарію.

Какъ бы ни сталъ кто умствовать по словамъ источниковъ и легендъ, дѣло остается фактомъ, что, тотчасъ послѣ крещенія Короля Бориса, неутомимые наши просвѣтители приступили ко введенію и распространенію въ Болгарской Державѣ Христіанскаго Богослуженія, и сіе случилось около 862, или 863, года.

Явно видно, что въ сіе время уже все должно было быть готово, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать подъ покровительствомъ Правительства. Посему переводъ, который легенды отсылаютъ въ послѣдствіе на 35 лѣтъ въ Моравію, въ естествѣ долженъ былъ необходимо появиться въ Болгаріи еще до 962 года. Но Кириллъ ли и Меѳодій начали и совершили оный, совершенно не извѣстно и весьма сомнительно. Приписывать сіе имъ исключительно нельзя, ибо нельзя этого доказать; по крайней мѣрѣ сказанное мною выше о началѣ письменъ неразрывно касается и перевода Св. Писанія.

Да, въ строгомъ смыслѣ, и нельзя было имъ переводить онаго; ибо для сего нужно было вести домашнюю сидѣльческую жизнь, между тѣмъ какъ, опредѣленные Провидѣніемъ для дѣла великаго, безсмертнаго, они принуждены были сносить всѣ труды и заботы, необходимые при обращеніи цѣлаго народа; крещеніе, проповѣдываніе, обученіе, учрежденіе церквей и освященіе оныхъ, словомъ, образованіе новой іерархіи, сообщеніе законовъ, соотвѣтству-

ющихъ новой Вѣрѣ, и много другихъ, могшихъ случиться обстоятельствъ, не позволяли имъ просиживать время надъ переводомъ. И такъ съ 861, или 863 года нельзя и думать о переводѣ.

Можетъ быть, впрочемъ, что Меѳодій, живя при Дворѣ Короля, могъ переводить что либо; но чтобы исключительно онъ перевелъ огромную кипу книгъ, допустить не возможно?

Теперь спросимъ: если Меѳодій даже и переводилъ бы при Дворѣ Короля, то не уже ли многочисленные Имперскіе Болгаре, которые давно уже были Христіанами и имѣли нѣсколько собственныхъ епархій, не уже ли, говорю, были они, до крещенія Бориса, безъ Св. Писанія, безъ Богослуженія?

Ясно, что приписать Меѳодію и Кириллу переводъ Св. Писанія и всѣхъ прочихъ служебныхъ Церковныхъ книгъ, можно будетъ тогда только, когда докажутъ неоспоримыми доводами, что Имперскіе Болгаре до крещенія Бориса ничего не могли имѣть на своемъ языкѣ. И такъ

1-е. Не видя естественной возможности въ обстоятельствахъ Меѳодія и Кирилла къ совершенію толикаго труда, невольно принуждены мы признать, что сей переводъ и Болгарское Богослуженіе существовали уже до просвѣтителей Болгарскаго народа, которые, однако, распространяли оное введеніемъ въ странахъ, ими обращаемыхъ.

2-е. Привитіе Христіанской Религіи Болгарской Державѣ не могло бы легко случиться безъ готоваго уже перевода Богослуженія и Св. Писанія, и одно уже давнишнее желаніе Византійскаго Двора привести воинственныхъ и неукротимыхъ Королей Болгаріи къ кротости Христіанской должно было быть непосредственною причиною давнишняго существованія Болгарскаго перевода Богослужебныхъ книгъ и Св. Писанія между Болгарами Имперскими.

3-е. Прочіе подданные Восточной Римской Имперіи еще до Кирилла и Меѳодія имѣли Св. Писаніе и Богослуженіе на своемъ собственномъ языкѣ: почему жъ бы не должны

были имѣть тоже и Болгаре, наполнявшіе большую часть европейскія области сей Имперіи ?

4-е. Военныя обстоятельства и ревностная преданность язычеству Болгарскихъ Государей именно принуждали Византійцевъ снабдить немедленно Болгарскій народъ въ Имперіи переводомъ Св. книгъ, и утвердить оный за Церковью введеніемъ Богослуженія на Болгарскомъ языкѣ: иначе Греческой литургіи онъ и чуждался бы и, не понимая, легко могъ бы оступить отъ Церкви обратно въ язычество, и прицѣпляясь душою къ Болгаріи, былъ бы врагомъ Имперіи, будучи ея подданнымъ. И такъ политика, интересъ Имперіи утвердить за собою подданныхъ Болгаръ, и интересъ Церкви, введеніемъ Богослуженія на языкѣ народномъ облегчить сообщеніе и пересажденіе Христіанства по сю сторону горъ Балканскихъ, были тѣ условія, коихъ слѣдствіемъ долженствовало быть начало и гораздо давнѣйшее существованіе Славянскаго Богослуженія и перевода Св. Книгъ.

5-е. Понятія, уже выше мною объясненныя, о началѣ и распространеніи Славянской письменности, и естественность по рядка въ ходѣ и успѣхахъ онаго, требуютъ и подтверждаютъ, что Славянское (Болгарское) Богослуженіе долго заключалось за Балканами, въ предѣлахъ Имперіи, вмѣстѣ съ письменами и Христіанствомъ. По сему-то

6-е. Греческая Словесность имѣла сильное вліяніе на Словесность Имперской отрасли Славянскаго вида Болгаръ; посему-то наше Св. Писаніе изобилуетъ, какъ многіе ученые уже замѣтили, Грецизмами. И на оборотъ, сіи Грецизмы показываютъ, что оно переведено не въ Моравіи, ни въ Болгаріи, но въ самой Имперіи.

И такъ сіи замѣчанія утверждаютъ меня въ мысли, вопреки мнѣнію собирателей историческихъ свидѣтельствъ, что Св. Писаніе переведено и Богослуженіе введено между Имперскими Болгарами гораздо прежде Кирилла и Меѳодія. Впрочемъ, гдѣ бы ни совершенъ былъ сей переводъ, все равно; и самый Константинополь не менѣе могъ быть мѣстомъ его довершенія, какъ и Адріанополь, или Солунь.

Еще во время Меѳодія Солунскій архіепископъ, Ѳеодоръ, какъ замѣчаютъ Добровскій, Шлецеръ и проч, *велѣлъ переписать* Псалтирь, коея противень въ послѣдствіи написанъ Глаголическими буквами. *Велѣлъ переписать*; ибо тогда типографій не было, а нужда заставляла переписывать необходимыя книги. Разумѣется, что сія Псалтирь переписана была для какой либо Болгарской церкви въ Солуни.

Сіи книги въ теченіи времени переписываемы были безпрестанно не только въ Имперіи, но и въ Болгаріи и прочихъ странахъ, принявшихъ въ слѣдъ за нею Христіанское вѣроисповѣданіе, какъ, на примѣръ: на берегахъ Моравы въ Болгаріи, Савы, Дравы, Дуная, Тисы, Днѣпра и проч. И сіи переписи сочинители извѣстій называютъ переводомъ!!

Не смотря на сіе, однако, не стану утверждать рѣшительно, что Меѳодій и Кириллъ не переводили совершенно ничего, ибо сіе было бы безразсудно. Можетъ статься, что въ ихъ время не вся Церковная библіотека была уже на Болгарскомъ языкѣ, и что, живя при Дворѣ Короля, или даже еще дома въ Имперіи, движимые ревностію къ своей Церкви, они перевели недостающее; или, если даже и все было довершено ихъ предшественниками, то они, какъ истинно ученѣйшіе мужи, могли заняться исправленіемъ недотатковъ могшихъ вкрасться въ столь обширномъ Церковномъ запасѣ; и сіе уже само по себѣ есть великій трудъ и великая заслуга. Впрочемъ, рѣшительно не льзя сказать ни того, ни другаго; ибо не имѣемъ подлинной современной біографіи сихъ просвѣтителей Словенъ. Всѣ писанныя о нихъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ свидѣтельства своими противорѣчіями уничтожаютъ одно другое.

Неизвѣстно, гдѣ, кѣмъ и когда сіи знаменитые мужи причислены къ лику Святыхъ.

«По извѣстію Гайка, Чехи первые почтили двухъ Словенскихъ учителей, ибо, по словамъ его, Герцогъ Вратиславъ въ 915 соорудилъ церковь въ Болеславлѣ (нынѣ Бунцлавъ) въ честь Св. Кирилла и Меѳодія. Сіе неосновательное ут-

вержденіе опровергаетъ Добнеръ въ лѣтописяхъ (III, 447) замѣчая, что объ этой церкви молчатъ всѣ древнѣйшія извѣстія. Не читалъ ли объ этомъ Гаекъ въ своемъ Неплахѣ? Сей (у Добнера «in Man. IV, 38) пишетъ: «in Wratislaw aedificavit ecclesiam C. Georgii Martyri (въ Прагѣ) et in Boleslaw S. S. Cyrillo et Metudio.» Однако жь, кажется, списокъ, сообщенный Добнеру, былъ очень дуренъ, и въ подлинникѣ стояли не Кириллъ и Меѳодій, а Козма и Даміанъ, потому что древняя церковь въ Бунцлау посвящена симъ Святымъ. До четырнадцатаго столѣтія нѣтъ никакого извѣстія о церкви въ Богеміи во имя Кирилла и Меѳодія. Но Императоръ Карлъ IV называетъ, въ грамотѣ 1347 года, Кирилла и Меѳодія между Святыми, въ честь коихъ соорудилъ онъ монастырь въ предмѣстіи Пражскомъ для Далматскихъ Бенедиктинцевъ, которые отправляли Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ по Римскому обряду: « ad honorem Dei, Ieronymi Praefati Cyrillique, Methudio etc.» и на конецъ за Іеронимомъ они названы еще разъ Святыми, коихъ проклятіе навлечетъ на себя тотъ, кто будетъ порицать помянутое основаніе.»

«Послѣ этого уже введены имена двухъ Святыхъ братьевъ въ мѣсяцословы служебниковъ и требниковъ, и притомъ на 9 Марта, какъ то установилъ Епископъ Іоаннъ Ольмюцкій 1380 года въ своемъ округѣ.

«О формальномъ причтеніи (канонизаціи) къ лику Святыхъ Кирилла и Меѳодія въ Западной Церкви не можетъ, конечно, быть рѣчи. Только Стредовскій, который уже у Добнера называется *loquacissimus* (болтунъ) за многія неосновательныя свои повѣствованія, хочетъ знать, что причелъ ихъ къ лику Святыхъ Папа Іоаннъ X въ 914 году.»

Изъ всего сего явствуетъ: 1-е, что въ Богеміи и въ Моравіи нашихъ Апостоловъ почтили Святыми только со временъ Императора и Короля Чеховъ, Карла IV, т. е., съ второй половины XIV столѣтія; 2-е, что не Папы, не Римская Церковь причислила ихъ къ лику Святыхъ, ибо не находились въ Служебникахъ по Римскому обряду. По сему они

признаны Святыми Восточною Церковью; но когда и гдѣ? И на это отвѣчать трудно; не имѣя подлинныхъ о семъ свѣдѣній, должно добиваться догадки, по крайней мѣрѣ, вѣроятной, по древнимъ мѣсяцословамъ, изъ коихъ видно бы было, съ котораго времени праздновали ихъ память. Я приведу здѣсь опять слова знаменитаго Добровскаго:

«Кто можетъ сомнѣваться, говоритъ онъ, что воспоминаніе о Кириллѣ (а о Меѳодіѣ?) было для Словенъ священнымъ? Уже по мѣсяцослову Остромирова Евангелія, 1056 года, память его празднуется 14 февраля. За Чудотворцемъ Авксентіемъ поставлено: *преподобнаго отца нашего Константина философа, пареченнаго въ черньичество именьмъ Кирила.* На второй Каппоніевой доскѣ живописнаго Сербскаго мѣсяцослова, подъ 14 февраля, Кириллъ изображенъ предъ Авксентіемъ и надъ онымъ явственно написано: «П. Кириллъ», т. е., Преподобный Кириллъ. Въ древней Словенской (??Болгарской *) Ассеманіевой рукописи, Глаголическими буквами писанной, подъ 14 числомъ февраля упоминается онъ Кириллъ: S. P. N. Cyrilli Philosophi, какъ переводитъ это Ассемани. Въ живописномъ Русскомъ Календарѣ у Папеброха между Авксентіемъ и Евлогіемъ стоитъ Кириллъ. Даже у Глаголитовъ (Словенскихъ священниковъ по Римскому обряду) въ Далмаціи, Кириллъ и Меѳодій праздновались вмѣстѣ съ Валентиномъ 14 февраля, какъ то показываютъ ихъ древніе требники, приводимые Мат. Караманомъ, Архіепископомъ Зарскимъ въ его Considerazioni XXXIV.

Изъ сего видно, что память Кирилла почтена уже съ 1056 года, 14 февраля, именемъ Преподобнаго. Гдѣ же Меѳодій? По видимому, въ послѣдствіи совершена торжественная ка-

---

* Въ той же рукописи подъ 50 января упоминается объ обрѣтеніи мощей Св. Климента. И поелику тамъ подъ 25 іюля за Пантелеймономъ встрѣчается Климентъ, Епископъ *Бѣлградскій*, съ приложеніемъ *нашъ*, то слѣдуетъ заключить, что Ассеманіева Глаголическая рукопись переписана съ Болгарской. *Примѣч. Добровскаго.*

канонизація обоихъ братьевъ, по силѣ коей они причислены къ лику Святыхъ.

Если мѣсяцословъ Остромировскій столь же древенъ, какъ и Евангеліе, то можно признать, что Восточная Церковь уже въ 1056 году чтила память сихъ великихъ и незабвенныхъ мужей. Какая жъ Восточная? Юная ихъ воспитанница, Церковь Болгарская. И такъ прежде всѣхъ начали праздновать ихъ воспоминаніе въ Болгаріи, Болгаре же; въ послѣдствіи стали чтить память и другіе народы, къ коимъ перешли Болгарскія книги и мѣсяцословы, какъ: Сербы, Кроаты, Далматы, Волохи, отчасти Словене и Чехи, Венгры и Россіяне. Торжество 14 числа февраля у всѣхъ показываетъ, что всѣ переписывали свои книги съ общаго имъ Болгарскаго источника. Вѣдь же не на Руси, ни въ Сербіи или Иллирикѣ никто не рѣшался приняться за многолѣтній трудъ перевода Св. Писанія и прочихъ книгъ съ Греческаго на свой народный языкъ, но всѣ пользовались уже готовымъ, довольно имъ понятнымъ, Болгарскимъ переводомъ.

Но кѣмъ именно и когда совершена сія канонизація, опредѣлить нельзя, ибо политическая жизнь Болгаріи, къ несчастію, давно прекратилась, а исторія ея, какъ политическая, такъ и церковная, предана забвенію. По сему историческіе изслѣдователи до сихъ поръ скитались по степямъ неизвѣстности за догадками, и тогда только прольется новый свѣтъ на древнюю Русскую Исторію, когда будетъ объяснена подробно исторія Болгарской Церкви и Литературы.

На сей же разъ мы будемъ довольствоваться положеніемъ, что Апостолы Словенъ причислены къ лику Святыхъ Болгарскою Церковью, а послѣ приняты и прочими народами, принявшими Болгарскія книги и Богослуженіе.

Нельзя рѣшительно сказать, были ли они чтимы и въ Моравіи и Богеміи, пока еще въ сихъ странахъ удерживалось Богослуженіе на Болгарскомъ языкѣ и по Греческому обряду. Но хотя бы даже и были почитаемы, то сіе о нихъ

воспоминаніе долженствовало быть вылнано вмѣстѣ съ обрядомъ и мѣсяцословами Восточной Церкви тогда, какъ Западная завладѣла сими странами, истребивши въ нихъ всѣ остатки Восточной; за то продолжали ихъ праздновать во всѣхъ прочихъ, куда ни проникало владычество Римской.

Впрочемъ, Италіянскіе и Нѣмецкі емонахи не могли быть столь безсовѣстны, чтобы не возстановить у завладѣннаго ими Чешскаго народа справедливый долгъ симъ безсмертнымъ мужамъ. Ревностный Чехъ, Императоръ Карлъ IV, первый подалъ къ тому поводъ; а Ольмюцскій Архіепископъ, около, 1380, именно велѣлъ въ своей Епархіи праздновать ихъ память на 9 марта. Вотъ начало принятія ихъ Римскою Церковью во второй половинѣ XIV столѣтія! — И такъ они вступили и въ число Святыхъ Западной Церкви (замѣтить надо, что Римская не одного изъ канонизованыхъ Восточною приняла въ свои мѣсяцословы), а по сему были чтимы двумя Церквами, Славяно-Восточною 14 февраля, а Славяно-Западною на 9 марта.

Кругъ дѣйствій Кирилла и Меѳодія лучше можно будетъ усмотрѣтъ, если обратить вниманіе на тогдашніе предѣлы Болгарскаго Царства.

Страны, обитаемыя Болгарами, кромѣ, собственно такъ называемой, Болгаріи, составляли большую часть страны, нынѣ называемой Валахіею, и всю Венгрію по сію сторону Дуная. Болгарская крѣпость Будинъ (сдѣлавшаяся въ послѣдствіи столицею Венгріи, а въ Россіи извѣстная по Нѣмецкимъ картамъ подъ именемъ *Offen*), была пограничнымъ Болгарскимъ укрѣпленіемъ (не упоминаю о другихъ) противъ Моравовъ, коихъ владѣнія чрезъ сѣверо-западныя Графства Венгріи тогда простирались до самаго Дуная. Болгарія была непосредственною сосѣдницею Моравіи; линія ихъ соприкосновенія продолжалась отъ Карпатскихъ горъ къ Будину. Это жилище народа царствующаго—Болгаръ.

Прочія владѣнія Болгарскаго Государства состояли изъ странъ, которыя обитаемы были не Болгарами, и въ послѣдствіи сдѣлались извѣстными подъ именемъ *Сербіи*, Бо-

геміи, Кроаціи, и изъ страны между рѣками Дравною и Савою. Въ сихъ двухъ послѣднихъ Болгарское Государство граничило съ Краинскими Словенскими вассалами Франковъ; область между Дунаемъ и Украинскими (Штиріо-Каринтскими) горами, обитаемая Словенами, и нѣкогда Римлянами называемая Панноніею, то же зависѣла отъ Болгаріи, Государи коей назначали ей правителей, Болгаръ ли, или Словенъ, все равно. Сихъ правителей мы видимъ подъ именемъ Князей Блатенскихъ.

И такъ линія соприкосновенія между Болгарами и Франками отъ Дуная проходила посреди Словенскаго народа, который былъ между ими раздѣленъ частію въ подданствѣ, а частію въ покровительствѣ. Сихъ-то Словенъ дѣла часто подавали поводъ къ войнамъ между Болгарами и Франками.

Наконецъ, подъ вліяніе Болгаріи входилъ еще одинъ народъ не Славянскій, населявшій Трансильванію, по Іорнанду и нѣкоторымъ другимъ (въ VI столѣтіи) извѣстный подъ именемъ Гепидовъ, Византійцамъ сего времени, а изъ нихъ и Нестору подъ именемъ Печенѣговъ (*Pacinaci*), а въ послѣдующія столѣтія Славянскимъ племенамъ, а чрезъ нихъ Грекамъ и прочимъ Европейцамъ, подъ именемъ *Влаховъ*, *Волоховъ*, а самъ себя называющій *Руманами* (Римлянами). Сей народъ былъ частію собственнорабомъ Болгаръ, въ мѣстахъ ровныхъ и близкихъ къ Болгарамъ частію, посредствомъ своихъ Князьковъ, находился въ покровительствѣ Болгаріи, а частію оставался независимымъ въ отдаленныхъ горахъ Трансильваніи. Сколь сильное нѣкогда претерпѣлъ сей народъ вліяніе Болгарскаго владычества, показываетъ его языкъ, изобилующій множествомъ словъ и названій чиновъ единственно Болгарскихъ. Объ этомъ—въ другомъ мѣстѣ. О владѣніяхъ въ Имперіи мы упомянули выше.

Вотъ пространство Болгарскаго Государства, которое окружали: Византійцы, Италія, Франки, Моравы, Россія. Пространство его и военные подвиги ясно доказываютъ, что Болгарія въ сіе время была изъ первостатейныхъ Державъ Европы.

Сношенія ея съ сими сосѣдями порознь были сильны, ибо должны были соотвѣтствовать дѣятельному и воинственному духу Болгаръ. Сіи сношенія сильнѣе, кажется, были съ Греками, ибо запечатлѣны долговременными и кровавыми войнами; сильнѣе, кажется, по тому, что Греки, умѣя уже давно писать, предали, сколько могли, происходившія между ими и Болгарами явленія потомству.

Сіи сношенія вокругъ теряютъ силу въ историческихъ сказаніяхъ по той мѣрѣ, какъ народы болѣе или менѣе успѣвали въ письменности: такъ нерѣдко встрѣчаются Болгаре въ Италіи и Германіи, даже на берегахъ Рейна; но чѣмъ дальше вокругъ къ Сѣверу, тѣмъ больше теряются ихъ слѣды, единственно по тому, что сіи народы не умѣли писать и должны были выучиться сему благому искусству отъ Болгаръ, или лучше отъ Христіанства: по сему-то всѣ сношенія и взаимныя явленія, бывшія между Болгарами и сими народами, для потомства затеряны навсегда; но что онѣ существовали, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и я не думаю, чтобы нашелся кто-либо, который бы, не имѣя другихъ основаній, кромѣ того, что сосѣдніе съ Болгарами народы не умѣли писать, вздумалъ утверждать, что Болгаре, которые столь сильно напирали на образованную и болѣе искусную въ военной дисциплинѣ Имперію, не могли, вражески ли, или дружески, вступать въ области своихъ сосѣдей Моравовъ, Чеховъ, или старыхъ своихъ сосѣдей и знакомцевъ, Россіянъ.

Великій *Боянъ*, *Каранъ*, были достойными наслѣдниками великаго ихъ прадѣда, *Аттилы;* они принимали подъ свое покровительство погибающихъ подъ натискомъ Франкскаго оружія Нѣмцевъ и Словенъ. Что взаимныя дѣйствія, дружескія и враждебныя, происходили между Болгарами и Россіянами, въ томъ нельзя сомнѣваться, хотя, впрочемъ, они намъ неизвѣстны поименно.

Сей народъ, храбрый во время войны, въ продолженіе тишины предавался купеческой дѣятельности; это доказываютъ богатыя Болгарскія складки товаровъ въ примор-

скихъ городахъ Имперіи: Анхіалѣ, Мезембріи, Константинополѣ, Оессалоникѣ и прочихъ.

Произведенія Россіи переходили къ Грекамъ, и Греческія издѣлія сообщаемы были Россіи, большею частію чрезъ руки Болгаръ. Кто докажетъ, что Болгаре не ходили на Донъ и Волгу, прежнія ихъ жилища для пожитковъ? Россія чѣмъ была богата, тѣмъ была рада; и, кажется, что Болгаре подружили ее съ торговлею Мезембрійскою и Цареградскою. По видимому, Болгаре въ своихъ старыхъ знакомцахъ Россахъ имѣли болѣе друзей, чѣмъ враговъ. Оба народа соприкасались одинъ другому въ Моравіи и Карпатахъ; болѣе же дѣятельное сношеніе между ними было на морѣ, и Русскія купеческія, или некупеческія, ладіи и кораблики, если не желали отправляться въ далекую дорогу до Константинополя, то гораздо легче и ближе выплывали изъ устья Днѣпра въ устье Дуная. О, если бы проговорили воды Чернаго моря, или берега онаго, чтобы изобразить намъ настоящую картину событій и явленій, бывшихъ во всѣ времена между Россами и Болгарами, и тѣмъ заставили отдохнуть великихъ и трудолюбивыхъ историческихъ изыскателей и нарочитыхъ гонцовъ въ слѣдъ за историческими свидѣтельствами, источниками и догадками! Словомъ, связь между обоими народами была сильная, которой существованіе не отражается въ воображеніи потомства, по тому что не было ни одного человѣка, который бы нарисовалъ намъ подробности оной; Русскіе не умѣли писать, Болгаре учились.

Довольно; обратимся къ крещенію Болгарскаго Государства. Сколько областей, сколько языческаго народу, сколько необходимости въ опытныхъ и умныхъ учителяхъ!! Возможно ли повѣрить, или даже подумать, чтобы Борисъ отпустилъ отъ себя Меѳодія и Кирилла въ сіе критическое время, въ которое ихъ присутствіе было самое необходимое? Могъ ли Король отпустить отъ себя Меѳодія, коему весьма много обязана была его сестра; Меѳодія, изъ рукъ

коего онъ принялъ Св. крещеніе, бывъ его ученикомъ; Меѳодія, коему онъ былъ одолженъ первымъ Христіанскимъ образованіемъ сына своего, Владиміра, наслѣдника престола? Могъ ли отпустить и Кирилла, который былъ братъ его и притомъ мужъ ученѣйшій? О, сколько предстояло трудовъ нашимъ Апостоламъ подъ однимъ только скипетромъ Болгарскаго Монарха, сколько поля жатвы, поприща, дѣйствованія, сколько славы, сколько безсмертія! Статься не могло, чтобы они когда либо проповѣдывали въ Моравіи. Но спросите, какъ же могло быть введено въ Моравіи Славянское Богослуженіе на Болгарскомъ языкѣ и по Греческому обряду? Въ отвѣтъ спрошу: а развѣ въ Россію сей же самый языкъ и обрядъ ввели Кириллъ, или Меѳодій?

Во вторыхъ: какимъ образомъ и по какому праву могли вмѣшиваться Папы въ дѣла независимой Державы, не имѣющей собственно ни какой связи съ Римомъ ни въ церковномъ, ни въ политическомъ отношеніи? Какимъ образомъ сіи люди, которые нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ били челомъ Королямъ Франкскимъ, возбуждая ихъ измѣническимъ образомъ противъ Императоровъ новаго Рима, и предлагая имъ завладѣть Италійскими областями Имперіи, сіи люди, которые, для избѣжанія заслуженнаго ими наказанія, находились сами подъ покровительствомъ Франковъ, могли запрещать, или позволять введеніе Славянскаго Богослуженія въ Державѣ, соперницѣ ихъ патроновъ, Франковъ, въ Державѣ, къ которой они, какъ Римскіе Епископы, или Патріархи, относились, какъ, на примѣръ, нынѣ Грузинскіе Католикосы къ Австрійской Имперіи, или Пруссіи? Какое и откуда могли они имѣть право позволять, или не позволять Болгарамъ дѣлать то, или другое въ собственномъ своемъ отечествѣ? По силѣ каковыхъ законовъ могли они требовать въ Римъ для отвѣтственности просвѣтителей Болгаріи, которые собственно были подданными Греческой Имперіи, для отвѣтственности за введеніе будто Богослуженія, которое уже до нихъ существовало на Словенскомъ языкѣ??

Если Папы хотѣли вмѣшиваться въ духовныя дѣла, то сіе могло быть дѣлано у Словенъ посредствомъ Франкскаго Правительства, коего они были подданными, навязавъ на шею Франкамъ непонятную Латынь. Кордонъ Франкскихъ владѣній былъ предѣломъ власти Римскаго духовнаго Правительства: и чуть черезъ границу въ Болгарію, то другое правленіе, иное Богослуженіе, иные обряды, другой духъ Церкви; и если Меѳодій долженъ былъ отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то сіе могло быть только собственному Государю, или Патріарху, или Двору Константинопольскому. Явно видно, что Кириллъ и Меѳодій не были ни когда не только въ Моравіи, но и въ самомъ Римѣ.

И Шлецеръ, коего проницательность и авторитетъ столько величали его ученики, могъ утверждать, что Кириллъ никогда не бывалъ въ Болгаріи! А для Моравіи онъ сотворяетъ другаго Меѳодія, для частаго путешествія въ Римъ и обратно (естественно, ибо Болгарскаго не возможно было заставить туда ѣздить), единственно по тому, что вздумали, говоритъ онъ, что живописецъ Меѳодій, бывшій у Болгарскаго Царя, Бориса, былъ нашъ (т. е., Моравскій) Меѳодій, чему никакъ нельзя статься. Но почему нельзя статься, онъ и самъ не знаетъ; по крайней мѣрѣ, вѣрно то, что Меѳодій не могъ служить вмѣстѣ двумъ, или тремъ господамъ, и что служилъ со славою одному своему отечеству.

Поелику долженъ воспослѣдовать разрывъ между естественностію событій и свидѣтельствами легендъ, то не удивительно, что Шлецеръ, твердо придерживаясь понятій сочинителей оныхъ, Меѳодія раздѣлилъ на двое, а Кириллу запрещаетъ обращать Болгаръ, по тому что онъ былъ братъ Меѳодія, и по тому что самая даже легенда ведетъ его изъ Хазаріи въ Моравію, но послѣ, однако же, приплетаетъ къ этому Болгаръ; и самъ даже Несторъ отправляетъ его изъ Моравіи не въ Римъ, а въ Болгарію!!

Хотя, впрочемъ, онъ рекомендуетъ, чтобы какой нибудь молодой человѣкъ потрудился года съ два и написалъ листовъ 50 объясненія на десятую главу его Нестора, одна-

ко, поелику онъ не смѣлъ не повѣрить историческимъ свѣдѣніямъ сочинителей легендъ, я оставляю его толкованія безъ коментарія, ибо сія глава не заключаетъ въ себѣ понятій о сущности нашего дѣла, а вмѣсто того, для объясненія начала легендъ, вкратцѣ изображу происхожденіе Римской Церкви; прошу извиненія и терпѣнія!

Всякій знаетъ, что Спаситель рода человѣческаго не оставилъ Своимъ ученикамъ никакой свѣтской власти, к оторой Самъ не имѣлъ. Послѣ вознесенія Спасителя, Его ученики дѣйствовали сообразно предвѣчному ихъ назначенію, и разсаждаемое ими ученіе Христово получило на Востокѣ значительные успѣхи, и число послѣдователей онаго стало умножаться въ разныхъ мѣстахъ Римской Имперіи; преимущественно же умножилось оно въ Антіохіи, гдѣ вѣрующіе впервые стали называться Христіанами; самъ Апостолъ Петръ былъ ихъ учителемъ и отцомъ Антіохійской Церкви.

Римскіе Императоры предпринимали строгія мѣры для истребленія Христіанства въ самомъ его началѣ. Св. Петръ и Павелъ въ Римѣ получили вѣнецъ мученическій. Ихъ смерть была началомъ гоненій и угнетеній Христіанъ, которые, однако, на Востокѣ со дня на день умножались. Въ сихъ, отдаленныхъ отъ центра язычества и власти Рима, областяхъ, Христіанамъ легче было дышать; ибо Восточные народы Имперіи пользовались еще остатками свободы, поддерживаемой предоставленными имъ народными законами, и послѣдователи Божественнаго ученія имѣли уже свои училища въ Александріи, Антіохіи и въ нѣкоторыхъ городахъ Греческихъ.

Не смотря на сіе, однако жъ, Христіане находили жестокихъ враговъ въ самыхъ своихъ согражданахъ, коимъ сила власти Римской служила орудіемъ для истребленія истинной Религіи. Воспослѣдовавшія гоненія часто разгоняли общества Христіанскія; пастыри ихъ часто принуждены были укрываться отъ преслѣдованій, и послѣ прошедшей бури

опять возвращались въ свои мѣста, собирая и утверждая въ Вѣрѣ разсѣянное стадо.

Но еще жесточайшихъ находили они враговъ въ мирное время въ языческихъ философахъ, противъ коихъ, однако, вооружались перомъ, подъ сѣнью законовъ гражданскихъ. Новые лавры героевъ-писателей приносили Христіанству новые успѣхи въ его распространеніи. Однако, сіе распространеніе усиливалось преимущественно на Востокѣ и въ Греціи; чѣмъ болѣе къ Западу, тѣмъ болѣе рѣдѣло число послѣдователей Христіанства, тѣмъ болѣе находило оно препятствій и необходимыхъ предосторожностей въ своемъ распространеніи. Но болѣе всего была враждебною противъ него столица Имперіи, престолъ язычества и источникъ всѣхъ гоненій — Римъ. Строгія мѣры Правительства и наблюдательный взоръ Римской полиціи были грозною препоною усиленію Христіанской Церкви въ столицѣ.

Небольшое число Христіанъ въ Римѣ большею частію состояло изъ уроженцевъ Востока, прибывшихъ туда и тамъ проживавшихъ по дѣламъ. Сіе продолжалось въ теченіи цѣлыхъ трехъ столѣтій, т. е., пока Дворъ находился въ Римѣ и пока Христіанство не взошло на престолъ Имперіи.

Межъ тѣмъ на Востокѣ успѣхи Христіанства были значительны. Великое множество Христіанъ, раздѣленное въ разныхъ мѣстахъ онаго, составило многія общества, или церкви, коими управляли Пресвитеры и Епископы. Еще по распоряженіямъ Апостоловъ, мéньшія церкви подчинялись церквамъ, болѣе сильнымъ, болѣе знаменитымъ, при коихъ были высшія училища и великіе духовные учители, что, обыкновенно, находилось въ большихъ городахъ. Пресвитеры, начальствовавшіе въ сихъ послѣднихъ городахъ надъ собратіями своими, въ отношеніи къ нимъ и къ Пресвитерамъ малыхъ областныхъ церквей, были *Архи-пресвитерами*, *Архи-іереями*, и, по ихъ сану и должности, Епископами, т. е. (отъ ἐπί: надъ, σκοπέω: зрю, смотрю), надзирателями прочихъ іереевъ и церквей. Знаменитѣйшіе изъ сихъ Епископовъ находились въ столицахъ Сиріи и Палестины

(Антіохіи и Іерусалимѣ); но не менѣе знамениты были и Епископы Александрійскіе, преемники Св. Евангелиста Марка. Александрія тогда была центромъ Восточной торговли, стеченіемъ ученыхъ и философовъ, и просвѣщеннѣйшимъ городомъ во всемъ мірѣ. Самыя лучшія училища Христіанства находились въ Александріи; тамъ писали, большею частію, безсмертные защитники Христіанства свои апологіи противъ нападеній тамошнихъ и иногородныхъ софистовъ.

Наконецъ, послѣ трехъ-вѣковой борьбы, восторжествовало Христіанство; Константинъ склонился на сторону онаго; утихли язычники отъ нападеній; Дворъ перенесенъ на Востокъ, сдѣлался Христіанскимъ, и свободнѣе уже стали дышать на Западѣ. Никейскій Соборъ упрочилъ Іерархію.

До сихъ поръ Христіанство не имѣло особаго единственнаго своего правителя, или главы; отцы разныхъ церквей равными силами пеклись о сохраненіи чистоты Вѣры; въ дѣлахъ затруднительныхъ собирались и рѣшали общимъ согласіемъ; одного духовнаго повелителя не знали; одинъ только былъ ихъ всегдашнимъ невидимымъ Главою — Спаситель.

Никейскіе отцы, съ желанія самаго Императора Константина, установили нѣкоторыя правила касательно Іерархіи. Христіанство быстрыми шагами возвышалось, и уже сдѣлалось господствующимъ: сіе самое было причиною, что умножились Епископскія каѳедры, которыя подчинены были болѣе знаменитымъ, находившимся, большею частію, въ важныхъ городахъ Имперіи. Конечно, важность городовъ возвышала понятіе и о каѳедрахъ, находившихся въ нихъ; ибо большое число народа, большое стеченіе людей образованныхъ, высшая степень учености, давали имъ превосходство надъ меньшими каѳедрами, и т. д.

Какъ тѣ изъ Архіепископовъ, которые именно находились въ столичныхъ городахъ большихъ областей, или даже Имперіи, для отличія отъ прочихъ называемы были Митрополитами (отъ μητηρ мать, πολις городъ; μητροπολις мать городовъ, столица; μητροπολιτης, столичный).

Поелику же число Митрополитовъ тоже возрастало, то Архіереи первопрестольныхъ столицъ Имперіи, для отличія ихъ сана и достоинства, получили имя *Патріарховъ* (отъ πατηρ—отецъ, и αρχων—начальникъ, т. е., начальникъ отцевъ-епископовъ). Такіе были: *Александрійскій*, который, впрочемъ, собственно, носилъ имя Папы, *Антіохійскій*, *Іерусалимскій* и *Константинопольскій*. Таково было іерархическое состояніе Христіанства въ Римской Имперіи, и именно на Востокѣ, гдѣ оно сдѣлалось всеобщимъ.

Но не въ томъ же положеніи находилось Христіанство на Западѣ, гдѣ, не смотря на то, что царствующая фамилія сдѣлалась Христіанскою, все еще имѣли силу язычники. Послѣ перенесенія Двора въ Константинополь, языческій Сенатъ въ Римѣ не рѣдко заступалъ мѣсто верховной власти. Правда, что открытыя гоненія прекратились; но за то поклонники Юпитера вездѣ противуставляли припятствія расширенію между собою Христіанства; величественные языческіе храмы въ Римѣ и послѣ Константина оставались въ рукахъ идолопоклонниковъ, и долгое время прошло, пока перешли во владѣніе Христіанъ.

Наконецъ, когда могущество Восточной Имперіи стало упадать, когда Греческіе Императоры въ Италійскихъ своихъ владѣніяхъ со дня на день слабою стали держаться ногою, когда опасность угрожала имъ со стороны могущества Франковъ: тогда Римскіе Епископы стали обращаться къ Франкамъ, къ Лонгобардамъ, или кому либо другому; судьба древней столицы міра зависѣла отъ теченія политическихъ обстоятельствъ.

Оставленный самому себѣ, Римъ прилѣплялся то къ той, то къ другой сторонѣ. Хотя удерживалъ за собою нѣкоторый оттѣнокъ древнихъ своихъ правъ, однако, все его вліяніе не распространялось далѣе его заставъ; обыватели его сами старались о судьбѣ своего города и Сенаторъ Римскій не бо́льшее значеніе и достоинство имѣлъ, чѣмъ нынѣ какой-либо гражданинъ Гамбурга или Любека.

УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕ
СОФИЯ

Между тѣмъ воспоминанія о нѣкогдашнемъ могуществѣ Римлянъ, мысль, что Римъ былъ столицею міра, не могли не набивать головъ нѣкоторыхъ Римскихъ Епископовъ разными проектами въ пользу ихъ честолюбія. Они весьма знали хорошо чинословіе Іерархіи въ Имперіи, довольно чувствовали силу высокаго понятія о патріаршескомъ достоинствѣ, которое было, какъ духовное, считаемо первѣйшимъ послѣ власти Императорской, и изъ рукъ коего Государи получали Имперскія короны.

Наконецъ, послѣдняя половина VIII столѣтія подала имъ благопріятный случай, а именно: Восточная Имперія, тѣснимая Сарацынами и Болгарами, и раздираемая внутренними раздорами, упадала, между тѣмъ какъ могущество Франковъ на Западѣ ежедневно возвышалось и уже угрожало Италійскимъ владѣніямъ Грековъ. Межъ тѣмъ Римскіе Епископы начали свои тайныя сношенія съ Франками, вызвали ихъ и передали имъ Греческія и Лонгобардскія владѣнія. Словомъ: Римскіе Епископы, при семъ быстромъ перевѣсѣ Франковъ, къ коимъ они прилѣпились и коимъ они сдѣлали большія услуги, неминуемо должны бы возвыситься, т. е., при успѣхѣ оружія все учреждали, какъ имъ захотѣлось, все шло на ладъ. Карлу Великому хотѣлось быть Римскимъ Императоромъ, а Льву III Епископу сдѣлаться Патріархомъ; одинъ безъ другаго не могъ обойдтись; ибо одному для іерархическаго блеску и для произведенія о себѣ высшаго мнѣнія надлежало короновать Императора, а сему надлежало корноваться только въ старой столицѣ Имперіи.

Выигрышъ Карла былъ въ разныхъ отношеніяхъ важный, но для Римскаго епископства еще важнѣе: ибо, 1-е, Императоръ, въ вознагражденіе за услуги, оказываемыя Франкамъ, дарилъ ему обширныя помѣстья въ окружности Рима; и Епископы съ сихъ поръ стали быть въ нѣкоемъ отношеніи и свѣтскими князьями; 2-е, завоеваніями Франковъ поглощены разныя независимыя области, и епископства, въ нихъ находившіяся, слились въ одну Имперію, а чрезъ то Римскіе Епископы, коихъ самые Императоры за коронованіе должны были уважать, стали имѣть на нихъ вліяніе.

Но это вліяніе, въ самой даже Франкской Имперіи, сначала было слабо и чуть замѣтно; Левъ III обращался съ Карломъ почти какъ подданный съ монархомъ. Въ послѣдующія времена, при наслѣдникахъ Карла, Папы старались усилить сіе вліяніе, что было весьма легко, ибо Императоры должны были ѣздить въ Римъ короноваться.

Какимъ образомъ удалось Римскимъ Патріархамъ удержать за собою вліяніе на Западныя Государства, произшедшія изъ раздробленія Франкской Имперіи, и какими путями Григорій VII заставилъ повиноваться себѣ Императоровъ и Королей Запада, сюда собственно не принадлежитъ.

До IX столѣтія не была раздѣлена Христіанская Церковь во всемъ мірѣ; вездѣ были тѣ же догматы Вѣры; Патріархи управляли своими странами, Митрополиты, Архіепископы, Епископы своими Епархіями; цѣлымъ же управляли Вселенскіе Соборы Еще на второмъ Вселенскомъ Соборѣ опредѣлено было, чтобы ничего не перемѣняли въ догматахъ Вѣры, утвержденныхъ отцами Никейскаго Собора. Рѣшенія послѣдовавшихъ Вселенскихъ Соборовъ въ Греціи служили руководствомъ для учителей всѣхъ странъ; во все продолженіи восьми вѣковъ никому не приходило въ голову присвоивать себѣ титулъ *Главы Церкви, не погрѣшимаго* и *единственнаго намѣстника Христова на земли;* малѣйшее объясненіе Символа Вѣры было допускаемо не иначе, какъ при единодушномъ согласіи Св. Отцевъ.

Не смотря на различіе въ языкахъ, существо богослуженія было вездѣ одно и тоже. Но хотя могло бы быть совершенное тожество въ сущности Вѣры и богослуженія во всемъ Христіанствѣ, однако, въ отношеніи къ разности языковъ и народовъ, у коихъ оно находилось, можно его назвать по именамъ народовъ: Славянскимъ, Латинскимъ, Армянскимъ, Коптскимъ и проч.

А какъ сіи виды богослуженія въ послѣдствіи распространились далеко между народами царствующими и вышли изъ предѣловъ и непосредственной подчиненности Имперской Іерархіи, то раждается понятіе о Церкви Болгаро-Мораво-Рос-

сійской или, однимъ общимъ названіемъ, Славянской, Латинской, Армянской, Готской и проч. Одна изъ нихъ, а именно Славянская, строже всѣхъ прочихъ придерживается правилъ своей матери-наставницы, Церкви Греческой; она съ удовольствіемъ приняла, какъ будто въ наслѣдство, и имя своей учительницы; и хотя можно сказать безъ ошибки: *Россійское Вѣроисповѣданіе*, однако, и въ самой сѣверной Руси говорятъ чаще: *я Греческаго, Греко-Каѳолическаго, Греко-Россійскаго исповѣданія.* Какая вѣрность, какая благодарность!

Мы не станемъ разсматривать мѣру, по какой удалялись отъ Греческой прочія новыя Христіанскія Церкви; но, слѣдуя цѣли сего краткаго повѣствованія, упомянемъ только о Латинской. И такъ:

Былъ законъ не вводить ничего новаго, ниже перемѣнять стараго въ догматахъ Вѣры. Конечно, соблюденіе сего закона, при меньшемъ количествѣ Христіанъ, было легче. Не смотря на то, возставали безпокойные люди, которые производили нѣкоторыя, однако, не великія, перемѣны; за то Соборами исключены изъ Православной Церкви и признаны еретиками, со всѣми ихъ послѣдователями. Всякой, знающій Церковную Исторію, вспомнитъ о ересяхъ до 800 году.

Наконецъ Западъ отпалъ отъ единства Каѳолической Церкви; тамошнее духовенство отдѣлилось отъ древней Восточной Іерархіи. Но никто не могъ отрѣшить Римскихъ Епископовъ отъ повиновенія выше упомянутому закону о томъ, чтобы въ догматахъ Вѣры не вводить ничего новаго, если хотѣли сохранить чистоту ученія и Православіе; и чѣмъ больше распространялось Христіанство, тѣмъ больше надлежало наблюдать за исполненіемъ сего закона.

Но опытъ доказалъ, что сего не сохранили Римскіе Священноначальники. Сильно занимало ихъ соперничество съ Патріархами Константинопольскими, которое всегда воспламеняемо и поддерживаемо было ненавистью къ Грекамъ. Сіе чувство ненависти, переродившееся въ фанатизмъ, ина-

че называемый изступленною нетерпимостью, одушевляло Латинское духовенство и во всѣ послѣдующія времена.

« Если бы какой либо Епископскій Престолъ», говоритъ одинъ Французскій писатель, Bourdillon, Проф. публич. правъ, » долженъ былъ имѣть преимущество надъ прочими, то это былъ бы навѣрно и непреложно Іерусалимскій. Іерусалимъ былъ колыбелью Христіанства; тамъ дѣйствовалъ Основатель онаго; тамъ совершилось спасеніе человѣческаго рода; тамъ было вознесеніе Спасителя; тамъ успеніе, Преч. Богородицы, тамъ получили начало всѣ Тайны Христіанства». Тамъ, послѣ Вознесенія, образовалось соборное Апостольское правленіе юной Церкви въ присутствіи Богоматери, при сошествіи Св. Духа; оттуда, наконецъ, во всю землю изошло вѣщаніе Апостоловъ и во всѣ концы вселенныя глаголы ихъ. Словомъ, Іерусалимъ святъ-градъ, который столько воспѣваетъ Св. Писаніе и Церковь. Сколько правъ у Іерусалимскихъ Патріарховъ на первенство и преимущество передъ всѣми Епископами вселенныя! Но самъ Спаситель не велѣлъ Апостоламъ искать власти, и Іерусалимскіе Священноначальники въ точности сіе исполнили.

Если основывать преимущество Пастырей Церкви на внутреннемъ духовномъ достоинствѣ просвѣщенія и образованности, то сіе самое преимущество всего болѣе принадлежитъ Востоку-Наставнику. На какомъ же правѣ и въ какомъ отношеніи можно основать первенство Римскихъ Патріарховъ? Не по тому ли они достойнѣе Грековъ-учителей, что были ихъ учениками? Не по тому ли, что въ числѣ ихъ мало можно найти особенно достойныхъ учителей Церкви?

Но понятіе о первенствѣ на сей разъ излишнее, ибо оно не означаетъ власти. По сему на первенство нѣчего обращать вниманія, и мы обратимся къ сущности дѣла, т. е., разсмотримъ поступки Римскихъ Патріарховъ, а именно: соблюли ли они законъ о нововведеніи догматовъ.

Въ Испаніи еще въ началѣ VII столѣтія прибавили въ Символъ Вѣры, что Духъ Святый исходитъ и отъ Сына. Сіе прибавленіе въ концѣ VII, или въ VIII столѣтіи перешло во

Францію, а въ IX, чрезъ Франковъ, принято и въ Германіи. Карлъ В. черезъ нарочитыхъ просилъ Папу Льва III объ утвержденіи и принятіи сего прибавленія и въ Италіи. Левъ III отвергнулъ предложеніе Императора.

Почему же Левъ не собралъ Собора, или не отнесся къ Восточнымъ Патріархамъ, или не объявилъ Франковъ и Испанцевъ еретиками? По тому, вѣроятно, что не рѣшился оскорбить Государя, коего щедротами былъ осыпанъ. Преемники Льва III, въ продолженіе слишкомъ 40, лѣтъ избѣгали принятія сего прибавленія, которое, наконецъ, принято около половины IX столѣтія и въ Римѣ Папою Николаемъ. И сіе принятіе случилось безъ согласія Вселенскаго Собора, да еще и вопреки протесту Восточныхъ Патріарховъ.

Это было первое отступленіе Римскихъ Епископовъ и Запада отъ Православія Восточнаго Христіанства. Между тѣмъ въ варварскія столѣтія, тогда какъ Западъ погруженъ былъ въ невѣжествѣ, предпріимчивые Римскіе Епископы со дня на день болѣе утверждали вліяніе и власть свою надъ Западными Государствами; съ возвышеніемъ ихъ власти возвышалась ихъ гордость и ненависть къ Восточнымъ Патріархамъ; и дѣйствительно, имѣли они поводъ возгордиться, когда вѣнчанныя главы цѣлаго Запада съ покорностію цѣловали туфли ихъ, между тѣмъ какъ Антіохія, Іерусалимъ, Александрія находились въ рукахъ Магометанъ, а Константинопольскій Патріархатъ много ущербленъ завоеваніями Болгаръ.

И такъ Папы не удержались подъ законами Вселенскихъ Соборовъ, и Западная Церковь, принявши произвольно новый догматъ, продолжала удаляться отъ Православной Вѣры, распространенной по всему Востоку, Египту, Болгарской Державѣ, Венгріи, Моравіи, Богеміи, Россіи, областяхъ Кавказскихъ, Арменіи, и проч.

Мы только вкратцѣ взглянемъ на нѣкоторыя точки сего удаленія Латинской Церкви.

Извѣстно, что самая крѣпкая пружина, которою поддерживалась власть Папъ, была екскоммуникація или отлученіе.

отъ Церкви; съ симъ вмѣстѣ Латинскіе законоучители старались увѣрить всѣхъ и каждаго, что Папа есть глава Церкви и Намѣстникъ Спасителя на земли. Конечно, сія новость не была слыхана ни на Востокѣ, ни на Западѣ, до VII столѣтія, когда Ѳока, достигшій Константинопольскаго Императорскаго престола, убійствомъ Императора Маврикія, по прошенію Папы Вонифатія III, опредѣлилъ, чтобы Престолъ Римской Церкви былъ главою всѣхъ Церквей. Но чтобы сіе хотя нѣсколько доказать и защитить противъ Грековъ и Протестантовъ, говорятъ очень просто, что 1) Папа есть человѣкъ *непогрѣшительный* (infallibilis), и такимъ образомъ качество, принадлежащее одному Богу, приписываютъ Папѣ! 2) что Спаситель вручилъ власть отпущать и не отпущать грѣхи Св. Петру (будто одному Петру!!), а Петръ былъ первымъ Епископомъ въ Римѣ; (Ап. Петръ исполнялъ обязанности Епископства не только въ Римѣ, но еще прежде того въ Іерусалимѣ и Антіохіи) но Папа есть преемникъ Петра (почему и не Павла?): ergo, и проч.

На всѣхъ Вселенскихъ Соборахъ ничего не знали о человѣкѣ-главѣ Церкви; всегда тамъ повторяли слова: «во едину, святую Соборную и Апостольскую Церковь». Западные Христіане, отдѣлясь отъ своей учительницы, — Восточной Церкви, нарушили то единство, которое существовало въ Христіанствѣ прежде, и девятый членъ Символа Вѣры хотя и удержали у себя, но перетолковали по своему: «и въ Папу, главу Церкви, и его непогрѣшительность».

За сими противузаконными нововведеніями послѣдовали и другія, какъ: введеніе въ Св. Тайну Евхаристіи того ограниченія, чтобы міряне были причащаемы только подъ однимъ видомъ хлѣба; ученіе о чистилищѣ; уничтоженіе брака въ духовенствѣ; введеніе музыки въ богослуженіе; учрежденіе индульгенцій, и проч.—Сюда можно еще причислить нѣкоторыя другія измѣненія во внѣшнихъ формахъ Богослуженія.

Всѣ сіи перемѣны произошли безъ согласія прочаго Христіанства. Восточные Патріархи и учители громко возставали противъ сихъ нововведеній, поражали нѣкоторыхъ изъ Папъ анаѳемою, объявляли ихъ еретиками и отлучали отъ Церкви; но все это было напрасно: ибо они не въ силахъ были преодолѣть упорство цѣлаго Запада, независимаго, сильнаго, а только тѣмъ болѣе раздражали противъ себя Папъ и прочее Западное духовенство.

Изъ сего ясно видно, что Христіанская Церковь на Востокѣ, въ Греціи и во всей Восточной Европѣ, прямо происходитъ отъ самыхъ Апостоловъ, утверждается ученіемъ Св. Вселенскихъ Соборовъ и множества древнихъ Св. Отцевъ, и стоитъ на одной съ ними точкѣ неподвижна, неизмѣнна; Западное же Христіанство съ прямаго пути отведено Папами въ косвенномъ направленіи въ сторону; а спустя нѣсколько времени большая часть сего Западнаго Христіанства еще болѣе отклонилась и отъ сей косвенной линіи: это Протестанты.

И что же? сіи самые Латинцы провозгласили Грековъ, своихъ учителей, и Славянъ, и всѣхъ принявшихъ ученіе Церкви Восточной, за то, что они не хотятъ признать Папу непогрѣшительнымъ и главою Церкви, — раскольниками, (шизматиками, schismatici) и даже еретиками! Прошу только прочесть тѣ пасквили и гнусныя выходки противъ Церкви Восточной, которыя себѣ позволяли въ своихъ сочиненіяхъ Латинскіе монахи, преимущественно же езуиты, въ среднія и даже въ новѣйшія времена.

Непреоборимая ненависть Латиновъ къ Восточной Церкви обнаруживалась не только въ словахъ, но еще сильнѣе въ дѣлахъ. Сего рода нападенія Латинцевъ на Восточныхъ начались съ XI столѣтія. Григорій VII, чтобы на дѣлѣ доказать, что Папа есть глава Церкви, желалъ было привести въ повиновеніе себѣ и Восточныхъ Христіанъ и ихъ Патріарховъ; это была самая лестная мысль для властолюбивой его души. Сіе ихъ намѣреніе поддерживалось постепеннымъ упадкомъ Византійской Имперіи и покореніемъ

трехъ восточныхъ Патріаршествъ: Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Александрійскаго, подъ иго Сарациновъ. Сіи области, потерянныя Греками, захотѣлось Папамъ отнять у Сарациновъ, разумѣется, что не для Грековъ, а для себя; и тогда не было бы ничего легче, какъ надѣлать изъ своихъ послѣдователей покорныхъ себѣ Патріарховъ. Но Григорій занятъ былъ особыми распрями Гвелфовъ и Жибеллиновъ, и утвержденіемъ своей власти по Западу; умирая послѣ 10-лѣтняго папствованія, онъ оставилъ свою мысль въ наслѣдство своимъ преемникамъ, которые не преминули исполнить сіе знаменитое предпріятіе.

Вотъ почему предприняты Крестовые походы: на Западѣ трубили въ походъ для освобожденія Святой земли и Христіанъ изъ-подъ ига Арабовъ, которые, впрочемъ, были гораздо просвѣщеннѣе и человѣколюбивѣе, нежели сіи Западные варвары; они позволили Христіанамъ свободное отправленіе Богослуженія, Св. Гробъ и каѳедры оставили въ цѣлости и въ ихъ рукахъ; а Патріархи и Епископы, завися отъ нихъ, управляли, впрочемъ, своими паствами по прежнему. Посему Крестовые походы для жителей Востока приносили еще бо́льшее несчастіе; ибо, кромѣ того, что отечество ихъ должно было остаться въ рукахъ чужестранцевъ же, чуждыхъ образованности, и обычаями и языкомъ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ самые Арабы, имъ угрожала еще особая власть Папы и новые догматы.

Довольно: безчисленная, оборванная и развратная сволочь Запада, подъ предводительствомъ пустынника Петра, устремилась, подобно саранчѣ, чрезъ Венгрію въ Греческую Имперію, не щадя на пути, въ надеждѣ на силу даннаго Папою отпущенія грѣховъ, ни собственности, ни жизни, ни дѣвственной невинности жителей. Венгерскій Король принужденъ былъ обуздывать набожные порывы сихъ героевъ сильными конными отрядами и очистить отъ нихъ Королевство, перегнавъ ихъ за Дунай, гдѣ они, почти всѣ, исчезли подъ ударами Болгарскихъ мечей. Не смирнѣе сего были переходы и послѣдующихъ экспедицій Императоровъ, Королей.

Князей и проч. Греки, замѣтя цѣль Папъ и испытавъ неистовство первыхъ Крестоносцевъ, не могли не принять мѣръ предосторожности. Не смотря на это, они дѣлали имъ всякое снисхожденіе; однако, Латинцы каждый разъ не могли обойтись безъ безчинствъ. И за сіе перенесеніе Греками оскорбленій въ самой ихъ Имперіи, Латинскіе писатели, съ крайнимъ безстыдствомъ, не усомнились обвинять Грековъ же въ коварствѣ и подлости, между тѣмъ какъ пользы ихъ отечества были для нихъ достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы даже и не позволить ни одному Крестоносцу вступить въ предѣлы Имперіи.

Довольно: Латинамъ удалось отнять у Сарациновъ Іерусалимъ и Антіохію, а Папамъ поставить въ нихъ Патріарховъ изъ среды Латинскихъ монаховъ, не смотря на то, что тамошніе Христіане имѣли собственныхъ Патріарховъ и совсѣмъ не нуждались въ Латинскихъ: отсюда произошло то, что въ обоихъ сихъ городахъ находились по два Патріарха.

Но этимъ не довольствовались Папы: оставался еще патріархатъ Византійскій; его надлежало болѣе всего усмирить. Всякому извѣстно, сколь подлымъ и измѣннническимъ образомъ, въ 1204 году, Латинцы, взявъ видъ диверсіи, на пути въ Палестину, вдругъ обратились къ Константинополю для взятія онаго, безъ всякой политической причины со стороны Грековъ, безъ всякихъ переговоровъ; взяли столицу, провозгласили Императоромъ Балдуина, одного изъ начальниковъ сей Латинской банды, и, на мѣсто выгнаннаго Греческаго Патріарха, посадили Латинскаго монаха. Вотъ то-то торжество Папъ! Западный и Восточный Императоры, Западные и Восточные Короли, и три Патріарха, ими поставленные, у подножія ихъ каѳедры.

Не смотря, однако, на всѣ усилія Папъ угнесть Православную Церковь, Христіанство пребыло ей вѣрною, какъ подъ властію Сарацинъ, такъ и подъ игомъ Латиновъ. Кромѣ сего оно было господствующимъ и въ сіе время въ малой Азіи, Болгаріи, Венгріи, Россіи и проч. Еще прежде

такихъ успѣховъ Латинской Іерархіи въ распространеніи Папской власти на Востокѣ, Папы обратили вниманіе на независимыя Государства на Востокѣ Европы, въ коихъ господствовала Церковь Славянская: это были Болгарія, Венгрія, Моравія, Богемія и Польша. Государи сихъ странъ наслаждались совершенною независимостію, и были въ точномъ смыслѣ государями, межь тѣмъ какъ Западные не могли выпутаться изъ-подъ вліянія и диктатуры Папъ, а Государства ихъ должны были платить дань (десятинные доходы, decimas et annatas) Римскому престолу. Таже участь угрожала и Славянскимъ Государствамъ. Произвесть сіе войною было весьма трудно и неудобоисполнимо; ибо ни Нѣмцы, ни Италіянцы небыли въ состояніи завоевать сіи Государства, а принудить ихъ къ сему Папы не возмогли. За то у нихъ были многочисленныя монашескія полчища, которыхъ употребленіе тѣмъ паче было необходимо, что средства приведенія сихъ Государствъ къ повиновенію должны были быть тѣ же, которыми Римскій Дворъ привелъ въ зависимость и Западныя, т. е., надлежало навѣсить имъ на шею догматы Латинской Церкви, Латинское Богослуженіе, Латинское суевѣріе и выгнать Славянское Богопочтеніе; и вотъ завоеваніе готово!

И такъ, нападеніе Латинцевъ на Славянскую Церковь произошло по всей линіи ихъ соприкосновенія съ нею: но сильнѣе сей напоръ былъ на Богемію и Моравію, гораздо слабѣе на Венгрію, какъ болѣе могущественную; Болгарія же оставалась почти неприкосновенною.

Въ Венгріи Православное Греко-Славянское Богослуженіе было господствующимъ до XIV столѣтія, т. е., пока продолжался царствующій домъ Арпада, твердо послѣдовавшій ученію Восточной Церкви. Въ XI столѣтіи вкрались было въ Королевство нѣкоторые Латинцы, коихъ, однако, Король, Св. Владиславъ, изданнымъ имъ указомъ изгналъ изъ Государства.

Но болѣе успѣвали Латинскіе монахи въ Моравіи и Богеміи: укрѣпясь сямъ и тамъ въ сихъ странахъ, и учреж-

дая монастыри, мало по малу умножали они своихъ прозелитовъ. Въ покровительствѣ не терпѣли недостатка; ибо тамошніе Короли и Князья женились весьма часто на сосѣдственныхъ Латинкахъ, Нѣмкахъ ли, или Западныхъ Славянкахъ (Поморянкахъ), все равно. Такія матери, при содѣйствіи монаховъ своей Вѣры, весьма легко могли вскружить головы своимъ дѣтямъ; эти и подобныя другія обстоятельства постепенно причинили то, что Латинцы усилились до равновѣсія съ Греко-Славянами; надлежало только склонить Государя на свою сторону, и вотъ Латынь стала уже господствующая.

Не смотря на сіе, однако, Славянское Богослуженіе не вдругъ можно было истребить, но постепенно, пока послѣдній лучь онаго угасъ. Когда Латынь взяла верхъ надъ Грецизмомъ, и до какихъ поръ тлѣло въ Богеміи и Моравіи Греко-Славянское Богослуженіе, теперь еще утвердительно сказать нельзя; ибо сего никто еще не изслѣдовалъ, чего, впрочемъ, нельзя было и ожидать, тѣмъ паче, что нынѣшніе Чехи и Моравяне, будучи Католиками, производятъ все изъ Рима, и неохотно признаютъ истину въ пользу Грековъ, коихъ они остаются всегдашними врагами. По крайней мѣрѣ съ достовѣрностію можно полагать, что Славянское Богослуженіе продолжалось, хотя при постепенномъ ослабленіи, въ сихъ странахъ до XIV столѣтія.

Какія мѣры могли употребить Латинцы при истребленіи Восточной Церкви въ Богеміи и Моравіи, они не замѣчали, ибо это не послужило бы къ ихъ чести; впрочемъ, это легко можно себѣ вообразить, если хорошенько разберете церковную исторію Венгріи съ XVI столѣтія: угнетенія всякаго роду, ругательства, хулы на ученіе Восточной Церкви и проч. Развѣ не извѣстно, что дѣлали Поляки съ доставшимися имъ Русскими областями? Латинцамъ нужно было представить съ благовидной стороны новое свое ученіе и свои доказательства въ пользу Рима; и, кажется, тамошній необразованный народъ легко можно было переувѣрить. Для сего надлежало унизить всѣ заслуги и достоинства Вос-

тока, чтобы возбудить высокое понятіе о Римѣ, т. е., надлежало прибѣгнуть къ выдумкамъ, лжи и обманамъ; этого требовали успѣхи въ предпріятіи.

Въ семъ-то духѣ писано въ XIV столѣтіи, или позже, одно изъ подобныхъ доказательствъ, именно Латинскія легенды о Кириллѣ и Меѳодіи. Народъ хорошо помнилъ сихъ знаменитыхъ людей, коихъ память чтили какъ въ Богеміи и Моравіи, такъ преимущественно въ Болгаріи, Венгріи, Сербіи, Кроаціи и проч. Чтобы успокоить народъ, рѣшено было принять ихъ и въ Латинскій Календарь.

Въ сихъ легендахъ все сплетено такъ, чтобы показать, что Греко-Моравская и Чешская Церковь и ея Греко-Славянское Богослуженіе происходитъ изъ Рима, а тѣмъ самымъ доказать и утвердить зависимость сихъ странъ отъ Папы.

Представляя себѣ свѣдѣнія и достоинство перваго сочинителя Латинской легеды, нельзя не замѣтить слѣдующее: 1-е, что въ XIV столѣтіи для него вовсе затеряны были настоящія свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Кирилла и Меѳодія, а по сему самому 2-е, пристрастіе и ревность къ распространенію Латыни были довольнымъ поводомъ для сплетенія небывалой исторіи.

Сочинитель сей легенды, не зная, какимъ образомъ и откуда перешли въ Моравію переводы Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, которые, собственно, принадлежатъ Болгарамъ (видно, что онъ не имѣлъ въ свое время понятія ни о Болгарскомъ языкѣ, ни объ исторіи Болгаріи), приписалъ сіе Кириллу и Меѳодію: для сего онъ выдумываетъ посольство Славянскихъ Князей къ Имп. Михаилу, съ требованіемъ отъ него учителей, отправленіе къ нимъ изъ Царяграда проповѣдниковъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтеніе ими Словенскихъ буквъ и переводъ Св. Писанія на языкъ, который онъ называетъ Словенскимъ!

1. Посольство, или требованіе князей основывается на предположеніи сочинителя легенды, будто нашими Апосто-

лами введено Богослуженіе въ Моравіи; но мы видѣли уже, что сіе предположеніе неосновательно.

2. Самое посольство въ Константинополь кажется неестественнымъ, ибо Моравія отъ Имперіи отстояла далеко, будучи отъ нея отдѣляема обширнымъ Государарствомъ Болгаріи; Имперія не имѣла и не могла имѣть ни какого вліянія на Моравію: сіе принадлежитъ именно Болгаріи.

3. Нельзя повѣрить, чтобы Моравы, какъ Славяне, просили себѣ въ учигели Грека, а не лучше какого либо Болгарина Славянина; почему не сказать было лучше (если уже надлежало выдумывать сіе посольство), что Словенскіе Князья послали къ Царю Борису (Михаилу въ крещеніи) Болгарскому?

4. Посольство къ Императору Михаилу не могло случиться, ибо онъ не могъ располагать ни Меѳодіемъ, который еще въ царствованіе его матери отпущенъ къ Королю Болгаріи, ни Кирилломъ, который, вмѣстѣ съ братомъ, хотя нѣсколько позже, посвятилъ себя новому своему отечеству.

5. Ни Св Писаніе, ни Богослужебныя книги не были переведены на Словенское, но на Болгарское нарѣчіе.

Послѣ сего сочинитель легенды доноситъ Папѣ на нашихъ братьевъ, что они осмѣлились вводить Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, заставляетъ Папу требовать ихъ въ Римъ для отвѣтственности, а Кирилла и Меѳодія спѣшитъ исполнить повелѣніе Папы; сей запрещаетъ имъ отправлять Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, а послѣ вдругъ позволяетъ (!!), и посвящаетъ ихъ въ Епископы Моравіи. Но чтобы еще лучше прицѣпить Моравію къ Риму, заставляетъ Кирилла тамъ же постричься въ монахи, умереть и быть тамъ похороненнымъ, а Меѳодія возвратиться въ назначенную отъ Папы Моравскую Епархію, и проч.

Это есть самый нелѣпый вздоръ! Какъ могъ Папа запрещать, или не запрещать Славянское, или лучше скажемъ, Болгарское Богослуженіе, которое употреблялось въ такихъ странахъ, въ которыя власть Папы не прочикла?

Но, не смотря на сіе, сочинитель легенды такъ воображалъ, или хотѣлъ заставить прочихъ такъ воображать. Сію-

то легенду Добровскій называетъ древнѣйшею; но сіе слово надобно понимать въ отношеніи къ легендамъ, сочиняемымъ въ послѣдствіи; въ безусловномъ же отношеніи ко времени, она не древнѣе того времени, съ котораго Латинцы приняли Кирилла и Меѳодія въ свой мѣсяцословъ.

Въ послѣдствіи появилась вторая легенда, въ коей повторено то, что сказано въ первой, а прибавлено о прочихъ дняхъ Меѳодія то, о чемъ сочинитель первой не зналъ ничего, т. е., о двукратномъ его путешествіи въ Римъ, и, наконецъ, о кончинѣ и погребеніи его въ семъ городѣ.

И такъ содержаніе сихъ легендъ, равно какъ и другихъ, пересочиняемыхъ изъ нихъ статей, есть составленіе догадокъ и просто выдумка пристрастныхъ головъ въ концѣ XIV или началѣ и продолженіи XV столѣтія. Неоспоримымъ и главнымъ тому доказательствомъ служитъ то, что событію свидѣтельствъ легендъ прямо противурѣчитъ положеніе отношеній между Государствами Европы въ XIV и XV столѣтіяхъ, въ которыя уже былъ совершенно другой видъ и политическій балансъ власти и сліянія между тѣми Государствами, въ коихъ предполагается кругъ дѣйствій Болгарскихъ Апостоловъ.

Кромѣ сего, слишкомъ извѣстно, сколь много успѣвали въ Римѣ въ чеканеніи подложныхъ актовъ и выдумываніи свидѣтельствъ вездѣ, гдѣ только требовалъ интересъ Папъ. И такъ, отвергая свидѣтельство легендъ, какъ совершенно противурѣчащее и исторіи и здравому разсудку, рѣшительно должно признать, *что Кириллъ и Меѳодій ни въ нынѣшней Моравіи, ни въ Римъ никогда не бывали, и что весь кругъ ихъ дѣйствій, все неотлучное ихъ поприще, заключалось въ предѣлахъ могущественной и обширной тогда Болгарской Державы.*

Сообразно сему положенію, я оставляю всѣ догадки и объясненія о семъ предметѣ, основанныя только на легендахъ; ибо они разрушаются вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ. Конечно, множество переписей, перечней, сочиненій было писано до сихъ поръ согласно съ мнѣніемъ сочинителей легендъ; ибо стоило только кому либо первому сложить что

нибудь, а прочимъ уже легко было сей, такъ названный, источникъ переписывать, умножать, распространять, сколько было угодно; пока, наконецъ, нѣкоторые умные люди, какъ Шлецеръ и Добровскій, стали разсѣявать эти мнѣнія, вѣря, однако, оба повѣствованіямъ первыхъ сочинителей легендъ, какъ источникамъ: послѣдній, какъ Латинскій священникъ ex officio, а первый потому, что вѣрилъ историческому превращенію Болгаръ и отказался отъ исторіи сего народа.

Сверхъ легендъ, Латинцы потрудились имѣть еще другое доказательство правъ Папы на Моравію и Богемію; это суть мнимыя буллы Папы Іоанна VIII къ Меѳодію, Архіепископу Латинскія церкви, и къ какому-то Моравскому князю Тувентару и Свентопулхру!!

Онѣ жалкимъ образомъ чеканены, кажется, въ XV столѣтіи, а именно уже послѣ появленія легендъ; ибо 1-е, въ нихъ заключаются понятія сочинителя легендъ, изъ коихъ составлены; 2-е, объяснились въ нихъ въ пользу Рима посмѣлѣе и пообстоятельнѣе.

Происхожденіе сихъ буллъ, мнѣ кажется, причинила война Гуситовъ. Народъ, коему насунули на шею непонятную Латынь и значительныя подати Папамъ, не могъ не замѣтить, что его обманываютъ. Онъ помнилъ кроткій духъ Славянской Церкви, которую недавно только что изгнали изъ среды его; негодованіе его усиливалось; и не одинъ Чехъ, или Моравянинъ, ропталъ за введеніе новыхъ догматовъ и желалъ возвратиться въ лоно Славянской Церкви, но не доставало покамѣстъ начальниковъ, какъ вдругъ появились два ученые Чеха, *Іоаннъ Гусъ* и *Іеронимъ Пражскій*, подъ предводительствомъ коихъ взволновался народъ, и поднялись мечи на Латинцевъ, и власть очутилась за предѣлами Богеміи. Всякому извѣстно, какъ двинулись Латинцы, чтобы возстановить въ сей странѣ свое владычество, и сколько многихъ стоило имъ это трудовъ. *Констанцскій* Соборъ отчасти созванъ былъ по причинѣ сего несчастія; въ Римѣ думали, что все зло предотвратятъ истребленіемъ зачинщиковъ сего возстанія. Чтобы схватить ихъ, пригла-

сили ихъ на сей Соборъ, подписавъ обѣщаніе личной ихъ безопасности; но, обманутые и объявленные еретиками, Гусъ и Іеронимъ, кончили жизнь на кострѣ, какъ поборники отечественнойне зависимости.

Сими-то кострами воспламенена сильная ненависть Чеховъ къ Католикамъ; возгорѣлась война, названная Гуситскою, въ продолженіе коей Императоръ Сигизмундъ не однажды бѣжалъ пораженный, и не одинъ Нѣмецъ вкусилъ грязи, пока, наконецъ, Богемія не признала власть Императоровъ и народъ мало по малу не склонилъ выю подъ рясу Капуцинскую; но еще и по нынѣ не вошелъ совершенно весь въ Латинскую Церковь.

И такъ вышеупомянутыя буллы сочинены и употребляемы были, какъ историческія доказательства, въ сіи критическія времена. Уже г. Блумбергеръ отвергъ оныя; ибо подложность ихъ слишкомъ явна, чтобы можно рѣшиться защищать древность и подлинность оныхъ; по сему я касаюсь ихъ безъ подробнаго разбора, который здѣсь занялъ бы съ два десятка страницъ, что слишкомъ отвлекло бы меня отъ исторіи Болгаріи. Онѣ находятся въ Шлецеровомъ Несторѣ въ Русскомъ переводѣ. Пусть прочтетъ ихъ, кому угодно, и всякій проницательный и безпристрастный критикъ ясно увидитъ вздорность и безпредѣльное безпристрастіе сочинителя оныхъ.

Сюда же принадлежитъ и біографія Климента, Архіепископа Болгарскаго. Добровскій ясно показалъ, что она, гдѣ касается Кирилла и Меѳодія, заимствована изъ легендъ. По сему сочиненіе ея должно отнести не ранѣе конца XIV столѣтія. Рукопись сія найдена въ Ватиканѣ; если ее сочинялъ Грекъ прежде появленія легендъ, то она умножена въ послѣдствіи статьей о Кириллѣ и Меѳодіѣ какимъ либо Латинцемъ, или Грекомъ подкупленнымъ; если же вся составлена однимъ лицемъ, то писана только съ XIV столѣтія.

Упомянувъ о достоинствѣ свидѣтельствъ Латинской Церкзи, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ Восточной или лучше Славянской.

*

Но, не имѣя свѣдѣній или Исторіи сей Церкви во всемъ ея объемѣ, мы ограничимся на сей разъ свидѣтельствами Русской Церкви. Сіи свидѣтельства суть: 1-е, лѣтопись Нестора; 2) Русская Четья; 3) особые отрывки въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ.

Лѣтопись Нестора. Несторъ кратко упомянулъ изъ Византійцевъ о крещеніи Болгаръ. Разумѣется, что если бы надлежало ему распространиться о семъ дѣлѣ, то необходимо онъ долженъ бы былъ дать намъ подробное понятіе о дѣяніяхъ Кирилла и, Меѳодія и переводѣ Св. Писанія, и Богослужебныхъ книгъ на Болгарскій языкъ, или, какъ его называютъ, на Славянскій. Но дѣло въ томъ, что онъ упомянулъ о семъ слишкомъ кратко.

Ниже въ его же лѣтописи, подъ 898 годомъ, находится опять подробное описаніе перевода Св. Писанія и Богослуженія въ »Моравѣ« на какій-то Словенской языкъ, обращеніе и ученіе Словенскаго народа и проч.

Яснѣе полуденнаго свѣта видно, что сіе мѣсто не принадлежитъ Нестору, какъ уже давно замѣтили изслѣдователи; ибо 1-е) Стоитъ не на своемъ мѣстѣ, и если бы Нестору хотѣлось поговорить подробнѣе о переводѣ и Богослуженіи, то онъ бы не пропустилъ сего выше при крещеніи Болгаръ; ибо, по естественному порядку вещей, тамъ надлежало искать происхожденія новаго Богослуженія. 2-е) Судя по ясности и краткости слога Несторова, не льзя не видѣть, что оно слишкомъ подробно и темно, чтобы приписать, оное Нестору. 3-е) Несторъ въ извѣстіяхъ заграничныхъ пользовался только одними Византійцами, но ни они не говорятъ о событіяхъ, содержащихся съ семъ мѣстѣ, ни Латинскіе писатели современные: откуда же могъ бы ихъ взять Несторъ?

Явно, что сіе мѣсто вставлено, не извѣстно кѣмъ изъ продолжателей Нестора, въ качествѣ объясненія на текстъ лѣтописи. Сіе вставленное мѣсто, сколько могу различить отъ связи повѣтствованія Несторова, начинается словами: «*Симъ бо первое преложена книга въ Моравѣ, яже прозвася*

грамота Словенская».... и продолжается до самаго конца, то есть, оканчивается словами: »*а языкъ Словенскій единъ*.«

Теперь спрашиваемъ: откуда коментаторъ, или вставщикъ Нестора взялъ сіе мѣсто? Всмотритесь хорошенько въ оное, сравните оное какъ съ легендами, такъ и съ настоящимъ смысломъ Исторіи IX вѣка, и увидите, что оно есть не иное что, какъ только переведенная, хотя съ нѣкоторыми отмѣненіями, Латинская легенда.

И такъ, время вставки сего мѣста очевидно послѣ появленія легенды у Латиновъ, т. е., около конца XIV или лучше въ XV столѣтіи. Сіе повѣствованіе вставщикъ нигдѣ не могъ сыскать, кромѣ легендъ.

Причину же, по коей онъ сдѣлалъ сію вставку, можно легко угадать, именно: Несторъ, при воспоминаніи о крещеніи Болгаріи, пропустилъ объяснить происхожденіе, такъ называемой, Славянской, а по сему и Русской, грамоты. Вставщикъ патріотъ (въ Кіевѣ ли, или на Волыни, или въ, Красной Руси, т. е., Галиціи, все равно), жившій, по видимому, во время войны съ Гуситами, когда Латынь взяла верхъ не только въ Богеміи и Моравіи, но, посредствомъ успѣховъ Польскаго оружія, стала проникать и по сію сторону Вислы, въ Русь (въ Волынь, Галицію), пожелалъ замѣнить, сколько возможно, сей недостатокъ въ лѣтописи касательно сего важнаго пункта. Не имѣя для сего особыхъ источниковъ и будучи слишкомъ довѣрчивъ, онъ принялъ отъ своихъ близкихъ сосѣдей, Латиновъ, легенду и внесъ ее въ текстъ Нестора.

Русская Четья-Минея. Сія статья помѣщена Шлецеромъ въ объясненіяхъ на Нестора; она состоитъ изъ 12 параграфовъ. »Какъ удивятся этой находкѣ«, сказалъ о ней Шлецеръ, «иностранцы, которые до сего должны были держаться только своихъ легендъ! Нельзя не принять имъ сего сочиненія: Русская Четья-Минея достойна уваженія не менѣе Латинской!« Послѣ же прибавляетъ о ней: »отысканныя сіи Русскія свидѣтельства требуютъ новаго пересмотра всего, до сихъ поръ объ этомъ обнародованнаго: являются новыя показанія, за то и новыя противорѣчія, можно

ли и какимъ образомъ согласить всѣ послѣднія, объ этомъ пусть позаботится благоразумная критика.«

Г. Добровскій, не смотря на справедливое требованіе Шлецера, приступая къ своимъ критическимъ изысканіямъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ, не обращаетъ вниманія на сію Четью. »Въ наше критическое изслѣдованіе«, говоритъ онъ, «не входитъ новѣйшее Русское житіе потому, что историческіе документы, на коихъ основывается оное, не извѣстны. Мы не знаемъ, на примѣръ, откуда почерпнуто извѣстіе, что отецъ двухъ Святыхъ братьевъ былъ военнаго званія и служилъ сотникомъ; что жена его называлась Маріею; что Меѳодій былъ старшій братъ; что онъ поставленъ былъ отъ Императора Воеводою на границахъ Словенскихъ земель, гдѣ и нашелъ случай учиться по Словенски; что Константинъ разсказывалъ своимъ родителямъ сонъ о прекрасной Софіи; что онъ учился съ молодымъ Императоромъ; что Логотетъ Ѳеоктистъ сдѣлалъ его первымъ доместикомъ въ своемъ домѣ; что Константинъ бѣжалъ, когда представлена ему была въ супружество прекрасная дѣвица изъ знатнаго рода и пошелъ въ монастырь, но чрезъ шесть мѣсяцовъ былъ отысканъ и возвращенъ въ Константинополь; что былъ опредѣленъ библіотекаремъ при церкви Св. Софіи и учителемъ философіи.« Сіи вопросы или недоумѣнія г. Добровскаго имѣютъ основаніе; но мы спросимъ обратно: изъ какихъ источниковъ взяты, на какихъ документахъ основаны его легенды? почему не обратилъ почтенный Добровскій подобнаго подозрѣнія и на свои легенды, коихъ достоинство въ десять разъ сомнительнѣе Русской Четьи? Если же надлежитъ добиться истины, то это должно произвести взвѣшеніемъ двухъ противорѣчащихъ себѣ сторонъ. И между тѣмъ г. Добровскій приступаетъ къ критическому изслѣдованію о двухъ Словенскихъ первоучителяхъ, какъ симъ объясняется, «болѣе по поводу вновь найденной Греческой біографіи Болгарскаго Архіепископа Климента, заслуживающей безспорно наше вниманіе«. По чему заслуживающей вниманіе? Потому что, сочинитель оной свои свѣдѣнія о нашихъ Апостолахъ, какъ самъ же Добровскій доказалъ это, заимст-

вовалъ изъ легендъ! Какое и сколь непростительное пристрастіе къ легендамъ!

Впрочемъ, справедливость требуетъ признаться, что я не для того обвиняю въ пристрастіи достойнаго всякаго почтенія любителя Славянской исторіи и словесности, Добровскаго, и отвергаю Латинскія легенды, чтобы оправдать достовѣрность сказанія, помѣщеннаго въ Русской Четьи-Минеѣ нѣтъ, я не менѣе сомнѣваюсь въ ономъ, ибо повторю съ самимъ же Добровскимъ, что неизвѣстны источники, изъ коихъ она составлена.

Шлецеръ, который обнародовалъ оную, говоритъ, что «очень видно, что сочинитель оной составилъ ее совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, нежели сочинители Латинскихъ; на поляхъ приписываетъ онъ: *взято изъ разныхъ рукописей*. Сверхъ того, частныя извѣстія, анекдоты, которыхъ тутъ довольно, не сравненно вѣроятнѣе, нежели въ *Acta S. S.*; онѣ пріятны, имѣютъ внутреннее правдоподобіе, и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею Исторіею».

Въ семъ отношеніи преимущество Четьи предъ легендами справедливо; ибо описываетъ кругъ дѣйствій Меѳодія и Кирилла въ такой сторонѣ, которой они именно принадлежали, т. е., Востоку; но, не смотря на все правдоподобіе описываемыхъ въ ней событій, не льзя не сомнѣваться о дѣйствительности оныхъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдимся въ противномъ сильными и ясными доводами. Самое же затруднительное обстоятельство, противное достоинству сей Четьи, есть то, что сочинителъ оной совершенно забылъ упомянуть о крещеніи Болгарской Державы, о событіи, въ которомъ Меѳодій и Кирилль были главными дѣятелями, и которое было величайшимъ событіемъ тогдашняго времени.

Какія могли быть тѣ рукописи, коими пользовался сочинитель Четьи, не извѣстно; по крайней мѣрѣ видно, что онъ собралъ все въ одно безъ разбора, что только находилось гдѣ либо о Болгарскимъ Апостолахъ.

Намъ не остается теперь другаго пути къ отысканію истины, какъ только обратиться къ забытой всѣми Исторіи Болгарскаго Государства и Церкви, которую еще надле-

житъ изыскать, открыть, объяснить. Изъ ея-то объясненія гораздо болѣе прольется свѣту на Исторію Россійской Имперіи, Церкви и Словесности, нежели изъ тысячи Норманскихъ, Скандинавскихъ бредней, какими доселѣ изуродована была Русская Исторія.

Конечно, весьма трудно и сомнительно пріобрѣтеніе подробной, подлинной Исторіи Болгаріи, ибо несчастная сія страна, еще съ 1380 году, подъ игомъ Турокъ; однако, не надобно отчаяваться; можно еще много хорошаго отыскать для объясненія и обогащенія оной въ Молдавіи, Валахіи, Трансильваніи, Сербіи, Венгріи, но преимущественно въ странахъ, обитаемыхъ еще и нынѣ Болгарами, — въ Болгаріи, Румеліи, Македоніи, Ѳессаліи, или даже въ Греческихъ монастыряхъ. Тамъ, между прочимъ, надлежало бы отыскивать Болгарскую Четью о нашихъ Апостолахъ, взглянуть между тѣмъ и въ Греческую Минею; словомъ, пріискать всѣ, касающіяся до сего предмета, сочиненія.

Конечно, для сего не довольно быть литераторомъ, нужно имѣть Калайдовичей, Строевыхъ; если я не возмогу вырваться изъ моихъ обстоятельствъ, чтобы имѣть возможность достиженія сей цѣли, чего уже нѣсколько лѣтъ такъ сильно желаю, то, по крайней мѣрѣ, вызываю къ сему благородному путешествію всякаго, желающаго обогатить отечественную Исторію новыми приращеніями. Неужели въ XIX столѣтіи не найдется никто, который бы имѣлъ довольно любопытства для совершенія сего предпріятія? Не уже ли не найдется другой Румянцовъ?

И такъ повторяю, что до тѣхъ поръ не возможно добиться до настоящаго жизнеописанія нашихъ учителей, пока не будетъ объяснена Исторія Болгарскаго *Государства*, преимущественно же *Церкви*. На сей же разъ я повторю только слѣдующія положенія:

1-е. Кругъ Апостольскихъ дѣйствій Кирилла и Меѳодія заключался только въ предѣлахъ обширной тогда Болгарской Державы.

2-е. Болгарское Богослуженіе, Болгарскій переводъ Св. Писанія, если не весь, то большею частію, равно какъ и

Болгарскія письмена существовали въ предѣлахъ имперіи гораздо ранѣе Кирилла и Меѳодія, коими пересажены и распространены по Болгаріи и принадлежащимъ ей областямъ.

Какъ сія Болгарская Церковь, такъ и Римская или Латинская, обѣ суть дочери и ученицы Восточной: которая изъ нихъ осталась вѣрною своей учительницѣ, пусть разсудитъ теперь самъ читатель.

Есть аналогія между обѣими сими Церквами, достойная замѣчанія: одна занимаетъ Востокъ, другая Западъ Европы; распространяясь съ одной точки, онѣ обѣ, какъ для чтенія Св. Писанія, такъ и для совершенія Богослуженія, передали свой языкъ другимъ народамъ — а) единоплеменнымъ и б) иноплеменнымъ. Такъ Римская заставила, во первыхъ, Италіанцевъ всѣхъ нарѣчій, Галло-Римлянъ и Испано-Римлянъ; во вторыхъ, иноплеменниковъ: Нѣмецкія племена, Славянъ Германскихъ, и изъ Летовъ: Латишей и Прусаковъ,—принять языкъ Латинскій. Такъ и Болгарская передала Св. Писаніе и Богослужебныя книги на своемъ языкѣ: Сербамъ, Кроатамъ, Чехамъ, Моравянамъ и Россіянамъ; во вторыхъ, иноплеменникамъ: Волохамъ, Мадярамъ (Венграмъ) и изъ Летовъ: Литовцамъ.

И такъ не начало положили Кириллъ и Меѳодій сей Славянской Церкви, но гигантски распространили, развили, образовали членовъ ея. Вотъ величайшія услуги и заслуги! Теперь обратимся опять къ дѣламъ Бориса и къ Христіанству въ Болгаріи.

Крещеніе Болгаріи, съ 862 по 869 или 870 годъ, было только обращеніемъ господствующаго народа, именно Болгаръ, въ Болгаріи и Венгріи; крещеніе же прочихъ жителей сей Державы происходило постепенно, въ послѣдствіи.

Управленіе сею новою Церковью и попеченіе о ея возрастаніи Король, безсомнѣнно, поручилъ Меѳодію, который, какъ уже сказано, имѣлъ при себѣ главнымъ помощникомъ брата, Кирилла.

Чтобы образовать рачительныхъ пастырей и достойныхъ себѣ преемниковъ, Меѳодій самъ приготовлялъ къ сему

весьма многихъ изъ своихъ учениковъ, кои дѣйствительно занимали въ послѣдствіи Архіерейскія каѳедры, и отличились своими сочиненіями и святостію, какъ, между прочими, Іоаннъ, Ексархъ Болгаріи, и Климентъ, Архіепископъ Бѣлградскій (Болгарскій).

Религіозное преобразованіе Государства необходимо повлекло за собою новую организацію онаго, какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. Учрежденіе Епископовъ было первымъ стараніемъ богобоязненнаго Короля, и занятіемъ неутомимаго Меѳодія. Такія были между прочими, на примѣръ: въ Девелтѣ, Ахридѣ, Тиберіополѣ или Бѣлградѣ, но замѣчательнѣйшее было въ Доростолѣ (или Дристрѣ, нынѣ Силистріи), которое, въ царствованіе короля Петра I, возвышено было на степень патріаршескаго достоинства.

Занималъ ли постоянно Меѳодій которую нибудь изъ новоучрежденныхъ Епархій Болгаріи, и которую именно, не извѣстно; по крайней мѣрѣ можно полагать, что во время обращенія, въ которое безпрерывно находилось тысячу надобностей въ его присутствіи тамъ и сямъ, не имѣлъ и не могъ имѣть постояннаго жилища, но ѣздилъ въ качествѣ верховаго учителя и пастыря безпрестанно, или весьма часто, всюду, гдѣ только было нужно его присутствіе.

Что дѣлалъ съ своей стороны Константинъ Философъ (въ послѣдствіи Кириллъ монахъ), легко можно себѣ представить; ибо не напрасно его вызывали изъ Ѳессалоники въ Болгарію, чтобы тамъ оставить послѣ безъ мѣста и безъ занятій. Именно: учреждены были училища, которыя сначала могли быть больше духовныя, чѣмъ свѣтскія, подъ главнымъ надзоромъ Константина, какъ опытнаго ученаго, философа.

Хотя, впрочемъ, по затеряніи подлинныхъ историческихъ документовъ сей страны, не могу подтвердить сего оффиціально, хотя, скажетъ кто либо, что форма организаціи тогдашняго времени далеко отстояла отъ совершенства внутренняго образованія нынѣшнихъ просвѣщенныхъ Государствъ, однако, нельзя не признаться, что здравый разсу-

докъ человѣка былъ во всѣ времена одинъ и тотъ же, и что Государства во всѣ времена имѣли свою организацію, выгодность коей зависитъ отъ усовершенствованія и удобности ея формы. Посему хотя нельзя переносить нынѣшняго титла назадъ къ IX столѣтію, но мнѣ весьма хочется, да и можно, Константина, по образу его занятій и сущности дѣла, назвать Министромъ народнаго просвѣщенія. Различіе только въ именахъ, а не въ существѣ.

Попеченія Бориса объ образованіи и просвѣщеніи своего народа, при мирѣ съ сосѣдственными Державами, были единственнымъ предметомъ его занятій. Издержекъ не жалѣли; въ пособіяхъ не было недостатка; ибо Болгарія имѣла ученыхъ въ Имперскихъ своихъ единоплеменникахъ, коихъ приглашала и принимала съ отверстыми объятіями; и народное образованіе, обученіе шло тѣмъ поспѣшнѣе, что сіи люди не были изъ числа тѣхъ иноплеменныхъ бродягъ и невѣжъ, коихъ корыстолюбіе заставляетъ идти въ чужія Государства искать фортуны; но были такіе, коихъ сердца, будучи сжаты подъ иноплеменнымъ правленіемъ, и научась чувствовать любовь къ народу единоплеменному, отечественному, съ бо́льшимъ удовольствіемъ поспѣшали предлагать ему свои непритворныя и ревностныя услуги.

Непреоборимымъ доказательствомъ сему служатъ послѣдствія сихъ обстоятельствъ: Болгарія два десятка лѣтъ спустя уже стала имѣть своихъ писателей.

Вождями сихъ заслуженныхъ мужей, коихъ имена и подробности для насъ утрачены, являются Кириллъ, преимущественно же Меѳодій. Сей неутомимый поборникъ блага новаго своего и истиннаго отечества началъ свои заслуги услугами Двору еще до крещенія онаго. Занимая мѣсто Королевскаго живописца, онъ подлинно былъ духовникомъ сестры Короля, который въ немъ нашелъ своего наставника и препоручилъ ему образованіе наслѣдника престола, сына своего, Великаго Князя Владимира. Какое могло быть сіе образованіе, легко поймете, когда представите себѣ Владимира Героя – Философа – Литератора – Великаго Монарха. Біографъ Климента справедливо замѣтилъ, что Меѳодій вну-

шалъ Королю и наслѣднику ту любовь къ отечеству, отечественному языку и просвѣщенію, которою самъ пылалъ, и которая дѣлаетъ людей великими, что дѣйствительно сбылось съ Владимиромъ.

Въ свободныя минуты, Меѳодій былъ правою рукою Короля въ предначертываемомъ имъ преобразованіи и даже въ прочихъ обстоятельствахъ. Изъ устъ его получалъ Борисъ наставленія и просвѣщеніе, отъ рукъ его принялъ крещеніе и мѵропомазаніе. Наконецъ ударилъ часъ начатія великаго дѣла; изданъ указъ, началось всеобщее волненіе, и Меѳодій, препоясавшись на поле дѣйствій и оставя мирное житіе при Дворѣ, сталъ уже жить не для Двора, а для цѣлаго отечества, цѣлаго народа. Вотъ причины, по коимъ Монархъ во всю жизнь свою изъявлялъ великое уваженіе сему достойному, заслуженному мужу, который сдѣлался необходимостью какъ для него самаго, такъ и для Государства.

При столь знаменитой перемѣнѣ нравственнаго бытія Болгаръ, по видимому, произошла нѣкоторая перемѣна и въ гражданской ихъ организаціи. «По увѣренію Бертиніанскихъ лѣтописей,» говоритъ Енгель, «Болгарія была раздѣлена на 10 Господарствъ или Намѣстничествъ», изъ коихъ одно было въ Валахіи, два въ Сербіи и Кроаціи, одно въ Паннониі (Задунайской Венгріи); прочія же находились въ странахъ, обитаемыхъ самыми Болгарами, изъ коихъ два въ Венгріи, а одно въ *Загорьи*. Намѣстники назывились Господарями, или, если принадлежали къ Царствующей фамиліи, Князьями. Каждое же Господарство или Княжество раздѣлялось на *Уряды* или *Округи*, управляемые *Урядниками* или *Исправниками*.

Изъ сочиненія Константина Багрянороднаго о церемоніяхъ видно, что Верховный Государственный Совѣтъ Болгаріи состоялъ изъ шести великихъ Боеводъ и Бояръ, и ему подчинены были дѣла, какъ военныя (иностранныя), такъ и государственныя (внутреннія). Было ли это число членовъ Верховнаго Государственнаго Совѣта постоянно, или

было умножаемо, смотря по обстоятельствамъ или усмотрѣнію Государей, не извѣстно.

Общій же непремѣнный Совѣтъ или Сенатъ составляли прочіе вельможи, или, какъ ихъ именовали въ Болгаріи, *Боляре*, коихъ Византійцы называли Boïlades ab intus, внутренними или статскими Боярами, ибо управляли внутренними дѣлами. Войсками управляли *Воеводы*; имъ преимущественно надлежало наблюдать за безопасностію границъ; по сему и находились они съ своими войсками вблизи оныхъ, и въ случаѣ войны должны были защищать оныя или даже первые дѣлать нападеніе на предѣлы непріятельскіе. Такъ иные находились около устья Дуная, другія вдоль предѣловъ Имперіи, также въ Кроаціи и Панноніи противъ границъ Франковъ. Воеводы же начальствовали въ укрѣпленныхъ городахъ и крѣпостяхъ, коихъ Болгаре имѣли значительное количество; такъ, между прочими, была пограничная Болгарская крѣпость противъ Моравіи, *Будинъ*, сдѣлавшаяся въ послѣдствіи столицею Венгріи. Воеводъ сихъ Греки называли Boïlades ab extus, *внѣшними войладами*, т. е., Воеводами (Vid. Stitter II. p. 604).

Преобразованіе Государства обратило на себя все вниманіе и стараніе Бориса (873), который, чтобы совершенно предаться симъ внутреннимъ занятіямъ Государства, старался поддержать согласіе и миролюбіе съ прочими Державами.

Еще въ 867 году произошла перемѣна въ Византійскомъ Правительствѣ. Василій, родомъ Болгаринъ изъ Македоніи, одинъ изъ тѣхъ Болгаръ, кои, въ царствованіе Владиміра I, получили позволеніе возвратиться изъ Валахіи въ свои домы въ Македонію, возшелъ на престолъ Имперіи. Нѣкогда облагодѣтельствованный Владиміромъ, онъ, по возшествіи своемъ на престолъ, не преминулъ оказать дружелюбіе къ преемнику его, Борису, къ чему обязывала его благодарность и естественное влеченіе къ своимъ единоплеменникамъ. Сіе обстоятельство и необходимость внѣшней тишины во время внутренняго преобразованія сблизили двухъ Монарховъ.

Въ сіе время Король наслѣдника своего, Владиміра, образованнаго Меѳодіемъ, который, по особымъ занятіямъ, не могъ уже оставаться при Дворѣ, а слѣдственно и при В. Князѣ, для усовершенствованія въ наукахъ и для изученія Греческой Словесности и образованности, отправилъ, можетъ быть, по совѣту самаго Меѳодія, въ Константинополь, гдѣ, при Дворѣ, подъ руководствомъ ученыхъ, Владиміръ обучался словесности и философіи, читая то Платона, Сократа, Аристотеля, Демосѳена, то Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и прочихъ великихъ Христіанскихъ учителей. Довершеніе своего образованія получилъ онъ въ путешествіи по прочимъ областямъ и городамъ Имперіи.

Въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній и дружелюбія Императоръ дарилъ Болгарскому купечеству особыя преимущества въ Константинополѣ. Для жительства ихъ отведены были особыя улицы, и, сверхъ сего, дано было имъ первое мѣсто предъ всѣми иностранцами при церковныхъ и государственныхъ праздникахъ, при которыхъ они присутсвовали подъ именемъ Болгарскихъ гостей. Къ дѣятельности народъ Болгарскій былъ весьма расположенъ, и Болгарская торговля, при мирной тишинѣ, процвѣтала.

Между тѣмъ подтверждены мирныя отношенія и съ наслѣдниками Карла Великаго, Королями Германскимъ и Французскимъ. Хотя, впрочемъ, и были иногда споры между Болгарами и Франками касательно границъ, хотя тѣ и другіе и желали иногда привязать къ себѣ, или переманивать раздѣленныхъ между ими Словенъ (въ Паннониі и Краинѣ); хота тайная вражда существовала между обоими народами, хотя и Византійцы, горько помнившіе потерянную важную часть своихъ Италіянскихъ владѣній, могли поддерживать въ Болгарахъ сію ненависть къ Франкамъ: но на сей разъ дѣла внутреннія Болгаръ требовали спокойствія, а въ наслѣдникахъ Карла Великаго исчезъ духъ воинственный и предпріимчивый, и согласіе между ими было упрочено.

Теперь взглянемъ, какое отношеніе могла имѣть Болгарія къ другимъ двумъ странамъ и народамъ, прилежащимъ

къ ней съ другой стороны. Это суть (а *Великая Моравія съ Богеміей*; б) *Россія*.

Я упомянулъ уже выше, что всѣ отношенія Болгаріи въ древности къ Сѣверу преданы забвенію; во время Нестора все перемѣнилось, все было иначе. Политическій перевѣсъ, равновѣсіе, вліяніе существовало между народами и въ древнія времена; но тогдашніе писатели не умѣли сего чувствовать, не знали описать.

Но, если Болгаре, будучи сосѣдами болѣе образованныхъ и сильныхъ народовъ, Грековъ и Франковъ, имѣли на нихъ вліяніе, дѣйствія, сношенія; то не ужели скажетъ кто либо, что они не имѣли подобнаго же и съ Моравіей и Россіей, потому что были ихъ же непосредственными сосѣдями? по тому ли, что на Сѣверѣ научились писать и замѣчать одни голыя происшествія (хотя и тѣ неясно, сбивчиво) слишкомъ поздо?

Въ этомъ случаѣ предстоитъ одно средство, а именно: объяснить вѣрнѣйшія точки въ общей Исторіи, чтобы симъ, такъ сказать, освѣщеніемъ произвести хотя слабый, но, по крайней мѣрѣ, вѣрный и естественный оттѣнокъ на заданный предметъ, и тѣмъ самымъ дать вѣрное объ ономъ понятіе.

Поелику Моравія и Чехи ближе къ Югу и Франкамъ, то и яснѣе видно отношеніе Болгаріи къ симъ странамъ. Ибо, какъ Византійскія лѣтописи означаютъ дѣянія Болгаръ въ отношеніи къ Грекамъ, такъ Франкскія указываютъ на слѣды ихъ въ Германіи до самаго Рейна. Болгаре отвѣчали мечами и Византійцамъ и Франкамъ, то есть, они повторяли точь въ точь дѣла великаго своего предка, Аттилы. Посему легко себѣ вообразить ихъ господство или вліяніе на Германію, т. е., на ея Славянъ и Нѣмцевъ; вѣрно то, что они владѣли Виденскимъ Словенскимъ княжествомъ (Австріею), и что сей же участи подвержены были первые Моравяне и Чехи.

Между тѣмъ могущество Франковъ возрастало; долговременныя и кровопролитныя войны съ ними и съ Греками и внутреннія раздоры ослабили Болгаръ, и они принуждены

были уступить Германію Франкамъ подъ предводительствомъ Карла Великаго, будучи принуждены довольствоваться своимъ господствомъ надъ Словенами въ Венгріи, Валахіи, Трансильваніи и проч.

Нѣмцы, и отчасти Словене, лишенные покровительства Болгаръ, сдѣлались добычею Франковъ. Но гораздо сильнѣе сопротивленіе нашли Франки въ могущественныхъ Балтійскихъ Славянахъ, жителяхъ Германской Украины, Сорбахъ, Чехахъ и Моравахъ. Балтійцы остались по прежнему соперниками Франковъ; но болѣе чувствовали натискъ непріятелей Сорбы, Чехи и Моравяне, раздѣленные на княжества. Всѣхъ болѣе претерпѣли Сорбы, коихъ жилища проникали къ Рейну, между двухъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ племенъ,— Бойевъ и Саксовъ: первая часть ихъ сдѣлалась подданною Франкамъ, а другая придерживалась Чеховъ; пока жилъ Карлъ Великій, князья Чеховъ и Моравянъ, хотя стояли на ногахъ, однако, искали благоволенія сего завоевателя, чтобы избѣгнуть войны и подданства. Украинцы пользовались защитою Балтійцевъ; Моравяне же на сей разъ были лишены покровительства Болгаріи, которая и сама принуждена была заключить невыгодный съ Франками миръ, по силѣ коего лишилась Виденской области.

Но чѣмъ именно могли угодить Карлу Моравскіе Князья? Принятіемъ Христіанской религіи изъ рукъ Франковъ, которую отразили и Балтійцы съ Украинцами (ибо не пропустили Франковъ по сію сторону Эльбы), и Болгаре. Посему Карлъ, горѣвшій ревностію къ распространенію Церкви Латинской, успѣлъ на мѣстѣ болѣе слабомъ, какова была тогда Моравія.

Но скоро потомъ умеръ Монархъ-герой; вся Монархія его раздроблена на трое и ослаблена; жители Моравіи могли дышать свободнѣе, и, кажется, могли быть совершенно независимыми; но не то оказалось на дѣлѣ. Франки хотѣли завоевать ихъ безъ оружія; Нѣмецкіе и Франкскіе монахи бросились къ нимъ толпою, не зная ни языка ихъ, ни обыкновеній. Ихъ содержаніе, строеніе приходовъ и подати духовенству возложены на народъ Моравскій. Такіе пропо-

вѣдники, большею частью, какъ говоритъ Шлецеръ, невѣжды,— могли ли истребить народные предразсудки, не зная народнаго языка? Ломаемыя ими Чешскія слова производили скорѣе смѣхъ въ народѣ, чѣмъ назиданіе, для коего, безъ сомнѣнія, должно быть ученымъ. Сіи-то миссіонеры своихъ прозелитовъ, которые были только именемъ Христіане, подчиняли Епископамъ Баварскимъ, и тѣмъ самымъ началась формальная зависимостъ сей стороны отъ Германцевъ. Нечего было дѣлать; другаго вѣроисповѣданія вблизи не было, ибо Болгарія была еще языческою; отвергнуть же Латынь, т. е., возвратиться къ идолопоклонству, значило бы навести войну на страну свою, посему Князья оной оставались въ зависимости до времени.

Духовную зависимость Германскіе Государи стали превращать въ гражданскую; требовали отъ Князей вассальскаго повиновенія; притязанія Латинцевъ ежедневно усиливались; Князья терпѣли, ибо не было между ими отважнаго человѣка.

«Сорокъ уже лѣтъ сидѣла на шеѣ у Моравянъ такая Латынь, и Нѣмцы, съ коими они не могли говорить, » — говорить Шлецеръ, какъ совершилось преобразованіе Болгаріи, и возросъ молодой Князь *Святополкъ*, «одинъ изъ небольшаго числа великихъ людей IX столѣтія» (Несторъ Шлец. II, стр. 436), коего отважность, мужество, благоразуміе и проницательность превозносятъ современные писатели. Въ такомъ человѣкѣ нуждалась Моравія, чтобы освободиться изъ когтей Латыни и Нѣмцовъ. Одаренный такими качествами, Князь не могъ не увидѣть своего тягостнаго положенія; по сему не замедлилъ употребить свои силы въ пользу отечества; онъ вознамѣрился избавиться отъ Латыни и изгнать оную совершенно изъ своего государства. »Карло-«манъ, подозрѣвая его, по донесеніямъ Латинскихъ мона-«ховъ, велѣлъ задержать его въ 871 году; но какъ не могъ «уличить его ни въ чемъ, то въ томъ же году отпустилъ въ «отечество. Но Святополкъ не могъ забыть сдѣланнаго ему посрамленія, и кипѣлъ мщеніемъ.» (Нест. Шл. II, стр. 437.)

Кончено, Болгаре, всегдашніе враги Франковъ, не преминули подстрекать и поддерживать Святополка въ его предпріятіи, и обратно Святополкъ, для предосторожности и успѣха въ своемъ предпріятіи, не могъ не обратиться къ Болгарамъ, коихъ интересъ состоялъ въ томъ, чтобы не допустить Франковъ завладѣть сею страною, и окружить свои владѣнія и со стороны Карпатовъ. И такъ молодой Святополкъ, обезпеченный союзомъ, или лучше, покровительствомъ Болгаріи (871), тотчасъ, послѣ возвращенія въ свои владѣнія, началъ непріятельскія дѣйствія и истребилъ совершенно два Франкскіе наблюдательные корпуса, вмѣстѣ съ ихъ начальниками.

Начатая война въ Моравіи была причиною сильныхъ непріятельскихъ отношеній между Болгарами и Франками въ Панноніи, что облегчало военныя дѣйствія Святополка. «Чехи и Сорбы пристали подъ его державу и опредѣлили «давать ему дань, которую съ нихъ драли Нѣмцы. Въ слѣдующіе годы Моравяне, Чехи и Сорбы безпрестанно дерутся съ Франко-Нѣмцами, и не рѣдко очень счастливо. «Въ 874 году, однако же, заключенъ миръ» между Имп. Людовикомъ, Борисомъ и Святополкомъ, по силѣ коего Моравія, получивъ новыя пріобрѣтенія, сдѣлалась Государствомъ самостоятельнымъ, сильнымъ, такъ что названа Великою Моравіею.

«Людовикъ умеръ вскорѣ, въ 876 году, и тутъ Германія раздробилась на три части», а Великая Моравія подняла мужественно свою главу, не отдавая болѣе никому отчетовъ въ своихъ поступкахъ. Въ сіи-то бурныя военныя времена всѣ Латинскіе, Франкскіе и Нѣмецкіе монахи, собственно принадлежавшіе къ сторонѣ непріятельской, принуждены были оставить владѣнія Святополка, и тѣмъ самымъ изгнана изъ оныхъ непонятная Латынь и ненужныя подати. «Честь и слава Славенскому разсудку!» восклицаетъ Шлецеръ.

И такъ Святополкъ и въ семъ отношеніи обратился къ Борису, требуя отъ него священниковъ и учителей, которые бы наставляли народъ и отправляли Богослуженіе на языкѣ не Латинскомъ, но Славянскомъ; ни что

не было пріятнѣе для Моравянъ, какъ сіе преобразованіе. Въ сіе то время приняты въ Моравіи и Богеміи обряды Восточной Православной Церкви, при чемъ и Болгарскіе Священныя и Богослужебныя книги перенесены туда изъ Болгаріи, а вмѣстѣ съ ними обряды, такъ какъ они находились въ Болгаріи; и все сіе потому, что никто изъ Моравянъ не имѣлъ ни охоты, ни возможности переводить оное на свой языкъ; посему на первый случай принято все Болгарское, и въ послѣдствіи оставлено въ томъ же видѣ, тѣмъ паче, что Болгарское нарѣчіе было понятно всякому Моравянину. И такъ Болгарское Богослуженіе точно такъ перешло въ Моравію, какъ въ послѣдствіи и въ Россію.

Сіе принятіе Болгарскаго Богослуженія и ученія произошло при вліяніи Болгаріи, а именно: 1-е, отвергая Латинское, надобно было принять Болгарское; 2-е, Болгарское было вразумительно, межъ тѣмъ какъ Латынь была непонятна; 3-е, Болгаре, оказавшіе Моравянамъ свое покровительство, заслуживали предпочтеніе прочимъ народамъ; 4-е, Болгарское Богослуженіе не требовало ни податей, ни зависимости Моравіи, и Болгарское Правительство, въ соединеніи съ Византійскимъ, снабжало Моравскій народъ нужнымъ количествомъ наставниковъ и пастырей; между тѣмъ оно предоставляло Моравянамъ имѣть у себя и собственныхъ Епископовъ, чего въ прежнее время не дозволяли имъ Франки. Кажется, Василій Императоръ и Борисъ, оба Славяне, не могли не желать добра Святополку-Славянину же.

Такъ Импер. Василій Македонянинъ, посылая и съ своей стороны чиновниковъ на заключаемый между Борисомъ, Людовикомъ и Святополкомъ миръ, отпустилъ Морявянамъ Епископа *Агаѳона*, назначеннаго Архіепископомъ Моравіи, и *Сергія* Епископомъ въ Велеградѣ. Были ли это Имперскіе Болгаре, или Греки, все равно! По крайней мѣрѣ вѣрно то, что Болгарская Церковь водворилась въ Моравіи и Богеміи, и вмѣстѣ стала образоваться Іерархія въ сихъ странахъ.

«Противъ обоихъ сихъ первыхъ Іерарховъ въ Моравіи, Римскій Дворъ дѣлалъ выходки въ своихъ буллахъ 878 г.

Между тѣмъ Агаѳонъ въ слѣдующемъ 879 году, на собранномъ Фотіемъ Соборѣ, подписался Архіепископомъ Моравіи» (Енгель).

Вотъ первые архипастыри Моравіи, а не Кириллъ и Меѳодій. Изъ сего выходитъ, что если Моравскіе Князья хотѣли требовать изъ Константинополя учителей, какъ этого хотятъ легенды, то это могло случиться только послѣ отпаденія Моравіи отъ Франковъ, т. е., не прежде 874 или 875 году; посему ни Ростиславъ, ни кто либо другой не могъ сего требовать, но могъ одинъ только Святополкъ; да и то уже послѣ означеннаго года, т. е., когда сдѣлался Содержцемъ Моравянъ, Чеховъ и Сербовъ; ибо до сихъ поръ его положеніе отнюдь не позволяло этого. Да и Франкскія лѣтописи дѣйствительно свидѣтельствуютъ, что Моравяне и Болгарскіе священники (коихъ они называютъ Греками) вытѣснили ихъ монаховъ изъ сихъ странъ только послѣ 875 году, какъ сіе уже ясно показалъ Шлецеръ. Это былъ уже 12 годъ царствованія Императора Василія: какимъ же образомъ могъ Святополкъ требовать учителей отъ Императора Михаила, который уже давно не существовалъ? Или какимъ образомъ Михаилъ Имп. могъ посылать Меѳодія къ Святополку, который въ его царствованіе совершенно не могъ сего требовать?

Объяснивъ вкратцѣ хотя главныя черты изъ картины политическихъ соотношеній между Болгаріею, Германіею и Святополкомъ, теперь надлежало бы обратиться къ тому образу взаимныхъ отношеній, который находился между Россіею и Болгаріею. Сія точка политическаго соприкосновенія весьма любопытна, ибо она столько же принадлежитъ и Русской Исторіи, сколько и Болгарской; но по выше приведеннымъ причинамъ, она не менѣе трудна для объясненія. Это есть камень преткновенія, чрезъ который именно должно переходить, но который до сихъ поръ кругомъ обходили. Не думаю на немъ спотыкнуться, ибо не принимаю невозможнаго, ищу только естественности; отвѣдаю дѣло, тѣмъ больше, что до сихъ поръ толковали только о вліяніи иностраннаго народа на сѣверные предѣлы древней Россіи,

и многое оставалось не разъясненнымъ. Обратимъ вниманіе на предѣлы южные.

Въ сіе самое время, говорю, во время Бориса и Святополка, въ Россіи видимъ Рюрика. Съ сего-то времени береть начало Россійская Исторія, т. е., съ сего только Русскаго Государя. Первый Русскій лѣтописецъ, жившій въ началѣ XII столѣтія, началъ замѣчать происшествія для своего потомства съ сего только времени, ибо выше не могъ, да и 250 слишкомъ лѣтъ, до него протекшихъ, отчасти исторгнутыхъ изъ забвенія, уже довольно представляютъ его заслуги.

И такъ дѣло въ томъ, что Несторъ съ сего только времени могъ схватить и начать описывать происшествія своего отечества, положеніе своихъ соотчичей, своего народа. Но что сей самый народъ, столь же многочисленный, какъ и Греки, или Латины, или Готы, до сего времени существовалъ, какъ и Греки, Латины и Готы, въ томъ можетъ усумниться одинъ только сумазбродъ.

Какое было положеніе сего народа Россовъ, какимъ оно подвергалось измѣненіямъ до сего времени, неизвѣстно, т. е., Несторъ самъ не зналъ, и мы не знаемъ; но сего незнанія не довольно; нужно изслѣдовать, объяснять, сколько возможно. Я сіе здѣсь оставляю, ибо оно есть предметъ Русской Исторіи; а обращу вниманіе только на сіе самое время, чтобы объяснить Болгарскую, чѣмъ и Русская дѣлается яснѣе.

И такъ спрашиваемъ: какое отношеніе имѣла Болгарія къ Сѣвернымъ своимъ сосѣдямъ, къ Россіянамъ? Не ужели Болгарскій народъ, который изъ своихъ предѣловъ проникалъ въ самыя отдаленныя внутренности Греческой Имперіи, Италіи, Германіи, Моравіи, не уже ли этотъ народъ не проникалъ и въ Россію, или въ тѣ мѣста оной, въ которыхъ обиталъ и которыя очень давно оставилъ? Или, по крайней мѣрѣ, не уже ли онъ, какъ воинственный, дѣятельный, не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, вліянія на оную? Въ чемъ состояло сіе вліяніе, сильное ли, слабое ли, или какого роду было оно? Гдѣ, на какихъ мѣстахъ, приходили въ соприкосновеніе сіи два народа?

Гористыя мѣста Болгаріи тѣсны были для многочислен-наго и дѣятельнаго народа; страна над-Дунайская, между Трансильваніею и Чернымъ Моремъ (нынѣ Молдавія и Вала-хія), по выгодному своему положенію и чрезвычайнему пло-дородію, не могла быть имъ не владѣемою. Валахія и Мол-давія была обитаема Болгарами и составляла одно изъ ихъ Господарствъ — Намѣстничествъ, которое хотя и не было все заселено, но, по крайней мѣрѣ, какъ весьма благопріят-ное для скотоводства, составлявшаго часть народнаго богат-ства, и бывшаго главнымъ предметомъ домашней жизни Болгаръ, простиралось до самаго Днѣстра. И такъ мож-но съ достовѣрностію положить, что около сего мѣста оба народа приходили въ соприкосновеніе.

И такъ теперь спросимъ, какой народъ имѣлъ вліяніе на Южные предѣлы Россіи, или на самыхъ Южныхъ Россовъ? Кажется, понять легко, и отвѣтъ не затруднителенъ; но спро-симъ у Нестора;—онъ говоритъ: »около 859 году народъ за-морскій, *Варяги*, брали дань съ Сѣверныхъ жителей Россіи, Славянъ, Чуди, Мерянъ и Кривичей; а съ Южныхъ: По-лянъ, Сѣверянъ и Вятичей, по одной бѣлкѣ съ дыму (съ дома или двора) брали *Козаре*«.

Что это такое? Козаре съ Юга Россіи! Что это за на-родъ? И этотъ народъ имѣлъ столь сильное вліяніе на Рос-совъ! Гдѣ же Болгаре, сіи могущественные Болгаре, ко-ихъ я приготовилъ было для отвѣту? Неужели Несторъ не зналъ ничего о силѣ и могуществѣ сея Державы? Да; въ его время сіе государство уже не существовало; оно поко-рено было Греками почти за сто до него лѣтъ! И то, что сказалъ онъ вкратцѣ о Болгарахъ, заимствовано имъ у Византійцевъ.

Хотя сіе такъ было въ его время, однако, Болгарія су-ществовала во всемъ своемъ величіи и силѣ во время Рю-рика: отъ предѣловъ Моравіи до Чернаго моря она грани-чила съ Россіею; Карпаты и Днѣстръ были ихъ границею. Явно, что никто другой не могъ имѣть на Россію сильнаго вліянія, сколько сія Держава. Что же за народъ Козаре Нестора? что это за имя? Вѣдь въ самомъ-то дѣлѣ съ Юга только Болгаре могли имѣть столь сильное вліяніе: не сто-

ять ли Козаре вмѣсто Болгаръ? Или они составляютъ особый народъ? Въ семъ случаѣ, гдѣ они жили, какой у нихъ языкъ, какого они происхожденія? Было ли *Козаре собственное* ихъ названіе, или *нарицательное*, или *частное*?

На эти вопросы не тотчасъ отвѣтить можно; для сего все дѣло вкратцѣ поразобрать надобно.

Источникъ извѣстій о происхожденіи сего народа суть Византійцы; у нихъ въ первый разъ упоминаютъ о Козарахъ около 626 году, когда они импер. Ираклію давали помощь противъ Персовъ. Гдѣ ихъ древнѣйшія жилища, никто не знаетъ; извѣстно только то, что въ послѣдующія столѣтія они обитали около Чернаго моря, т. е., въ Таврической, Херсонской губерніи и Бессарабіи, когда стали имѣть дѣла съ Византійцами. Тогда одинъ изъ сихъ послѣднихъ, чтобы дать понятіе объ ихъ происхожденіи, не зная ни тѣхъ мѣстъ, ни народа, сказалъ очень кратко, очень неопредѣленно. Не зная даже, къ какому времени сіе отнести, что *многочисленный народъ Козаръ вышелъ изъ внутренностей Берзеліи или Бергиліи, составляющей первую Сормацію*, въ мѣста около Херсона и Одессы.

Изъ того, что они, для поданія помощи Ираклію, пробрались сквозь Кавказъ въ Грузію противъ Персовъ, заключаютъ, что они жили въ странѣ по сію сторону Кавказа, и будто Берилія есть ея имя. Правда, что они жили по сію сторону Кавказа, но чтобы жилища ихъ прикасались къ симъ горамъ, отнюдь заключать не слѣдуетъ: ибо а) они могли, живя поодаль отъ сихъ горъ, отправиться на помощь императору; б) вѣроятнѣе, что они обитали въ странѣ, болѣе плодородной, по рѣкѣ Волгѣ, чѣмъ въ степныхъ мѣстахъ нынѣшней Кавказской губерніи; в) самъ Византіецъ указываетъ на *первую Сармацію* или *меньшую*, подъ именемъ кое уже издавна въ Константинополѣ разумѣли всю страну Волжскую, по обѣимъ сторонамъ Волги къ самому Сѣверу; сія-то страна есть древняя или великая Болгарія, и Берилія или Вержелія есть испорченное имя Болгаріи. Другихъ жилищъ Козаръ не знаемъ.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, мѣсто ихъ отечества, теперь, для опредѣленности понятія о нихъ, надлежитъ отыскать время ихъ прибытія къ Черному Морю; но сего опредѣлить изъ Византійцевъ невозможно, ибо они сами объ этомъ мало знаютъ. Такъ, на пр., Ѳеофанъ, повѣствуя о происшествіяхъ царствованія Константа II (642—668), между прочимъ, упоминаетъ о Казарахъ, какъ приморскихъ жителяхъ Чернаго Моря, прибавляя, что они тамъ нашли на Болгаръ, изъ вышеприведенной страны, и сдѣлали ихъ своими данниками, но когда, не прибавляетъ. По крайней мѣрѣ, взявъ царствованіе Константа за настоящее, онъ прибытіе Казаръ разумѣетъ въ давно прошедшемъ Однако, достоинство свидѣтельства Ѳеофанова о происшествіи, слишкомъ давно до сего будто случившемся въ странѣ, о которой онъ не имѣлъ яснаго понятія, весьма зыбко и маловажно; различныя названія одного и того же народа, которыя онъ принялъ за особыя, подали ему поводъ говорить о завоеваніи одного народа другимъ.

Но полно! Одинъ, только одинъ могущественный, храбрый, многочисленный Болгарскій народъ, часть необозримаго Славянскаго, двинулся отъ Волги къ Дунаю; сей-то народъ Византійцы называли общимъ, ему чужимъ, именемъ Гунновъ, коихъ каждый раздроблялъ на многія частныя или видовыя, но не менѣе безтолковыя, названія, пока, наконецъ, не дошли до собственнаго имени Болгаръ. Въ числѣ сихъ именъ есть и имя Козаръ, которые дѣйствительно вышли оттуда, откуда Болгаре, и шли туда, куда сіи послѣдніе, т. е., шествіе обоихъ принадлежитъ къ одному каравану, или оба названія означаютъ одинъ и тотъ же предметъ. Поелику же сіи народы, т. е., вздорныя имена, умирали и перерождались въ особой формѣ, вмѣстѣ съ писателями, то весьма несправедливо было бы выводить Козаръ на поверхность земли только около 626 году, какъ сіе сдѣлалъ Stritter въ своихъ выпискахъ изъ Византійцевъ; ибо видимъ Козаръ, изъ Византійцевъ же, уже между 456—580 г. около Чернаго Моря подъ именами *Акатировъ*, Ἀχατῖροι, Акаттировъ, Ἀχαττῖροι, Акацировъ или Акацировъ, Ἀχατσῖροι, Кацировъ, Κατσῖροι.

Эти самые, въ VIII и IX столѣтіяхъ, перерождены тогдашними или послѣдующими въ *Кацаровъ*, Κατσάροι, Хазаровъ, Χασάροι. Наконецъ, у Нестора они слывутъ *Козарами*. И такъ сей народъ, или лучше, сіе имя есть одно изъ видовъ общаго, неопредѣленнаго названія Гунновъ.

Какое же есть сіе названіе, собственное ли, или нарицательное того народа, коему оно прилагалось? Безсомнѣнно, что оно не было собственнымъ, т. е., что имъ самъ народъ не называлъ себя: ибо 1) древность онаго показываетъ, что оно только было нарицательнымъ, какъ и всѣ современныя ему прочія названія народныя; 2) внезапное исчезаніе его ясно показываетъ, что уже слишкомъ 1000 лѣтъ тому, какъ оно перестало существовать; собственныя же названія народовъ, напротивъ, долговѣчны, вмѣстѣ съ существованіемъ сихъ народовъ, которые, хотя бы и потеряли политическое свое бытіе, однако, не перестаютъ существовать, вмѣстѣ съ своимъ именемъ, и подъ игомъ иноплеменниковъ, какъ, на пр., Болгаре и по сію пору сохранили свое наименованіе, и проч. Отъ чего же и куда дѣвались столь внезапно сіи сильные Козаре? Отъ того, что симъ именемъ называли ихъ тольто иностранцы, которые послѣ стали ихъ называть собственнымъ ихъ наименованіемъ, отъ чего и произошло сіе исчезаніе не народа, а только имени.

Какое же настоящее, собственное имя было сего народа, или какому народу прилагалось неприличное имя Козаръ? На этотъ вопросъ лучше и вѣрнѣе отвѣтить не льзя, какъ только сказать, что *Козарами называлась та часть Болгаръ, которая обитала въ Молдавіи, по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря, и въ самомъ даже Крыму*. И такъ Козаре суть Болгаре, а въ отношеніи къ своему роду Славяне?—Точно такъ.

Здѣсь замѣтимъ, что о Козарахъ мало изслѣдовано: въ разныхъ сочиненіяхъ, въ коихъ сіе имя находится, упоминали о нихъ, точно какъ и самые Византійцы, только поверхностно; въ новѣйшія времена, въ которыя возжелали бо́льшей точности и опредѣленности въ историческихъ и

народописныхъ понятіяхъ, появились тамъ и сямъ у писателей нѣкоторыя мнѣнія на счетъ сего народа.

Сіи писатели, при недостаточности древнихъ свидѣтельствъ о Козарахъ, желая опредѣлить сколько нибудь слишкомъ поверхностное о нихъ понятіе, объявили ихъ племенемъ Татарскаго поколѣнія; но если спросите, почему они сіе такъ полагаютъ, то сами не съумѣютъ привести достаточныхъ на то причинъ. Но если уже нашлись ученые, которые и самихъ Болгаръ провозгласили Татарами по вздорнымъ причинамъ, то не удивительно, что и Козаре подверглись сей же участи.

Сказанное мною въ началѣ сего сочиненія на счетъ Болгаръ, можно отнести и на Козаръ; здѣсь прибавлю, что нашествіе Татаръ въ XIII столѣтіи слишкомъ по Монгольски подѣйствовало на историческіе умы XVIII и XIX столѣтій; по сему-то они воображали, что все, приходившее съ береговъ Волги къ Дунаю, есть Татарщина, т. е., поелику народы, приходившіе съ Волги въ Европу въ XIII столѣтіи, были Татаре, то и предшествовавшіе имъ въ IV, V и VI столѣтіяхъ, были Татаре же; въ среднія и послѣднія столѣтія въ Крыму жили Татаре (нашедшіе туда въ XIV стол.); а поелику въ сей же странѣ въ VIII стол. жили Козаре, ergo Козаре — Татаре!! Такъ думаютъ тѣ, коимъ снилось о Татаризмѣ Козаръ.

Правда, что до сихъ поръ никто еще не выдалъ дѣльныхъ доказательствъ о Татарскомъ происхожденіи Козаръ, ибо думали очень простодушно, что сей народъ, по силѣ означеннаго силлогизма, ими подразумѣваемаго, были Татаре, или Турки (все равно). Впрочемъ, весьма легко подавать свое мнѣніе о такомъ народѣ, о народности коего самые Греки не сказали ничего опредѣлительнаго. И такъ, по такому же праву, и такъ же легко, можно признать Козаровъ Славянами, по какому ихъ называютъ Татарами; но это тогда только, когда говорятъ безъ доказательствъ. Такъ, на примѣръ, составитель Русской Четьи говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій пребывали нѣсколько времени въ Херсонѣ, городѣ, сопредѣльномъ Козарамъ, гдѣ обучились Козарскому языку, «бесѣдо-

ваху же языкомъ Словенскимъ Козаре». Сказано чистосердечно; но на это Шлецеръ отвѣчаетъ: «неправда» * и сіе сказано очень простодушно, и дѣло тѣмъ кончено. Болландистъ Геншеній сказалъ: «такъ», а почтенный Добровскій: «нетакъ», ** и тѣмъ доказано дѣло!

Впрочемъ, подобнымъ образомъ и всякій можетъ доказывать то, или другое; подобнымъ образомъ и я могъ бы принять то, или другое; однако, принудить себя не могу повѣрить тому, или другому, не имѣя на то достаточныхъ и убѣдительныхъ причинъ. Не ищу ни того, ни другаго, но желаю истины, хочу видѣть то, что было въ самомъ дѣлѣ.

Причины въ пользу Татаризма Козаръ — немногія, да и то слишкомъ недостаточныя и поверхностныя, и могутъ быть только слабыми возраженіями, которыя уже, при защищеніи самихъ Болгаръ, мною объяснены. Напротивъ, особые доводы убѣждаютъ меня совершенно въ положеніи, что Козаре суть Болгаре, а по сему и Славяне, а именно:

1-е. Козаре, по свидѣтельству самыхъ Византійцевъ, вышли изъ Великой Болгаріи; шествіе ихъ заключается въ общемъ переселеніи цѣлаго Болгарскаго народа.

2-е. Нарицательное ихъ имя «Козаре» показываетъ, что они собственно были и называлиль *Болгарами*.

3-е. Тѣсная и всегдашняя связь Козаръ съ Болгарами надъ-Дунайскими и за-Дунайскими уличаетъ ихъ въ тожествѣ народности или племени. Сіе убѣдительнымъ образомъ подтверждается и тѣмъ, что когда Болгарія, будучи завоевана Византійцами, перестала существовать, въ то самое время исчезло и имя Козаръ около Чернаго Моря.

4-е. Самъ Несторъ не упоминаетъ о нихъ, какъ объ иноплеменникахъ, т. е., Татарахъ; между тѣмъ какъ онъ даетъ знать, что Печенѣги, сосѣдній имъ народъ, говорятъ языкомъ не Славянскимъ.

---

* **Несторъ II стр. 572.**

** **Кирил. и Меѳ. по Русс. пер. стр. 9.**

5-е. Какъ Греки, такъ и Восточные производятъ Козаръ отъ Яфета, какъ общаго родоначальника Европейскихъ народовъ; между тѣмъ какъ обширныя Татарскія племена производятся ими отъ Сима: это есть знакъ, что они подразумѣвали Козаръ, какъ народъ особаго роду и происхожденія отъ Татаръ, или Турокъ.

6-е. По свидѣтельству Арабскихъ писателей, Козаре были врагами Мусульманъ, т. е., Татаръ въ Персіи и Туркестанѣ, на коихъ они нападали чрезъ Каспійскія горы. Козаре приняли уже Христіанство почти въ одно время съ Болгаріею. Если бы они были Татаре, то, безсомнѣнно, были бы увлечены, съ прочими Татарскими племенами, къ Исламизму; а здѣсь случилось противное: они склонились къ Христіанству за Болгаріей, въ чемъ обнаруживается тожество языка съ Болгарами, какъ единственная причина склоненія ихъ къ Христіанству.

7-е. Собственныя имена Козарскихъ мужей, которыя удержались въ лѣтописяхъ Византійскихъ, суть Болгарскія, или, по крайней мѣрѣ, свойственныя только Славянскому народу. Такъ, между прочимъ, *Тудант*, имя Козарскаго Князя, есть также имя одного Болгарскаго Князя въ Венгріи. Князь Козарскій, къ коему бѣжалъ Іустиніанъ II, назывался *Bussirus Gliabarus*. Первое изъ сихъ именъ, кажется, есть вывороченное Burisus или Burises — *Борисъ*; но Gliabarus есть *Глѣбарь*. *Глѣбъ* есть имя подлинное Болгарское, въ которомъ, какъ односложномъ, *ѣ* произносится какъ *я*; по сему *Глѣбъ* читай *Гльябъ*. Подобныхъ Глябовъ Болгаръ нѣсколько повстрѣчалъ я у Византійцевъ. Γλιαβας, Γλαβας. Нашъ Козарскій Князь у нихъ Γλιαβαρος, Глѣбарь, произведено отъ Глѣбъ присоединеніемъ окончанія *арь*, столь свойственнаго Южнымъ Славянамъ, а преимущественно Болгарамъ. Чиновники *Глѣбара*, коихъ умертвилъ Іустиніанъ, Παπατζην, *Papazir*, и Βαλγιτζην, *Valkitzin*, Волкицынъ (Str. in Chaz. pag. 556), болѣе показываютъ Славянщину, чѣмъ Татаризмъ народа; а если отбросить окончаніе ην, которое можетъ быть и окончаніемъ

винительнаго падежа, то *Папачь* и *Валгичь* или *Волгичь* еще болѣе и яснѣе показываетъ родъ Козаръ.

Послѣдній Князь Козарскій былъ *Георгій Цулъ или Тзулъ*, около 1016 году (Georgius Tzulus, Γεοργιος Τζουλος): * сіе имя видимъ у Болгаръ, Τζουλας, Болгарскій Бояринъ, по повелѣнію Михаила Палеолога, лишенъ зрѣнія въ 1262 году. Сіе самое имя находится и въ сложномъ имени Момицила (Μομιτζιλος), Болгарина, который, около 1344, началъ было бунтовать противъ Императора (vid. Strit. in Bulg. pag. 462 и 463).

Поелику же и Русскія названія изуродованы Византійцами, то, по самому естественному заключенію, полагать слѣдуетъ, что и Козарскія и Болгарскія названія подвержены сей же участи. Мнѣ кажется явно видно, что Τζουλος и Τζουλας есть одно и тоже испорченное Болгарско имя: *Золъ* или *Золанъ*, или *Злованъ*, какъ они обыкновенно были произносимы у Болгаръ. Мы уже видѣли выше, и еще увидимъ, что послѣдній Болгарскій Господарь въ Венгріи былъ *Золанъ*; Кажется, что сіе самое имя имѣлъ Козаринъ, игравшій нѣкоторую роль въ Херсонѣ около 780 г. въ дѣлахъ съ Іустиніаномъ II, и переименованный Греческимъ писателемъ въ *Зоила*: подобнымъ образомъ назывался храбрый Козарскій Воевода, шедшій на помощь Имп. Ираклію, въ 626 году, именуемый Греками Ζιεβηλ или еще Ζεβεηλ.

Вотъ сколько именъ Козарскихъ могъ вырыть изъ Византійцевъ трудолюбивый Стриттеръ. Если бы въ Византійскихъ лѣтописяхъ сохранено было бо́льшее количество Козарскихъ именъ, то, думаю, никто болѣе не сталъ бы сомнѣваться, что Козаре были настоящіе Болгаре.

8-е. Собственныя названія мѣстъ страны, занимаемой собственно Козарами, оставлены намъ весьма немногія. Нѣкоторые города въ Крыму точно носятъ имена Греческія, ибо по-

---

* Stritt. Chaz. pag 577.

строены Греческими колоніями, какъ Херсонъ, Ѳеодосія, Ольвія. Но Фанагорія и Пантикапея не Греческія названія; »Фанагорія, говоритъ Goar (in Theophan. pag. 616 apud Strit. in Chazariis, pag. 554), есть Восточная страна Крыма; послѣ тамъ подъ симъ именемъ сталъ быть извѣстнымъ городъ». Кажется, впрочемъ, что Фанагорія есть просто *Нагорье*, имя, которое Козаре давали гористой части Крыма. *Пантикапея* есть, собственно, *Пятикопіе*: такъ называли мѣсто, можетъ быть, означенное пятью окопами; мнѣ извѣстно у Карпато-Россовъ мѣсто, называемое *Семикопьемъ*.

Сюда принадлежитъ *Перекопъ*, мѣсто при узкомъ перешейкѣ Крымскомъ; подобнымъ образомъ и въ Болгаріи славился узкій проходъ сквозь Балканскія горы и, находившаяся при ономъ крѣпость, подъ именемъ *Перекопа*. Хотя, впрочемъ, сіи мѣста упоминаются древнѣйшими Греческими писателями, однако это не помѣшаетъ понять, что Болгаре, живучи на Волгѣ, могли владѣть Крымомъ.

Что же касается до города *Саркела*, который выстроенъ, высланнымъ отъ Имп. Ѳеофила, архитекторомъ, и будто значитъ на Козарскомъ языкѣ «*бѣлую гостинницу*» — это маловажно, и основывается только на достоинствѣ и непогрѣшимости Грека, который вздумалъ сіе замѣтить. Карамзинъ доказываетъ, что сей *бѣлый городъ* стоялъ на Дону: пусть такъ; по крайней мѣрѣ нѣчто подобное знаемъ изъ Арабскихъ писателей, кои на семъ же мѣстѣ ставятъ знаменитый Козарскій городъ *Беленгьаръ* или *Балангьяръ*; по видимому въ семъ имени находится Бѣлоградъ, что худо понято и написано Арабами и, можетъ быть, еще хуже прочтено переводчиками.

И такъ, Козаре суть настоящіе Болгаре, или часть Болгарскаго народа, обитавшая въ Крыму и около береговъ Дона, Азовскаго и Чернаго морей. Чрезъ Молдавію они были продолженіемъ одного и того же народа, который господствовалъ въ Болгаріи и Венгріи. Не льзя сказать рѣшительно, въ какомъ отношеніи были Таврическіе Болгаре къ самой Болгаріи; ибо о семъ весьма не ясно гово-

рятъ Византійцы, хотя, впрочемъ, можно сказать съ достовѣрностію, что они составляли часть Болгарской Державы, и зависѣли отъ Государей оной. Арабъ Массуди пишетъ (въ Клапрот. Russland's Vergrösserungen; см. 90 замѣч. Карамз. на I томъ), что Козары имѣли и Царя и Кагана, т. е., Царя всей Болгарской Державы, а Кагана (Князя, Намѣстника, или Господаря) у себя, точно такъ, какъ и Венгерскіе Болгаре ихъ имѣли у себя. Кромѣ сего, что Каганъ долженъ быть Царскаго поколѣнія, въ этомъ легко можно убѣдиться, если разсмотримъ внимательнымъ окомъ теченіе дѣлъ Козаръ и Болгаръ. Такъ, между прочимъ, видѣть можно, что Князь Козарскій, Глѣбарь, на коего дочери женился Іустиніанъ II, былъ родственникъ Требеля, повелителя Болгаріи, который предложилъ ему свое покровительство и содѣйствіе для возвращенія его на престолъ.

И такъ, съ Юга исключительное вліяніе на Россіянъ имѣлъ народъ Болгарскій, не только со стороны Венгріи, но преимущественно изъ-за Днѣстра и съ береговъ Чернаго и Азовскаго морей. Дѣятельность сего народа отворяла имъ путь къ разширенію ихъ тогровли, коей одолжены своимъ процвѣтаніемъ Черноморскіе города. Херсонъ, родъ вольнаго коммерческаго города, находился подъ покровительствемъ то Грековъ, то Болгаръ.

Торговля преимущественно занимала Болгарскихъ Государей; Черноморскіе порты и города были для нихъ гораздо важнѣе, чѣмъ какія либо областцы въ Паннонiи: вотъ почему владѣніе Крымомъ и приморскою страною было для нихъ необходимо. Имп. Василій Мекедонскій распространилъ права и преимущества Болгарскаго купечества въ Имперіи и въ самой даже столицѣ. Болгаре снабжали Царьградъ всѣми возможными произведеніями Сѣвера, ибо владѣли берегами Чернаго моря; этого не довольно: они даже распространили свою власть на сосѣднихъ имъ Россіянъ, отъ коихъ они получали, по словамъ Нестора, — деньги? нѣтъ, товары, *по бѣлкѣ съ каждаго дома*; впрочемъ, разумѣется, что, въ недостаткѣ сего, брали, что могли, или что имъ было сходнѣе.

Не могу въ точности проникнуть, что значитъ сія дань; значитъ ли, что Болгаре собственно владѣли Русью, имѣли въ ней свои начальства, свои гарнизоны, судили ли виновныхъ Русскихъ сами? Рѣшительно не льзя ни утверждать сего, ни отрицать; по крайней мѣрѣ знаемъ только то, что они, побуждаемые духомъ спекуляцій, ѣздили по рѣкамъ, притекающимъ къ нимъ и впадающимъ въ Черное море, вверхъ къ Западу и Сѣверу, т. е., по Днѣстру, Днѣпру, Дону, или, по сказанію Нестора (что, впрочемъ, все равно), къ Полянамъ, Сѣверянамъ и Вятичамъ, чтобы собирать то и другое и спускать на ладіяхъ или лодкахъ, баркахъ, обратно (т. е., домой), по упомянутымъ рѣкамъ.

Хотя Болгаре были жестоки и грабили во время войны, однако, они гораздо снисходительнѣе обращались съ народами сосѣдними въ мирное время; они даже покровительствовали имъ и обращались съ ними какъ съ братьями, если только видѣли въ нихъ преданность великимъ Господарямъ Болгаріи. Такимъ образомъ мы видѣли, что они защищали Кроатовъ, Словенъ, Нѣмцовъ и Моравянъ противъ оружія Франковъ. Отсюда можно заключить, что они не обращались самовольно и съ Россами; съ Россами, своими древними сосѣдями и знакомцами, съ Россами, говорю, которые, въ противномъ случаѣ, въ преобширной своей странѣ имѣли довольно мѣста для избѣжанія своевольства Болгаръ, или могли схватить мечь «обоюду острый,» чтобы предотвратить ударъ.

Между тѣтъ Болгаре не могли воспрепятствовать и Русскимъ ѣздить къ нимъ по Днѣстру, Днѣпру и Дону, то въ Крымъ, то въ прочія ихъ Черноморскія гавани съ своимъ лишнимъ добромъ, чтобы промѣнять его на какія либо Византійскія издѣлія, коихъ въ Руси еще не дѣлали, и которыми, однако жъ хотѣли пощеголять, точно такъ, какъ нынѣ Закаспійскіе Ордынцы, которые умѣютъ только гоняться за лисами и доить козъ и кобылъ, и, однако жъ, съ удовольствіемъ закутываются въ разноцвѣтныя матеріи, или сукна, или шали Персидскія и Турецкія, или украшаютъ себя Рус-

скими металлическими издѣліями. Впрочемъ, Россы въ сіе время уже не кочевали.

И такъ рѣкоплаваніе у Россіянъ было старинное заведеніе; но кѣмъ начатое? Безсомнѣнно, думаю, что къ этому пріучили ихъ Болгаре, преимущественно же Таврическіе; а послѣ того, какъ Таврическіе Болгаре перестали симъ заниматься, Россы не полѣнились продолжать это выгодное ремесло. Замѣчательно, что около сихъ временъ нашелся въ Константинополѣ любопытный замѣчатель (Константинъ Багрянородной), который позаботился узнать, что дѣлается на Руси, и сказываетъ намъ, что въ его время публичная дорога изъ Руси въ Черное море была по Днѣпру. Не льзя не повѣрить; ибо пороговъ и ихъ именъ не знали бы, если бы не ѣздили рѣкою; и, напротивъ, видно, что сіи пороги, на коихъ многіе плаватели спотыкались, столь сильно врѣзались въ память народа, что весьма многимъ были извѣстны на Руси и въ Болгарахъ, что не избѣгло и ушей Багрянороднаго.

И такъ извѣстность пороговъ Днѣпра, доказывая цвѣтущее нѣкогда судоходство, которое было главнымъ условіемъ Черноморской торговли, подкрѣпляетъ сказаніе Багрянороднаго. Черноморская торговля подаетъ знать, какимъ Болгарскимъ купцамъ Василій Императоръ далъ преимущества, почтивъ ихъ на публичныхъ Цареградскихъ праздникахъ титломъ первыхъ иностранныхъ (Болгарскихъ) гостей. — Но Багрянородный пишетъ только о Днѣпрѣ; что же привозили по Днѣстру и Дону въ тѣ страны, не знаю; но что много добраго возили, не сомнѣваюсь.

И такъ это въ отношеніи только промышленности и торговли; но что касается до гражданскаго житья-бытья Россіянъ, не льзя сказать ничего рѣшительнаго. Судя по тому, что Болгаре уже слишкомъ распространили свои владѣнія, можно съ достовѣрностію сказать, что они Руси постоянно не занимали; ибо не возможно было наполнить собою толикое пространство, и что, по сему, правленіе сими странами, въ строгомъ смыслѣ, не отъ нихъ зависѣло, и, какъ видно, они довольствовались тѣми выгодами, которыя имъ предо-

ставлены были Россіянами. Сіе подтверждается тѣмъ, что, по смыслу словъ Нестора, они не угнетали Русскихъ.

И такъ Болгаре сами Россами не правили; утверждать же, что у Россіянъ была анархія, былъ бы самый несносный вздоръ, ибо она существовать никогда не можетъ; — чтобы правленіе у нихъ было республиканское, также повѣрить не возможно. И такъ, достовѣрнѣе всего и естественнѣе, что Болгаре не мѣшали Россіянамъ имѣть своихъ Князей, точно такъ, какъ они сіе допустили въ Иллирикѣ Кроатамъ, а въ Панноніи Словенамъ. А развѣ во время господства въ Россіи Татаръ Русскіе не имѣли своихъ Князей?

Посему дѣло походитъ на то, что Русскіе Князья были вассалами Болгаръ. Сіе показываетъ, что Россія была слаба, а сіе опять, что она была раздѣлена между Князьями.

Подобное же положеніе было и Сѣверныхъ Россіянъ, какъ видимъ изъ Нестора. Не смотря, однако, на сіе, не возможно допустить и того, чтобы Рюрикъ былъ первымъ Русскимъ Княземъ.

Бѣда въ томъ, что Несторъ не могъ далѣе Рюрика узнать ничего, а Византійцы не только мало знали дѣла Россіянъ, но еще съ трудомъ упомянули о нѣсколькихъ лицахъ самихъ (Таврическихъ) Болгаръ.

Но обратимся къ Югу. Чего стоило Болгарамъ пріобрѣсть толикое вліяніе на Россіянъ? Разумѣется, что меча, а не поклоновъ. Что дѣлали они для поддержанія сего вліянія? Само собою слѣдуетъ, что поддерживали слабость Россіи, т. е., способствовали къ ея раздробленію; признавали тѣхъ Князьями, кто обѣщалъ имъ болѣе преданности. Съ какихъ поръ началось сіе вліяніе на Россіянъ? Богъ вѣсть; однако, если съ сего времени обратимся назадъ къ древности, т. е., съ пребыванія Болгаръ на Югѣ пустимся имъ на встрѣчу при ихъ переходѣ съ Волги къ Дунаю и, наконецъ, къ ихъ пребыванію при Волгѣ, то увидимъ, что во всѣ сіи три періода эти два народа, Россы и Болгаре, были непосредственными сосѣдями, и что, начиная съ Рюрика, обратно во всю древность, было между ими взаимное отношеніе, взаимное вліяніе.

Исторія сего-то взаимнаго вліянія и его перемѣнъ во всѣ времена, которая сокрылась отъ памяти нашего лѣтописца, для насъ весьма любопытна, но, кажется, навсегда затеряна.

Воображая Болгаръ въ ихъ Волжскихъ жилищахъ, легко понять можно, что сей храбрый народъ и здѣсь царствовалъ въ обширныхъ предѣлахъ. Принадлежа къ великому роду Славянскихъ народовъ, а посему къ общему поколѣнію Европейскихъ племенъ, или, какъ древніе справедливо выражались, къ удѣлу Яфетову, Болгаре не могли родиться во внутренностяхъ Азіи, между племенами Татарскими, составляющими совершенно другую отрасль рода человѣческаго, но были всегда въ соприкосновеніи съ Европейцами и съ своими единородными Россами; посему обитали по обѣимъ сторонамъ Волги отъ самой глубокой древности, въ которой всѣ Сѣверные народы въ понятіяхъ Грековъ покрыты были общимъ, безтолковымъ и ничего не значущимъ, именемъ Скиѳовъ.

Напрасно сталъ бы кто либо силиться угадать, въ какихъ предѣлахъ заключалась древняя Болгарія, ибо въ темнотѣ сего сдѣлать не возможно; по крайней мѣрѣ сказать можно, что, сообразно измѣнчивому теченію дѣлъ человѣческихъ, они то разширялись, то съуживались; посему Болгаре могли владѣть и до самого Кавказа, могли имѣть данниковъ и во внутренней Азіи, и въ самой Россіи; по крайней мѣрѣ видно ихъ древнее могущество оттуда, что изъ Скиѳскаго хаоса они выказывали себя Грекамъ подъ особыми названіями. Такъ они дрались въ Грузіи (точно какъ въ новѣйшія времена и Русскіе) съ Персами подъ именемъ Массагетовъ, гдѣ Царица ихъ, *Томира*, велѣла отрубить голову кровожадному завоевателю, Киру. Александръ Великій былъ на Дону не иначе, какъ имѣя дѣло съ ними.

Въ слѣдующіе послѣ него четыре столѣтія они стали быть извѣстными Римлянамъ подъ именемъ Парѳянъ; въ четвертомъ же и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ чувствительнѣе стали быть Европѣ подъ именемъ Унновъ или Гунновъ, и отчасти опять Массагетовъ, и подъ другими частными названіями, какъ мы уже видѣли. Вотъ всегдашніе сосѣди

Россіянъ; какъ они уживались между собою, это—за непроницаемой занавѣсью; по сему неизвѣстно, до какихъ поръ въ Россіи распространялось вліяніе Болгаръ, жившихъ еще на Волгѣ.

При мысли о семъ представилось мнѣ одно замѣчаніе; не стану выдавать его за истину, хотя, впрочемъ, оно, само по себѣ, невѣроятно. Вотъ оно: извѣстно, что не только въ Болгаріи, но и въ прочихъ Славянскихъ странахъ, города получали названія отъ своихъ основателей, коихъ терема или замки подали имъ начало. И такъ сіи города принимали названія своихъ господъ, но только въ родительномъ падежѣ, или прилаг. притяжательн. для означенія того, кому они принадлежали. Такъ отъ Ярославъ—*Ярославль* или *Ярославь*, Владиміръ надлежало бы назвать *Владимирь*, Вратиславъ—*Вратиславь* (нынѣ Breslau), Примиславъ—*Примиславь* (нынѣ Prenzlow въ Померан.). Такимъ образомъ произошли и имена мѣстъ на *овъ* и *инъ*, отъ имени: Добрыца — *Добрыцинъ* (нынѣ Debretzen въ Венгріи), Орада—*Орадинъ* (нынѣ Арадинъ въ Венг.), отъ имени Буда, братъ Аттилы, *Будинъ*, и проч. Въ именахъ Болгарскихъ, кончащихся на *анъ*, этотъ слогъ *анъ*, перемѣнялся на *ань*: Боянъ — *Боянь* (Венгр.), Каранъ *Карань* (въ Валлахіи.) Не могу удержаться, чтобы не причислить сюда слѣдущее: отъ Рѣзанъ (имя, данное отъ качества лица, что было весьма употребительно у Болгаръ, и если существовалъ Боянъ, Золанъ, Каранъ, то видимъ à priori и à posteriori, что и Рѣзанъ существовалъ), или, какъ Болгаре произносятъ, Рязанъ *(прирязвамъ*, прирѣзываю*)*, произошла Рязань. Что же сказать объ именахъ: *Казань*, *Астрохань*, или, какъ замѣтилъ Карамзинъ (1 том. зам. 90) изъ Эдризи, Географа XII столѣтія, о Козарскихъ городахъ *Курань*, или лучше *Карань*, *Гадрань*, *Сегесань*?

Впрочемъ, какъ бы то ни было, мы возвратимся къ Козарамъ-Болгарамъ. И такъ, религіозное преобразованіе Болгарской Державы въ то же время рапространилось и на Козаръ, т. е., Бессарабскихъ и Таврическихъ Болгаръ, какъ принадлежавшихъ къ оной. Посему, если взять въ уваженіе повѣствованіе Русской Четьи, не будетъ невѣроятнымъ,

что Кириллъ, или даже и Меѳодій, по препорученію Короля, могли сюда съѣздить, чтобы предохранить народъ отъ вкрадывающихся въ оный разныхъ вѣроисповѣданій, преимущественно же отъ Магометанскаго и Іудейскаго, поелику Болгаре съ Іудеями и Магометанами, какъ Восточными своими сосѣдями, имѣли тѣсныя торговыя сношенія. И вотъ новое отношеніе Козаръ къ Россіянамъ!

Но возвратимся къ нашему времени. Въ то самое время, когда крестился Борисъ и началось обращаніе Болгарскаго народа (съ 862), произошла нѣкоторая перемѣна въ гражданскомъ быту Сѣверныхъ Россіянъ, которые дали жезлъ правленія Князю Рюрику. Составля ли сіи Россы до сихъ поръ самостоятельный, независимый народъ, или нѣтъ, здѣсь не мѣсто о томъ разсуждать; скажемъ только, что съ сихъ поръ они начали быть державнымъ народомъ. Что жь Южные Россіяне? Продолжали испытывать вліяніе Богаръ? Не извѣстно; по крайней мѣрѣ видимъ изъ лѣтописей, что въ то же почти время, когда Сѣверные боролись съ Варягами, Южные предприняли дѣло гораздо труднѣе, но и гораздо величественнѣе, т. е., нападеніе на Константинополь.

Но изъ какихъ источниковъ и по какимъ причинамъ взялись у нихъ вдругъ такія силы? Не замѣтилъ Лѣтописецъ, а намъ остается только угадывать.

Я не стану ссылаться здѣсь на повѣствованіе Исторіографа; ибо онъ только перифразировалъ по Скандинавски мѣсто лѣтописи, по сему обращусь только къ словамъ Нестора.

Конечно, лѣтописецъ не могъ знать историческихъ подробностей сего времени, которымъ именно начинается Русская Исторія; впрочемъ, походъ Россіянъ на Константинополь есть событіе огромное, и Историкъ не самъ собою написалъ о немъ, а выписалъ, изъ Византійцевъ слово въ слово. См. мѣсто сіе у Стриттера.

У Льва Грамматика и Георгія монаха разница между ими и Несторомъ въ томъ, что они не упоминаютъ, въ которомъ году царствованія Императора сіе случилось, а Несторъ относитъ это происшествіе къ 14-му; во вторыхъ: Несторъ, согласно съ Георгіемъ, говоритъ, что Императоръ, »*до-*

шедъ Черной рѣки,«, услышалъ о появленіи Россіянъ; а Левъ пишетъ, что Префектъ Константинопольскій извѣстилъ Михаила о нашествіи Россовъ, когда они дошли до Черной рѣки.

Еще и Симеонъ Логоѳетъ о семъ же событіи повѣствуетъ:

»Императоръ или Царь Михаилъ вступилъ въ походъ противъ Агарянъ, оставивъ для управленія столицею Орифу. Когда дошелъ до рѣки (Мавропотама или) Черныя, то Губернаторъ послалъ къ нему донесеніе, что Россіяне на 200 кораблях, приближаются къ столицѣ. Услышавъ сіе, Царь тотчасъ возвратился. Въ 10-ый годъ царствованія Михаила, Россіяне, прибывши въ Іеръ (т. е., въ проливъ Константинопольскій), произвели много убійствъ, и городъ осадили. Императоръ, едва успѣвъ войти въ городъ, тотчасъ съ Патріархомъ Фотіемъ отправился въ церковь Влахернскую Прсвятыя Богородицы, гдѣ они умоляли Бога. Потомъ, вынесши съ пѣснопѣніями священную ризу Богородицы, омочили ее въ морѣ, и, послѣ бывшей тогда тишины, вдругъ возстали сильные вѣтры и буря, и возникло біеніе волнъ столь великое, что корабли безбожныхъ Россіянъ разбиты, и немногіе изъ нихъ спаслись и возвратились во свояси.«

Теперь посмотримъ, какъ переводилъ сіе Несторъ: »Царю »же отшедшу на Агаряны, дошедшу же ему Черныя рѣки, »вѣсть Елархъ посла къ нему, яко Русь на Царьгородъ »идетъ, и вратися Царь. Онижъ внутрь Суду (пролива »Константинопольскаго) вшедше, много убійство крестьяномъ »створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша· «Царь же едва въ градъ вниде, и съ Патріархомъ съ Фо- »тіемъ къ сущей церкви святѣй Богородицѣ Влахернѣ всю »нощь молитву створиша. Таже божественную Святы Бого- »родицы ризу съ пѣсньми изнесше, въ рѣку омочиша: ти- »шинѣ сущи и морю укротившуся, абье буря вста съ »вѣтромъ, и волнамъ великимъ вставшимъ засобь, безбож- »ныхъ Руси корабли смяте и ко брегу приверже, и изби я, »яко мало ихъ отъ таковыя бѣды избиты и въ свояси воз- »вратишася. «

Явно, что означенное мѣсто у Нестора взято слово въ слово изъ Византійской Исторіи, а именно, изъ Симеона

Логоѳета, и сіе *слово въ слово* значитъ то, что Несторъ самъ отъ себя не зналъ событія, въ коемъ главными дѣйствующими лицами были предки, ибо сіе событіе случилось до него прежде почти двумя столѣтіями съ половиною. Естественно, что онъ внесъ изъ чужихъ лѣтописей въ отечественныя то, что касалось его предковъ, и замѣтилъ о нихъ, отъ слова до слова, то, что нашелъ въ иностранныхъ извѣстіяхъ.

Итакъ о первомъ походѣ Россіянъ на Царьградъ и Несторъ и мы знаемъ, чтото изъ Византійскихъ писателей; но какія были между тѣмъ происшествія въ самомъ отечествѣ?

Мы видѣли, что еще въ сіе время Южные Россы были подъ вліяніемъ Болгаръ; по крайней мѣрѣ, такъ Несторъ изъясняется, т. е., что платили имъ дань, а посему зависѣли отъ нихъ. По какой же причинѣ, почти въ то же самое время, въ которое *Съверные* Россіяне дрались съ Варягами, выгнали ихъ, и вдругъ вызвали на престолъ свой изъ-за моря трехъ братьевъ Варяго-Россовъ, Южные Россіяне готовили флотъ, изъ множества корабликовъ, какъ извѣстно, состоявшій, и напали на Царьградъ, если они зависѣли отъ Болгаръ (или Козаръ), находившихся въ тѣсномъ мирѣ съ Греками? Или они совершенно не зависѣли отъ мнимыхъ своихъ господъ? Или, если зависѣли, то когда и какъ свергли съ себя сіе иго? Или, какъ могли Козаре дозволить, и дозволили ль Россіянамъ нападать на Имперію, и вообще опустошать Черноморскіе города и гавани? Какая побудительная причина, какая обида, со стороны Грековъ, подала поводъ Россіянамъ къ нападенію? Откуда вдругъ сей духъ воинственный и завоевательный взялся у Россіянъ, если они давали дань Таврическимъ Болгарамъ, если они отъ нихъ зависѣли, если они досего времени, какъ униженные, жили смирно? Словомъ, какое имѣть понятіе о состояніи тогдашняго Южнаго Русскаго народа и о ходѣ дѣлъ его? Или, откуда та пружина, которая подвинула духъ Россіянъ на столь важное предпріятіе?

Вотъ что сказано въ Несторовой лѣтописи: «*И бяста у него (у Рюрика) два мужа (Аскольдъ и Диръ), не племени его, ни Боярина, и та испросистася ко Царюгороду съ*

родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градокъ, и впрошаста рекучи: Чій се градокъ? Они же рѣша: были суть три братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ сей, и изгибоша, и мы сѣдимъ, платяче дань Козаромъ. Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги съвокуписта, и и начаста княжити Польскою землею«.

Вотъ мѣсто лѣтописи Нестора, которая переписчиками, толкователями и проч. столь обезображена, что съ трудомъ можно узнать, что Несторъ писалъ, и что его толкователи. Пересмотримъ оное:

»*И были у него* (т. е., Рюрика) *два мужа, именемъ Аскольдъ и Диръ, не его родственники, но Бояре*; а въ другихъ спискахъ (Арх. Влат. Пол.) сказано: *бывшіе ни Княжескаго, ни Боярскаго роду*.« Кому повѣрить? Описка какъ въ *но*, такъ и въ *ни*, весьма легка. Впрочемъ, если бы они были дѣйствительно *Бояре*, вызванные Рюрикомъ изъ заморья, то не возможно повѣрить, чтобы онъ не далъ имъ въ столь обширной сѣверной Русской землѣ мѣстечка; вѣдь и тамъ Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ не съ многочисленною арміею,—ибо его добровольно туда пригласили, а съ дружиною, съ свитою, которая, естественно, не состояла изъ однихъ Бояръ, но и изъ слугъ; посему въ числѣ сей дружины не великое долженствововало быть число бояръ, или приближенныхъ Рюрика. Итакъ видно, что они не были бояре оттуда, что Рюрикъ не поручилъ имъ ни града, ни села въ управленіе. Чѣмъ же были они? Простые *мужіе*, прикащики?

»*Они испросимись у него идти съ родомъ своимъ въ Константинополь*. « Замѣтимъ здѣсь, что Карамзинъ говоритъ, что они сіе предприняли въ 864-мъ голу, т. е., послѣ смерти двухъ братьевъ Рюрика. Разумѣется, что если Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ въ теченіе 862 году, то послѣдующій 863-й и даже 864-й прошли въ новыхъ распоряженіяхъ и возстановленіи порядка, нарушеннаго внутренними раздорами Новгородцевъ; посему Аскольдъ и Диръ, прибывъ въ чужую землю Новгородскую, не могли

тотчасъ пуститься въ другія страны, имъ неизвѣстныя, не попробовавъ прежде добиться онаго въ Новгородѣ. Разумѣется, что, покамѣстъ дѣла въ Новгородѣ приходили въ порядокъ, пока долженствовали быть розданы всѣ мѣста, имъ надобно было, въ ожиданіи и въ добываніи мѣста, истратить, по крайней мѣрѣ, года два, что справедливо слѣдуетъ изъ словъ Исторіографа; но, къ ихъ несчастью, Князь Рюрикъ не далъ имъ даже ни одного села.

Итакъ въ справедливомъ своемъ негодованіи сіи два человѣка, испросивъ отпускную отъ Великаго Князя, отправились, говорятъ, въ Константинополь.

Въ Константинополь? Для чего такъ далеко? Изъ какихъ видовъ, или, по какому поводу рѣшились они въ столь дальній, имъ неизвѣстный, путь? Искать счастія? Варвары, которые не были ни Князья, ни Бояре, которые не умѣли ни читать, ни писать, которые не знали ни языка, ни нравовъ Греческой страны, люди язычники, безъ всякаго ремесла и свѣдѣній, шли въ Константинополь, въ столь отдаленный, *искать счастія?* Чего же могли сіи ни Князья, ни Бояре, а просто мужіе люди Рюрика, надѣяться въ столицѣ просвѣщенія, вкуса, образованности, искусствъ, между тѣмъ какъ на Сѣверѣ отказано имъ было въ счастіи, въ кускѣ хлѣба? Или, скажете, они шли противъ Константинополя.—Противъ Константинополя? Двое людей съ семействами, ни Князья, ни Бояре, коимъ отказали въ Новгородѣ, въ мѣстечкѣ, противъ Константинополя??

И такъ »*оба они пошли по Днѣпру* (Арх. списокъ прибавл.) *мимо Смоленска; но здѣсь они не показались, потому что городъ былъ великъ и многолюденъ*»!! а Константинополь былъ развѣ малолюднѣе Смоленска? И такъ поплыли опять по Днѣпру. »*Идучи мимо, увидѣли на горѣ городокъ* (Неужели Кіевъ былъ меньше Смоленска?) *и спросили: чей сей городъ? А тѣ начали отвѣчать: у насъ были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, которые построили сей городъ.*« Кіевъ стоялъ уже въ шестомъ вѣкѣ; Іорнандъ называетъ его Бористенидомъ (Boristhenidem): и такъ, если они основали городъ, то и *они померли*, разумѣется, уже 300 слишкомъ

лѣтъ тому назадъ, если не гораздо больше;» *а мы сидимъ здѣсь* безъ Князей?? *и платимъ дань Козарамъ.*» И что же? Аскольдъ и Диръ, сіи ни Князья, ни Бояре, *стали княжить въ этомъ городѣ надъ Польскою землею!* Какъ должны были удивляться бойкіе Козаре этимъ удивительнымъ ни Князямъ, ни Боярамъ! Каково страннопріимство Кіевлянъ!

Но, спросимъ серіозно: неужели Кіевляне не имѣли своего начальства, своихъ Князей? Безначалію не льзя существовать; а выше мы видѣли, что Болгаре не препятствовали и не могли воспрепятствовать Россіянамъ имѣть своихъ Князей. Неужели кто подумаетъ, что, если бы Аскольдъ и Диръ были даже и Князьями, такъ легко можно было сѣсть на Княжескій престолъ, какъ это стоитъ въ лѣтописи? Можно ли повѣрить, чтобы храбрые и дѣятельные Козаре хладнокровно смотрѣли на смѣлыхъ пришельцовъ, присвоившихъ себѣ власть надъ народомъ, который платилъ имъ дань? Можно ли повѣрить, чтобы Кіевляне, привыкшіе уживаться съ Козарами, какъ знакомые съ ихъ языкомъ, торгующіе съ ними и имѣющіе свое начальство, своихъ старшинъ, добровольно и безъ опасенія, со стороны Козаръ, согласились подчинить себя новой, неизвѣстной, заморской дружинѣ и новой подати?

Естественно, что все сіе произшествіе, если бы оно и случилось, требовало значительнаго времени: ибо утвержденіе себя на престолѣ, приглашеніе прочихъ своихъ единоземцевъ и борьба съ Козарами, вѣроятно, поглотили много времени; какъ же могло случиться, что въ то же время, когда Аскольдъ и Диръ овладѣли Кіевскою горою, въ то же время многочисленный Русскій флотъ, болѣе чѣмъ изъ 200 кораблей состоящій, въ 864 и 865 году уже развѣвался на Черномъ морѣ, флотъ, для пріготоленія и снаряженія котораго надлежало опять потерять много издержекъ и времени? Могли ли и когда могли все сіе произвести наши искатели счастія?

Откуда взято все сіе свидѣтельство, сей разговоръ съ Кіевлянами? Изъ какихъ актовъ, изъ какихъ архивовъ?

Не возможно, чтобы сіе мѣсто писалъ Несторъ: оно вставлено какимъ нибудь толкователемъ его.

Положеніе дѣлъ вообще Русскаго народа въ сіе время было раздѣлено на двое: Сѣверные Россы были въ тѣсной связи съ могущественными моряками, Варягами, а Южные съ обширнымъ Болгарскимъ Государствомъ; посему событія Новгородскія зависѣли отъ Варяговъ, а Кіевскія и вообще Южныя отъ Болгаръ; слѣдовательно, нѣтъ никакой причины выводить того великаго предпріятія Россіянъ противъ Константинополя. Итакъ южные Россіяне, безъ всякихъ Варяговъ, подъ начальствомъ своихъ собственныхъ Воеводъ или Князей, выступили противъ Константинополя.

Какая же побудительная причина была сего возстанія? Сами ли собою они возстали? Если сами собою, то не воспротивились ли бы имъ Болгаре, чтобы не дать возрости ихъ могуществу, которое могло бы сдѣлаться для нихъ опаснымъ?

Несторъ не упоминаетъ о войнѣ съ Козарами (Болгарами). И такъ Болгаре были за одно съ Россіянами? Нѣтъ; Болгаре были въ мирѣ съ Имперіею. Откуда же объяснить сіе происшествіе? Какого событія было слѣдствіемъ сіе странное военное предпріятіе Россіянъ?

Мы выдѣли выше, что еще въ 862 и 863, послѣ крещенія Болгарскаго Двора, возгорѣлась въ Болгаріи Семилѣтняя религіоная междуусобная война *; естественно, что сія война долженствовала произвести чувствительное слѣдствіе и въ, союзной Болгарамъ, Южной Россіи. Гордая и патріотическая Болгарская знать, будучи твердо приверженa къ религіи и обычаямъ своихъ отцовъ, возстала противъ благонамѣреннаго Монарха, коего объявляла отступникомъ отъ отечественныхъ боговъ; фанатизмъ придавалъ ей силъ и дерзости. Король, по гораздо меньшему количеству

---

* Мы замѣтили выше, что сей войны, какъ не касающейся до имперіи, Византійскіе лѣтописцы не описали, да и о крещеніи Короля и народа только мимоходомъ упомянули.

Христіанъ, могъ находиться въ тѣсныхъ обстоятельствахъ; Христіане могли надѣяться на пособіе Византійцевъ; и дѣйствительно, Симеонъ Логоѳетъ свидѣтельствуетъ, что въ Константинополѣ въ сіе самое время приготовлялись къ войнѣ противъ Болгаръ, т. е., мятежниковъ, а не противъ Короля и Христіанъ, коимъ они хотѣли подать помощь.

Между тѣмъ и язычники не были лѣнивы; видя рѣшительныя приготовленія Короля и опасаясь Византійцевъ, они обратились за помощью къ своимъ единовѣрцамъ, Южнымъ Россіянамъ. Дѣйствительно, вѣсть объ истребленіи Перуна, Дажбога и прочихъ боговъ въ великомъ Переяславѣ и другихъ мѣстахъ, весьма чувствительна была для Кіевскихъ обожателей сихъ кумировъ. Немедленно приступили къ приготовленіямъ; всѣми силами, весною уже 865 года, выплыло въ Черное море 200 Русскихъ барокъ и корабликовъ; ибо носился слухъ, что и въ Константинополѣ противъ Болгаріи снаряжаютъ флотилію; между тѣмъ можно думать, что и сухимъ путемъ Русскія дружины присоединились къ Болгарскимъ. Это былъ 9-ый годъ царствованія Михаила, по Логоѳету. Въ семъ-то году Русскій флотъ болѣе держался береговъ, такъ что Греки его замѣтили, и болѣе былъ свидѣтелемъ войны на сушѣ; но въ слѣдующемъ 866 сдѣлалъ нападеніе на гавань Цареградскую и опустошилъ вокругъ нѣкоторыя мѣста, однако, сильною бурею большая часть его истреблена, а спасшіеся бѣжали въ Болгарію, и проч.

Наконецъ, рѣшительность Короля и его вождей, законная власть и божественное ученіе восторжествовали надъ буйствомъ, суевѣріемъ и язычествомъ; Болгарія, собственно такъ называемая, около 869-го и 870-го вся крещена; а послѣ сего времени только уже распространялась и утверждалась Церковь Христова въ ея областяхъ, Сербіи, Кроаціи, Венгріи, Валахіи, Молдавіи и въ Крыму. Строгія мѣры Бориса и дѣятельность духовенства, подъ неусыпнымъ рученіемъ Св. Отца, Меѳодія, водворили подчиненность и тишину; и южные Россіяне по прежнему стали быть союзниками Монарха Болгаріи и его Крымскихъ намѣстниковъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, можно предположить вѣроятнѣе всего; ибо нѣтъ ничего естественнѣе этого предположенія, за вѣроподобіе коего сильно ручаются: 1) современность переворотовъ въ Болгаріи и предпріятія Россіянъ; 2) тѣсная связь южныхъ Россіянъ съ Болгарскимъ народомъ; 3-е) то, что лѣтописецъ совершенно не упоминаетъ о раздорѣ между, такъ называемыми имъ, Козарами и Россіянами, долженствовавшемъ произойти отъ смѣлаго предпріятія Россіянъ, противнаго интересу Болгарскаго народа; и, наконецъ 4) то, что Россіяне не были еще въ столь сильномъ отношеніи къ Имперіи, чтобы самовольно, а именно, только для добычи, какъ это мнилось весьма многимъ, объявлять войну Императору; и напротивъ, если искать пружины сего событія, то нигдѣ индѣ ее не найти, какъ въ Болгаріи, посредничествовавшей между Россіею и Греціею, какъ въ народной дѣятельности (торговлѣ), такъ и въ физическомъ между ими положеніи.

И такъ изъ вышесказаннаго слѣдуетъ: 1) что Южные Россіяне не были собственно подданными Болгарской державы, какъ бы это могло казаться изъ дани Козарамъ; но имѣли собственныхъ своихъ Князей, Владыкъ, свое правленіе, свою промышленность, что показываетъ, сверхъ приведенной мною выше причины, и Черноморская война; 2) что война не прямо была направлена противъ Грековъ, но была для помощи одной партіи Болгарскаго народа; 3) если Россіяне выступали моремъ, то можно допустить еще вѣроятнѣе, что они отправляли и сухопутныя пособія, хотя, впрочемъ, Греки о нихъ не упоминаютъ.

Отсюда явствуетъ, что Южные Россы уже въ сіе время, во время, говорю, Рюрика, не ѣли жолудей, и во внутренней своей гражданской организаціи и общежитіи, если не на лучшей, то, по крайней мѣрѣ, не на худшей ногѣ стояли, какъ Западные народы Европы. Тѣснѣйшая ихъ связь была съ Болгарами, какъ съ древле сосѣднимъ, знакомымъ, соплеменнымъ народомъ; а послѣ ихъ, и посредствомъ ихъ, съ Греками. Я увѣренъ, что не ошибусь, если скажу, что въ сіе время, пока Франкъ, или Нѣмецъ, или Британецъ, по отдален-

ности отъ мануфактурнаго Востока, принуждены были одѣваться въ кожу звѣрей, Южный Россъ гораздо скорѣе могъ пощеголять въ суконныхъ, или шелковыхъ тканяхъ, и прочихъ издѣліяхъ промышленности Цареграда.

Я здѣсь не стану распространяться о диссертаціяхъ позднѣйшихъ писателей о семъ походѣ Россіянъ на Константинополь и о всѣхъ ихъ отдаленныхъ догадкахъ касательно біографіи Аскольда и Дира; ибо они всѣ принимали вставленное мѣсто Несторова толкователя, со временъ Байера до нынѣшнихъ временъ. Впрочемъ, прибавлю только то, что весьма безразсудно было бы утверждать, что это былъ первый походъ Россіянъ на Константинополь. Первый былъ онъ, въ которомъ Греки, наконецъ, рѣшились отбросить нарицательныя и ничего не значащія имена: Скиѳовъ, Сарматовъ, Венедовъ, Антовъ, Славовъ и проч., и называть ихъ собственнымъ ихъ именемъ, именно, *Россами*. И такъ сей походъ только подъ именемъ *Россовъ* первый; хотя, впрочемъ, сіи самые Россы въ самой вещи могли нападать на Константинополь не одинъ разъ и въ прошедшія столѣтія, но подъ другимъ именемъ, что, однако, принадлежитъ критикѣ исторіи Россіянъ, предшествовавшихъ сему времени столѣтій.

Хотя невыгодный исходъ похода Россіянъ и окончаніе безпокойствъ въ Богаріи подавали поводъ имъ къ мирной тишинѣ, однако, великое событіе въ дружественномъ имъ народѣ, а именно, обращеніе его въ Христіанскую Вѣру, долженствовало, рано, или поздно, имѣть свои послѣдствія въ Русскомъ народѣ; и эти послѣдствія были неминуемы, именно: Христіанская Религія, съ 870 году, восторжествовавшая въ сердцѣ Болгарской Державы, долженствовала: 1) уничтожать своихъ тайныхъ, но смирившихся, ненавистниковъ въ самой Болгаріи, 2) распространяться въ прочихъ областяхъ Болгарскаго владычества, и также между иноязычными подданными Болгаріи, а отсюда, мало по малу, сообщаться, при особыхъ обстоятельствахъ, и за границу, къ ея союзникамъ, посему и къ Россіянамъ. И то и другое требовало времени.

Но обратимся къ дѣламъ Болгаріи. Религіозная внутренняя война Болгаріи была поводомъ возстанія на нее не только Россіянъ, но и Сербовъ. Въ этомъ возстаніи Сербовъ начальствовалъ самъ Господарь или Намѣстникъ ихъ, Властимиръ. Пока Король занимался преслѣдованіемъ бунтовщиковъ въ самой Болгаріи, дѣло съ Сербами велъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, Королевичь, сынъ его, *Бережанъ*, но съ перемѣняющимся счастіемъ.

Наконецъ, послѣ водворенія тишины и подчиненности въ самой Болгаріи, Борисъ вступилъ въ походъ противъ Сербовъ, въ коемъ ему сопутствовалъ, возвратившійся изъ ученія и путешествія по Греціи, другой сынъ его, Владимиръ. Три сына Властимира, Мутимиръ, Строимиръ и Гойникъ, продолжали противиться Королю, который, однако, проникнувъ съ войскомъ въ Сербію и Кроацію, принудилъ ихъ къ подчиненности; *Мутимиру* предоставлено управленіе Сербіею, а *Бранимиру* — Кроаціею; братья же Мутимира, Строимиръ и Гойникъ, съ ихъ семействами и многими плѣнными Сербами, отправлены въ Болгарію; Строимиру и Гойнику опредѣлено содержаніе при Дворѣ, гдѣ сынъ перваго, Клонимиръ, оженень на знатной Болгаркѣ, отъ коей родился ему сынъ Чеславъ или Вячеславъ.

Успокоивъ, такимъ образомъ, бурю, въ отечествѣ возникшую, и открывъ доступъ Христіанской Религіи во всей области своего Государства, Борисъ, на закатѣ своей жизни, сдѣлалъ сотрудниками правленія своихъ сыновей, и послѣдніе дни свои посвятилъ тишинѣ и благочестію, проводя время, большею частію, въ монастырѣ, имъ учрежденномъ, гдѣ старался объ утвержденіи своихъ подданныхъ въ истинномъ ученіи Спасителя, и объ образованіи достойныхъ пастырей и учителей.

Когда скончался сей знаменитый Монархъ, неизвѣстно; онъ и сестра его были для Православной Славянской Церкви тѣмъ же, чѣмъ Константинъ и Елена для Греческой. А образователями сей юной Церкви были Святые Отцы *Меѳодій* и *Кириллъ*. Да будетъ память ихъ вѣчна и драгоцѣнна для всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Православной Каѳолической

Святой Церкви! Да послѣдуютъ пастыри позднѣйшихъ временъ примѣру ихъ святости и неутомимости въ трудахъ и стараніяхъ о распространеніи истиннаго Православнаго ученія Христова! Да будетъ любовь ихъ къ отечественному слову, къ отечеству и преданность къ престолу вящимъ примѣромъ для всѣхъ сыновъ отечества!

ВЛАДИМИРЪ II (въ крещеніи *Симеонъ*).

Первыя лѣта царствованія Владимира были спокойны отвнѣ; но какими распоряженіями и учрежденіями занимался онъ внутри Государства, не извѣстно, ибо ни кѣмъ не описано; однако, сей Государь, будучи однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ, само собою разумѣется, что трудился въ прочномъ внутреннемъ устройствѣ своего отечества и довершалъ предначертанія своего родителя. Кажется, въ началѣ своего правленія онъ наблюдалъ за потушеніемъ послѣднихъ искръ, оставшихся отъ возгорѣвшихся внутреннихъ раздоровъ и таившихся еще, какъ бы подъ пепломъ, въ злонамѣренныхъ сердцахъ, за распространеніемъ слова Божія, и за произращеніемъ плодовъ отъ посѣянныхъ отцомъ его сѣмянъ.

Стараніе, какое прилагалъ объ его воспитаніи Борисъ, достоинство перваго его учителя, Св. Меѳодія, посѣщеніе лекцій знаменитѣйшихъ ученыхъ въ Константинополѣ, пребываніе при Дворѣ Имп. Василія Македонскаго, и, наконецъ, путешествіе по Имперіи, обѣщали Болгаріи отличнѣйшаго Монарха.

По видимому, образованіе его вмѣстѣ шло съ образованіемъ наслѣдника Имперіи, *Льва Философа*; такъ какъ онъ былъ глубоко свѣдущь въ Греческой Словесности, знакомъ какъ съ сочиненіями Демосѳена, Аристотеля и прочихъ древнихъ, такъ и съ писаніями новыхъ Церковныхъ учителей, то не удивительно, говоритъ Енгель, что Луитпрандъ называетъ его Полугрекомъ.

Во все царствованіе Имп. Василія Македонскаго согласіе и доброжелательство господствовало между Дворами Переяславскимъ и Константинопольскимъ, т. е., до 889 года. Послѣ смерти Василія Македонскаго, сынъ его, Левъ Фило-

софъ, вступилъ на престолъ; новый Государь—новая политика и за нею — новыя послѣдствія, а именно:

Цвѣтущее состояніе Болгарской торговли въ Константинополѣ и дарованныя Болгарамъ, по силѣ трактатовъ, прежними Императорами преимущества возбудили въ Греческомъ купечествѣ соперничество и ненависть. Партія Греческаго купечества, въ челѣ коей находились два богатѣйшіе купцы, *Ставракій* и *Козма*, у дяди Императора, *Зауца* или *Заяца*, дѣло довели до того, что, съ согласія его и Императора, торговля Болгаръ слишкомъ ограничена, складъ (депо) ея перенесенъ въ Θессалонику, а на товары ихъ наложены чрезвычайныя пошлины. Къ сему общему злу, какъ обыкновенно бываетъ, присоединились и частныя обиды.

Болгаре обратились къ исходатайствованію покровительства у Владимира. Король, узнавъ о семъ подробно, отнесся съ представленіями къ Императору, требуя, по силѣ предшествовавшихъ договоровъ, обезпеченія Болгарской торговли; но Императоръ рѣшительно отказался удовлетворить требованіямъ Короля.

Владимиръ, зная лично Императора и его характеръ, такъ какъ они (будучи еще Великими Князьями), были знакомы между собою въ Константинополѣ, получивъ отказъ, предпринялъ непріязненныя движенія.

ВОЙНА СЪ ГРЕКАМИ.

Не теряя времени, Король съ корпусомъ войскъ своихъ вступилъ въ предѣлы Θракіи (которую я съ сихъ поръ буду называть Романіей, ибо сіе есть нынѣшнее ея названіе, а Θракія — древнее). Императоръ выслалъ ему на встрѣчу Магистра Милиціи (по нынѣшнему Генерала отъ Инфантеріи.), Прокопія Криниту; послѣ нѣсколькихъ стычекъ въ разныхъ мѣстахъ Романіи, наконецъ Греки поражены на голову, въ рѣшительномъ сраженіи, въ коемъ и самъ Главнокомандующій убитъ съ многими другими генералами. Болгарамъ, какъ Таврическимъ, такъ и другимъ, служившимъ Императору, Король велѣлъ отсѣчь носы и отпустить ихъ къ Грекамъ, надѣясь тѣмъ устрашить отъ службы и прочихъ, у нихъ

находившихся. Остатки же Греческой арміи заперлись въ Адріанополѣ.

Императоръ, видя худой успѣхъ своего оружія и сильный напоръ Короля, чтобы развлечь его силы и ослабить его дѣйствіе противъ столицы, послалъ Генерала Склира моремъ со множествомъ подарковъ къ народу *Мадяровъ* (коихъ Греки тогда называли *Турками*, а Болгаре и Россіяне *Уграми*, а нынѣ исковеркано *Венграми*), только что показавшихся около рѣки Днѣстра.

ПРИШЕСТВІЕ УГРОВЪ (ВЕНГРОВЪ, ТУРКОВЪ, МАДЯРОВЪ); ПОНЯТІЕ ОБЪ ИХЪ ПРОИСХОЖДЕНІИ.

Здѣсь пріостановимъ нѣсколько теченіе войны, чтобы познакомиться съ симъ народомъ, къ помощи коего обратился Императоръ, Левъ Философъ.

Много спорили о происхожденіи сего народа и о древнихъ его жилищахъ, какъ Венгерскіе, такъ и иностранные ученые.

Древнѣшими о семъ народѣ свидѣтельствами мы одолжены Константину Багрянородному, писавшему около 950 года. Второй источникъ есть Русскій лѣтописецъ, писавшій около 1110 года, и, наконецъ, писанныя позже обоихъ выше означенныхъ, собственно Венгерскія Лѣтописи, изъ коихъ древнѣйшимъ почитаютъ безъименнаго Нотарія Короля Бѣлы II, царствовавшаго до 1141 года. Впрочемъ, многіе, и не безъ основанія, доказывали подложность сей лѣтописи, между коими и Шлецеръ; однако, писалъ ли сочинителъ сей лѣтописи въ позднѣйшія времена, или въ царствованіе Бѣлы II, все равно, ибо и во время сего Короля онъ не больше могъ знать о произшествіяхъ и выходѣ Венгровъ, случившихся до него за 300 и болѣе лѣтъ, какъ и позднѣйшій писатель; кромѣ сего, образъ его разсказа о дѣлахъ древнѣйшихъ явно пахнетъ легковѣріемъ и выдумкою, хотя, впрочемъ, и можно повѣрить его разсказамъ о происшествіяхъ ему близкихъ.

Итакъ остаются намъ два источника, а именно; Константинъ Багрянородный и Несторъ. Чтобы вывести изъ сихъ

обоихъ что-либо достовѣрное, надлежитъ испытать достоинство ихъ свидѣтельствованія.

Константинъ Багрянородный писалъ около 950 года, т. е., тогда, когда уже Угре (Мадяры) жили въ Венгріи. Въ первый разъ упоминается объ Уграхъ въ Византійской Исторіи въ царствованіе Имп. Ѳеофила, или во времена Владиміра I-го, Короля Болгарскаго. Константинъ Б. тоже, какъ и безъимянный Нотарій Короля Бѣлы II, не полѣнился разсказать древнюю исторійку сего народа, о древнихъ ихъ жилищахъ, объ ихъ пришествіи и проч. Откуда же могъ онъ это заимствовать? Правда, что не было откуда; но, будучи гораздо ближе къ тому времени, гораздо болѣе заслуживаетъ вѣры, тѣмъ паче, что онъ выводитъ Угровъ изъ ближайшихъ ихъ жилицъ, ему извѣстныхъ, а не отъ границъ Китайскихъ, или отъ сыновей Гога и Магога, какъ это нравилось Безъимянному.

И такъ онъ говоритъ, какъ писатель, болѣе благоразумный: «Гурецкій (т. е., Мадяры) народъ жилъ нѣкогда около Козаріи (такъ называютъ Византійцы страну, лежащую отъ Чернаго моря къ Сѣверу и къ Волгѣ), на мѣстѣ, называемомъ *Лебедіосъ*, отъ перваго ихъ Воеводы, именемъ *Лебедіаса*, который, однако, по своему достоинству, назывался *Воеводою*, Βοεβο'δας, въ этомъ-то мѣстѣ, т. е., Лебедіи, есть рѣка *Хидмасъ*, Χιδμας, тоже *Хингиломъ* называемая. Что страна, въ коей обитали уже, называлась именемъ, къ коему Константинъ прибавилъ *ас* (Λεβεδιας, Lebedias), можно повѣрить. Но какъ могло быть это названіе не у Грековъ, а у самыхъ Угровъ, или даже у ихъ сосѣдей, Козаръ, т. е., Болгаръ? И гдѣ было именно сіе мѣсто? Если судить по оставшемуся еще донынѣ въ двухъ мѣстахъ имени *Лебедяни* въ Тамбовской губерніи, и *Лебедина* въ Украинской, можно бы полагать, что Константинъ разумѣетъ одно изъ сихъ мѣстъ. Какое же именно? Думаю, сіе послѣднее, ибо 1-ое) оно было ближе къ Константину; по сему могъ онъ знать объ немъ скорѣе, чѣмъ о болѣе отдаленной Лебедяни; 2-ое) онъ говоритъ, что въ сей странѣ есть рѣка *Хингилъ*; а это, безсомнѣнно, одинъ изъ нынѣшнихъ Ингуловъ, изъ

коихъ одинъ около Чернаго моря впадаетъ въ Днѣпръ, а другой въ Бугъ. Какъ же согласить, что Ингулы и отъ Украинскаго Лебедина довольно далеки, и почему именно сіи рѣки означаетъ Константинъ, а болѣе знаменитыя, какъ Бугъ и Днѣпръ, упускаетъ? Потому что, 1) или при Ингулахъ существовалъ нѣкогда третій Лебединъ, 2) или разскащики худое дали Константину о сей странѣ понятіе: то и другое весьма легко можетъ статься, но, кажется, что первое здѣсь понимать должно, ибо а) Константинъ именно опредѣляетъ мѣстосвоей *Лебедяни* рѣкою Ингуломъ; б) чтобы существовалъ Украинскій Лебединъ, или *Лебедянь* въ Тамбовской Губерніи уже во время Константина, нѣкоторымъ образомъ можно сомнѣваться, по крайней мѣрѣ Несторъ ни объ одномъ изъ нихъ не упоминаетъ; в) посольство Льва Философа Чернымъ моремъ къ Мадярскому народу показываетъ, что онъ жилъ вблизи, не далеко отъ Чернаго моря; иначе въ Украйну, или въ Тамбовскую Губернію идти за помощію было бы и далеко, и безполезно, ибо все таки существовалъ какой либо сосѣдній съ Болгаріею народъ; для нападенія же на сію державу именно нуженъ былъ сосѣдній ей народъ, а не отдаленный; г) наконецъ, во время Константина подъ именемъ Козаріи разумѣли Таврическую Губернію. Самъ же Константинъ изъясняется, что онъ кочевалъ съ своимъ скотомъ отъ Ингула до самаго (Украинскаго) Лебедина.

Изъ сего явствуетъ, сколь мнѣніе Шлецера, будто подъ именемъ Lebedias Константинъ разумѣетъ нынѣшнюю Лебедянь, несправедливо; ибо Греческій посланникъ около 889 года не шелъ бы въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ такъ далеко, что бы подвинуть дальній народъ и побудить его къ длинной дорогѣ противъ Болгаріи. Само собою слѣдуетъ, что Греческое Правительство отнеслось къ ближайшему, Болгарамъ сосѣднему народу, который былъ дѣйствительно наши Угре.

Что же за имя у Константина Lebedias? Онъ понимаетъ мѣсто, или городъ, а вмѣстѣ, кажется, и область, что, кажется, неестественно; ибо весьма часто отъ имени важныхъ мѣстъ

къ коимъ преимущественно принадлежатъ города, носитъ названіе и область, вокругъ ихъ лежащая: это можно замѣтить какъ нынѣ, такъ и въ старину.

Замѣчу здѣсь на слова Константина, что 1) Огреченный Лебединъ есть имя Славянское, а не Мадярское, т. е., что сіе имя беретъ свое начало изъ Славянскаго языка, а именно или изъ Русскаго, или изъ Болгарскаго, поелику еще и теперь есть два мѣста на Руси подъ симъ названіемъ. Подтвержденіемъ сему служитъ то, что Угре тогда были народъ кочующій и не строили сами городовъ.

2) Несправедливо замѣчаетъ Константинъ, будто Князья или Началники Мадяровъ (Угровъ) назывались *Воеводами*; именемъ, которое было означеніемъ должности у Славянскихъ народовъ, собственно же прежде всѣхъ и преимущественно у Болгаръ (т. е., и у Козаръ). Посему *Воеводами* называли Мадярскихъ Князей тогда только Болгаре, ихъ сосѣди, между тѣмъ какъ сами Мадяры, какъ тогда, такъ и въ послѣдствіи, своихъ верховныхъ начальниковъ называли *Vezér* (*Везейрами*), отъ слова Мадярскаго *vezetek*, веду, слѣдственно, какъ бы предводителями.

Отсюда слѣдуетъ, что Константинъ заимствовалъ извѣстія о сей странѣ отъ Болгаръ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ сею страною и Царьградомъ, и что сіи Болгаре сообщили ему собственныя названія, такъ какъ они были въ ихъ языкѣ, а не въ Мадярскомъ.

Что мѣсто, или городъ могъ назваться, и назвался, отъ имени своего строителя, или перваго владѣльца, достовѣрно; и такъ если строитель назывался *Лебедянъ*, то притяжательное отъ сего имени будетъ *Лебедянь*, — имя мѣста; если же онъ былъ Лебеда, или Лебедь, то выйдетъ *Лебединъ*: явно, что происхожденіе сего имени тоже, что и Рязани, какъ я замѣтилъ выше. Но какъ самые Угры жили не въ, городахъ, а подъ шатрами, или на телегахъ, то слѣдуетъ, что сей городъ неони выстроили, а Господари Болграскіе въ, Крыму, т. е., Козаре, что показываетъ Славянское имя и города и его строителя. Это подтверждается еще тѣмъ, что Угре, какъ увидимъ ниже, на семъ мѣстѣ недавніе были

пришлецы. Посему здѣсь они заняли мѣста отъ Лебедина до Ингула Козарскія, съ согласія ли Козаръ, или силою, знать на сей разъ все равно.

Итакъ около 890 году Угре жили при Черномъ морѣ на землѣ Козарской. Но давно ли они здѣсь? Константинъ говоритъ, что «они жили съ Козарами вмѣстѣ три года, будучи ихъ въ войнахъ союзниками«, посему они недавно прибыли въ сіи мѣста. Откуда же и по какой причинѣ? Здѣсь Константинъ пускается въ прошедшее время, котораго, однако, не опредѣляетъ, а разумѣетъ только *во время оно*, и съ симъ смѣшиваетъ тѣ происшествія, которыя были послѣ 890 года, т. е., пришествіе Угровъ въ Венгрію (что было около 904 года; все это разсказываетъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ, безъ означенія хронологіи и географіи, сихъ двухъ очей исторіи, такъ запутанно, что, лишившись сихъ органовъ историческаго зрѣнія, не увидишь въ его разсказѣ, прикрашенномъ разговорами, ничего какъ только одинъ темный хаосъ. Здѣсь говорится о войнахъ Печенѣговъ съ Козарами и Уграми, о раздѣленіи сихъ послѣднихъ на двое, коихъ одна часть отправилась въ Персію, а другая въ Европу; тоже намекаетъ о пришествіи Печенѣговъ и проч. Изъ всего же сего видно только, что Угре до прибытія своего жили въ странѣ, называемой *Ателкузу*.

Гдѣ же эта страна нынѣ, которую Константинъ называетъ Ателкузу? Самъ Константинъ, собственно, не знаетъ, гдѣ сей Ателкузъ былъ; ибо ему весьма мало извѣстны были страны, отъ Днѣпра, или Дона, или отъ Чернаго моря къ Сѣверу лежащія.

Кто же намъ покажетъ, откуда появились въ землѣ Козарской наши Мадяры? Несторъ, второй источникъ, послѣ Грека. Вотъ что онъ говоритъ: около 888 года «Идоша Угре мимо Кіева горою, еже нынѣ зовется Угорское; и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами (шатрами), бѣша бо ходяще, яко и Половцы. *И пришедше отъ Востока*, и устремишася чрезъ горы великія, яже прозвашась горы Угорскія,» и проч.

Но гдѣ же эта страна на Востокѣ? Константинъ называетъ ее Ателкузу. О семъ-то Ателкузу, о коемъ Багряно-родный объяснился такъ неопредѣленно, ученые изслѣдователи предлагали разныя мнѣнія: одни говорили, что подъ симъ именемъ разумѣлъ Константинъ Молдавію и Валахію; другіе полагали, что это есть Украйна, и такъ далѣе; были, которые сіе относили на Донъ и Волгу. Сіе только послѣднее можно принять за истину, ибо Несторъ явно сказалъ, что Угре пришли къ Кіеву съ Востока, посему отъ Волги; второе, имя Ателкузу означаетъ на языкѣ самыхъ Угровъ, страну Волжскую, ибо на ихъ языкѣ, какъ и у прочихъ Татарскихъ племенъ, *atel* значило Волгу, а *köz* на Угорскомъ языкѣ есть предлогъ *между*, или *около*; посему *Atelköz* значитъ *Приволжіе*, или *Поволжье*, т. е., страну Волжскую, т. е., собственно старую, великую Болгарію. Сіе *Atelköz* (произношеніе коего по Французскому правописанію должно бы писать *atelkeuse*), подъ Греческимъ перомъ, у коего нѣтъ ö или Франц. *eu*, превратилось въ Ατελχουζου.

И такъ *Atelköz* есть имя Угорское, и названіе на ихъ языкѣ Волжской страны, въ коей нѣкогда обитали, и изъ коей, по неизвѣстнымъ причинамъ, вышли ко Днѣпру и Черному морю Угре, на землѣ Козаръ-Болгаръ. Такъ и нынѣ еще называются по Венгерски нѣкоторыя области Венгріи: *Bodroköz*, *Tiszaköz*, т. е., область, принадлежащая къ рѣкѣ *Бодрогу*, къ *Тисъ*.

Итакъ Мадяры, или Угре, изъ Великой Болгаріи вышли въ страны Юго-Восточной Европы; собственное ихъ народное имя *(Magyar) Мадяры*, *Мадьяры*, а не Маджары, какъ ихъ называли ученые Европейскіе Историки. Нарицательное же названіе Мадяровъ, употребляемое Славянскими племенами, а именно, ихъ сосѣдями: Болгарами и Русскими, есть *Угре*. Греки ихъ сначала называли *Туркми*, а послѣ Ου"γγροι.

Посему, что принудило Угровъ оставить Болгарію и удалиться въ Европу, какія происшествія предшествовали сему выходу, ни Константинъ, ни кто либо другой не могъ знать, по отдаленности мѣста, и развѣ только какой нибудь того

времени очевидецъ, коего, однако, едва ли сыскать можно; даже и постоянныхъ жилищъ сего подвижнаго народа опредѣлить не льзя.

Не стану приводить здѣсь всѣ толкованія и догадки о древнихъ жилищахъ Угровъ; это бы ло бы слишкомъ утомительно и слищкомъ отвлекло бы отъ нашего предмета. Шлецеръ довольно уже растолковался о семъ предметѣ во второй части своего Нестора (pag. 330 —406 стр.) и «вотъ все», говорить онъ (стр. 358), «что благоразумная критика опредѣлительно сказать можетъ о происхожденіи Венгровъ», т. е., »что Маджары пришли съ *праваго берега* верхняго Урала, близъ самаго Уральскаго хребта.«

Вотъ что вывелъ онъ изъ своей утомительной главы о Венграхъ (которая есть IX во II части его Нестра). Но тотчасъ въ сей же его главѣ раждается сомнѣніе; ибо онъ не знаетъ, какимъ образомъ помѣстить на правый берегъ верхняго Урала и *Лебедіасъ* и *Ателкусу* Багрянороднаго въ X столѣтіи, и *Башкирію*, и *Паскатырь* и проч. Латинскихъ монаховъ въ XIII столѣтіи, и, наконецъ, великую, прибавляетъ онъ, важную древнюю Болгарію. »Все это« дѣло на страницѣ 359–ой, »какъ и многое другое, оставляетъ онъ другимъ послѣ себя«, а самъ переходить на другія страницы бранить Венгерскихъ анналистовъ за ихъ болтовню.

Впрочемъ, выше я далъ понятіе о Лебедіасѣ Константина; показалъ, что Ателкузу и Болгарія есть одно и тоже, только на двухъ языкахъ: теперь скажу, что сія Болгарія и сей Ателкузу, по выходѣ изъ ней Болгаръ, а послѣ того Угровъ, могла называться въ XIII столѣтіи по имени тѣхъ народовъ, кои ее заняли; посему можетъ именоваться и Башкиріею, и Мещерою, и Вогуліею и проч. Кромѣ сего, Шлецеръ не совсѣмъ критически поступилъ, что развелъ шатры кочевыхъ Угровъ на правомъ берегу верхняго Урала, а послѣ, поднявъ ихъ, заставилъ со всѣмъ багажемъ отмѣрить одно путешествіе къ Югу, къ горамъ Кіевскимъ, вопреки словамъ Нестора, который выводитъ ихъ съ Востока.

По сему все, что благоразумная критика сказать можетъ, состоитъ въ томъ, что Угре пришли къ Кіеву и такъ далѣе къ Югу изъ страны Волжской; но откуда они прибыли на Волгу, съ достовѣрностію не лзя сказать.

Вотъ одна изъ дорогъ, которою хотѣли достичь будто колыбели Угровъ; другая же, по которой шествовали нѣкоторые, есть языкознаніе. И по сей узкой тропинкѣ раздѣлялись знаменитые ученые на партіи; именно, желая отыскать сходство Мадярскаго языка съ какимъ либо другимъ языкомъ, чтобы послѣ вытянуть Мадяровъ изъ страны сего послѣдняго. Разумѣется, что и это много способствуетъ къ открытію истины, но поступать съ этимъ пособіемъ надобно осторожно и благоразумно.

Еще въ XIII столѣтіи ѣздили нѣкоторые Латинскіе монахи за Волгу, по тогдашнему, въ Татарію, гдѣ будто бы иные находили тотъ же языкъ, что въ Венгріи, а другіе весьма похожій; правда ли то, что говорятъ сіи монахи, не знавшіе ни Венгерскаго, ни Татарскаго языка, не знаю; впрочемъ, если бы и былъ тогда въ Татаріи такой народъ, который бы говорилъ Мадярскимъ языкомъ, то теперь его трудно сыскать, ибо обстоятельства той страны давно уже вверхъ дномъ, и въ Москвѣ, сидя въ кабинетѣ, не скажешь съ достовѣрностію, въ какой уголокъ Азіи убѣжалъ сей, похожій, по словамъ монаховъ, на Мадяровъ народецъ.

Въ новѣйшія времена жалкіе Филологи, схвативъ нѣсколько Чухонскихъ словъ и сравнивъ оныя съ Мадярскими, заключили, что наши Мадяры вышли изъ Чудскаго хаоса, а именно изъ Игріи. Всеученый Шлецеръ склонился на сторону сихъ язычниковъ (не идолопоклонниковъ, а Филологовъ); но, чтобы болѣе обяснить дѣло и придать важности своимъ словамъ, поелику и Несторъ и Константинъ Багрянородный говорятъ, что Угре прыбыли изъ Азіи, сотворилъ для себя новый Чухонскій міръ, который, по своей критической силѣ, сдѣлалъ онъ обширнѣе и самаго Славянскаго. Изъ самаго края угла сего Финскаго міра переводитъ онъ Угровъ въ нашъ Славянскій. Бѣдный Генералъ Склиръ! Онъ принуж-

день былъ идти на край другаго міра искать помощи противъ храбраго Короля Болгарскаго, Владимира II!

Что это все правда, показываетъ, въ столицѣ провѣщенія и учености, въ Парижѣ, Г. Балби (Balby) въ своемъ народописномъ, великолѣпно изданномъ, Атласѣ, сравнивъ въ ономъ нѣсколько, слишкомъ несходныхъ, словъ Венгерскихъ и Чухонскихъ.

Любопытство завлекло меня на стезю, сходную съ тропинкою Шлецера и Балби; я сравнилъ Мадярскій языкъ не въ пустыхъ словахъ, а въ его строеніи, основѣ, словосочиненіи и грамматикѣ съ Турецкимъ и нѣкоторыми Татарскими нарѣчіями, и нашелъ въ нихъ совершенное тожество; изъ сравненія же его съ Европейскими выходитъ не мнѣніе, а аксіома, что Венгерскій (Угорскій, Мадярскій) языкъ принадлежитъ къ языкамъ Татарскимъ. Въ этомъ увѣрится всякій филологъ-философъ, если сдѣлаетъ такъ же сравненіе, какъ и я. Впрочемъ, не стану здѣсь въ этомъ распространяться; ибо подобное-сравненіе и доказательство отняло бы у меня довольно и дней и страницъ, и, собственно, сюда не принадлежитъ; однако, я представлю сіе на своемъ мѣстѣ и въ свое время. И такъ, вотъ первое доказательство Татаризма Мадяровъ!

Второе—есть Несторъ и Константинъ, которые явно выводятъ ихъ изъ Азіи, а послѣдній именно называетъ ихъ Турками.

Третіе, что Мадяры въ народномъ духѣ и гордости, нравахъ и характерѣ совершенно сходны съ Татарами, преимущественно же съ Турками (ибо Татаре со временъ Ермака сдѣлались гораздо смирнѣе и вѣжливѣе), а не съ Чухонцами.

Сверхъ сего, если бы Шлецеръ, или Балби прислушивались разговору двухъ Венгровъ и двухъ Турковъ, бьюсь объ закладъ, что ихъ уши не умѣли бы сдѣлать различія въ впечатлѣніи, произведенномъ при слушаніи разговоровъ на сихъ двухъ языкахъ, имъ неизвѣстныхъ.

Впрочемъ, какъ Турецкій языкъ, собственно, есть одно изъ нарѣчій Татарскихъ, такъ Венгерскій есть, собственно, языкъ,

однако, родной братъ Татарскаго въ частности; оба же они происходятъ изъ одного источника, какъ и Европейскіе: Греческій, Латыно-Латышскій, Славянскій и Нѣмецкій.

И такъ, по крайней мѣрѣ, два языка Азійскіе, коихъ назову общимъ именемъ Татарскими, суть Татарскій и Венгерскій. Принадлежатъ ли къ симъ языкамъ еще и другіе какіе либо во внутренностяхъ Азіи, съ достовѣрностію сказать не могу; ибо о сихъ народахъ въ XIX столѣтіи такое же имѣемъ понятіе, какое въ древности имѣли о насъ Греки и Римляне. Что же касается до Венгерскаго, то Иванъ Семеновичь Орлай мнѣ утверждалъ, будто между Кавказскими племенами есть еще и теперь одно, которое говоритъ языкомъ, весьма сходнымъ съ Венгерскимъ. Впрочемъ, и то и другое требуетъ обширныхъ разъѣздовъ и основнаго грамматическаго изслѣдованія языка, а не пустаго сравненія нѣсколькихъ словъ.

Развалины города *Маджаръ* въ окрестности Кавказа заслуживаютъ вниманіе; поелику же, собственно, Татарскій народъ столь обширенъ, что онъ царствуетъ, кромѣ, такъ называемой, Татаріи, и въ Персіи, и въ Турціи, Мадярскій же довольно малочисленъ (ибо весь состоитъ въ народонаселеніи Венгріи, заключающей въ себѣ до 9 міліоновъ), то изъ сего, по видимому, слѣдуетъ, что и эта отрасль (Мадяры,) великаго и весьма обширнаго народа, коего общаго имени не знаемъ, и покамѣстъ называемъ чужимъ ему названіемъ, Татарами, должна имѣть гдѣ либо большое количество своихъ соплеменниковъ. Что значитъ народъ, называемый *Манджурами?*

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ вѣрно то, что наши Мадяры принадлежатъ ко второй (если примемъ Европейцевъ за первую) великой отрасли рода человѣческаго, въ коихъ виденъ и по нынѣ духъ храбрости, достойный Чингисхана и Тамерлана.

Слѣдствіе въ пользу россійской исторіи.

Изъ всего сего слѣдуетъ, что древнѣйшіе, коихъ можно запомнить, Волжскіе сосѣди Русскаго народа были Болгаре,

до тѣхъ поръ, пока они обитали въ семъ своемъ древне мъ отечествѣ, въ сей древней, великой Болгаріи; до тѣхъ поръ сія знаменитая отрасль обширнѣйшаго Славянскаго міра отдѣляла Россіянъ отъ другаго міра, Татарскимъ называемаго. Наконецъ, когда Болгаре, сіи Скиѳы Грековъ и Римлянъ, послѣ Сарматы, Массагеты, послѣ Парѳяне, наконецъ, встрѣчавшіеся подъ именемъ Гунновъ и разными у разныхъ писателей названіями въ V столѣт., подъ предводительствомъ Аттилы, хлынули съ Волги на Юго-западъ Европы, то упраздненныя ими жилища заняты были Мадярами, и тѣмъ самымъ Россіяне пришли въ соприкосновеніе съ Татарскимъ міромъ.

Съ сихъ поръ, чрезъ VI, VII, VIII и IX столѣтія, Мадяры стали быть непосредственными сосѣдями Россіянъ, но не менѣе того отчасти и сосѣдями Болгаръ около Чернаго моря. Что происходило въ продолженіе сего времени между Россами и Мадярами, что въ самой Россіи, что по ту сторону Волги въ Татарскомъ мірѣ, не извѣстно; все пропало для потомства, какъ и то было бы потеряно, что случилось въ X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, и такъ далѣе столѣтіяхъ, если бы Провидѣніе, если бы Великій Борисъ и Великій Меѳодій не произвели въ Болгарской Державѣ то явленіе, которое въ послѣдствіи освѣтило и Россію, и теплотворными и благотворными своими лучами произрастило намъ безсмертнаго Нестора и прочихъ его послѣдователей; говорю, все бы пропало; и тогда умные Байеры, проницательные Шлецеры доказали бъ, что Россія не прежде стала существовать, какъ со временъ, на примѣръ, Петра Великаго.

Наконецъ, и сіи Мадяры, по извѣстнымъ причинамъ, стали пробираться къ Югу; и уже около 835 года, въ царствованіе Имп. Ѳеофила и Владимира I, Короля Болгаріи сдѣлали набѣгъ до самаго устья Дуная, по желанію, или требованію одного Болгарскаго Воеводы, чтобы остановить 12,000 Македонскихъ Болгаръ—Христіанъ, которые, по назначенію Короля, Карана, должны были переселиться изъ

Македонiи въ Валахiю, и уже покушались сѣсть на Греческiе корабли, дабы отправиться въ отечество.

Приближаясь къ Югу на землю Козаръ, Мадяры должны были вступить въ тѣсную связь съ Болгарами; но были ли они ихъ вассалами, или только союзниками, какъ Константинъ думаетъ, утверждая, что они были ихъ союзниками въ войнахъ (bellarum socii et adjutores), утвердительно не льзя сказать; по крайней мѣрѣ можно думать, что, будучи подвижнымъ и свободу любящимъ народомъ, они были, собственно, независимыми.

Мнѣнiе Константина, будто они только три года жили съ Таврическими Болгарами, съ достовѣрностiю подтвердить не льзя. Если даже понимать это такъ, что они только въ Лебедяни жили три года, то все же они, и въ это время, и прежде того, и послѣ пробывали и въ другихъ мѣстахъ, сѣвернѣе, или южнѣе, и долгое время жили съ Козарами (Болгарами), коихъ были сосѣдями. Впрочемъ, въ то время, когда отправлялось къ нимъ Греческое посольство, они жили уже южнѣе всего, а именно, около Одессы, ибо Византiйскiе лѣтописцы явно говорятъ, что Генералъ Склиръ отправися къ устью Дуная, къ Мадярамъ.

Но между тѣмъ, какъ сiи Мадяры имѣли свое отношенiе къ Болгарамъ, они имѣли особое и къ Россiянамъ; ибо собственно по Русской землѣ кочевали, и тѣмъ самымъ придали новый ходъ отношенiю Россовъ къ Болгарамъ, такъ какъ по между ихъ втерлись сiи пришельцы-сосѣди. Какiе переговоры, вѣжливости, или обиды происходили между Россiянами и Мадярами, не извѣстно; Несторъ о семъ ничего не упоминаетъ, ибо онъ былъ отъ того времени довольно отдаленъ, хотя и былъ истиннымъ правдолюбцемъ.

Однако, какъ бы то ни было, множество Русскихъ словъ въ Мадярскомъ языкѣ, большею частiю принадлежащихъ къ земледѣлiю, ремесламъ и чинословiю, суть явнымъ доказательствомъ: 1-ое) что Россiяне были уже тогда постоянными жителями, хлѣбопашцами и не безъ гражданской организацiи, какая бы она ни была; 2-ое) что Мадяре хорошо и тѣсно уживались съ своими сосѣдями, Россами, у ко-

ихъ много добраго заняли вмѣстѣ съ словами. И такъ ужи-
вались между собою, т. е., дрались и ходили пососѣдски, но за то не переставали быть короткими знакомыми и тѣсными сосѣдями, начиная съ того времени до нынѣшняго дня; ибо если поѣдешь прямой линіей отъ Москвы въ Венгрію, то найдешь, что одинъ и тотъ же Русскій народъ продолжается чрезъ границу, чрезъ Галицію, сквозь горы Карпатскія въ самыя внутренности Венгріи, гдѣ, въ Сѣверной части (Сѣверовосточной), одни Русскіе, но нѣсколько къ Югу уже смѣшаны съ Мадярами, и оканчиваются въ окрестностяхъ Дебрецина. Еще въ великомъ Варадинѣ (по Венг. Надь-Варадъ, по Нѣм. Gross-Wardein) есть Русская церковь.

Встарину бывали и кровныя и политическія связи между Владыками Руси и Венгровъ. Посему, послѣ Болгаръ и Варяговъ, Мадяре или Венгры есть достойнѣйшій вниманія народъ для Русской Исторіи; ибо, какъ увидимъ ниже, Россіяне вмѣстѣ съ Мадярами завоевали Дакію и Панонію.

Откуда же нарицательное названіе Венгровъ? Вотъ откуда: Межь тѣмъ, какъ сіи Венгры сами себя называли *Мадярами*, Болгаре ихъ называли нарицательно *Уграми*; отъ Болгаръ такъ ихъ научились называть и Россы.

Сіе имя *Угровъ* въ послѣдствіи чрезъ Болгаръ перешло къ Волохамъ и Грекамъ, а чрезъ Россіянъ къ Полякамъ, Словенамъ, Нѣмцамъ, и, наконецъ, къ цѣлой Европѣ. Сіи народы, не Славянскаго языка, по свойству своего собственаго (по коему весьма часто предъ согласною стоитъ буква *и*), Угровъ измѣнили на *Унгровъ*, такъ какъ и самые Греки Οὐγγροι произносятъ *Унгри*. Изъ сего слова послѣ передѣлали *Hungri*, *Ungari*, *Hungeri*, по Нѣмецки *Ungarn*, *Hungaria*, *Ungarn*, по Франц. *Hongrie*, *Hogrois*. Поляки же нашихъ Угровъ преобразовали на Венгровъ, точно такъ, какъ и Русскую *руку* исковеркали на *ренку* (reka), Россіяне нынѣ Угровъ называютъ Венграми, потому что о забытыхъ ими нѣсколько Уграхъ получили свѣдѣніе отъ ихъ сосѣдовъ, Поляковъ, отъ коихъ на Руси, кромѣ сего, и еще коечто заняли. Хотя же это нынѣ такъ, но древніе Россы называли

ихъ именно Угрáми, а часть Россовъ, живущая въ Венгріи, т. е., Корпато-Россы, тѣмъ же самымъ именемъ и нынѣ ихъ именуютъ, а именно: имен. *Угринъ*, род. *Угрина*, дат. *Угрину*, вин. *Угрина*, и проч., множ. им. *Угре*, р. *Угоръ*, д. *Уграмъ*, тв. *Уграми*, и проч. Земля ихъ не Венгрія, а *земля Угорская*, или обыкновеннѣе, *Угорщина*.

Посему здѣсь всякій увидитъ, что склоненіе Карпато-Росское есть склоненіе Русское, ибо, если не льзя сказать отъ Россіянинъ, Датчанинъ, *Россіяны*, *Датчаны*, то, по правилу того же самаго языка, требуется отъ Угринъ *Угре*; въ подтвержденіе сему и Несторъ такъ пишетъ ихъ названіе, и Болгаре еще и нынѣ ихъ такъ называютъ.

Изъ сего явно, что Исторіографъ слова: Угры, Угровъ, какъ и Болгары, Болгаровъ, склонялъ по Татарски.

И такъ, Великая Болгарія, послѣ занятія оной Уграми, отъ имени новыхъ своихъ жителей въ понятіи Россіянъ новое могла и должна была получить названіе, по крайней мѣрѣ, часть оной, занятая именно Уграми. Что же значитъ оное названіе *Югра*, какъ не обиталища Угровъ? Мнѣ кажется, что *Уграми* называли ихъ Малороссы и Болгаре, *Югрáми* же Великороссы; почему же не такъ, если одни изъ Славянъ произносили *Утро*, а другіе *Ютро* и проч. Изъ сего слѣдуетъ, что сказанное выше о древнихъ жилищахъ Угровъ относится и къ *Югрѣ*. Сія-то Югра, сообразно кочевой жизни Мадяровъ, по видимому, была подвижная; впрочемъ, на самомъ дѣлѣ Югрою была та страна, въ которой кочевали Мадяры.

Здѣсь, однако, должно замѣтить слѣдующее обстоятельство, т. е., что имя *Югры* осталось въ той странѣ и послѣ выхода изъ оной Мадяровъ. На вопросъ: *по чему?* можно отвѣтить только слѣдующей дилеммою: или осталась въ той странѣ нѣкоторая часть Мадяровъ, или названіе: Югры, впечатлѣнное долгимъ временемъ въ понятіи Россіянъ, осталось въ ихъ языкѣ, какъ названіе страны, хотя бы и всѣ Угре изъ оной вышли. Случится могло то и другое.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, Югра есть Волжское жилище Мадяровъ и занимала нѣкоторую часть Великой Бол-

гаріи. Имя сіе долго оставалось въ памяти Россіянъ, но пространство этой страны было не опредѣленно; и по мѣрѣ, какъ Великая Болгарія и Югра были занимаемы новоприходящими народами и означаемы новыми ихъ именами, Югра стала изглаживаться изъ памяти Русскихъ, или болѣе отталкиваема была къ Сѣверу, пока, наконецъ, не исчезла и изъ памяти, и изъ употребленія, и изъ географіи, и нынѣ сохраняется только въ Императорскомъ титулѣ.

Впрочемъ, что, бы *Югра* на самомъ дѣлѣ была въ Печорѣ, или тамъ, гдѣ выставлена на картинѣ, приложенной къ I-му тому Россійской Исторіи, сомнѣваюсь, и думаю, что такъ далеко занесло ее одно только воображеніе автора; ибо въ какихъ предѣлахъ и на какомъ мѣстѣ она нѣкогда находилась на самомъ дѣлѣ, собственно никто не знаетъ; и гораздо вѣроятнѣе, что она была поюжнѣе той, которую Карамзинъ отнесъ къ Ледовитому морю, и не думаю, чтобы Новгородцы шли такъ далеко драться съ Югрaми, если бы сіи послѣдніе жили такъ далеко. Какъ бы то ни было, повторяю, что опредѣленнаго мѣстоположенія *Югры* не знаемъ; но что, не смотря на сіе, *Югра* или *Угорщина* находилась въ какой либо части Великой Болгаріи, т. е., была одною изъ областей Волжскихъ.

Сіе мнѣніе, кажется, подтверждаютъ Византійцы. Если Константинъ въ X столѣтіи нашихъ Мадяровъ называет Турками, то сіе произошло только отъ того, что ему такъ хотѣлось, Но нѣтъ ли писателей предшествовавшихъ столѣтій, которые бы имѣли нѣкоторое понятіе о Волжскихъ жителяхъ своего времени, и подъ какимъ собственно именемъ они ихъ разумѣютъ? Есть, а именно: *Менандръ Протекторъ*, который повѣствуетъ, что Императоръ Іустинъ II, при возникшей войнѣ съ Персами въ послѣдней половинѣ VI столѣтія (около 573 года), (тогда, когда Болгаре были уже надъ Дунаемъ подъ именемъ Аваровъ. и вели безпрестанныя войны не только съ Византійцами, но и съ цѣлымъ Западомъ), отправилъ посольство къ жителямъ отдаленной Волги, чтобы побудить ихъ раздѣлить силы Персіи нападеніемъ на оную.

Конечно, сіе посольство походило на то, если бы, на пр., Рус-
ские отправили посла къ отдаленному какому либо народу внут-
ренней Азіи, для побужденія его къ нападенію на Восточ-
ные предѣлы сей же Персіи. Дѣйствительно, что въ семъ
случаѣ Русскій посолъ на границѣ Имперіи снабдился бы
Татарскими проводниками и толмачами, которые въ семъ
случаѣ одни только могли бы дать ему понятіе о народѣ,
къ коему онъ отправленъ. Весьма естественно, что сіи тол-
мачи, или проводники дали бы послу понятіе о народѣ подъ
такимъ именемъ, подъ какимъ онъ извѣстенъ имъ на ихъ
собственномъ языкѣ. Такъ и воображаемому Бухарскому, или
Хивинскому послу, проѣзжающему въ Германію, Русскій на-
родъ о Дайчерахъ далъ бы понятіе не иначе, какъ подъ
именемъ Нѣмцовъ. Сказанное здѣсь мною покажется кому
ни будь излишнимъ; однако, оно необходимо для настоящаго
понятія и объясненія дѣла.

И такъ выше всякаго сомнѣнія и то, что и Византійскій
посолъ находился въ подобныхъ обстоятельствахъ. Шествуя
частію посреди Болгаръ, частію же посреди Руссовъ, онъ
долженъ былъ имѣть путеводителей и изъ другихъ земель;
или даже, если бы только изъ однихъ Болгаръ, или Рус-
скихъ, все равно; ибо оба народа были Славянскіе.

Сіе посольство описалъ *Менандръ Протекторъ* въ прекра-
сномъ своемъ сочиненіи о *Посольствахъ*; онъ говоритъ, что
»*Земархъ* (имя посла), перешедъ рѣки *Гіехъ* или *Іехъ* и *Да-
ихъ*, прибылъ къ великой рѣкѣ Аттелѣ (Волгѣ) и къ наро-
ду *Угорамъ*«. Да и въ самомъ началѣ описанія упоминаетъ
объ *Уграхъ*, побѣжденныхъ Аварами (т. е., Болгарами Таври-
ческими, или Донскими, т. е., Козарами). Изъ сего явствуетъ,
что они дрались. Также и Агаѳій упоминаетъ объ *Онго-
рахъ*, и Симоката объ *Огрохъ*, *Огорахъ*.

И какъ явно, какъ прекрасно подтверждаетъ сіе сказаніе
о Греческомъ посольствѣ слѣдующее:

1) Что наши *Угре* въ Греческихъ исторіяхъ сдѣлались
Угорами, *Огорами*, *Онгорами*; но это не бѣда: сіи Огоры,
такъ названные у Грековъ, все таки у Болгаръ и Русскихъ
остались Уграми.

2) Что *Угре*, или *Югра*, были дѣйствительно на Волгѣ, а не на берегахъ Ледовитаго моря, какъ сіе мнилось многимъ.

3) Подтверждается сказанное мною выше, что оставленныя Болгарами мѣста были заняты Уграми, которые были съ того времени сосѣдями и Россіянъ и Болгаръ.

4) Поелику слово *Угре* принадлежитъ одному только Славянскому языку, изъ коего оно получило свое происхожденіе, а Греческое посольство, проходило ли оно между однихъ Болгаръ, съ Чернаго моря на Донъ и такъ далѣе, или же частью между Россовъ,—знаю одно только имя Угровъ; то изъ сего явно слѣдуетъ, что эти народы, проводники, такъ сказать, посольства, не были Татаре, какъ это мнилось нѣкоторымъ историкамъ нынѣшняго времени; а напротивъ тѣ Гунны, тѣ Авары, между коихъ проѣзжалъ посолъ, были тотъ самый народъ Славянскій, который въ послѣдствіи называется Болгарами.

Сіе-то имя Угровъ, послѣ смерти вышеозначенныхъ писателей, Византійцы опять забыли, ибо перестали ходить на Волгу, и Константинъ, обративъ вниманіе на приближающихся Угоръ, назвалъ ихъ Турками, въ чемъ ему послѣдовали и нѣкоторые другіе пока, наконецъ, опять Болгаре не вѣпили Грекамъ въ память, что это суть Угре.

Весьма смѣшно толкованіе нѣкоторыхъ Венгерскихъ писателей о происхожденіи слова Hungarus. Они думаютъ, что оно заимствовано отъ имепъ двухъ Аварскихъ Князей *Хунна* и *Вара*, упоминаемыхъ Византійскимъ писателемъ; другіе полагаютъ, что оно сложено изъ *Гунны* и *Огоры*, какъ бы *Гунногоры*, и отсюда Hungari; но это предположенія такихъ историческихъ мечтателей, которые не знали даже, какъ ихъ называютъ Карпато-Россы и Болгаре, какъ ихъ называлъ Несторъ и Россіяне въ давнее время. Я показалъ происхожденіе слова Hungarus; но откуда взяли сами Россіяне своихъ: *Угре*, или *Угринъ*, ловить догадочныхъ привидѣній не стану.

Но еще смѣшнѣе мнѣніе тѣхъ, которые, сообразуясь съ вышеозначенными своими этимологическими толкованіями

вывели, что *Гунны* и *Авары* были наши Угре, или Мадяры, и что посему Мадяры три раза завоевывали Европу, 1-ое, подъ именемъ Гунновъ и подъ предводительствомъ великаго Аттилы, 2-ое, подъ именемъ Аваровъ, и, наконецъ, подъ именемъ Гунгаровъ Явно, что этотъ бредъ произошелъ изъ другаго и основывается единственно на баснословномъ повѣтствованіи, жалко выдуманномъ мнимымъ безъименнымъ Нотаріемъ.

Удивительно, что нѣкоторые порядочные Венгерскіе историки не въ шутку придакивали этой баснѣ и твердили своимъ ученикамъ, будто Аттила былъ Мадяромъ, въ чемъ имъ, однако, явно противурѣчитъ истинная исторія. Мы видѣли уже подробно Гунновъ и Аваровъ, и всякъ, у кого только есть хотя крошка здраваго разсудка, ясно увидитъ, какое было Мадярство Аттилы и его Гунновъ и Аваровъ. Бѣда въ томъ, что 1-е, во время рожденія сего смѣшнаго предположенія, не было еще истинной критики въ исторіи Венгріи; 2-е, что всѣ какъ будто присягнули, забыть Болгаръ, или, по крайней мѣрѣ, не обращать на нихъ вниманія; 3-е, наконецъ, народное тщеславіе заставило неопытныхъ Угорскихъ историковъ приписывать своимъ предкамъ имя и дѣянія другаго народа, чему способствовали: а) темнота исторіи тѣхъ временъ и запутанность, происходящая изъ множества собственныхъ именъ народовъ, б) пренебреженіе Болгарской исторіи, в) тщеславіе, и г) слабость и легковѣрность историковъ.

Впрочемъ, храбрость свою Венгры доказали довольно, въ чемъ всѣ отдаютъ имъ справедливость; этого подтвержденіемъ служитъ и знаменитая храбрость сопленныхъ имъ народовъ, коихъ силу испытали Европа, Азія и Африка. Но для доказательства этого совсѣмъ не нужно и непозволительно приписывать себѣ дѣянія чуждаго народа; впрочемъ, это произошло изъ неопытности, а не изъ злонамѣренности, чему подобное случилось и въ Германіи.

Посему не удивительно будетъ, если многіе и изъ иностранцевъ повѣрили заключеніямъ, основаннымъ на сказкѣ

безъименнаго Нотарія, или вытянутымъ изъ безтолковой этимологіи.

Вотъ что сказать можетъ благоразумная критика опредѣлительно *о происхожденіи Угровъ*. Я нѣсколько распространился о происхожденіи сего народа; ибо исторія его въ тѣсной связи съ исторіею Русскою, а еще болѣе съ Болгарскою; и какъ сей народъ заслуживаетъ особенное вниманіе Русскихъ историковъ, то самъ Шлецеръ уже вмѣнилъ въ обязанность Русскому историку изслѣдованія о семъ народѣ.

Сколько исполнилъ сіе предписаніе и каково объяснилъ недоконченное Шлецеромъ изысканіе объ Уграхъ почтенный исторіографъ, легко понять можно изъ первой главы I-го тома его исторіи Госуд. Росс. (изд. вт., стр. 18), гдѣ сказано: «но скоро Угры (!) и Болгары (!), по сказанію Грековъ, единоплеменные съ Гуннами, и до того времени неизвѣстные, оставивъ древнія свои жилища близь Волги и горъ Уральскихъ, завладѣли берегами Азовскаго, Чернаго моря и Тавридою, и съ 474 году начали опустошать Мизію, Ѳракію, даже предмѣстія Константинопольскія« !!

Сказано, и довольно! Угре единоплеменные съ Болгарами!!! Угре оставили Волгу около 474 года; а они около 574 года были еще на Волгѣ!! И это значитъ говорить по исторіографски?

И такъ скажу въ заключеніе, что Мадяре, а по нашему Угре, были первымъ изъ Татарскихъ племенъ народомъ, который въ IX столѣтіи вступилъ въ число народовъ Европейскихъ. Левъ Философъ обратился къ ихъ помощи противъ Болгаріи.

Разумѣется, что посольство Генерала Склира не было безуспѣшно. Между тѣмъ какъ Угре готовились въ походъ, изъ гавани Цареградской вышла эскадра противъ Болгарскихъ береговъ подъ начальствомъ Патриція Имперіи, *Евстатія*; сухимъ же путемъ поспѣшилъ удержать напоръ Владиміра *Никифоръ Ѳока*.

Между тѣмъ Императоръ отправилъ къ Королю Константикія, чиновника финансовъ, съ предложеніемъ о мирѣ

но Король, видя движенія Грековъ, посадилъ его подъ арестъ, а самъ поспѣшилъ сражаться съ новымъ Главнокомандующимъ. Объ успѣхахъ оружія своего Греческіе писатели умалчиваютъ; видно, что они были для нихъ не благопріятны.

Между тѣмъ Угре вторглись внезапнымъ нападеніемъ въ области Болгаріи, въ Молдавію и Валахію. Король поспѣшилъ на помощь своимъ областямъ съ легкимъ войскомъ; сразившись съ ними, не устоялъ и принужденъ былъ убѣжать чрезъ Дунай въ городъ Доростолъ (нынѣ Силистрія). Плѣнныхъ Болгаръ купилъ отъ Угровъ Императоръ, и Византійцы, посадивъ на корабли, отвезли въ свои владѣнія.

Владиміръ, чтобы избавиться прежде отъ одного непріятеля, рѣшился заключить миръ съ Греками; чрезъ командира Греческой эскадры начались переговоры, и Левъ Философъ съ охотою согласился на условія мира, коихъ, однако, Византійцы не исчисляютъ, а только пишутъ, что Императоръ, по требованію Короля, долженъ былъ возвратить ему плѣнныхъ Болгаръ, для принятія коихъ, говорятъ, отправленъ былъ въ Имперію Бояринъ Ѳеодоръ.

ВОЙНА СЪ УГРАМИ 890—898.

По заключеніи мира съ Греками, Король тотчасъ двинулся въ походъ противъ Угровъ. Византійцы не описываютъ подробностей сей войны, и только въ нѣсколькихъ словахъ упоминаютъ объ ея исходѣ, говоря, что «Король перебилъ всѣхъ Угровъ, и землю ихъ опустошилъ».

Но перебить цѣлый народъ есть дѣло не легкое, и прежде нежели оно доведено до окончанія, надлежало предшествовать, по крайней мѣрѣ, нѣсколькимъ сраженіямъ: изъ сего видно, что война завязалась горячая, которой подробности Греки оставили, ибо она ихъ не касалась.

Не извѣстно, сколько времени продолжалась сія война, по крайней мѣрѣ знаемъ, что Король имѣлъ дѣло съ народомъ храбрымъ (съ народомъ, который въ послѣдствіи до красна надоѣлъ Германіи, Италіи и Византійцамъ), и что надлежало прежде выгнать ихъ изъ Болгарскихъ областей (нынѣ Вала-

хія и Молдавія), послѣ напасть на ихъ жилища, около Ингуловъ и Лебедина, разбить ихъ, истребить цѣлый народъ, или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ оставить свои жилища, т. е., прогнать ихъ далеко отъ предѣловъ своей державы, ибо интересъ оной требовалъ, чтобы она была обезпечена отъ храбраго, но безпокойнаго, народа: по этому надобно думать, что сія война продолжалась значительное время.

Впрочемъ, можно предполагать, что Мадяры не замедлили пріискать себѣ союзниковъ на Волгѣ, или на Дону, или гдѣ бы то ни было; ибо надлежало имъ стоять противъ Оракійскаго побѣдителя. Однако, хотя и былъ Владиміръ побѣдителемъ устроенной, обученной Греческой арміи, но прежняя его тактика въ дѣлѣ съ Мадярами, которые были почти всѣ конные и удалые наѣздники и рубаки, не годилась, ибо надлежало приспособляться къ ихъ способу веденія войны.

Театръ войны былъ на Прутѣ, Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, или въ нынѣшней Новороссіи и отчасти Малороссіи; впрочемъ, достовѣрно опредѣлить сего не мозможно, ибо война могла возгорѣться до самой Волги. Но, какъ бы то ни было, театръ войны былъ, такъ сказать, на дворѣ Россіянъ, или лучше сказать, отчасти и на ихъ землѣ.

Что же Россіяне? Были они хладнокровными свидѣтелями сей кровопролитной войны? Возможно ли повѣрить, чтобы сверкающіе столь близко, подъ бокомъ, мечи не коснулись ихъ? Какое впечатлѣніе могла произвести въ Русскомъ народѣ война съ тѣмъ народомъ, который ему сидѣлъ на шеѣ подъ именемъ союзника иралъ *подымщину* съ каждаго дома? Возможно ли повѣрить, чтобы Россіяне не воспользовались этимъ случаемъ для разрыва союза, для нихъ не совсѣмъ выгоднаго, съ симъ народомъ, и для прекращенія ему подати, подобно тому, какъ бунтовали противъ него, въ подобномъ же положеніи находившіеся, Чехи, Нѣмцы, Моравяне, Словене, Сербы, Печенѣги?

Съ того времени, какъ крестились Болгаре, поведеніе ихъ съ Русскимъ народомъ перемѣнилось; они обращались

съ Россами, какъ съ язычниками, идолопоклонниками; могли ихъ принуждать къ принятію Христіанской Вѣры, или даже наносить разныя обиды, ибо dominus habet mille modos vexandi. Какъ же смотрѣли Россіяне на Болгаръ? Конечно, какъ на своихъ притѣснителей, отступниковъ, попрателей отечественныхъ боговъ и вѣры; и сіи суть самыя сильныя пружины для возрожденія ненависти и побужденія къ храбрымъ подвигамъ.

Замѣчу, однако, что если бы Россы издавна угнетаемы были Болгарами, если бы они были ихъ рабами, если бы духъ народный ихъ пригнетенъ былъ къ землѣ, то нельзя повѣрить, чтобы они могли рѣшиться воевать противъ могущественной Болгаріи. Однако, я замѣтилъ уже, что Болгаре не угнетали своихъ единоплеменниковъ; и возстанія Чеховъ, Сербовъ и проч. показываютъ, что духъ ихъ народный бодрствовалъ, ибо не былъ прикованъ къ землѣ.

Перемѣна поведенія Болгаръ съ Россами могла произойти только со времени крещенія Болгаріи; а какъ она была еще новою, то, вѣроятно, тѣмъ чувствительнѣе была для Россіянъ. Можетъ быть, впрочемъ, что еще и въ сіе время жилъ неутомимый Меѳодій, или если бы даже онъ и почилъ въ Бозѣ, то онъ жилъ въ своихъ неутомимыхъ ученикахъ и преемникахъ. Христіанская Вѣра въ сіе время проникла уже сквозь Паннонскую Болгарію по рѣкѣ Тисѣ и Дунаю до самыхъ горъ Карпатскихъ, по Валахіи и Молдавіи въ Крымъ, и то самое Христолюбивое Болгарское Правительство и дѣятельное духовенство, которое проложило путь Славянской Церкви въ Великую Моравію и Богемію, старалось водворить оную и на Руси, что, однако, сдѣлать было трудно; ибо не возможно было заставить народъ бросить Вѣру отцовъ своихъ, Вѣру, которая была столь пріятна для чувствъ и которая господствовала во всѣхъ праздненствахъ и обыкновеніяхъ народныхъ, и принять строгую иностранную, и сія самая Вѣра, которая изъ за Вислы, изъ за Карпатовъ и изъ Тавриды угрожала просвѣтить Россію заставила Южно-Россовъ обратиться къ своимъ единовѣрцамъ, къ своимъ единоплеменникамъ Сѣвернымъ, Смоля-

намъ, къ Новогородцамъ, къ Сѣверу, говорю, который управляемъ былъ *Олегомъ*, коего слава носилась по всей обширной Руси.

Какъ же разсудить обо всемъ этомъ? Угре дерутся съ Болгарами, и въ то же время Южные Россіяне освобождаются отъ подати и вліянія Болгаръ. Это обстоятельство весьма важно для Русской исторіи, ибо дѣло происходило между Болгарами, Уграми и Россіянами.

Чтобы разрѣшить эту задачу, я старался вникнуть, сколько дозволяетъ благоразумная критика, въ тогдашнее положеніе Южныхъ Россіянъ; но, какъ они были въ связи съ Сѣверными, и загадочное, такъ сказать, ихъ спасеніе происходитъ съ Сѣвера, то историкъ-изыскатель, для поясненія сего дѣла, долженъ заглянуть и въ исторію Сѣверной Россіи. Разсказъ почтеннаго историіографа мнѣ кажется весьма неудовлетворительнымъ. Пусть покамѣстъ съ Болгарами дерутся Угре, а я поспѣшу на Сѣверъ, чтобы присмотрѣться къ источнику спасенія Южныхъ Россіянъ, т. е., я выпишу тѣ мѣста изъ исторіи Карамзина объ Олегѣ Правителѣ, о коихъ болѣе всего сомнѣваюсь. Да не будетъ сіе во гнѣвъ твердымъ приверженцамъ Шлецера и Карамзина; ибо историческое достоинство совсѣмъ не зависитъ отъ достоинства лица, а отъ достоинства мнѣнія, но да будетъ въ пользу Русской исторіи. Замѣтьте же еще и то, что ошибаясь учимся. И такъ послушаемъ.

«*Рюрикъ, по словамъ лѣтописи, вручилъ Олегу правленіе за малолѣтствомъ сына. Сей опекунъ Игоревъ скоро прославился великою своею отважностію, побѣдами, благоразуміемъ, любовію подданныхъ*». Ладное дѣло.

«*Вѣсть о счастливомъ успѣхѣ Рюрика и братьевъ его, желаніе участвовать въ ихъ завоеваніяхъ, и надежда обогатиться, безъ сомнѣнія, привлекли многихъ Варяговъ въ Россію. Князья рады были соотечественникамъ, которые усиливали ихъ вѣрную, смѣлую дружину.*»

Что за оборотъ! Къ чему это? Откуда это? Это одно только предположеніе. А развѣ Новгородцы не могли быть вѣрными своему Правителю? Или, если онъ хотѣлъ гдѣ ли-

бо вести войну, то для чего ему Варяги, когда у него подъ рукою свои смѣлые Новгородцы? Развѣ сіи гордые граждане могли снести хладнокровно, чтобы ихъ Князь окружалъ себя одною заморскою сволочью? И что за народъ сіи Варяги? Развѣ уже доказано, что Варяги были соотечественники Олега?

«*Олегъ пылая славолюбіемъ героевъ....*» Кажется, что не пылалъ; ибо не читалъ ни Плутарха, ни Корнелія Непота, ни Квинта Курція; если же ему хотѣлось завоеваній, то пылалъ корыстолюбіемъ.... «*Не удовольствовался симъ войскомъ,*» которое, безъ сомнѣнія, родилось изъ предположенія, будто заморская сволочь привалила въ Русь faire sa fortune, т. е., искать счастія.... «*Но присоединилъ къ нему великое число Новгородцевъ....*» Если нужно было начинать исчисленіе военныхъ приготовленій, то надлежало сказать порядкомъ, болѣе естественнымъ, что къ Новгородскому войску, которое могло быть цѣлою арміею, присоединилъ дружины Варяговъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери *и въ 882 (?) году пошелъ къ странамъ Днѣпровымъ*».

Какая же побудительная была причина сей огромной экспедиціи? Явно сказано, что Олегъ пылалъ славолюбіемъ, и только! Противъ кого же? Куда глаза глядятъ? Сказано, къ странамъ Днѣпровскимъ; но мы увидимъ, что языкъ доведетъ до Кіева.

И такъ маршрутъ принятъ на «*Смоленскъ, городъ вольныхъ Кривичей.*» Почему же сей славный городъ съ своими Кривичами не противился славолюбивому Олегу? Кому было противиться, когда и самые Кривичи принадлежали къ огромной арміи Олега? Смоляне не были въ войнѣ съ Новгородцами; иначе понять трудно, почему кажется исторіографу, что сей «*вольный городъ сдался Олегу безъ сопротивленія; ибо видно, что Смоляне за одно были съ Новгородцами*».

«*Первая удача была залогомъ новыхъ....*» Новыхъ удачь— брать безъ сопротивленія? «*Храбрый Князь, поручивъ Смоленскъ своему Боярину, вступилъ въ область Сѣве-*

рянъ, и взялъ Любечь, древній городъ на Днѣпрѣ.» Штурмомъ ли, или безъ сопротивленія?

«*Но желанія завоевателя (!) стремились далѣе: слухъ о независимой Державѣ....*» Къ чему это выраженіе, походящее на простонародныя сказки? Слухъ о тридесять третьемъ царствѣ! какъ будто Кіевъ былъ за горами, за морями!!.. «*основанной Аскольдомъ и Диромъ (!!), благословенный климатъ, и другія естественныя выгоды Малороссіи, еще украшенныя, можетъ быть (!), разсказами, влекли Олега къ Кіеву.* Вотъ побудительная причина сего великаго похода! Рай Малороссійскій, да разсказы!

«*Впроятность* (вѣроятность!), *что Аскольдъ и Диръ, имѣя сильную дружину, не захотятъ добровольно ему поддаться...*» Какое опасеніе! къ чему оно? Развѣ герои опасаются? Но, хотя бы и была дружина у мнимыхъ Кіевскихъ владѣльцевъ, то для чего же у Олега было множество Новгородцевъ, Варяговъ, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, словомъ сказать, весь Сѣверъ? Если Олегъ пылалъ славолюбіемъ героевъ, то, если бы былъ и трусъ, все таки могъ прямо отважиться грянуть на Кіевъ. Или, какъ могъ онъ и подумать, чтобы Владыки сей *независимой Державы* могли согласиться, по его требованію, сойти съ престола?

«*И непріятная мысль сражаться съ единоземцами....*» Несносное предположеніе! Историіографъ вездѣ, на каждомъ шагу видитъ только дружины Варяговъ, которыхъ онъ предполагаетъ самыми искусными рубаками. Если интересъ Государства требовалъ завоеванія Кіева, то Олегъ долженствовалъ перерубить всѣхъ, предполагаемыхъ въ Кіевѣ, Варяговъ, ибо онъ самъ не былъ Варягомъ; второе, если же и былъ бы Варягомъ, то онъ, какъ Государь Русскаго народа, обязанъ былъ приступить къ сѣчѣ.... «*принудили его употребить хитрость*»; не изъ отчаянія ли? Впрочемъ, хорошее дѣло употреблять стратегію (военную хитрость) тамъ, гдѣ не возможетъ тактика и вся масса силъ.

«*Оставивъ назади войско, онъ съ юнымъ Игоремъ и съ немногими людьми приплылъ къ высокимъ берегамъ Днѣ-*

пра, гдѣ стоялъ древній Кіевъ....» просто сказать, приплылъ къ Кіеву. За чѣмъ ему брать съ собою въ опасность дитя?...» *Скрылъ вооруженныхъ ратниковъ въ ладіяхъ и велѣлъ объявить Государямъ* (не Императорамъ ли еще?) *Кіевскимъ, что Варяжскіе купцы, отправленные Княземъ Новгородскимъ въ Грецію (!), хотятъ видѣть ихъ, какъ друзей (!) и соотечественниковъ» (!!)»* Купцы—Императоровъ, какъ друзей и соотечественниковъ!! Неужели Олегъ имѣлъ столь мало этикету, чтобы могъ рѣшиться столь грубо объявлять Государямъ независимой Державы? Что онъ хотѣлъ тѣмъ сказать? Какъ могъ онъ подумать, чтобы мнимые Государи симъ крайне не оскорбились? Неужели Олегъ не зналъ, что купцы, если уже хотѣли видѣться съ Государями, должны были имъ представляться въ аудіенцъ-залѣ, или гдѣ бы то ни было? Могъ ли Олегъ повѣрить, что столь наглый вызовъ не возбудитъ въ Государяхъ подозрѣніе? Почему могъ онъ знать, что они, если бы даже унизились до неимовѣрнаго исполненія сего вызова, прибудутъ безъ всякой свиты? Откуда могъ онъ знать, что они, хотя бы даже и крошки честолюбія не имѣли, по отслушаніи подобнаго вызова, не пришлютъ своихъ приближенныхъ просить милыхъ гостей пожаловать къ себѣ, а именно прибудутъ сами потолковать съ купцами о погодѣ, о глубинѣ Днѣпра и о томъ, о семъ?

Что жъ Государи на сіе громогласное приглашеніе? «*Аскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана* (откуда это?) *спѣшили* (не стремглавъ ли? какъ же не спѣшить на вызовъ купцовъ!) «*на берегъ*» (но тутъ-то нашла коса на камень!). «*Воины Олеговы* (замѣтьте, скрытые на рѣкѣ въ ладіяхъ) «*въ одно мгновеніе (!) окружили ихъ*». (Бѣда! не спѣшить было!) «*Правитель*» (Олегъ) *сказалъ:* «*Вы не Князья, и не знаменитаго роду, но я Князь*». Какъ могъ онъ отважиться сказать сіе въ глаза Монархамъ независимой Малороссійской Италіи? «*И показавъ Игоря, примолвилъ:* «*вотъ сынъ Рюриковъ....*» Слишкомъ лаконически! Что могли понять подъ сими словами Государи независимой Державы?

Или къ какой стати Олегъ могъ сказать оныя въ отношеніи къ независимости Кіевлянъ? «*Симъ словомъ осужденные на казнь, Аскольдъ и Диръ....*» (бѣдные Государи! бѣдные ни Князья, ни бояре! бѣдные Касторъ и Поллуксъ!) «*подъ мечами убійцъ пали мертвые къ ногамъ Олеговымъ!...*» Слишкомъ близко!

»*Простота, свойственная нравамъ IX вѣка, дозволяетъ вѣрить (!), что мнимые купцы могли призвать къ себѣ такимъ образомъ Владѣтелей Кіевскихъ.*«

Вотъ и доказательство существованія сей трагедіи, а именно, что встарину дѣлали и говорили sans façons! т. е., подъ простотою нравовъ IX вѣка Исторіографъ подразумѣваетъ необразованность того времени. Но, думаю, что всякій просвѣщенный наблюдатель найдетъсіе понятіе несправедливымъ; ибо чѣмъ непросвѣщеннѣе Владѣтели, тѣмъ они повелительнѣе, тѣмъ грознѣе, и, напротивъ, чѣмъ просвѣщеннѣе, тѣмъ благосклоннѣе, тѣмъ снисходительнѣе: примѣръ тому живой, ибо кто не знаетъ, съ какимъ снисхожденіемъ и благоволеніемъ принимаютъ насъ нынѣшніе Монархи, коихъ пользуемся истинно отеческимъ попеченіемъ? Между тѣмъ какъ въ суровыя времена, дрожа, били челомъ объ землю. Непросвѣщенные народы болѣе и строже наблюдали церемоніи, чѣмъ нынче.« *Но самое общее варварство сихъ временъ не извиняетъ убійства жестокаго и коварнаго.*» Какое противурѣчіе! Выше Исторіографъ уличаетъ Олега въ трусости, или мягкосердечіи, а здѣсь не извиняетъ его жестокости и коварства! О герои! Вы и послѣ смерти подвержены судьбѣ и опасностямъ, и эта судьба ваша зависитъ отъ Исторіи, которая вольна васъ изобразить уродами, если вы были красивы, или Ангелами, если вы были чудовищами! О Исторія!

Удивленіе мое превышаетъ мѣру: какимъ образомъ могъ почтенный Карамзинъ, мужъ просвѣщенный и не безъ критическаго ума, принять на себя смастеренную вставщикомъ сказочку о приключеніяхъ двухъ вымышленныхъ человѣкъ, и прикрасить ее неимовѣрными выраженіями? Вѣдь это не

только для Исторіи, но и для романа не годится Оставляю слѣдующія строки о погребеніи нашихъ Кастора и Полукса, и о сооруженіи Олегомъ надъ гробомъ храма Св. Николая, и слѣдую шагамъ Олега.

»*Олегъ, обагренный кровію (!) невинныхъ Князей* (Князей! не бывшихъ ни Князьями, ни боярами!), *знаменитыхъ храбростію* (какою, и гдѣ, и когда?), *вошелъ какъ побѣдитель (!) въ городъ ихъ* (опять безъ сопротивленія!?), *и жители, устрашенные самымъ его злодѣяніемъ, и сильнымъ войскомъ, признали въ немъ* (т. е., въ убійцѣ своихъ Государей, врагѣ, неизвѣстномъ пришельцѣ, о коемъ они знали только по слуху изъ-за тридесятаго государства, не такъ ли?) *своего законнаго (!) Государя.*» Неужели Кіевляне не были привержены къ своимъ покойнымъ Государямъ, или къ ихъ наслѣдникамъ? Экіе неблагодарные Кіевляне!

«*Веселое мѣстоположеніе*», т. е., Кіева, пожалуй, если обширнѣйшіе сосновые лѣса, примыкающіе съ сей стороны къ Днѣпру, издали чернѣющіеся и наводящіе на душу скуку, безконечную голую плоскость съ Востока, и вообще песчаныя и неплодородныя окрестности сего града, можно назвать веселымъ мѣстоположеніемъ;«*судоходный Днѣпръ, удобность имѣть сообщеніе, торговлю или войну съ разными богатыми странами — съ Греческимъ Херсономъ, съ Козарскою Тавридою, съ Болгаріею, съ Константинополемъ....*» Какіе далекіе виды съ Кіевской горы!» *плѣнили Олега....*« Вотъ тутъ-то и задача! Къ чему эти прелестные и веселые виды? Чтобы плѣнить Олега? А это къ чему?Чтобы онъ остался въ Кіевѣ, »*и сей Князь сказалъ: да будетъ Кіевъ матерію городовъ Россійскихъ!*, сказалъ,—и сдѣлалось! Что же на это Новгородцы, коимъ именно нуженъ былъ Князь? Пожимали плечами?

Но почему Олегъ рѣшился провозгласить столицею Кіевъ, когда и Великій Новгородъ былъ не менѣе знаменитъ, и по положенію своему болѣе соотвѣтствовалъ мнимымъ видамъ Олега, чѣмъ Кіевъ; ибо сообщеніе его находилось съ цѣлымъ Сѣверомъ, и Западомъ, и Югомъ Европы, между тѣмъ,

какъ Кіевъ не имѣлъ такой выгоды, будучи далеко отъ морей? Неужели выгоды въ Кіевѣ могли быть больше выгодъ Новгородскихъ? Вѣдь по Днѣпру ѣздили и прежде, торговали съ Крымомъ, Болгаріею, Царьградомъ, и прежде; какую же представляютъ новость сіи виды, которые Историографъ возбуждаетъ въ головѣ Олега?

Но вотъ новое доказательство, почему Олегъ долженъ былъ остаться въ Малороссійской Италіи: »*Монархи народовъ образованныхъ желаютъ имѣть столицу среди государства, во первыхъ, для того, чтобъ лучше надзирать надъ общимъ его правленіемъ, а во вторыхъ и для своей безопасности: Олегъ всего болѣе думая о завоеваніяхъ, хотѣлъ жить на границѣ, чтобы тѣмъ скорѣе нападать на чужія земли....*« А развѣ изъ средины Государства нельзя нападать на чужія земли? А развѣ Кіевъ на границѣ Руси, коей предѣлами тогда были Карпаты и Висла? А развѣ Новгородъ въ срединѣ Россіи?

» *Онъ поручилъ дальнія области* (какія?) *вельможамъ; велѣлъ строить города* (какіе именно?), *или неподвижныя станы для войска, коему надлежало быть грозою и внѣшнихъ непріятелей, и внутреннихъ мятежниковъ; уставилъ также налоги сбиціе. Славяне, Кривичи и другіе народы* (Славяне и Кривичи были одинъ и тотъ же Русскій народъ; какіе же это другіе народы?) *должны были платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи....*« Что значитъ платить дань Варягамъ, служившимъ въ Россіи? Не толи, что давали жалованье? и проч.

» *Обширныя владѣнія Россійскія еще не имѣли твердой связи.*« По видимому такъ; но чьи владѣнія? не Олега ли? Если они его, то нельзя назвать ихъ владѣніями; ибо можно ли назвать независимыя области его владѣніями? Не лучше ли бы было сказать: обширныя Русскія области еще не имѣли общей связи между собою, т. е., еще не были соединены въ одно тѣло, въ одно цѣлое?

»*Ильменскіе Славяне* (по чему не сказать лучше: Новгородцы, или Новгородскіе Россіяне, или ихъ область?) *гра-*

ничили съ Весью, Весь съ Мерею, Меря съ Муромою и съ Кривичами....« Можно было и продолжать: Кривичи съ Полочанами, Полочане съ Дреговичами, Дреговичи съ Радимичами, сіи съ Вятичами, сіи съ.... и такъ дальше до самаго Тибета. Но неужели Исторіографъ подъ географическимъ положеніемъ разумѣетъ политическое? Что же выйдетъ, если скажешь: Московская Губернія граничитъ съ Тульскою, сія съ Калужскою, а сія съ Смоленскою?..» *Но сильные, отъ Россіянъ независимые, народы обитали между Новымъ городомъ и Кіевомъ.*» А развѣ эти независимые народы не были Россіяне? Почему не сказать лучше: не зависимыя отъ Олега, или отъ Новгорода, Русскія племена, области, а не народы? Вѣдь же помежду ихъ шествовалъ съ арміею храбрый Князь изъ Новгорода къ Кіеву, и Исторіографъ уже сказалъ однажды, что онъ все взялъ безъ сопротивленія? «*Храбрый Князь, давъ отдохнуть войску* (не отъ сильныхъ ли сраженій безъ сопротивленія?), *спыши въ къ берегамъ рѣки Припети,*« ибо до сихъ поръ онъ шествовалъ къ Кіеву прямымъ путемъ по однимъ берегамъ Днѣпра? «*Тамъ, среди лѣсовъ мрачныхъ, Древляне свирѣпые наслаждались вольностію* (какою?) *и встрѣтили его съ оружіемъ: но побѣда увѣнчала Олега, и сей народъ, богатый звѣрями* (говорится: страна богатая звѣрями, а не народъ, который можетъ быть богатъ только скотомъ) *обязался платить ему дань черными кунщами.*»

»*Въ слѣдующіе два года* (884 и 885) *Князь Россійскій овладѣлъ землю Днѣпровскихъ Сѣверянъ, и сосѣдственныхъ съ ними Радимичей* (опять завоеванія, а именно обратно, тѣмъ же путемъ, къ Новгороду!), *онъ побѣдилъ первыхъ* (т. е., Сѣверянъ, т. е., Черниговцевъ), *освободилъ ихъ отъ власти Козаровъ*, т. е., рубилъ ихъ, чтобы ихъ же освободить отъ ига Козаровъ), *и сказавъ: я врагъ имъ, а не вамъ*! (а все съ ними дрался, ибо ихъ побѣдилъ!), *удовольствовался самымъ легкимъ налогомъ*.... И эти Сѣверяне, сіи данники Козаръ, суть сильные независимые народы, лежащіе между Кіевомъ и Новгородомъ!... «*Вѣрность и доб-*

рое расположеніе Съверянъ были ему всего нужнѣе для безопаснаго сообщенія Южныхъ областей Россійскихъ съ Съверными. Радимичи, жители береговъ Сожскихъ, добровольно согласились (опять завоеваніе безъ сопротивленія!) *давать Россіянамъ* (а они были развѣ Евреи?) *тоже, что Козарамъ.*« А развѣ власть Козаръ подходила такъ далеко на Сѣверъ? Весьма жаль, что Исторіографъ заставляетъ Олега умствовать стратегически, и, вопреки сему, посылаетъ его дѣлать два раза то, что могъ сдѣлать разомъ, если онъ пылалъ желаніемъ завоевать Южно-Россійскую независимую Державу, если онъ чувствовалъ нужду въ поддержаніи сообщенія между сею Италіею и Новымгородомъ. Можно предположить за достовѣрное, что Олегъ, если онъ пылалъ страстію къ завоеваніямъ, прежде нежели отправился бы къ слыханной имъ Державѣ, старался бы распространить владычество Новагорода на сосѣдственныя ему области, на Кривичей, Радимичей и проч. Если же онъ взялъ свой маршрутъ прямо на Кіевъ, не касаясь «*сильныхъ и независимыхъ между Кіевомъ и Новгородомъ народовъ*», то послѣ занятія Кіева, какія «*дальнія области проучилъ онъ своимъ вельможамъ?*» Не тѣ ли, которыя онъ долженствовалъ впредь завоевать? Посему онъ поручилъ своимъ вельможамъ еще незавоеванныя области?

«*Такимъ образомъ, соединивъ цѣпію завоеваній Кіевъ съ Новымгородомъ, Олегъ уничтожилъ господство Хана Козарскаго въ Витебской и Черниговской Губерніяхъ.*» А развѣ Козаре владѣли Россіею до Чернигова, или даже до Витебска? По какой же причинѣ не владѣли они и Кіевомъ, или Могилевскою Губерніею, если владѣли Черниговымъ и Витебскомъ?

Дѣйствительно опредѣлить настоящіе предѣлы господства Болгаръ въ Россіи, по недостатку свидѣтельствъ, не возможно. По крайней мѣрѣ, можно полагать, что они, собственно, владѣли частью Россіи, самою южною, прилежащею къ Черному Морю; прочія же области Руси, имѣвшія своихъ Князей, точно такъ, какъ и во время Татаръ, и подлежащія

по положенію своему большому вліянію сего народа, принуждены были давать дань. Впрочемъ, трудно повѣрить, что-бы вся почти Россія до Витебска была на оброкѣ у Козаръ, ибо для этого уже недоставало рукъ Болгарамъ. Кромѣ сего и на текстъ лѣтописи не льзя полагаться; ибо не только она искажена вставщиками и переписчиками, но и самъ даже Несторъ могъ обчесться въ распространеніи Козарскихъ податей; и если распространитъ оную только до Кіева, или Чернигова, то уже довольно могущества для Козаръ.

Но какъ бы то ни было, Кіевъ я признаю податнымъ Болгаріи, равно какъ и прочія Русскія области, прилежавшія къ оной.

Но спрошу еще почтеннаго Исторіографа: что же отвѣчали Козаре Олегу за завладѣніе ихъ доходами? Опять ли удалось Олегу уничтожить господство Хана Козарскаго безъ сопротивленія?—Точно такъ, говоритъ онъ; ибо

»*Сей Ханъ* (Ханъ Владимиръ II?!) *дремалъ(!) кажется (!!), въ пріятностяхъ восточной роскоши и нѣги: изобиліе Тавриды, долговременная связь съ цвѣтущимъ Херсономъ и Константинополемъ, торговля и мирные искусства Греціи усыпали воинскій духъ въ Козарахъ*....« Какъ же не заснуть, когда процвѣтаетъ торговля и искусства, т. е., когда народная дѣятельность возвысилась! Какъ же не потрусить немножечко, когда народное богатство и образованность возвысились! Не отъ изобилія, не отъ роскоши, не отъ торговли падали народы, а отъ несогласія, отъ неподчиненности, отъ внутреннихъ раздоровъ.

Но довольно! Мы знаемъ уже изъ Исторіографа, что Козаре храброму Олегу не сопротивлялись по тому, что у нихъ было изобиліе, связь съ Херсономъ и Константинополемъ, процвѣтала торговля, зависѣвшая отъ владѣнія Русскими областями и проч!» *и могущество ихъ уже клонилось къ паденію!*« ибо они не хотѣли противиться Олегу, а противиться Олегу не по тому, что военныхъ ихъ операцій, движеній и дракъ съ Россіянами Несторъ не описалъ такъ хорошо, какъ описалъ подобное сопротивленіе въ 1812 почтенный нашъ Генералъ Бутурлинъ. Но дѣло для Нестора было давнее;

онъ не могъ дать яснаго объ немъ понятія и описанія, ибо не хотѣлъ лгать; ему довольно было сказать, что Олегъ прибылъ въ Южную Россію съ войскомъ, а послѣдствіемъ сего прихода было освобожденіе оной изъ подъ вліянія и подати Болгарамъ. — Но, какъ бы ни было, изъ дѣятельности Козаръ и изъ тогдашнихъ обстоятельствъ, само собою видно, что должна была произойти ужасная сѣча между Россіянами и Козарами.

»*Покоривъ Сѣверъ, Князь Россійскій обратилъ счастливое оружіе свое къ Югу*«. Развѣ Древляне, Кіевляне не на Югѣ Россіи, или Новгорода? И это значитъ Сѣверъ? И такъ «къ Югу» значитъ: еще далѣе къ Югу отъ Кіева? «*Въ лѣвую сторону отъ Днѣпра, на берегахъ Сулы, жили еще независимые отъ Россійской Державы Славяне.*» Какое выраженіе! Развѣ Россійская Держава не была Славянская? А Славянъ было великое множество по бѣлому свѣту: для чего же говорить столь общимъ, неопредѣленнымъ языкомъ? Почему бы не сказать лучше: на берегахъ Сулы жили независимые отъ Олега Россіяне, по жилищамъ своимъ называемые мѣстнымъ именемъ Суличей? «*единоплеменные съ Черниговцами*»; а развѣ кромѣ Россовъ были на Руси и другіе виды Славянъ? »*онъ завоевалъ страну ихъ, также Подольскую и Волынскую Губерніи, часть Херсонской и, можетъ быть, Галицію; ибо лѣтописецъ въ числѣ его подданныхъ именуетъ Дулѣбовъ, Тиверцевъ и Хорватовъ, тамъ* (понимай, гдѣ захочешь!) *обитавшихъ.*» Сколько независимыхъ народовъ! Вѣрно опять безъ сопротивленія? Отъ кого зависѣли сіи независимые отъ Россійской Державы народы? Почтенный Исторіографъ не сказалъ больше ничего, ибо и лѣтописецъ ему не сказалъ ничего, и довольно! (а межъ тѣмъ съ какою точностію сказано, что воевалъ Подольскую и Волынскую Губерніи и часть Херсонской! Какъ же это согласить съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ?). Возможно ли предположить, чтобы эти народы, прилежавшіе къ Черному морю, были независимыми, по крайней мѣрѣ отъ Козаръ, между тѣмъ какъ говорено уже было, будто Козаре брали подать въ Черниговѣ и Вытебскѣ?

Однако же, замѣтить надобно, что Лѣтописецъ не ведетъ Олега на Волынь (имя Волыни тогда было еще неизвѣстно), а ведетъ на Суличей, послѣ на Тиверцевъ, прилежавшихъ къ Черному морю, и такъ ведетъ его къ театру войны между Болгарами и Уграми; а это что значитъ? и Козаре спятъ? и они не дрались съ Россіянами по тому, что Несторъ не могъ изчислить всѣхъ военныхъ дѣйствій обѣихъ сторонъ, что не могъ знать, гдѣ и сколько было сраженій, сколько съ обѣихъ сторонъ ранено и убито? Неужели подумалъ бы Исторіографъ, что нѣкогда Чехи отъ сихъ же Козаръ отдѣлались добрымъ словомъ? Нежели онъ не знаетъ, сколько крови стоило Франкамъ Карла Великаго освобожденіе Словенъ Адріатической Украины отъ подобной же Козарской подати? Неужели онъ забылъ, сколь строго было наказано сими же Козарами возмущеніе Сербовъ и Кроатовъ? Отъ чего же въ лѣто 6406 или около 898 «*идоша Угре мимо Кіева горою*,» когда до сего времени дрались съ Болгарами? И почтенный Исторіографъ объ этомъ не знаетъ ничего? И, на мѣсто этого, пересадилъ, въ содѣйствіи съ Багрянородным, на Волгу какихъ-то Печенѣговъ, чтобы оттуда выгнать сихъ рубакъ-Мадяровъ!

ВОЙНА СЪ РОССІЯНАМИ.

Чтобы согласить сколько нибудь свидѣтельство Нестора съ Византійцами, здѣсь надлежитъ обратить вниманіе на несогласіе его лѣтосчисленія съ хронологіею Византійцевъ, съ коими онъ часто не согласенъ. Однако же, замѣтить надобно, что Византійцы не совсѣмъ аккуратны въ своемъ лѣточисліи; но оно еще несовершеннѣе у Нестора, гдѣ прошедшее смѣшано съ настоящимъ и будущимъ.

Почтенный Исторіографъ приложилъ годы къ своему тексту по Нестору, по коему Олегъ въ 884 и 5 имѣлъ дѣло, на обратномъ будто пути своихъ завоеваній отъ Кіева къ Новгороду, съ Черниговцами и Радимичами. Но долго ли онъ пробылъ въ сихъ странахъ, когда возвратился въ Кіевъ, дол-

го ли тамъ проживалъ, и, наконецъ, въ которомъ, году онъ отправился съ войскомъ изъ Кіева къ Черному морю, и долго ли тамъ пробылъ, не извѣстно. Не смотря на сіе, не могу ни коимъ образомъ принудить себя повѣрить лѣтосчислію Несторову, въ коемъ всѣ сіи дѣянія отнесены къ одному 6393 лѣту (885 году); ибо это было для него самое скользкое поприще, по толикой отдаленности времени и по неимѣнію письменныхъ источниковъ. Впрочемъ, всякъ пойметъ, что подъ этимъ однимъ годомъ заключены дѣянія многихъ послѣдующихъ лѣтъ. Олегъ правилъ Русскимъ народомъ около 33 лѣтъ; по чему же сбивать все подъ одинъ годъ? Само собою разумѣется, что дѣянія его раздѣлены были на цѣлое пространство сего времени, и такъ, чтобы нѣсколько удовлетворить и здравую Исторію и здравый разсудокъ, должно допустить, что первое десятилѣтіе своего правленія Олегъ прожилъ устроеніемъ дѣлъ на Сѣверѣ и распространеніемъ Новгородскихъ владѣній по всей окружности, не касаясь предѣловъ вліянія Болгаръ; ибо дѣйствительно были еще независимыя Русскія области между Козарскими и Новгородскими, какъ, на прим., области Смолянъ, Псковитянъ и другія, относящіяся, какъ можно полагать, къ Юго-Западной Россіи. Довольно могъ имѣть дѣла Олегъ для 10 или 12 лѣтъ.

Но за достовѣрное можно принять, что онъ до 890 года, или до возгорѣнія войны между Мадярами и Болгарами, отнюдь не касался Болгарской Россіи, и что дѣянія его на Югѣ Россіи производилъ съ сего времени; ибо они были важны и не столь удобоисполнимы, какъ думаетъ Исторіограф. И какъ послѣдствіемъ войны между Болгарами и Уграми было то, что сіи послѣдніе около 6406 лѣта, т. е., 898 года, «*а идоша мимо Кіева горою*», то я отношу дѣянія Олега съ Болгарами (Козарами) въ пустые у Нестора годы, а именно: въ лѣто 6398, 6399, 6400, 6401, 6402, 6403, 6404, 6405, т. е., съ 890 по 898 годъ; по сему второе десятилѣтіе его правленія занято было дѣлами освобожденія Южной Россіи отъ вліянія и, такъ сказать, господства Болгаръ. Симъ только образомъ можно приблизиться къ историче-

ской истинѣ; ибо симъ только образомъ является естественность событій и теченія дѣлъ.

И такъ, я изложилъ уже вкратцѣ тѣ внутреннія побудительныя пружины, которыя могли и долженствовали возбудить Русскій народъ къ возстанію. Нарушеніе отческой Вѣры, поруганіе оной, налоги и, какъ бываетъ, частныя обиды, вотъ тѣ сильныя причины, въ дѣйствіи коихъ никто не можетъ усомниться. Благопріятный случай къ вспышкѣ Россіянъ противъ Болгаръ подала война ихъ съ Уграми нынѣшней Новороссіи, слѣдствіе политики Византійскаго Двора.

Безсомнѣнно, что Угре, народъ самъ собою не многочисленный, одни не были въ состояніи противустать просвѣщенному побѣдителю Ѳракійской арміи. Это могли усмотрѣть и самые Греки; по сему Россіяне могли быть побуждены къ войнѣ и Уграми и Греками.

1) Естественно, что Угре, болѣе слабые, должны были обратиться, для испрошенія помощи, къ Русскимъ, коихъ не долго надобно было склонять къ тому. 2) Извѣстно, что Левъ Философъ, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, сталъ дѣлать торговыя спекуляціи, разумѣется, въ пользу своей Имперіи, и что слѣдствіемъ сего была война съ Болгаріей. Херсонскую его торговлю, на которую онъ тоже обратилъ вниманіе, слишкомъ ограничивали Крымскіе и Новоросійскіе Болгаре, отъ коихъ Херсонцы дорого покупали все, чѣмъ былъ богатъ Сѣверъ. Владѣнія Болгаръ въ Россіи кололи глаза корыстолюбивымъ Грекамъ, коимъ несравненно лучше и выгоднѣе казалось покупать все доброе изъ рукъ самыхъ Россіянъ, а не чрезъ руки Болгаръ. 3) Могущество Болгаріи слишкомъ опасно было для Византійцевъ, коихъ вѣчная стратегія была возмущать противъ своихъ непріятелей ихъ вассаловъ, или сосѣдовъ, чтобы, слагая съ своихъ плечь часть бремени, тѣмъ легче вести войну. Безпрерывные тому примѣры въ войнахъ ихъ съ Персіею и Болгаріею. По сему весьма походитъ на достовѣрность, что Генералъ Склиръ имѣлъ тайное порученіе возбудить къ войнѣ и Россіянъ, тайное, говорю, т. е., чтобы никто, кромѣ тѣхъ, кому слѣдовало, не зналъ о семъ;

ибо, во первыхъ, это было не совсѣмъ честное дѣло возбуждать противъ господъ зависящій отъ нихъ народъ; во вторыхъ, Болгаре, узнавъ объ этомъ, могли отмстить Грекамъ, возбудивши тѣхъ многочисленныхъ Болгаръ, кои жили по разнымъ областямъ Имперіи; а по причинѣ сей тайности и Историки объ этомъ мало знали. 4) Наконецъ, почему же бы и сами собою не могли возстать недовольные Россіяне, если возставали и прочіе Славянскіе народы?

Почему же раздраженный противъ Грековъ Король, среди полныхъ успѣховъ своего въ Имперіи оружія, такъ внезапно заключилъ миръ съ Императоромъ? Почему онъ,—даже первый,—чрезъ Командира Греческой эскадры, обратился къ Императору съ предложеніемъ мира и въ то самое время приступилъ къ дѣятельнымъ военнымъ приготовленіямъ и усиленію своихъ военныхъ силъ? Вѣдь явно видно, безъ всякихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, что съ Сѣвера большая угрожала ему опасность, которую, конечно, одни Угре (ибо и Болгаре были отличнѣйшіе рубаки) составить не могли. Конечно, Владимиру II было чего бояться; ибо мы оставили Россіянъ уже въ походѣ. Самые отдаленные изъ нихъ, Новгородцы, къ коимъ присоединились и Варги, и Чудь, выступили въ походъ прежде всѣхъ. Маршрутъ ихъ былъ прямо къ Черному морю, т. е., чрезъ Смоленскъ, гдѣ присоединились къ нимъ и Кривичи, ополченіе сего города и области; а оттуда-то по Днѣпру на Любечь и Кіевъ. Всѣ эти города они прошли, не находя непріятелей (что, по выраженію Карамзина, значитъ, взяли безъ сопротивленія).

Гдѣ же Россіяне встрѣтили непріятелей? Несторъ ясно говоритъ: «*и бѣ Олегъ обладая Поляны, и Древляны, и Сѣверяны, и Радимичи*» т. е., что Кіевляне, Волынцы и Черниговцы были на его сторонѣ; покорились ли ему добровольно, или вызвали на помощь, все равно. И такъ, во внутренней Россіи не было брани въ сіе время, ибо всѣ были за одно; стремленіе Россіянъ было продолжать путь отъ Кіева по Днѣпру къ Черному морю, къ жилищамъ Угровъ и къ театру войны. На берегахъ рѣки Сулы произошла первая сильная встрѣча съ непріятелемъ, начались сраженія и

продолжались по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, по рѣкамъ обоимъ Ингуламъ, посреди Угровъ, защищающихъ свои жилища, по Бугу и Пруту до самаго моря, въ странѣ, которая носила имя Тиверской. Объ этомъ, хотя весьма кратко и неопредѣлительно, но довольно ясно, выразился Несторъ, говоря: «*а съ Суличи и Тиверцы имѣяше рать*,» т. е., войну. Сего, однако, ненадобно, понимать буквально, то есть, будто война была съ одними жителями береговъ Сулы и Чернаго моря, жителями, которые, преимущественно при берегахъ сего послѣдняго, были уже самые Болгаре (Козаре), а только нужно разумѣть это такъ, что война была въ тѣхъ странахъ, и участниками въ ней принуждены были быть и самые жители тѣхъ странъ.

Долго ли продолжалась сія война, неизвѣстно; но какъ 1) съ Болгарами не льзя было раздѣлаться легко, если война ведена равными силами; 2) поелику изгнаніе Угровъ изъ ихъ жилищъ было слѣдствіемъ сей войны, и оно (если правильно показаніе Лѣтописца) случилось около 898 года, то можно полагать, что война продлилась около 5, или 6 лѣтъ; ибо, въ самомъ дѣлѣ, упорство съ обѣихъ сторонъ могло быть поддерживаемо, у Болгаръ, чтобы не лишиться своего добра въ Россіи, а у Россіянъ, чтобы достигнуть совершенной независимости Южной Россіи.

Почему же Несторъ не упоминаетъ о войнѣ именно съ Болгарами? Причина тому та, что Несторъ не зналъ хорошо политическаго отношенія Россіи временъ Олега, потому-то и не вездѣ ясно изложено имъ оно, какъ, на примѣръ, въ сказаніи о войнѣ съ *Суличи и Тиверцы*. Не смотря на сіе, онъ дѣйствительно говоритъ о войнѣ съ Болгарами, но только подъ другимъ именемъ, а именно съ Козарами, что есть, какъ мы видѣли уже, одно и то же.

Но почему Византійцы не упоминаютъ о войнѣ Владимира II съ Россіянами? Вмѣсто отвѣта спрошу: по чему сіи же самые Византійцы не упоминаютъ о войнахъ, бывшихъ въ Венгріи между Мадярами и Россіянами, между Мадярами и Чехами, и Нѣмцами, и Итальянцами? Почему они не описывали происшествій, случившихся между ихъ сосѣдями, не

не касавшихся до нихъ? Почему они и то, о чемъ упоминаютъ, замѣчаютъ слишкомъ коротко, неопредѣленно и весьма часто неправильно? Почему и о дѣлѣ Угровъ, которое, однако, нѣсколько и ихъ касалось, ибо они были ихъ союзниками, упомянули только въ нѣсколькихъ словахъ, какъ будто мимоходомъ?

Явно, что въ сіе время Россія была для нихъ Скиѳіею; они упомянули объ Уграхъ, бывшихъ ихъ союзникахъ, *ex officio*; но, что начатая Угро-Болгарская война превратилась въ жаркую Россо-Болгарскую, для нихъ было дѣло постороннее и не любопытное, и не слишкомъ извѣстное, какъ и всѣ прочія событія другихъ странъ Европы. Однако, да не подумаетъ кто либо, что это дѣло не было вовсе не извѣстно Цареградскому Правительству, или другимъ любопытнымъ; нѣтъ, оно было или пренебрежено и пропущено, какъ постороннее, или даже забыто граматѣями, которые въ послѣдующія времена схватились за перо описывать то и сё. Для чего имъ было описывать подробно событія страны отдаленной и имъ не слишкомъ знакомой, когда они, большею частію, пропускали и внутренія событія близкой имъ страны, Болгаріи, если оные не задирали ихъ за ребра? И потому ли не быть войнѣ между Россами и Болгарами, что именно не описали ее Греческіе монахи?

Наконецъ, послѣ тяжкой, долговременной войны воспослѣдовалъ миръ (ибо если дрались, то должны были и помириться), какъ полагать можно около 897, или 898 года. И такъ, здѣсь-то именно Олегъ выказался истиннымъ героемъ; ибо сражался съ Королемъ храбрымъ, прозорливымъ, образованнымъ. Кто не полюбопытствовалъ бы знать что либо о семъ мирномъ трактатѣ? Но Несторъ не упоминаетъ объ немъ ничего; а я не стану высасывать его изъ пальца. И такъ, ни веселость Кіевскаго мѣстоположенія, ни мнимые далекіе виды, ни цвѣты Тавриды побудили Олега и Сѣверныхъ Россіянъ къ войнѣ, но другая, гораздо благороднѣйшая причина: они поспѣшили дать руку помощи своимъ

Южнымъ соотечественникамъ, собратьямъ. Какой примѣръ любви къ отечеству для потомства! Вотъ гдѣ истинное величіе Олега!

Миръ съ россіянами и наступательный союзъ противъ греческой имперіи.

Не имѣя письменнаго трактата сего мира, не возможно собственно знать его условій или пунктовъ. Впрочемъ, условія сіи хотя были бы и написаны, то все таки оставались бы только условіями на бумагѣ, на словахъ; но другое дѣло будутъ явленія, происходившія соотвѣтственно симъ условіямъ; сіи явленія суть условія исполненныя, или условія на самомъ дѣлѣ.

Изъ сихъ-то политическихъ явленій, бывшихъ между Россіею и Болгарскою Державою, можно видѣть тѣ пункты договора, которые заключались въ письменномъ, или словесномъ трактатѣ Болгаріи съ Россіею, т. е., можно à peu près узнать, о чемъ говорили и что рѣшили между собою Олегъ и Владиміръ II. Не могу знать всѣхъ явленій, которыя были, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, но замѣчаю четыре весьма важныя:

1) *Освобожденіе большей части Южной Россіи изъ подъ зависимости Болгаріи.* Изъ сего видно, что Государи согласились на владѣніе земель *in statu quo*, т. е., владѣть по ту линію, по которую заняты были области войсками обѣихъ сторонъ. Не смотря на сіе, новыхъ границъ, утвержденныхъ симъ договоромъ, между обѣими Державами опредѣлить топографически нельзя. Однако же извѣстно, что страны, прилежащія къ Черному морю, посему и Тиверцы, или, по нынѣшнему, страна Донская, южная часть Екатеринославской Губерніи, Херсонская, Таврическая и Бессарабія остались за Болгарами. По сему возвращены къ отечественной независимой массѣ Черниговцы, Кіевляне, Суличи, Украина и большая часть Подольской области.

2) *Изгнаніе Угровъ изъ страны Ингульской и Лебедяни.* Это есть не менѣе важное событіе: по видимому, Ви-

димиръ не захотѣлъ оставить сего иноплеменнаго, иноязычнаго, иновѣрнаго, безпокойнаго и храбраго народа на землѣ собственныхъ владѣній. Для сего онъ имѣлъ дѣйствительно важныя причины; главнѣйшая же была та, чтобы обезопасить отъ нихъ Сѣверныя свои владѣнія; сверхъ сего онъ все таки помышлялъ что-то на Грековъ, по сему и принялъ мѣры, чтобы, въ случаѣ войны съ Греками, Угре не дали имъ снова помощи; наконецъ, сей народъ кочевой слишкомъ любилъ производить грабежи и опустошенія, коими, въ послѣдствіи, чрезъ цѣлое столѣтіе мучилъ онъ Европейцевъ. И такъ, дѣло въ томъ, что подобныхъ гостей, недавно туда зашедшихъ, болѣе держать у себя не захотѣлъ Владимиръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Угре принуждены были оставить берега Ингуловъ и Днѣпра; отправиться далѣе чрезъ земли, подчиненныя Болгаріи, не льзя было, ибо, по видимому, Король не пропустилъ ихъ чрезъ свои Донскія владѣнія; и такъ Олегъ принялъ ихъ, какъ кажется, при полной волѣ и независимости.

Потому-то около 898, *«идоша Угре мимо Кіева горою,»* гдѣ они пробыли нѣсколько времени подъ своими шатрами; а послѣ удалились къ Югу, чрезъ Волынь, въ Галицію, и приблизились къ горамъ Карпатскимъ, гдѣ вступили въ братство съ независимыми тамошними Русскими Князьями. Что они послѣ дѣлали, упомянемъ послѣ.

3) Имп. Леонъ Философъ былъ спекулянтъ; Владимиръ, сей Полугрекъ по Луитпранду, а Ханъ по Карамзину, былъ тоже спекулянтъ; а развѣ и великій правитель великаго и богатаго торговаго народа. Олегъ, то же не былъ спекулянтъ? Русское мореплаваніе по Черному морю съ сего времени не только не уменьшилось, но даже вдвое усилилось, такъ что живший почти въ сіе время Константинъ Багрянородный посвятилъ особую статью въ своихъ сочиненіяхъ Русской навигаціи, и самъ Несторъ называетъ Черное море Русскимъ моремъ, что мы увидимъ еще яснѣе ниже. Это ясно показываетъ, что были на Руси великіе Русскіе люди, которые это поддерживали, и что Олега долженъ былъ допустить къ сему въ полной свободѣ знаменитый Болгарскій

спекулянтъ. Явно по сему, что Черноморская Русская торговля входила въ договоръ нашихъ Грековъ.

4) Если Владимиръ заключилъ миръ съ Россіянами, то хотѣлъ быть другомъ ихъ; но ярость его на Грековъ все продолжалась, ибо, при угрожающей опасности съ Сѣвера, онъ принужденъ былъ пріостановить свое мщеніе внезапнымъ заключеніемъ мира; но подумаете ли, что онъ послѣ сего мира сдѣлался къ нимъ ласковѣе, тогда какъ они навлекли на него такую Сѣверную бурю? Какъ бы не такъ!

Владимиръ II-й или для того, чтобы дать нѣсколько отдохнуть народу своему, или потому, что Греки, желая отвратить войну, сохраняли условія свято, или по другимъ обстоятельствамъ, удерживавшимъ его послѣ заключенія сего мира, нѣсколько пробылъ въ тишинѣ; но скоро ненависть его вспыхнула, и около 905 года онъ грянулъ на Имперію.

Но по какой побудительной причинѣ въ сіе же самое время грянулъ на Имперію и Олегъ?? * Неужели веселыя

---

* О походѣ Олега на Царьградъ Шлецеръ, въ своемъ Нест., ч. II стр. 602, 603, пишетъ слѣдующее: *и что было поводомъ къ сему страшному ополченію? — Завоеватели не имѣютъ нужды ни въ какихъ причинахъ, ни въ какихъ расчетахъ.*» Неужели? — «*Дѣйствительно, и Исторія не показываетъ здѣсь никакой причины.*» Какой вздоръ! Ужели Шлецеръ думалъ, что война сія была дѣйствительно безъ причины, потому что Историки ее не замѣтили? Хилковъ (51) не говоритъ ничего. Ломоносовъ (149) дѣлаетъ оборотъ, будто «*Олегъ, полагая уже на Игоря надежду въ правленіи Государства, принялъ намѣреніе идти на Грековъ.*» Такъ же Татищевъ (18): «*Олегъ, оставя Игоря во управленіи....*» Стриттеръ (27): «*Олегъ, распространивъ Государство свое счастливыми завоеваніями, предпринялъ теперь, такъ какъ прежде того Аскольдъ и Диръ, привесть въ ужасъ сильный Константинополь.*» Одинъ только Елагинъ (195, 198) находитъ настоящую причину войны: «*Олегъ хотѣлъ отмстить Грекамъ за пораженіе союзника, Короля Болгарскаго.*» «*Но причина эта выдумана имъ,*» продолжаетъ Шлецеръ: «*гдѣ написано, чтобы Россы и Болгаре тогда уже были между собою знакомы, даже въ союзѣ?*» — И этотъ вопросъ могъ дѣлать Шлецеръ, который, выдавая себя за первѣйшаго критика, грубилъ всякому въ глаза за нето-

Кіевскія окрестности перестали ему улыбаться? Или онъ вознамѣрился съѣздить туда искать счастія и богатсва? Точно такъ, точно такъ, говоритъ почтенный Исторіографъ!!

»*Вѣроятно* (вѣроятно!), *что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со временъ Аскольда и Дира; вѣроятно* (вѣроятно!), *что Цари и Патріархи Греческіе старались умножать число Христіанъ въ Кіевѣ и вывести самаго Князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ, принимая, можетъ быть* (можеть быть!), *Священниковъ отъ Патріарха и дары отъ Императора, вѣрилъ болѣе всего мечу своему* (къ какой кстати это выраженіе?), *довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками* (а развѣ онъ заключилъ уже союзъ съ Греками? когда и противъ кого?) *и терпимостью Христіанства*«. Кто внушилъ ему терпимость?

Почему же онъ грянулъ на Царьградъ? «*Но Олегъ, наскучивъ тишиною, опасною для воинственой державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому, рѣшился воевать съ Имперіею*«!! Какое доказательство!

Олегъ напалъ на Константинополь, когда довольствовался мирнымъ союзомъ съ Греками! Онъ захотѣлъ напасть на Императора и разграбить его, когда принималъ отъ него дары! Онъ сталъ воевать съ Христіанами, когда кто-то (не

рическое суевѣріе! Россіяне и Болгаре не были знакомы! И это потому, что историки ему именно не сказали, что сіи народы были знакомы! Откуда же вырылъ онъ, что Варяги были Норманы, и гдѣ это написано?

«*Щерб. (201) выводитъ причину еще хуже.*» Какая же была настоящая причина Олегова ополченія? Ужели люди частные, или народы дѣлаютъ что либо безъ побудительной на то причины? Почему же самъ Шлецеръ не объясняетъ настоящей причины, если охуждаетъ объясненія прочихъ? Это ли дѣло критика — избѣгать изъясненій и доказательствъ, предлагать вопросъ и отвѣчать вздоромъ, по тому, что не изыскивалъ настоящей причины?

Историографъ ли?) внушилъ ему терпимость къ Христіанамъ! Онъ завелъ отечество въ войну, ибо тишина опасна для державы!!

Какія причины, какія пружины геройскихъ дѣяній, какіе аргументы! И все это по тому, что Несторъ болѣе былъ въ своей кельѣ богословомъ, чѣмъ тактикомъ, политикомъ, дипломатикомъ, что не могъ прислушаться къ разговору Олега и Владимира, что не выдумывалъ того, о чемъ не зналъ, чтобы пополнить свою лѣтопись!

Впрочемъ, какія бы ни были умствованія историковъ о побудительныхъ причинахъ къ войнѣ, достовѣрнѣе всего, что Олегъ навлекъ на себя враждебный духъ противъ Грековъ по увѣщаніямъ Короля Болгарскаго. Не стану распространяться о дальнѣйшемъ повѣтствованіи Историографа семъ, о походѣ Олега, ибо онъ пополнялъ Несторову лѣтопись вездѣ на свой ладъ.

ВОЙНА СЪ ГРЕКАМИ; РОССІЯНЕ ПОМОГАЮТЪ БОЛГАРАМЪ ВЪ ИХЪ ВОЙНѢ ПРОТИВЪ ИМПЕРІИ.

903—907.

Разошедшіеся во свояси друзья-Государи частью занимались домашнимъ управленіемъ и отдохновеніемъ, а частью готовились къ набору и исправленію утомленныхъ войною силъ, ибо должно было приступить къ новой войнѣ.

Олегъ, съ своей стороны, снарядилъ огромную морскую и сухопутную экспедицію. Не знаю, дѣйствительно ли флотъ его состоялъ изъ 2,000 судовъ. Правда, что не льзя ихъ назвать ни фрегатами, ни бригами; но если на каждомъ было, сверхъ матросовъ и сверхъ жизненнаго груза, еще 40 воиновъ, то видно, что сіи суда были порядочныя.

Однако, какъ бы то ни было, число слишкомъ увеличено; ибо нѣкогда и отличнѣйшіе моряки, Карѳагенцы, въ знаменитой Пуническской войнѣ, въ защиту своего отечества, не могли выставить болѣе 300 судовъ, и никакая держава въ послѣдствіи, какъ бы она ни была могущественна и просвѣщенна, не выставляла 80,000 тысячь войска на военныхъ судахъ.

Но скажете, можетъ быть, съ Исторіографомъ, что эти суда были *легкія*? Прошу извинить! Суда, назначаемыя въ море, должны были быть прочныя и довольно большей величины, а не такія, каковы, собственно, рѣчныя. Я увѣренъ, что Олегъ имѣлъ довольно и морскихъ судовъ; ибо даже если надлежало строить оныя именно для сего случая, то онъ имѣлъ у себя довольное количество Варяговъ. Сей классическій народъ Сѣвера, сіи Карѳагенцы древней Европы, коихъ корабли строеніемъ, величиною, удобствомъ превосходили Римскія (какъ мы увидимъ это яснѣе тогда, когда познакомимся покороче съ симъ знаменитымъ народомъ), былъ, кажется, правою рукою Олега при снаряженіи морской экспедиціи.

Впрочемъ, и Русскіе, давнишніе ученики и друзья Варяговъ, уже сами собою могли въ семъ дѣлѣ быть мастера.

Не смотря на сіе, по видимому, довольно выпустить въ море противъ Грековъ 300 судовъ, или прибавимъ къ нимъ на всякій случай, еще 300, или, даже довершимъ излишество, прибавимъ еще 200 судовъ, всего 800 судовъ. Куда же дѣвать, къ чему и откуда взять еще 1,200 судовъ?

Почтенный Исторіографъ очень буквально поступилъ, приявъ круглое число судовъ, по видимому, исковерканное вставщиками, или переписчиками Нестора.

Если обратить вниманіе на дѣянія Олеговы послѣ заключенія мира и союза съ Болгаріей, то можно за вѣрное полагать, что время до начатія новаго похода Олегъ употребилъ въ военныхъ приготовленіяхъ; ибо неужели снаряженіе столь огромнаго флота, образованіе сухопутной экспедиціи и всего нужнаго для столь отдаленнаго и опаснаго предпріятія, не стоили многаго времени, многихъ рукъ, старай и издержекъ? Что значитъ выраженіе Исторіографа: «*рѣшился воевать съ Имперіею, для того, чтобы доказать, что казна робкихъ принадлежитъ смѣлому?*» Рѣшился воевать какъ ни попало? Но если онъ увѣряетъ насъ въ геройской его силѣ, чему повѣрить можно, то для чего приписывать ему творческую?

Но дѣло въ томъ, что Олегъ, употребилъ значительное время и труды для приготовленія себя надлежащимъ образомъ къ столь опасному предпріятію, и чтобы быть готовымъ и ожидать разрыва между Болгаріею и Греціею.

Но *«надлежало ему побѣдить,»* говоритъ почтенный Исторіографъ, *«не только враговъ, но и природу, такими чрезвычайными усиліями, которыя могли бы устрашить самую дерзкую предпріимчивость нашего времени, и кажутся едва вѣроятными.»* А все же вѣрить надобно? *«Днѣпровскіе пороги и нынѣ мѣшаютъ судоходству, хотя стремленіе воды въ теченіе столѣтій и наконецъ искусство людей разрушили нѣкоторыя изъ сихъ преградъ каменныхъ: въ IX и X вѣкѣ* (почему не въ VIII, VII, VI и т. д. столѣтіяхъ?) *они долженствовали быть несравненно опасне. Первые Варяги* (откуда это взято?) *Кіевскіе осмѣлились пройти сквозь ихъ острыя скалы и кипящія волны съ 200 судовъ: Олегъ со флотомъ въ 10 разъ сильнѣйшимъ».*

«Но Олегъ велъ съ собою еще сухопутное, конное войско (почему же сія конница шла берегомъ?), *жители Бессарабіи и сильные Болгаре дружелюбно ли пропустили его? лѣтописецъ не говоритъ о томъ.»* Почему же не поговорилъ объ этомъ самъ Исторіографъ? Вѣдь это заслуживало величайшее его вниманіе; онъ же перескакиваетъ съ Олеговой конницей чрезъ Дунай и Болгарію въ окрестности Греческой столицы! Но довольно!

Дѣло въ томъ, что Олегъ, снарядивъ много судовъ, коихъ число именно не извѣстно, но которое, какъ долженствовавшее соотвѣтствовать величію предпріятія, было дѣйствительно велико, благополучно приготовился къ морскому своему походу. Между тѣмъ и сухопутное его войско (конница, говоритъ лѣтописецъ; почему же и не пѣхота?), отправилось сухимъ путемъ въ Болгарскіе предѣлы.

Поелику за достовѣрное можно положить, что Олегъ былъ гораздо лучшій морякъ, чѣмъ Владиміръ, и что во флотѣ его были тоже опытные Варяжскіе моряки, то видно, что Государи между собою условились, что Русскій начальствовалъ на морѣ, между тѣмъ какъ Владиміръ на сухомъ

пути. Вѣроятно, что пристанище, въ коемъ имѣлъ нужду Русскій флотъ, имѣлъ онъ во всѣхъ Болгарскихъ гаваняхъ. И эта уже одна необходимость пристанища Русскому флоту ясно показываетъ короткое знакомство Россіянъ и Болгаръ, и ихъ союзъ, въ коемъ такъ вздорливо сомнѣвался Шлецеръ.

Такъ какъ дѣло было взаимное, то можно предположить, что Болгарскія суда то же присоединились къ Русскому флоту, и думаю, что и Русское сухопутное войско вступило подъ главное распоряженіе Короля Болгарскаго.

Вопросъ: почему же Византійцы не упоминаютъ о нападеніи Россіянъ на Константинополь подъ предводительствомъ Олега? По чему они ни слова не говорятъ о столь знаменитомъ походѣ, который столько выхваляется въ Русскихъ лѣтописяхъ? — Потому, что Русскіе, коихъ собственное имя только что начинало въ сіе время входить въ употребленіе у Грековъ, въ сей войнѣ покрыты были, такъ сказать, именемъ Болгаръ; потому ли, что Греки вели войну собственно съ Болгаріей, или что, слишкомъ кратко описывая сію безславную для своего оружія войну, лѣнились упомянуть о Россахъ, или не знали, что, вмѣстѣ съ Болгарами, нападали на нихъ и Россы, или, наконецъ, полагали, что собственно Русскія военныя силы взялъ Владимиръ изъ своихъ Сѣверныхъ владѣній, съ береговъ Днѣстра, или Крыма По крайней мѣрѣ явно, что если бы Олегъ нападалъ на Константинополь одинъ, и во время мира Грековъ съ Болгарами, то Византійцы непремѣнно описали бы, хотя сколько нибудь, сіе событіе. Но въ семъ случаѣ нельзя повѣрить, чтобы Болгаре пропустили Россіянъ сквозь свои владѣнія; ибо, какъ Христіане и друзья Византійцевъ, они ни позволили бы Русскимъ язычникамъ нападать на Христіанъ и своихъ друзей. И это обстоятельство показываетъ ясно, что между Олегомъ и Владимиромъ былъ дѣйствительно наступательный союзъ противъ Грековъ.

И такъ, Императоръ, не находя возможности удержать Владимира въ мирѣ, и видя его военныя приготовленія, дѣятельно приступилъ къ защищенію себя. Всѣ войска Гре-

ціи, Θессаліи, Македоніи и Романіи поспѣшно выступили къ предѣламъ Болгаріи; самый даже гарнизомъ Цареграда, вмѣстѣ съ гвардіей подъ начальствомъ Меліи, долженъ былъ присоединиться къ арміи. Между тѣмъ дано повелѣніе всѣмъ корпусамъ, расположеннымъ по Азійскимъ областямъ, поспѣшить для переправы въ Европу и присоединенія къ Европейскимъ войскамъ. Тутъ-то, кажется, и была цѣль морскаго похода Олега, чтобы, высадкою на Анатольскіе берега, отвлечь отъ стремленія Азійскія военныя силы Имперіи и воспрепятствовать ихъ переправѣ въ Европу, между тѣмъ какъ Владимиръ долженствовалъ дѣйствовать противъ собравшейся уже арміи. Изъ сего видно, что война завязывалась самая жаркая.

Византійцы не описываютъ подробностей сей поносной для нихъ войны, и только съ огорченіемъ упоминаютъ о послѣднемъ главномъ, рѣшительномъ сраженіи; сія-то коротkость повѣствованія причинила то, что многіе изъ новѣйшихъ историковъ относятъ сію войну подъ одинъ годъ; но нѣтъ ни какой достаточной причины относить сію борьбу трехъ державъ къ одному опредѣленному времени. тѣмъ паче, что Византійцы повѣтствуютъ, большею частью, безъ означенія времени. Видно, что Несторъ не безъ причины относитъ сію войну съ 904 по 907 (смотри Нестора по Кенигсб. списку стр. 23). То же и по Византійцамъ она воспламенилась въ 904 году (Vid. Stritteri Bulgar. § 89).

И такъ, соотвѣтственно соображенію обстоятельствъ, за достовѣрное можно положить, что сія война продолжалась не менѣе трехъ лѣтъ, тѣмъ паче, что Болгаре часто вели войны съ Греками, какъ мы видѣли въ первой части, самыя долговременныя.

Конечно, любопытны были бы подробности сей войны и для всякаго Россіянина; къ несчастію, ни Византійцы, ни Несторъ не могутъ удовлетворить насъ, ибо ни отъ тѣхъ, ни отъ сего не льзя ожидать топографо-тактическаго описанія оныхъ. Гдѣ именно высадился Олегъ на берегъ, гдѣ сражался съ Греческими войсками, успѣлъ ли сдѣлать, сдѣлалъ ли, и какую именно сдѣлалъ, пользу и облегченіе Бол-

гарской наступательной арміи, не извѣстно; равно какъ и то, шелъ ли онъ прямо на Царьградъ (что есть обыкновенное выраженіе и Лѣтописца и Исторіографа, и значитъ собственно—начинать войну съ Греками, гдѣ бы то ни было, а не съ столицей), или прежде куда либо на другую точку. Впрочемъ, весьма было бы смѣшно предполагать, будто Олегъ, или кто либо другой, начиналъ войну съ Греками прямо съ столицы, т. е., съ самой трудной точки, и не менѣе было бы предосудительно для историка, при недостаткѣ оффиціальныхъ, настоящихъ извѣстій о сей войнѣ, придерживаться буквально выраженія Нестора: «*и много убійства сотвори Грекомъ около града;*» будто вся война началась и кончилась въ окрестностяхъ града сего.

Я здѣсь не знаю, что сказать, какъ только то, что Олегъ посовѣтовался съ своимъ другомъ, Володимиромъ Борисовичемъ, коему и топографія и статистика Имперіи, и тактика и практика Грековъ лично были извѣстны, на какой лучше всего пунктъ сего царства можно и должно было нападать, для облегченія теченія общаго дѣла, и что дѣло въ окрестностяхъ града Царева было послѣднее дѣйствіе той тревоги, въ которую ввели Льва Философа наши двоюродные братья Славяне.

Что же Исторіографъ? «*Вельлъ только заградить,*» говоритъ онъ, «*цѣпью гавань, и далъ волю (!!) Олегу раззорять Византійскія окрестности, жечь селенія, церкви, увеселительные домы Греческихъ вельможъ.*» Далъ волю! Какое выраженіе! Что же Азійскіе полки? Что жъ множество Анатольскихъ военныхъ поселеній (*themata* называемыхъ)? Ужели всѣ передохли отъ знойнаго лѣта? Или прыбили въ Константинополь, чтобы съ стѣнъ онаго похохотать надъ фейерверкомъ, который производили Олеговы воины, и Императоръ позволилъ имъ позабавить его витязей?

Да, точно такъ: «*Сіи Греки*», говоритъ Исторіографъ, *которые все еще именовались согражданами Сципіоновъ и Брутовъ, сидѣли въ стѣнахъ Константинополя и смотрѣли на ужасы опустошенія вокругъ столицы*» (!!).

Россіяне «*плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ, бросали живыхъ и мертвыхъ въ море*». Какой ужасъ! какая свирѣпость! и Исторіографъ, чтобы доказать геройство Россіянъ и Олега, заставляетъ Императора позволять имъ совершать подобное безчеловѣчіе! Ужели Исторіографъ думалъ, что сіи сограждане Сципіоновъ и Брутовъ, сіи потомки Леонидовъ, Епаминондовъ, Ѳемистокловъ, которые линились своей отчизны не по недостатку храбрости, но по недостатку благоразумія и согласія, еще при цвѣтущемъ состояніи военной дисциплины, были такими трусами, что не осмѣлились воспротивиться даже въ защиту, по крайней мѣрѣ, Божіихъ храмовъ? Но довольно; ясно, что стратегическія разсужденія Исторіографа столь же важны, какъ и историческія (жаль только, что онъ, желая восхвалять геройство Олега, отнимаетъ у него оное, и что на театрѣ войны сего добродѣтельнаго Государя, прославившаго имя Русское, заставляетъ играть болѣе роль какого либо искателя приключеній, чѣмъ полководца).

Однако, какъ бы то ни было, само собою слѣдуетъ, что дѣйствіе Олега противъ столицы было послѣднее, вѣнчательное, и произошло соотвѣтственно успѣхамъ и сухопутной силы, противъ которой Императоръ собралъ было всѣ свои военныя силы подъ управленіемъ двухъ Главнокомандующихъ Генераловъ, *Леона Катакала* и *Ѳеодосія Патрикія*, изъ коихъ послѣдній былъ верховнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ.

Владимиръ, съ своими Болгарами и союзными Россіянами, продолжалъ войну по Романіи и Македоніи, но съ какимъ успѣхомъ, не извѣстно; пока, наконецъ, рѣшительное общее сраженіе при Болгарофигѣ, въ Романіи, не кончило сію борьбу. Греки, какъ изъясняются самые Византійцы, большею частью изрублены, прочихъ же бѣгство было ужасное и гибельное. Въ числѣ убитыхъ на мѣстѣ находился, кромѣ множества Генераловъ, и самъ Главнокомандующій. Сѣча продолжалась даже до предмѣстьевъ столицы.

Не при этомъ ли случаѣ Россіяне плавали въ крови несчастныхъ, терзали плѣнниковъ и проч.? Поелику Болгаро-

фигъ (Βουλγαροφύγον, или лучше Βουλγαροφάγον, Болгароѣденье) названо мѣстечко при Анхіалѣ, гдѣ нѣкогда Греки побили на голову отрядъ войскъ Карана, и поелику оно стояло близь моря, то можно навѣрное полагать, что къ Владимиру, приготовлявшемуся дать общее сраженіе, Олегъ приплылъ на помощь, для того ли, чтобы защитить или прикрыть своимъ флотомъ положеніе союзныхъ войскъ со стороны моря и воспрепятствовать Греческому флоту высадить войска свои въ тылу союзной арміи, или чтобы самому высадить свое войско на берегъ для подкрѣпленія своей стороны, участвовать самому въ сраженіи, или чтобы сухопутному своему войску, въ случаѣ неудачи, дать убѣжище на корабли. Но какая бы то ни была причина, все таки видно, что Олегъ здѣсь именно высадилъ свои войска и именно участвовалъ въ сраженіи; ибо съ точки сраженія до самой столицы приморскіе берега заняты были Греческими резервами, и не льзя вообразить, чтобы Греки не воспротивились сильно Россіянамъ, если бы сіи гдѣ захотѣли сдѣлать вылазку на берегъ, и не льзя представить себѣ, какимъ образомъ могъ Олегъ свой флотъ перевести полями въ запертую гавань, и почему Греки симъ мнимымъ механическимъ работамъ не воспротивились и не допустили производить оныя. Сверхъ сего не льзя понять, какимъ образомъ Олегъ могъ воевать въ однѣхъ только окрестностяхъ столицы.

Все. что на сей разъ можетъ сказать благоразумная критика, есть то, что сѣча, которую описываетъ Несторъ, есть собственно Болгарофигское совершенное пораженіе Греческихъ войскъ и губительное ихъ преслѣдованіе до самой столицы. Тутъ-то побѣдители, или собственно, необузданные воины Русскіе и Болгарскіе, дали сами себѣ полную волю опустошать всю страну, или часть Романіи, прилежащую къ самой столицѣ; вотъ что значитъ «*и много убійства сотвориша около града Грекамъ.*»

Что дѣлали Владимиръ и Олегъ послѣ столь знаменитой побѣды? Историіографъ ссылается на лѣтопись, говоря: «*Олегъ поставилъ суда свои на колеса (!!), и силою од-*

ного вѣтра, на распущенныхъ парусахъ, сухимъ путемъ шелъ къ Константинополю (!!!)?» И Греки не нападали на Русскихъ, когда они тащили свой флотъ изъ моря на берегъ и сажали на повозки? Для чего спѣшилъ Олегъ къ Константинополю? «*Можетъ быть* (можетъ быть! a posse ad esse nulla conclusio), *онъ хотѣлъ сдѣлать тоже, что сдѣлалъ послѣ Магометъ II.*» Но какое различіе между обстоятельствами Олега и Магомета II! Когда сей послѣдній шелъ на Царьградъ, то все пространство Греческой Имперіи заключалось въ однѣхъ стѣнахъ Царьграда, вокругъ коего все была Турція, если исключить одну Морею. Магометъ, какъ человѣкъ проницательный, ученый (онъ родился отъ Гречанки изъ Царскаго дому, отмѣнно воспитанъ, зналъ, кромѣ своего и Арабскаго, отлично Греческій и Латинскій языки), нуждался въ сей послѣдней точкѣ Греческаго Царства; обстоятельства ему позволяли придвинуть къ стѣнамъ города болѣе 300,000 сухопутнаго осаднаго войска; но чтобы стѣснить городъ и со стороны моря, и не задерживаться цѣпью, которою заперта была гавань, онъ, дѣйствительно, изъ нужды, заставилъ нѣсколько легкихъ судовъ на бревнахъ перетащить въ гавань, дабы напасть на запертую въ ней Греческую эскадру, мѣшавшую совершенному окруженію и стѣсненію города. Однако, не смотря на то, что положеніе Грековъ было самое плачевное, сія трудная переправа по сушѣ нѣсколькихъ Турецкихъ судовъ стоила Туркамъ весьма много трудовъ и крови.

Какимъ же образомъ могъ Олегъ рѣшиться на осаду столь обширнаго и укрѣпленнаго и природою и искуствомъ города, не имѣя ни 300,000 воиновъ, ни стѣнобитныхъ машинъ, ни осадной артиллеріи, и не имѣя, какъ Магометъ имѣлъ, намѣренія сдѣлать изъ него свою столицу, и притомъ въ такое время, въ которое Имперія еще довольно процвѣтала? Къ чему же повторять, соглашаться и даже объяснять слова, отъ коихъ отказался бы даже и самъ Несторъ, и которыя, по видимому, вставлены переписчиками, читавшими Славянское сочиненіе о завоеваніи Магометомъ II Константинополя? Ужели Карамзинъ думалъ, что происше-

ствія должны были именно такъ случиться, какъ вздумается воображенію запоздалыхъ писцовъ? Ужели онъ не зналъ, что лѣтопись, прежде нежели внести ее въ текстъ сочиненія, должно прежде согласить съ здравымъ разсудкомъ и съ естественностью событія?

«*Греки, устрашенные симъ намѣреніемъ*».... И они знали уже и намѣренія Олега? Вотъ еще одно новое генеральное качество Олега, что онъ распубликовалъ свое намѣреніе. Какъ это онъ не умѣлъ хранить тайну? Но если уже такъ, почему бы не сказать лучше: *устрашенные* симъ движеніемъ Россіянъ, *спѣшили предложить Олегу миръ и дань*? Ну, это послѣдствіе Греческаго страха. «*Они выслали войску его съѣстные припасы и вино:*» осажденные высылали съѣстные припасы осаждающимъ! Какая нужда Олегу въ съѣстныхъ припасахъ, когда онъ волент былъ въ Греческой странѣ? Или Императоръ боялся, что Россіяне погибнутъ съ голоду, а сами себѣ ничего не найдутъ въ Греческихъ селахъ и монастыряхъ и нивахъ, изъ коихъ питался именно и Константинополь? Или развѣ Леонъ Философъ не боялся, что осада можетъ продолжиться, и что онъ останется безъ провіанту? Но: «*Князь отвергнулъ то и другое, боясь отравы;*» вотъ, наконецъ, гдѣ поставлена начальническая проницательность Олега! «*Ибо храбрый считаетъ малодушнаго коварнымъ!*« И вотъ доказательство! «*Если подозрѣніе Олегово, какъ говоритъ Несторъ, было справедливо, то не Россіянъ,*» напавшихъ на Грецію, по словамъ Историографа, чтобы доказать Императору, что казна его принадлежитъ имъ, плававшихъ, по его же словамъ, въ крови несчастныхъ, терзавшихъ плѣнниковъ, неистовствовавшихъ не только надъ живими, но и надъ мертвыми, опустошавшихъ все, пожегшихъ селенія и церкви, словомъ, коихъ «*жестокость и безчеловѣчіе Несторъ изображаетъ самыми черными красками,*» не тѣхъ *Россіянъ*, «*а Грековъ*, т. е., Императора Льва Философа, со всѣми его философами, которые посылали Олегу еще въ Кіевъ *дары*, старались *вывести самаго Князя изъ тьмы идолопоклонства*, которые были столь вѣжливы, что позволили благонравнымъ прищель-

цамъ истреблять все, и приплыть сухимъ путемъ подъ стѣны Царяграда, этихъ «*Грековъ должно назвать истинными варварами X вѣка (!!!).*»

Впрочемъ, высылали ли сограждане Сципіоновъ и Брутовъ съѣстные припасы и вино, и обѣщали ли прежде договора платить дань каждому Русскому матросу, этого Византійцы не знаютъ. Только полагаю, что наши герои преслѣдовали остатки Греческихъ войскъ до самой столицы; но намѣревались ли осаждать оную, не знаю; но знаю то, что осада сего города требовала большихъ приготовленій, силъ и усилій, и на сей разъ нашимъ витязямъ отказала надежда въ полномъ успѣхѣ осады, ибо какая польза могла быть Руси изъ сей осады? Правда, что Владимиръ что-то варилъ въ себѣ; по крайней мѣрѣ на сей разъ онъ оставилъ свое намѣреніе до будущаго, ибо или не надѣялся теперь на полный успѣхъ, или какія либо другія дѣла его вызывали. Достовѣрно только то, что осады Константинополя не было, хотя, впрочемъ, наши союзники и доскакали до самыхъ стѣнъ города, чтобы постращать сограждан Сципіоновъ и Брутовъ.

Наконецъ, Императоръ, хотя или не хотя, долженъ былъ просить перемирія для заключенія мира; Владимиръ согласился на миръ, ибо опять что-то случилось на сѣверо-западѣ его державы, а Олегу надобно было возвратиться на родину. Весьма любопытны были бы здѣсь условія мира; но, къ несчастію, Греческіе писатели и здѣсь, какъ и всегда, умалчиваютъ объ нихъ; а кажется, что они были весьма невыгодны для Имперіи, и что Владимиръ слишкомъ обрилъ ихъ Романскія и Македонскія владѣнія, какъ можно сіе видѣть изъ того, что Болгаре въ будущія войны въ два или три перехода очутились подъ стѣнами столицы. По видимому, Романія до Адріанополя и большая часть Македоніи, которыя отчасти уже издавна принадлежали Болгаріи, остались за Владимиромъ, и что возвращены Болгарской торговлѣ всѣ права и преимущества. Но также и Россіянамъ подтверждено полное торговое право въ гаваняхъ Имперіи.

Впрочемъ, не стану распространяться о мирныхъ условіяхъ Олега съ Греками; ибо они довольно имовѣрно сохранены Несторомъ. Но какимъ образомъ и откуда переписалъ сіи условія Несторъ? Поелику Владимиръ заключилъ свой договоръ съ Имперіей письменно, то, по видимому, и Олегъ захотѣлъ, или по совѣту Короля, или по собственному желанію, имѣть оный письменно. Въ семъ случаѣ, вѣроятно, писалъ оный для Россіянъ какой нибудь Болгарскій чиновникъ, экземпляръ для Олега, а другой для Короля, и, можетъ быть, для Императора. Несторъ могъ имѣть предъ собою или подлинникъ, или перепись онаго, или даже могъ перевести съ Греческаго подлинника; иначе не льзя вообразить, какимъ образомъ могъ бы онъ такъ точно припомнить всѣ пункты онаго изъ одного преданія.

И такъ, послѣ заключенія мира, наши витязи возвратились во свояси; Олегъ для памяти, поелику не умѣлъ еще писать буквами, перенятыми отъ Грековъ, повѣсилъ щитъ свой на *вратахъ града*.

Бѣдные, бѣдные Болгаре! Болгаре, которые еще и нынѣ наполняютъ Болгарію, Румелію, Македонію, часть Θессаліи, Албаніи, которые главную отрасль составляютъ населенности Европейской Турціи, которые гораздо многочисленнѣе Грековъ,— бѣдные Болгаре! не стало ихъ великаго Бояна, нѣтъ Карана, нѣтъ Владимира II; бѣдные старинные друзья, наставники и просвятители Руси! нѣтъ болѣе у нихъ Св. Кирилла, нѣтъ Св. Меѳодія! Кто призритъ бѣдныхъ сиротъ? До сихъ поръ (до 1828 г.) Европа оплакивала судьбу однихъ Грековъ; ни одна душа не вздохнула о Болгарахъ; всѣ ихъ забыли! Бѣдныя сироты, кто призритъ ихъ? На Бога надежда, да на Великаго Царя Русскаго и на его добрыхъ Россіянъ!!

Что случилось въ Россіи послѣ отбытія Олега, независимо отъ Болгарской Державы, собственно сюда не принадлежитъ; но принадлежитъ то, что близко касалось Болгаръ.

Я еще не далъ понять, сдѣлались ли всѣ Россіяне зависимыми отъ Олега, или нѣтъ. Впрочемъ, дѣйствительно и достовѣрно, что не всѣ; ибо эта слава предоставлена великимъ

его наслѣдникамъ, Святославу и Владимиру, какъ это ясно видно изъ лѣтописи. Война съ Болгарами была общая народная, до начатія коей Олегъ былъ однимъ только Княземъ отличной части Россіянъ, Новгородцевъ. Въ сей войнѣ участвовали и другіе Русскіе Князья; но исторія сохранила имя только одного Новгородскаго, какъ болѣе отважнаго, болѣе знаменитаго.

Онъ могъ дѣйствительно, и долженствовалъ, сдѣлаться народнымъ правителемъ освобожденной имъ Малороссіи, и Любечане и Смоляне, какъ сильнаго, могли признать его своимъ Княземъ, или даже самые ихъ Князья могли добровольно подвергнуться зависимости знаменитаго Олега. Несторъ ясно выразился, что Россіяне заключили договоръ съ Греками, по силѣ коего Греки должны были платить разнымъ Русскимъ городамъ, а именно: сперва *Кіеву*, оставшемуся за Олегомъ, потомъ Чернигову, Переяславлю, Полтеску, Ростову, Любечу и прочимъ городамъ, коими владѣли «*велиціи Князи, подъ Ольгомъ суще.*» И такъ видно, что столько же было Русскихъ Удѣльныхъ Княжествъ, между коими первенствовалъ Олегъ, первенствовали Новгородцы. Однако, дань городамъ показываетъ, что деньги шли не только въ казну Олега, но и къ прочимъ Князьямъ.

Впрочемъ, видно, что соединеніе началось въ срединѣ Русскаго княжества, и что силы его стали возрастать по мѣрѣ присоединенія къ сей массѣ и окружныхъ частей онаго. И такъ Олегъ былъ Великій Князь; однако, въ сей Россійскій союзъ, коего онъ былъ главою, не вошли было еще тогда нѣкоторыя Русскія области, и скажу, вопреки, *можетъ быть*, Исторіографу, что Древляне и вся Красная Русь, оканчивавшаяся, съ одной стороны, Карпатскими горами и владѣніями Болгарскими (Венгріею), а съ другой Вислою и Поляками (ибо Россіянъ и Поляковъ раздѣляла Висла), были отъ Олега совершенно независимы. Игорь имѣлъ съ Древлянами дѣло и убитъ.

И такъ въ сей-то Красно-Россіи нашли себѣ убѣжище наши Угре; не знаю, какъ они ужились тамъ съ Русскими, но знаю, что не долго жили.

РОССІЯНЕ СЪ УГРАМИ СКВОЗЬ КАРПАТЫ ВРЫВАЮТСЯ ВЪ ВЕНГРІЮ, НАПАДАЮТЪ НА БОЛГАРСКІЯ ВЛАДѢНІЯ И ПОСЕЛЯЮТСЯ ВЪ ОНЫХЪ ВМѢСТѢ. 903—955.

Венгерскіе лѣтописцы упоминаютъ, что Красно-Россы дружелюбно приняли Угровъ, побратались съ ними и частью съ ними отправились въ землю желанную. Страною, которую нынѣ называемъ Венгріею, тогда управляли два Болгарскіе Воеводы, или Господари, южною *Менумороп*ъ, а сѣверною *Золанъ*. Болгаре занимали, какъ народъ господствующій, средину сей страны; страною Словенскою, т. е., по ту сторону Дуная, правилъ Словенскій Князь, вассалъ Короля; другой же народъ не Славянскій, наполнявшій Трансильванію, *Волохи*, управлялся собственно своими Князьями, которые до сихъ поръ почти всегда были союзниками, или вассалами Болгаръ; Сѣверо-Западная же часть Венгріи, отъ Карпатовъ до Дуная и до Болгарской крѣпости *Будина* (Офена), принадлежала къ Великой Моравіи.

Трудно проникнуть въ настоящую побудительную причину, которая заставила не только Угровъ, послѣ кратковременнаго ихъ пребыванія у Руссовъ, но и значительную часть Россіянъ переселиться по ту сторону Карпатовъ. Въ какомъ отношеніи были Красно-Руссы, или, такъ называемая, Червень, или Червенская Русь, къ за-Карпатскимъ Болгарамъ, не извѣстно; изъ Лѣтописца знаемъ только то, что Болгаре, слывшіе еще Аварами (Абарами, Обрами), жестоко обходились съ женщинами у Дулебовъ, ибо «*насиліе имъ творяху*.» И такъ они проникли сквозь Карпаты, не только въ Моравію и Богемію, но и на Русь? —По видимому, такъ; ибо нѣтъ никакой достаточной причины, которая бы заставила сомнѣваться въ возможности сего дѣла. Но это было прежде; какъ же въ сіе время? Неизвѣстно.

Желали ли Угре отмстить Болгарамъ, или, можетъ быть, война Россіянъ съ Болгарами наэлектризировала и Красно-Россовъ противъ сего же народа, что усилить могли и самые Угре? При этомъ можно замѣтить и слѣдующее обстоя-

тельство: Моравское Государство, распространенное и утвержденное Святополкомъ Великимъ, было раздроблено между тремя его сыновьями и растерзано ихъ раздорами. Одинъ изъ нихъ бѣжалъ къ Арнульфу, Королю Нѣмецкому, который принялъ его сторону, чтобы вмѣшаться въ дѣло сей, опасной для себя, сосѣдницы (ибо Святополкъ колотилъ было до красна Арнульфа и его Нѣмцевъ). Онъ желалъ проглотить сію Славянскую страну (Моравію до Дуная и Богемію): случай былъ для него благопріятный напасть на враждовавшихъ между собою братьевъ, коимъ объявилъ войну, къ чему его побудило еще больше сей страны Греческое Вѣроисповѣданіе. Кажется, что Моравитяне, лишенные Великаго Князя-Полководца, Святополка, и ослабленные раздорами, требовали помощи у своихъ сосѣдей, союзниковъ и единовѣрцевъ Болгаръ. Это видно изъ того, что Арнульфъ обратился за помощію къ народамъ, по сю сторону Карпата находящимся, т. е., къ сосѣдямъ Болгаръ.

Но выступили ли Угре и Россіяне прямо противъ Болгаръ, или противъ Моравовъ, не извѣстно; ибо Арнульфъ вдругъ (въ 899 или 900 году) умеръ; по крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что Угре и Россіяне, перещедъ чрезъ Карпаты, напали на Болгаръ около 903 года.

Владимиръ, занятый въ сіе время войною, не могъ самъ поспѣшить сюда; между тѣмъ наши соединенные Угре и Россы напирали сильно на Болгарскаго Воеводу, Золана. Король, для поддержанія своего Воеводы, обратился къ Начальнику или Князю народа, живущаго въ горахъ Трансильваніи, для вспомоществованія Венгерскимъ Болгарамъ. Сей-то народъ Византійцы называютъ *Печенѣгами*. Мы оставимъ здѣсь Болгаръ въ войнѣ съ Уграми и съ независимыми Красно-Россами, и попытаемся нѣсколько познакомиться съ сими Печенѣгами въ ихъ отечествѣ, и проводить ихъ къ соединенію съ Болгарами. И такъ

ЧТО ЗА НАРОДЪ ПЕЧЕНѢГИ?

Вотъ загадочный вопросъ, на который нельзя вдругъ отвѣтить; ибо, въ противномъ случаѣ, и настоящая истина покажется вздоромъ, наипаче же въ такое время, когда историки увѣрены, что какъ разъ проникли и открыли происхожденіе сего народа.

Почтенный Исторіографъ вкратцѣ упомянулъ о похожденіяхъ сего народа отъ древнихъ временъ до настоящаго 915 года; и дѣйствительно, дѣло это было не трудное, ибо весьма легко было вообразить какой-то Татарскій хаосъ, изъ коего также легко было выводить одинъ за другимъ различные народы и различныя разсужденія касательно происхожденія множества историческихъ народовъ. Однако, при этой методѣ объясненій раждаются такіе вопросы, на которые никто не съумѣетъ отвѣтить.

Чтобы не быть принужденнымъ отвѣчать на сіи вопросы, я тоже избралъ легкую дорогу, но уже не изъ Татарскаго хаоса, а изъ историческаго.

Все, что знаемъ о древностяхъ Печенѣговъ, войнахъ ихъ съ Узами и Мазарами (Мадярами, т. е., Уграми), объ ихъ пришествіи и проч., первый описалъ вкратцѣ, какъ и объ Уграхъ, Константинъ Багрянородный. Когда онъ писалъ (около 950), тогда Печенѣги были жителями Трансильваніи, тамъ же жили они и въ сіе (905) военное время, въ которое долженствовали выйти въ походъ противъ стремящихся съ Сѣвера Угровъ и Россіянъ.

По Багрянородному Печенѣги выгнали Угровъ изъ ихъ жилищъ въ нынѣшнюю Венгрію; но мы видѣли изъ Византійцевъ же, что Угровъ выгнали не Печенѣги, а Болгаре. Не понятно, какимъ образомъ Угре, выгнанные, будто отъ Волги, Печенѣгами, нашли ихъ, при прибытіи своемъ въ Венгрію, уже въ Трансильваніи.

Повѣствованіе Багрянороднаго въ нѣсколькихъ словахъ о происхожденіи Печенѣговъ столь неопредѣленно, сбивчиво, что критику нельзя совершенно ничего вывести достовѣрнаго изъ словъ его.

Не понимаю, какъ могли Печенѣги отбить отъ Болгаръ Трансильванію, и не понимаю, почему ни одинъ современный Византіецъ не упомянулъ о предполагаемомъ пришествіи съ Волги особеннаго народа. Одинъ только Багрянородный предоставилъ себѣ думать о давнопрошедшихъ дѣлахъ сего народа, о коихъ современные писатели ничего не знали.

Полвѣка уже слишкомъ прошло, какъ Угре проживали въ Венгріи, въ сосѣдствѣ съ Печенѣгами, пока, наконецъ, они, еще не слишкомъ извѣстные, обратили на себя вниманіе Греческаго писателя, каковъ Багрянородный. *Угре* были, впрочемъ, извѣстны, какъ народъ, пришедшій съ Волги, изъ Татарскаго міра; это достовѣрно; и они еще и нынѣ существуютъ на лицо. Багрянородный къ понятію о пришествіи Угровъ съ Волги приплетаетъ, непонятнымъ образомъ, и пришествіе Печенѣговъ, ихъ сосѣдовъ, а сіе по тому, что не зналъ, коренные ли жители Трансильваніи Печенѣги, или пришлецы. Въ семъ незнаніи утвердило его: 1) то, что онъ не зналъ различія между Печенѣгами и Уграми, полагая, что они единоплеменные, склонился къ допущенію ихъ пришествія съ Волги; 2) молчаніе его предшественниковъ о семъ народѣ (ибо только съ Константина начали Греки нѣсколько освѣдомляться о народахъ, по сю сторону Дуная живших, какъ всякому извѣстно) произвело въ немъ понятіе о несуществованіи его прежде здѣсь; не зная настоящей причины прибытія Угровъ въ Венгрію, онъ заставляетъ Печенѣговъ идти на Волгу и гнать Угровъ передъ собою изъ Молдавіи и Трансильваніи въ Венгрію.

Посему понятіе о древнихъ жилищахъ Печенѣговъ на Волгѣ, или за Волгою, происходитъ единственно изъ добровольнаго мнѣнія Багрянороднаго, коему не льзя ввериться безъ всякой застѣнчивости, ибо онъ дѣйствительно могъ ошибиться въ своемъ сужденіи о настоящихъ древнихъ жилищахъ сего народа, да и не могъ знать настоящихъ происшествій, бывшихъ за долго до него, если бы даже Печенѣги дѣйствительно прибыли съ Волги. И такъ мнѣніе Константина о древнихъ жилищахъ Печенѣговъ есть одно толь-

ко предположеніе, котораго не льзя еще принимать за наличную истину. Когда историческій свѣтъ сталъ немного освѣщать Скиѳскій хаосъ, то Печенѣговъ видимъ въ первый разъ въ Трансильваніи; но съ какихъ поръ они тамъ и откуда зашли они туда, это покрыто тьмою. Это о началѣ Печенѣговъ.

И такъ достовѣрное историческое начало сего народа есть съ 900 года. Съ 915 до 949 они стали быть союзниками Грековъ противъ Болгаръ, съ 967 до 1036 они сражались съ Греками, сначала, для помощи Россіянамъ, потомъ сами собою; въ остальное время XI столѣтія они весьма часто и съ успѣхомъ чрезъ Дунай нападали на Греческую Имперію. Но въ послѣдней половинѣ сего столѣтія Греческіе писатели опять начали было вводить названіе Скиѳовъ, такъ что нападающихъ Печенѣговъ называли то Скиѳами, то Печенѣгами, пока, наконецъ, въ царствованіе Іоанна и Мануила Комниновъ, въ первой половинѣ XII столѣтія, совсѣмъ погасло имя Печенѣговъ, и на мѣсто сего имени возвращено старинное безтолковое названіе Скиѳовъ.

Теперь прошу отвѣтить: куда же дѣвались сіи сильные Печенѣги? — Ушли во свояси? Куда? Ни Русскіе, ни Венгерскіе, ни Греческіе, ни Иллирійскіе лѣтописцы не упоминаютъ объ переходѣ чрезъ ихъ земли въ какую либо другую страну. И такъ, всѣ потонули въ Дунаѣ? Или прибѣгнете къ метаморфозу и заставите ихъ превратиться въ другой народъ? Куда же дѣвался сей народъ, если современные и сосѣдніе ему Угре не исчезли, а еще и нынѣ существуютъ на лицо?

Но скоро долженствовало опять исчезнуть имя Скиѳовъ вмѣстѣ съ употреблявшими его писателями; и изъ сей появившейся не надолго Скиѳской мглы стали уже около 1160 года проявляться въ самыхъ же жилищахъ Печенѣговъ Волохи, но опять перестали, ибо жили въ покоѣ, пока, наконецъ, сильные перевороты между народами Юговосточной Европы не пошевелили ихъ въ ихъ собственныхъ нѣдрахъ и не привели въ извѣстность свѣту около 1394 года.

Сей народъ нынѣ занимаетъ довольно великое пространство, Восточную Венгрію; частью смѣшанъ онъ съ Карпато-Россами, Венграми, Сербами; частью же чистъ, наполняетъ Трансильванію, отчасти Буковину, Бессарабію и Херсонскую Губернію; населяетъ исключительно Молдавію и Валахію; обитаетъ въ Темешскомъ Банатѣ, и даже въ нѣкоторыхъ округахъ за Дунаемъ. Вездѣ на семъ пространствѣ одинъ и тотъ же народъ, одинъ и тотъ же языкъ; и этотъ народъ вдвое и втрое многочисленнѣе Угровъ (Венгровъ).

Теперь прошу отвѣтить, откуда взялся около 1394 года сей многочисленный народъ и на толикомъ уже пространствѣ, или даже при первомъ объ немъ упоминаніи Византійцевъ около 1160 года? Какой лѣтописецъ и какого народа упоминаетъ о пришествіи Волоховъ въ сію страну съ 1160 по 1394? Никто, никто не знаетъ о прибытіи сюда Волоховъ. Откуда взялись они? Выросли изъ земли вмѣстѣ съ травою? Или опять обратиться къ Овидіевымъ превращеніямъ и чудесамъ?

Ужели Волохи не должны быть столь же древни, какъ и Угре, ихъ сосѣди? Если Угре существовали около 900 года (не упоминаемъ уже о прежнихъ ихъ временахъ), то почему же и Волохи, вдвое и втрое многочисленнѣе ихъ, не должны существовать около сего 900 года? Гдѣ же они были около сего года? Или, поелику первая ихъ память находится въ нынѣшнихъ ихъ жилищахъ, а лѣтописцы всѣхъ народовъ не знаютъ ничего объ ихъ прибытіи сюда изъ другихъ странъ, то откуда они взялись здѣсь?

Но что и спрашивать, откуда взялись здѣсь, если никто на это отвѣтить не можетъ? Почему не сказать лучше, что Волохи суть старинные жители сей страны, и тѣмъ не уничтожить историческое затрудненіе? Почему не сказать что имя Волоховъ, до перваго о семъ имени извѣстія, покрыто было нашедшимъ Скиѳскимъ туманомъ?

Сверхъ сего не знаемъ, куда дѣвались сильные Печенѣги; знаемъ только, что они исчезли въ томъ самомъ Скиѳскомъ туманѣ, изъ коего начались Волохи. Но ужели перестали Печенѣги (ибо никто не говоритъ кругомъ, чтобы они куда

либо ушли) существовать, или превратились въ другой народъ по тому, что въ воображеніи Греческихъ писателей напла на сей народъ Скиѳская мгла? Ужели они не могли быть столь же долговѣчны. какъ и ихъ сосѣди, Угре?

Вотъ тѣ затрудненія, которыя возникаютъ въ томъ случаѣ, когда станемъ толковать свидѣтельства Византійцевъ буквально, и которыя невозможно превозмочь до тѣхъ поръ, пока будутъ принимать разныя имена одного и того же народа за имена различныхъ народовъ.

Какъ бы то ни было, достовѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что Волохи, какъ народъ, существовали въ Трансильваніи и до перваго извѣстія объ имени *Волоховъ*. Но ужели сей народъ не былъ извѣстенъ Византійцамъ? и если былъ, то подъ какимъ собственно именемъ? Само собою видно, что это тотъ же самый народъ. который Византійцы съ 1394 года называли Волохами. въ XIII и отчасти XII столѣтіи именовали Скиѳами, а въ XI и X Печенѣгами. Симъ-то образомъ увѣримся, что Печенѣги и нынѣ еще также существуютъ на лицо, какъ и сосѣди ихъ, Греки, и тѣмъ самымъ уничтожаются всѣ историческія затрудненія.

И такъ всѣ затрудненія произошли просто отъ недоумѣнія, произведеннаго различіемъ въ имени, а не въ самомъ дѣлѣ; но и это только по тому, что Византійцамъ угодно было называть сей народъ, однихъ Печенѣгами, другихъ Скиѳами, а другихъ опять Влахами. По сему, если Печенѣги исчезли безъ вѣсти, то исчезло сіе имя, а не народъ: изъ сего видно, что *Печенѣги* было имя просто нарицательное, а не собственное, народа, коему оно прикладываемо было Византійцами. И такъ вся бѣда отъ Византійцевъ.

По Византійцамъ, Угре напали на Болгарскія владѣнія; Болгарамъ должны были выступить на помощь, по желанію Короля, Владимира, и Печенѣги; посему Угре и Россіяне должны были драться въ Венгріи съ Болгарами и Печенѣгами около 904 года. Венгерскія Лѣтописи не знаютъ ничего о Печенѣгахъ; ибо онѣ называютъ ихъ Волохами, говоря, что Угре, при вшествіи въ Венгрію, должны были драться съ Болгарами и Волохами. Сіи же самыя лѣтописи и въ по-

слѣдствіи тотъ же народъ, который Византійцы называютъ Печенѣгами, именуютъ Волохами. Явно, что два названія, сами по себѣ нарицательныя, Печенѣги и Волохи, суть имена одного и того же народа.

Что же Русскія? «*Въ 6406 (898) лѣто идоша Угре мимо Кіева горою, и устремишеся чрезъ горы великія* (чрезъ Карпаты), *яже прозвашась горы Угорскія* (т е., въ послѣдствіи), *и почаша воевати на живущія ту Волохи и Словяне.*» Не ясно ли? Ужели скажете, что Несторъ ошибся?

Тансильванія не была обитаема ни Болгарами, ни Россіянами, ее окружавшими; посему въ ней обиталъ, и долженъ былъ обитать, особый отъ Болгаръ и Россіянъ народъ. Какой же былъ этотъ народъ? Въ новѣйшія времена онъ называется Волохами, а тамъ Скивами, а тамъ дальше Печенѣгами.

Мы видѣли неосновательность предположенія Константина о мнимомъ пришествіи Печенѣговъ съ Волги; сіе подтвердится еще ниже.

Но если, положимъ, Печенѣги прибыли около 900 года съ Волги, то какой народъ жилъ до пришествія ихъ въ Трансильваніи? Вѣдь ни Россы, ни Болгаре сію страну не населяли. Куда же дѣвался сей народъ? Опять затрудненіе.

Впрочемъ замѣтимъ, что нѣкоторые и изъ иностранныхъ лѣтописателей, пользовавшіеся Византійцами, внесли въ свои лѣтописи имя Печенѣговъ, подобно Нестору и нѣкоторымъ Венгерскимъ историкамъ, писавшимъ еще позже его.

Изъ обстоятельствъ сего времени видно, что одни только сильныя потрясенія и военныя событія, кругомъ Трансильваніи происходившія, тронули спокойныхъ жителей горъ Трансильванскихъ, вывели ихъ на театръ войны, и тѣмъ самымъ сдѣлали извѣстными міру подъ именемъ Печенѣговъ. До сего времени, въ продолженіи цѣлаго почти столѣтія, въ которое Болгаре были въ мирѣ съ Греками, сей народъ проживалъ спокойно въ своихъ жилищахъ, какъ полагать можно изъ молчанія лѣтописей.

Въ VIII столѣтіи, начиная съ половины VII (съ 641 года), Византійцы стали выводить изъ употребленія имя Аваровъ и вводить въ исторію народное Болгаръ. Но какъ Болгаре

сперва, большею частью, обитали по сю сторону Дуная, то часто съ ними смѣшиваемы были и жители Трансильваніи. Пространство отъ времени Великаго Бояна до 640 или 650 года есть эпоха неизвѣстности; раздоры ослабили силы Болгаръ, принужденныхъ по сему удерживаться отъ нападеній на Имперію.

Но въ тяжкую и долговременную войну Бояна съ Имперіей, подъ знаменами сего великаго Государя-Полководца, кромѣ Словенъ, сражался еще одинъ особый народъ, слывшій у Византійцевъ подъ именемъ Гепидовъ, жившихъ въ Трансильваніи Сіе имя вошло у Византійцевъ въ употребленіе около 400 года и продолжалось до начала VII (626) столѣтія, т. е., до смерти Бояна, или до того времени, въ которое имя Аваровъ должно было умереть вмѣстѣ съ Византійскими писателями Явно, что подобною же смертію преставились и Гепиды. Въ половинѣ VI столѣтія Іорнандъ описалъ границы Гепидіи, что есть то же, что Трансильванія.

Хотя, впрочемъ, Гепиды умерли вмѣстѣ съ Аварами, однако же политическое и физическое ихъ положеніе было причиною, что они гораздо позже опять воскресли, чѣмъ удалые и опасные Грекамъ сосѣди, Болгаре.

Но откуда взялись въ Трансильваніи и Дакіи сіи Гепиды около 390 года? Достовѣрно никто не знаетъ. Готскій писатель Іорнандъ, писавшій около 550 года и смѣшивающій давнопрошедшее съ настоящимъ, полагалъ, что Гепиды пришли въ Трансильванію тогда отъ Балтійскаго моря, а именно изъ Пруссіи. Но это просто догадка, и что подало Іорнанду къ ней поводъ, будемъ догадываться ниже.

Не зная собственно, откуда прибыли въ Дакію сіи Гепиды, болѣе не станемъ изслѣдовать жителей сей страны. Древніе ихъ называли Даками, по имени страны Дакіи, ими обитаемой; что за народъ были Даки, неизвѣстно, какъ и то, превращались ли когда либо сіи Даки въ Гепидовъ.

Впрочемъ, замѣтимъ, что и послѣ того, какъ исчезло имя Гепидовъ, Византійцы и Латинцы сосѣдовъ Болгаръ, а именно жителей Трансильваніи съ ея окрестностями называли нерѣдко Даками.

И такъ мы видѣли вкратцѣ, что въ Трансильваніи съ ея окрестностями, съ 390 до 1390, т е., до совершеннаго введенія имени Волоховъ, или до 1160, т. е., до перваго о нихъ упоминанія, разные народы къ великому удивленію здраваго разсудка и исторіи, показывались, неизвѣстно откуда, и исчезали, Богъ вѣсть куда Слѣды Готовъ, которые проживали нѣкогда въ Молдавіи и Валахіи, явны по всей Европѣ; не менѣе извѣстны переселенія и прочихъ народовъ. Но надъ сими народами Трансильваніи лежитъ большая задача; все выше упомянутое пространство времени покрыто занавѣсомъ неизвѣстности и сомнѣнія. Однако, сіи сомнѣнія и сіи затрудненія происходятъ только изъ буквальнаго толкованія лѣтописей, или лучше нарицательныхъ народныхъ именъ.

Я старался проникнуть сквозь сіе покрывало и слѣдовать за настоящею историческою нитью, начиная съ Волоховъ до начала Гепидовъ, пытался уничтожить непреоборимыя затрудненія, и, не смотря на сіе, болѣе не знаю, что придумать, какъ только взять сію нить за оба ея конца и натянуть вопросами; можетъ быть этимъ истина выкажется наружу. Прошу послушать!

Волохи.

Сей народъ подвергнутъ былъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ быть извѣстенъ подъ симъ именемъ, не слишкомъ выгодной участи, сдѣлавшись подданнымъ своихъ сосѣдей. (Это послѣдняя черта изъ его исторіи). Европейскіе ученые забыли объ немъ, ибо а) онъ отчасти достался было Туркамъ, а отчасти погребенъ, такъ сказать, въ горахъ Трансильваніи. Турецкія владѣнія въ Европѣ, нѣкоторымъ образомъ, были еще не открыты для Европейцевъ; всѣ статистическія свѣдѣнія о сей Державѣ заключались въ нѣсколькихъ анекдотахъ. Посему не удивительно, что Волохи подверглись почти той же неизвѣстности, которой и самые Болгаре.

б) Не могли быть извѣстными, ибо собственно не составляли особеннаго Государства. Однако, поелику Валахія со-

ставляла особенное Княжество, то вездѣ знали, что есть Валахія, и что живетъ въ ней особый народъ, называемый Волохами; но что это за народъ и къ какому классу рода человѣческаго принадлежитъ, не сказывали.

Впрочемъ, Венгерцы, ихъ сосѣди, умѣющіе говорить по Латыни, знали, что за народъ Волохи; ибо отчасти знали и ихъ языкъ. Въ этомъ они никакъ не сомнѣвались; ибо доказательство было живое, народъ на лицо, по сему дѣло было видно. Но, къ несчастію, не зная, что ученые толкователи Западной Европы станутъ опровергать и сомнѣваться (ибо они отыскали способъ историческихъ изысканій посредствомъ Овидіева превращенія, и усердные ихъ читатели дали имъ полную привиллегію пользоваться симъ способомъ пожизненно) въ ихъ мнѣніи, задержали дѣло сіе въ своей шляпѣ.

Посему-то стали появляться на Западѣ и Сѣверѣ свои особенныя толкованія и объясненія касательно сего народа.

в) Недостатокъ литтературы много способствовалъ къ неизвѣстности Волоховъ. Сей народъ, принявшій крещеніе и буквы изъ рукъ Болгаръ, до самаго начала XVIII столѣтія, не имѣлъ на своемъ языкѣ и богослуженія, которое отправлялось у него на Болгарскомъ. Придворнымъ и письменнымъ языкомъ въ Валахіи былъ нѣкогда Болгарскій, а въ Молдавіи Малороссійскій.

Въ исходѣ только прошедшаго столѣтія стали появляться Азбуки на Волошскомъ языкѣ, а въ XIX уже и Грамматики и Риторики, которыя, однако, по видимому не доходили до изыскателей, а сверхъ сего писаны такими варварскими буквами, что почтенные ученые изслѣдователи, при взглядѣ на нихъ, падали въ Нормандскій сплинъ; а унижаться до ихъ изученія не было сообразно съ ихъ ученымъ достоинствомъ, какъ нѣкогда случилось съ ученымъ изыскателемъ Русскаго происхожденія, Байеромъ. Посему-то непонятныя были для инородныхъ филологовъ-историковъ Волошскія слова, писанныя на примѣръ, пѧне, вмѣсто *pane*, хлѣбъ (panis Лат., il pane Итал.), мѧна, вмѣсто *mana*, рука (*manus* Л., *mano* Ит.) ѿрентѣ, вмѣсто *parente*, отецъ

(parens, parentes *Л.*, il parente Ит.), ѳемеѧ, вмѣсто *femeja* (femina, femella), жена.

Єѹам акѹт вмѣсто ham havut.
тѹій акѹт . . . . . ai havut.
Єлїѹ акѹт . . . . . au havut.
нойакем акѹт . . . Noi avem avut.
войакец акѹт . . . Voi avets avut.
Єѹлѹ абѹт . . . . . Jeu au avut. etc.

Или Щи Ромънеще? вмѣсто *Scis Pomanice*, т. е., умѣешь ли по Римски, т. е., по Волошски? и проч.

Не стану болѣе распространяться о Волошскомъ языкѣ; но то прибавлю, что подобное параллельное сравненіе Волошскаго языка съ Латинскимъ и Италіанскимъ можно сдѣлать во всемъ его пространствѣ, изъ коего можно будетъ увидѣть, какъ дважды два четыре, что сей языкъ оттуда же, откуда и Италіанскій, Французскій и Испанскій. Это есть такая истина, такая аксіома, которой никакое историческое умничанье не превозможетъ. Я оставляю тоже нѣкоторыя жалкія догадки, по которымъ какіе-то народы, Татарскіе ли, или Нѣмецкіе, должны были превратиться въ Волоховъ, или будто Волохи произошли изъ какой-то смѣси какихъ-то народовъ. И такъ дѣло въ томъ, что не обращали до сихъ поръ надлежащаго на сей народъ вниманія, изъ чего послѣдовали разные кривые толки. И не удивительно, что какой-то ученый путешественникъ недавняго времени говоритъ, что гдѣ-то въ Венгріи онъ наткнулся на народъ, который говоритъ почти на Латинскомъ языкѣ, и который называетъ себя Римлянами; что онъ разсказалъ за чудо, и что было переведено и возвѣщено Европѣ тоже за чудо. Но довольно!

РИМСКІЯ КОЛОНІИ.

Римляне избытокъ Италійской населенности выводили въ болѣе плодородныя завоеванныя области. Множество колоній Римскихъ было поселено во Франціи, Испаніи, Панноніи и Дакіи. Судьба Римской Имперіи извѣстна изъ Ис-

торіи; послѣ ея паденія сіи колоніи предоставлены были самимъ себѣ.

Никто еще не описывалъ исторіи сихъ колоній; говорятъ, что варвары завоевали тамъ и тамъ Римскія области, основали въ нихъ особенныя Государства, и — только! Еще не имѣемъ картины участи сихъ колоній подъ игомъ новыхъ своихъ завоевателей, или господъ. Древняя исторія Франціи и Испаніи весьма темна, весьма запутана.

По крайней мѣрѣ за достовѣрное можно сказать, что участь сихъ колоній во Франціи и Испаніи не была слишкомъ плачевная; ибо языкъ сихъ колоній удержалъ верхъ надъ языкомъ своихъ завоевателей, т. е., самъ колоніальный Италійскій народъ превозмогъ въ новомъ своемъ обществѣ своихъ господъ, но когда и какимъ образомъ, собственно сюда не принадлежитъ (это подлежитъ изслѣдованію, за которое до сихъ поръ лѣнились взяться Французы). И такъ нынѣшній Французскій языкъ есть собственно колоніальный Италіанскій, взявшій верхъ надъ языкомъ завоевателей Галліи, Вандаловъ (Франковъ); посему онъ употребляется въ высшихъ и среднихъ слояхъ общества во Франціи, межъ тѣмъ, какъ инородный языкъ прибитъ къ землѣ, и употребляется одною чернью, и самые Французы его не понимаютъ. Почему Италіанскіе сіи колонисты, взявшіе верхъ, приняли на себя имя Франковъ и стали именоваться по своему нарѣчію *français* (что собственно значитъ не Франкъ, а Франкскій), на сей разъ толковать было бы излишне.

Подобное же можно бы сказать и объ Испанцахъ, — но довольно; прибавлю только, что Римскія колоніи въ Галліи и Испаніи еще и нынѣ на лицо. Теперь скажемъ нѣчто о Римскихъ колоніяхъ на Востокѣ Европы.

Онѣ были поселены въ Паннониі, и больше еще въ Дакіи. Паннонією назвали Римляне гладкую часть Адріатической Украйны, т. е., Австрію, Венгрію по ту сторону Дуная, и отчасти страну, между Савою и Дравою. Дакіей называлась вся страна отъ Дуная до Чернаго моря. Она была раздѣлена, по мѣстоположенію, на трое: отъ Дуная до границы Трансильваніи называлась *Дакіею по сію сторону*

горъ (разумѣется Трансильванских), *Dacia Cisalpina*. Трансильванія называлась гористою или лѣсистою (она и нынѣ покрыта лѣсами), *Dacia Alpestris*, *Dacia Sylvana*, или просто *Sylvania*. Валахія съ частію Молдавіи называлась Дакіею *Загорскою*, или по ту сторону горъ, *Dacia Transalpina* или *Transylvania* (Загорье, или Залѣсье). Въ томъ смыслѣ еще и нынѣ Угре называютъ Валахію *Havas Alföld*, а Трансильванію *Erdély* (Хавашъ Олфёлдъ, Эрдейль, т. е., лѣсье). Не знаю, почему въ послѣдствіи Седмиградская земля названа Трансильваніею.

Какъ Дакія *Cisalpina* и *Transalpina* были самыя плодородныя области, какія только можно отыскать въ Европѣ, то Римляне въ особенности заводили въ оныхъ свои колоніи, хотя, впрочемъ, нѣкоторыя поселены были въ Трансильваніи. Исторія сихъ колоній не находится ни въ какой связи съ исторіей колоній во Франціи и Испаніи: она имѣетъ свои собственныя особыя обстоятельства; но она еще болѣе предана забвенію и пренебрежена, чѣмъ исторія Французскихъ и Испанскихъ поселенцевъ, и на мѣсто ея появились разныя историческія бредни и привидѣнія.

Теперь прошу отвѣтить: 1) куда дѣвались Римскія Панно-Дакійскія колоніи? 2) откуда взялись многочисленные братья Италіанцевъ, Волохи, около 1160 года?

Вотъ начало и конецъ, вотъ альфа и омега исторіи Панно-Дакійскихъ Римскихъ поселенцевъ. Но всему этому еще не конецъ: интересъ, какъ собственной исторіи сего народа, такъ и исторіи Болгарской и Россійской требуетъ, чтобы пройти весь алфавитъ оной, всѣ тѣ безтолковыя буквы, коими чертили иностранцы, но преимущественно Греки, выдуманное нарицательное имя сего народа.

Впрочемъ, должно упомянуть, что были дѣйствительно нѣкоторые азбучники, которые, толкуя буквально народныя имена, вытолковали изъ своихъ силлогизмовъ, будто нѣкогда Дайчеры, подъ именемъ Гепидовъ, ѣли жолуди въ горахъ Трансильваніи вмѣстѣ съ косточками, изъ коихъ будто бы въ послѣдствіи выросли Волохи, а другіе даже ду-

мают, что они пересажены съ береговъ Иртыша и Тобола и проч.

Но долго ли еще будутъ бредить о Татарщинѣ и Нѣметчинѣ на счетъ исторіи Панно-Дакійскихъ колоній? Долго ли еще будутъ играть воображеніемъ? Къ чему же и по какой причинѣ вводить въ Трансильванію съ ея окрестностями народы, которые мѣшаютъ объясненію происхожденія Волоховъ и судьбы Римскихъ колонистовъ сей страны? Къ чему вводить сюда особые народы, коихъ здѣсь помѣстить никакъ не льзя? Къ чему вводить народы Азійскіе только для того, чтобы послѣ заставить ихъ исчезнуть сверхъестественнымъ образомъ? Къ чему вводить народы, о пришествіи коихъ совершенно молчитъ здравая исторія? Къ чему предполагать существованіе особыхъ народовъ въ сей странѣ, кои не ознаменованы ни малѣйшимъ слѣдомъ своего бытія, кромѣ одного, или двухъ именъ, собственно имъ не принадлежавшихъ (о Гепидахъ говорю и Печенѣгахъ)? Ужели потомство 2828 года должно будетъ вѣрить, что имена: *Нѣмцы*, *Дайчеры*, *les Allemands*, *i Tedeschi*, *Germani* означали столько же особенныхъ народовъ, и что Германія, Богъ вѣсть какъ, помѣщала ихъ въ себѣ? Ужели мы должны слѣпо вѣрить, что въ Трансильваніи были нѣкогда особые народы: Дакіяне, Гепиды, Печенѣги, Волохи, изъ коихъ первыхъ не льзя объяснить ни начала, ни исхода, не льзя даже допустить ихъ особаго существованія ни по смыслу здравой исторіи, ни по здравому разсудку? Если Галло-Испанскія колоніи удержались на лицо и понынѣ, почему же не существовать и Панно-Дакійскому Римскому поселенному народу?

Да, онъ не погибъ, онъ существовалъ, онъ нынѣ на лицо; но надъ Исторіею его носится еще туманъ, который, кажется, болѣе произошелъ отъ историческихъ привидѣній, нежели чѣмъ отъ настоящаго стеченія обстоятельствъ.

Мнѣ излишне было бы здѣсь углубляться въ исторію сего народа; но какъ надо дѣло довершить, я схвачу нѣкоторыя главныя только черты оной.

Благоденствіе и безопасность Римскихъ колоній зависѣли отъ достаточности военныхъ силъ Римлянъ. Римскіе полки безпрерывно должны были стоять на ногахъ, чтобы прикрыть ихъ, во Франціи—отъ народовъ Германіи, а въ Паннониі и Дакіи — отъ народовъ обширной Россіи. Въ обѣихъ точкахъ постепенно усиливался натискъ варваровъ, коему худое хозяйничанье Римскихъ владыкъ, безпорядки, и упадокъ военныхъ силъ стали уступать постепенно. Вандалы, народъ могущественный, вышедшій изъ Балтійской Славоніи, или изъ, собственно такъ называемой, Вандаліи, ворвались въ Галлію и постепенно отняли ее у Римлянъ. За Вандалами хлынули туда же и другіе народы. Съ сего времени носились надъ Галліею одни только имена пришедшихъ народовъ, хотя, впрочемъ, въ ней остался и Латинскій колоніальный народъ, который и по сію пору скрывается подъ чужимъ именемъ.

Той же участи и Панно-Дакійскія колоніи должны были подвергнуться. Готы, народъ воинственный, уже около 250 года произвели сильный натискъ, который продолжался до Константина Великаго, коимъ сильно пораженные, удерживались они отъ набѣговъ почти 40 лѣтъ сряду; но опять около 367 года столь сильно напали на Восточную Имперію, что, поразивъ Римское войско на голову при Адріанополѣ (гдѣ убитъ и Императоръ Валентинъ въ 378 году), всю почти опустошили. Панно-Дакійскіе колонисты по сему предоставлены были на произволъ судьбы и съ сихъ поръ совершенно отрублены отъ Римской Имперіи.

Около сего времени, сильный Волжскій народъ, Болгаре, выдвинувшись изъ своихъ жилищъ, въ понятіи Европейскихъ писателей подъ именемъ Унновъ, или Гунновъ, приближались къ Югу Европы.

Готы, пораженные ими, не бывъ въ силахъ имъ противустать, искали убѣжища у Ѳеодосія Великаго, который большую часть своей Имперіи очистилъ было отъ нихъ. По дозволенію Императора, множество ихъ переселено было по ту сторону Дуная, въ Мизію и нѣкоторыя другія области.

Между тѣмъ Болгаре съ 377 года заняли всю Дакію, всю страну надъ-Дунайскую, гдѣ твердо укрѣпились; съ 400 года сей народъ, подъ предводительствомъ своего Государя, *Аттилы*, сдѣлался бичемъ Европы.

Готы, не могшіе ужиться съ Греками и преслѣдуемые въ самой Мизіи Болгарами, рѣшились удалиться изъ невыгоднаго своего положенія въ Италію, а на мѣсто ихъ стали переселяться за Дунай Болгаре.

Во всей Дакіи Болгаре заняли самыя выгодныя, плодородныя мѣста; кромѣ Новороссіи, которую уже имѣли за собою, Молдавію, Валахію и большую часть Венгріи; бѣдные Римляне-Колонисты, сдѣлавшись вѣнъ предѣловъ Римской Имперіи, при входѣ новыхъ завоевателей, принуждены были удалиться въ горы Трансильванскія, къ находящимся тамъ колонистамъ, какъ въ мѣсто безопасное. И такъ Трансильванскія колоніи проглотили Римскія изъ своихъ окрестностей, которыя заняты Болгарами.

Посему колонисты Римскіе были, нѣкоторымъ образомъ, погребены въ горахъ Дакіи; они слишкомъ удалены были отъ Италіи, между коею и ихъ жилищами находились съ сего времени другіе иноплеменные народы. Италія подпала подъ иго Геруловъ; Византійцы были уже Греки, а не Римляне; Колонисты, спасшіеся въ горы Трансильваніи, потеряли гражданскую образованность и сдѣлались почти неизвѣстными какъ Италійцамъ, такъ и иноплеменникамъ Византійцамъ.

Можетъ быть Италіанцы оставили бы намъ болѣе понятія о Трансильванскихъ ихъ единоплеменникахъ, но смутныя времена Италіи не позволяли ей имѣть своихъ писателей. Византійскіе Греки, которые для сихъ Колонистовъ сдѣлались чужеплеменными, хотя и писали кое-что, но все кратко и недостаточно. Впрочемъ, называя Болгаръ Гуннами, а послѣ Аварами, они отдѣляли отъ нихъ сей Трансильванскій не соплеменный имъ народъ. Они стали ихъ называть, не извѣстно, по какой причинѣ, *Гепидами*, или просто *Дакіянами*, *жителями Дакіи*. Весьма естественно, что писатели, предоставившіе себѣ право называть Болгаръ по

своему произволу, произвольно же назвали и Колонистовъ Гепидами, или просто Дакіянами.

Впрочемъ, какъ Болгаре обняли кругомъ Трансильванію, то и проникли въ оную; словомъ, Гепиды или Дакіяне подверглись власти Болгаръ, и служили также Аттилѣ, какъ и Бояну, по сему участь сихъ Гепидовъ была та же, какая и всѣхъ прочихъ, сосѣдственныхъ съ Болгарами, народовъ.

Само собою слѣдуетъ, что Византійцы, слишкомъ кратко описывавшіе дѣла Болгаръ-господъ, еще короче и мимоходомъ только касались Гепидовъ. Наконецъ, за перемѣною имени господъ Аваровъ на Болгаръ, послѣдовала перемѣна имени Гепидовъ на Печенѣгомъ, а сихъ послѣднихъ на Влаховъ

Грекъ Багрянородный не имѣлъ понятія о языкѣ сихъ Печенѣговъ, ибо для сего нужно было знать, по крайней мѣрѣ, Латинскій языкъ, котораго, однако, около 900 года, ни Греки, ни Болгаре не смыслили. Зная, по крайней мѣрѣ, что потомки Римскихъ колонистовъ, переименованные въ Гепидовъ и потомъ Печенѣговъ, различный отъ Болгаръ народъ, по побужденію своего любопытства, Багрянородный обратилъ на нихъ вниманіе и, желая объяснить начало сего народа, но не зная, откуда ихъ произвести, онъ рѣшился ихъ вывести изъ-за Меотическаго озера, обыкновеннаго, въ понятіи Византійцевъ, отечества безчисленныхъ народовъ; въ семъ предположеніи подкрѣпило его и дѣйствительное пришествіе Угровъ-Татаръ.

Къ пріисканію причины пришествія Угровъ подала ему поводъ война Болгаръ съ Уграми и Россіянами, что дѣйствительно и было настоящею причиною переселенія Угровъ. По видимому, Багрянородный, говоря, что Печенѣги съ Ингула выгнали Угровъ, принялъ Болгарскую войну за Печенѣжскую, т. е., Болгаръ за Печенѣговъ. Впрочемъ, могло статься, или даже надобно допустить, что при этомъ дѣлѣ были и Печенѣги; ибо само собою видно, что Владимиръ, приготовляясь къ истребленію, или выгнанію, Угровъ и къ борьбѣ съ страшнымъ ополченіемъ Россіянъ, далъ повелѣ-

ніе и жителямъ Трансильваніи, Печенѣгамъ, Волохамъ выступить въ походъ и присоединиться къ его арміи.

И такъ въ семъ отношеніи можно согласить выраженія Константина съ здравою исторіею, съ тою, однако, разницею, что Печенѣги шли съ юга къ сѣверу противъ Угровъ, а не съ сѣвера шли Волохи къ югу, какъ думалъ онъ и всѣ его послѣдователи. Изъ сего-то теперь видно яснѣе, почему Угре, гонимые мнимыми Печенѣгами, при входѣ въ Венгрію и Трансильванію, уже тамъ нашли сей народъ.

Вотъ что сказать можетъ благоразумная критика; прибавлю только то, что почтенный Исторіографъ нашъ слишкомъ невѣжливо поступилъ съ сими высокородными Римлянами, сродниками Марка Туллія Цицерона, поселивъ ихъ въ своей исторической картѣ, прилѣпленной къ первому тому Исторіи Государства Россійскаго, на голыхъ Астраханскихъ степяхъ. O tempora, o ores! что по Русски значитъ: *О времена, о историки!* m

И такъ *Гепиды*, и *Дакіяне*, и *Печенѣги* суть разныя имена, употребленныя разными писателями въ разныя времена, одного и того же народа, который намъ извѣстенъ нынѣ подъ именемъ Волоховъ, и который самъ себя называетъ *Руманами*, то есть, Римлянами; и сіи Румане суть потомки Римскихъ Панно-Дакійскихъ колонистовъ.

И такъ Волохи суть старинные вассалы Болгаръ, а послѣ Турковъ, и сосѣди Россіянъ, начиная съ 400 года, если не захотите начать еще дальше. Другаго народа здѣсь, до прибытія Угровъ, не было.

Скажу здѣсь еще въ скобкахъ, что, сообразившись съ сими понятіями, весьма страннымъ покажется повѣствованіе о Князѣ Игорѣ, во второмъ изданіи Исторіи Россійскаго Государства на 144, 145, 146 и 147 страницахъ; и, напротивъ, напитаннымъ начерченною на сихъ страницахъ картиною мои понятія то же покажутся странными. Впрочемъ, пусть имъ кажется, какъ имъ захочется, ибо всякъ можетъ смотрѣть только своими умственными глазами. Однако, если взглянуть немножечко сквозь чистыя очки, то дѣло кажется, не будетъ имъ казаться столь страннымъ, ибо было бы стран-

нѣе допустить выраженіе Исторіографа, что были Татарскіе народы: *Гунны*, *Угры*, *Болгары*, *Авары*, *Турки*, *Узы Печенѣги*, и что *всѣ они исчезли въ Европѣ, кромѣ Угровъ и Турковъ*, чѣмъ сказать по моему: что *Гунны* и *Авары* суть нарицательныя имена Болгаръ, *Турки*, *Угре* нарицательныя Мадяровъ, *Печенѣги* нарицательное *Волоховъ*, которые всѣ не исчезли, а существуютъ и до нынѣшняго дня.

Хотя Исторія Государства Россійскаго столь много пріобрѣла послѣдователей, я скажу, однако, твердо, что текстъ Карамзина не Алкоранъ, а я не Мусульманъ. Пусть Мусульмане вѣрятъ, чему захотятъ; они вольны сдѣлать не только Саратовскую Губернію, но и цѣлый міръ Татарщиною; но они составляютъ литтературную чернь. Почтетъ ли кто либо меня за дяура, или нѣтъ, все равно; по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ то, что рано, или поздно, надобно было замѣтить.

Изъ всего ясно видно, что судьба нашихъ Римлянъ-Печенѣговъ была та же, какая и за-Дунайскихъ Словенъ, коихъ обыкновенно Болгаре употребляли въ войнахъ, какъ вспомогательныя войска. Если и часть Россіянъ подвержена была вліянію Болгаріи, то Трансильванія была уже собственно ихъ владѣніемъ, и ея Волохи, служившіе Аттилѣ, Бояну и Карану, должны были служить и Владимиру II.

ОТРАЖЕНІЕ БОЛГАРАМИ И ВОЛОХАМИ УГРОВЪ И РОССІЯНЪ.

И такъ Печенѣги-Волохи, какъ мы видѣли выше, по повелѣнію Короля, поспѣшили на помощь Болгарскому Воеводѣ. Имъ удалось отразить нападеніе Угровъ и Россіянъ, но не удалось имъ выгнать ихъ обратно изъ-за горъ Карпатскихъ; ибо наши союзники, послѣ неудачнаго нападенія на Болгарскія владѣнія, обратились къ западу, въ растерзанную Великую Моравію, коей часть, составляющую нынѣ сѣверо-западную Венгрію, отняли навсегда отъ ея господъ, и на нѣкоторое время поселившись въ ней, тѣмъ самымъ сдѣлались непосредственными сосѣдами Панно-Дакійскихъ Болгарскихъ владѣній.

Поелику это только мимоходомъ упомянуто Византійцами и Западными историками, то не льзя получить яснаго понятіе, въ какомъ положеніи поселились здѣсь наши союзники. Удержавшись на первый случай въ Закарпатской странѣ, Угре, чтобы не быть еще разъ выгнанными, удерживались отъ нападеній на Болгарскія владѣнія; ихъ Князь (Vezér), Арпадъ, старался ужиться хорошо съ Воеводою Золаномъ, коему, сверхъ прочихъ подарковъ, говорятъ Венгерскія лѣтописи, прислалъ 12 Русскихъ дѣвушекъ, да нѣсколько отличныхъ лошадей; онѣ прибавляютъ даже, что Золанъ позволилъ имъ поселиться на порожнемъ участкѣ земли, принадлежащей Болгарамъ. Такимъ же образомъ уладились съ Воеводою и Россіяне.

ПЕРЕМѢНА ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВѢ ГРЕЧЕСКОМЪ И РОССІЙСКОМЪ 912; ПОСЛѢДСТВІЯ, ЕЮ ПРИЧИНЕННЫЯ; ВОЙНА СЪ ВИЗАНТІЙЦАМИ И СЪ РОССІЯНАМИ.

Между тѣмъ въ 911 году умеръ Императоръ Леонъ, а въ томъ же, или послѣдующемъ, и Олегъ, Князь Россійскій. Здѣсь наслѣдовалъ престолъ Игорь, а тамъ Александръ.

Владимиръ, сообразно политикѣ, или обыкновенію, отправилъ пословъ въ Константинополь для возобновленія трактата, заключеннаго съ покойнымъ Императоромъ. Александръ, голова болѣе смѣлая, но, по видимому, менѣе дальновидная, сталъ дѣлать какія-то, говорятъ, притязанія: отсюда произошли несогласія и неудовольствія между послами и Кабинетомъ. Настоящей причины сего явленія Византійцы не описываютъ, однако, признаются единодушно, что при Дворѣ весьма грубо приняли и отпустили Болгарскаго посланника. И такъ дѣло дошло до того, что опять съ обѣихъ сторонъ бросились острить сабли.

Между тѣмъ и перемѣна Русскаго Правительства должна была обратить на себя вниманіе Короля; ибо и здѣсь надлежало истребовать подтвержденія Олеговыхъ условій.

Но скажете, я выдумываю неслыханное Болгарское къ Игорю посольство? Если такъ, то покажите причины, по

коимъ не могло случиться подобное посольство; и ужели не очевидно, что появленіе сихъ новыхъ обстоятельствъ, сего новаго оборота дѣлъ, именно требовало посольства Владимира къ Игорю, посольства, говорю, даже и въ томъ случаѣ, если бы отнюдь не было никакой перемѣны въ Россійскомъ Правительствѣ, единственно для того, чтобы, при угрожающей съ Византійцами войнѣ, прикрѣпить Россіянъ къ себѣ, или не допустить Грекамъ соединиться съ ними?

Или скажете: Несторъ не упоминаетъ о семъ посольствѣ; *ergo* оно не существовало?

Ergo не существовало! Сколько, сколько было событій, о коихъ Несторъ не упомянулъ! Frgo всѣ они не существовали?

Что Несторъ упоминалъ о Болгарахъ, это собственно приплетено къ Русской исторіи, къ которой оно не принадлежитъ, ибо касается дѣлъ между Болгарами и Греками, да и это взято имъ изъ Византійцевъ. Почему же онъ, тогда, какъ обращалъ вниманіе на дѣла Болгаріи съ Греціей, не далъ понятія о сношеніяхъ сей же самой Болгаріи съ Россіею? Вѣдь выше всякаго сомнѣнія то, что сношеніе Россіи съ Болгаріей вдвое, или втрое сильнѣе и чаще, чѣмъ съ Греціею. Почему онъ объ этомъ не упомянулъ? Потому, что подобныя дѣла сего времени были для него давнопрошедшими; Болгарія давно уже не существовала; когда онъ писалъ, по сему предана забвенію, то есть, Несторъ собственно самъ собою мало, или почти ничего не зналъ объ отношеніяхъ Болгаріи къ Россіи; нѣкоторыми же свѣдѣніями о дѣлахъ Болгаръ съ Греціей и Уграми мы одолжены собственно Византійцамъ, изъ коихъ именно онъ и выписалъ оныя. И такъ не только одно сіе посольство, но если бы были и двадцать другихъ, съ многими другими событіями преданы молчанію. Тутъ-то и есть величайшій ущербъ въ Русской Лѣтописи: недостатокъ сей, однако, приписать должно не Нестору (ибо онъ сдѣлалъ, что могъ, лгать же не хотѣлъ), а судьбѣ просвѣщенія.

Не смотря на сіе, не нужно намъ будетъ отчаяться въ поясненіи Русской исторіи Если могущественные южные со-

сѣди Россіянъ слишкомъ были извѣстными подъ именемъ Болгаръ Византійцамъ; то подъ какимъ же именемъ производили они свое вліяніе на Россію? Мы видѣли Козаръ; но Несторъ отсталъ уже отъ сего имени. Что же значитъ нападеніе Печенѣговъ на Россію въ самомъ началѣ царствованія Игоря? Какъ объяснить себѣ обстоятельства: Болгаре и Печенѣги отражаютъ Угровъ и Россіянъ; за симъ слѣдуетъ разрывъ между Болгаріей и Греціей; Печенѣги нападаютъ на самую Россію? Ужели здѣсь подъ нападеніемъ Печенѣговъ на Россію не открываетя интересъ Болгаріи? Не подразумѣвается ли здѣсь подъ именемъ Печенѣговъ Болгарскій народъ, или, по крайней мѣрѣ, военныя силы Болгарской Державы? Ужели трудно согласить сіе, наипаче же при такихъ обстоятельствахъ, которыя, обыкновенно, влекутъ за собою новыя послѣдствія? Ужели не явно, что Владимиръ принужденъ былъ, если бы и не было перемѣны ни въ Русскомъ, ни въ Греческомъ Правительствѣ, объясниться съ Владыкою Россіянъ касательно нападенія Красно-Россовъ и Угровъ на Дакійскія его владѣнія, и посему самому отправить въ Кіевъ посольство? Что подало поводъ Печенѣгамъ къ нападенію на Россію? Не было ли сіе нападеніе Печенѣговъ послѣдствіемъ отраженія Россо-Угорскихъ силъ въ Венгріи? Весьма вѣроятно, что нападеніе Угро-Россовъ на предѣлы Болгаріи причинило неудовольствія и переговоры между Кіевомъ и Великимъ Переяславомъ, которые могли кончиться и, какъ видно изъ нападенія Печенѣговъ, кончились дѣйствительно разрывомъ между обоими Государствами. Къ сему способствовали перемѣна Кіевскаго Правительства и новый оборотъ политическихъ дѣлъ на Югѣ. Само собою разумѣется, что у Олега своя была голова, а у Игоря своя, и въ самомъ этомъ понятіи заключается доказательство того, что духъ Кіевскаго совѣта могъ взять другое направленіе.

Между тѣмъ въ Царьградѣ случилось несчастіе. Императоръ Александръ, вставъ отъ послѣобѣденнаго сна, сошелъ на Дворцовый дворъ, гдѣ обыкновенно играли въ балонъ. Отъ сильнаго движенія слишкомъ разгорячившись, напился

холоднаго питья, какъ вдругъ сталъ харкать кровью, и вскорѣ отправился на тотъ свѣтъ, 912, оставя Государство и войну на шею малолѣтнаго сына своего предшественика и брата, Константина Львовича, иначе Багрянороднаго.

Пока семилѣтній Константинъ дойдетъ до совершеннолѣтія, до тѣхъ поръ, подъ предсѣдательствомъ Патріарха, по волѣ умирающаго Александра, составленъ опекунскій Комитетъ изъ семи Сенаторовъ для управленія Государствомъ за малолѣтнаго Государя, и въ числѣ ихъ былъ командиръ гвардіи и прочихъ войскъ въ столицѣ, *Константинъ Дука.*

Положеніе Византійцевъ, на сей разъ не слишкомъ выгодное, еще болѣе обременено было раздоромъ между самыми опекунами. Образовавшіяся двѣ партіи, изъ коихъ въ одной былъ и Патріархъ, а въ другой Дука, довели дѣло до явнаго возмущенія, въ коемъ убитъ и самъ Дука; а многіе другіе казнены, даже нѣкоторые и изъ Сенаторовъ испытали ярость опекуновъ.

Въ сіе время Болгарская армія уже была въ походѣ и вступила въ предѣлы Имперіи; квартира Владимира была при арміи.

Какъ же кончилось дѣло Болгарій съ Россіянами? По видимому, Король, приступая къ рѣшительной войнѣ съ Византійцами, сладился съ Игоремъ, заключивъ съ нимъ трактатъ на пять лѣтъ, и его войска, нашедшія на Русь (Болгаре и Печенѣги), пройдоша назадъ къ Дунаю. По крайней мѣрѣ такъ знаемъ сіе изъ Нестора; но не льзя рѣшить, было ли сіе нападеніе открытою и рѣшительною войною, или только началомъ оной, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ миръ. Впрочемъ, какъ Несторъ заключаетъ миръ съ ними около 914 года, то можно предположить, что дѣло съ Печенѣгами продолжалось, по крайней мѣрѣ, два года, 913 и 914-й, вспыхнуло же, по видимому, съ 912 года, въ которомъ Игорь принялъ на себя правленіе.

Однако, могло статься и то, что Несторъ обчелся однимъ годомъ, и дѣло кончено въ 913 году; можетъ быть еще и то, что онъ подъ 914 годомъ заключилъ дѣянія 912, 913 и 914-го годовъ. Но, какъ бы то ни было, достовѣрно то, что

важныя политическія событія въ Россіи, Болгаріи и Греціи, какъ мы видѣли, довели Россію и Болгарію до начатія враждебныхъ дѣйствій, впрочемъ, вскорѣ, потушенныхъ, поелику силы Болгаріи отвлекаемы были въ другую сторону возникшею войною.

Поелику Владимиръ вступилъ въ походъ только въ Августѣ мѣсяцѣ 913 года, то можно предположить, что миръ съ Игоремъ онъ заключилъ осенью сего же года, въ слѣдствіе чего и его военныя силы обратились назадъ въ томъ же году, или даже зимою 914-го.

Впрочемъ, какъ вражда Болгаріи съ Греціею возникла еще въ 911 году, то видно, что Короля удержали отъ рѣшительнаго похода на Царьградъ дѣла съ Игоремъ. Въ чемъ состоялъ трактатъ Владимира, не извѣстно,—въ подтвержденіи ли Олегова и прежнихъ условій, въ томъ ли, чтобы Россіяне были неутральны въ сей войнѣ Болгаріи съ Имперіею, или еще въ чемъ либо другомъ.

Обезпечивъ сѣверныя свои владѣнія, Владимиръ, съ многочисленною арміею, въ Августѣ мѣсяцѣ, прибылъ подъ стѣны столицы. Предпринимая осаду оной, онъ приступилъ къ осаднымъ работамъ, которыя производимы были успѣшно отъ *Золотыхъ Дверей* до самой *Влахерны*.

Устрашенные Греки, только что вошедшіе въ себя отъ внутреннихъ интригъ, на сей разъ не помышляли о войнѣ. Опекунскій Комитетъ, который лучше любилъ приказывать въ мирѣ, чѣмъ командовать полками, постарался всячески избавиться отъ сей Болгарской напасти; но, чтобы отодвинуть тяжелыя стѣнобитныя непріятельскія машины, надлежало обѣщать золотыя горы чрезъ посланныхъ въ лагерь Короля депутатовъ.

Король, осмотрѣвши хорошо городскія укрѣпленія, удостовѣрился, что городъ защищенъ многочисленнымъ гарнизономъ, и предвидѣлъ трудности и ненадежность успѣха, а потому и оказалъ снисхожденіе къ предложеніямъ Греческихъ депутатовъ; и такъ приступлено къ переговорамъ.

Владимиръ, пріостановивъ осадныя работы, квартиру свою перенесъ въ загородный увеселительный Императорскій

Дворецъ *Эвдомъ* (Hebdomus). Въ городъ же отправилъ Воеводу Ѳеодора съ двумя своими молодыми сыновьями и значительною свитою. У Влахернской заставы встрѣтили гостей молодой Императоръ, *Константинъ Багрянородный* (тогда девятилѣтній), Президентъ Правительственнаго Комитета, Патріархъ *Николай*, Генералы (Magistri militiae), *Стефанъ* и *Іоаннъ*, и проч.

Сыновья Болгарскаго Короля отправились вмѣстѣ съ Императоромъ, въ сопровожденіи Императорской и Болгарской свиты, въ городъ, гдѣ во Дворцѣ богато угощены и одарены Императоромъ. Патріархъ же съ нужными сочленами своими отправился, послѣ переговоровъ съ Воеводою, въ главную квартиру Короля.

Владимиръ весьма благосклонно принялъ сего Первосвященника, что Византійскіе лѣтописцы почли за великую честь въ подобныхъ обстоятельствахъ; ибо не преминули замѣтить, что Король поклонился Патріарху (ipse Symeon caput inflexit), и что Патріархъ, въ свою очередь, снявъ съ себя корону, возложилъ оную на главу Короля; и это, со стороны Патріарха, была великая вѣжливость, ибо Патріархи возлагали корону только на главу однихъ Императоровъ, межъ тѣмъ какъ Кесари просто провозглашаемы были въ сіе достоинство Императорами. Кажется, что Патріархъ симъ поступкомъ признавалъ право Короля на титулъ *Августѣйшаго*; впрочемъ, могло это происходить и просто отъ одного намѣренія польстить самолюбію Короля.

За симъ первымъ привѣтствіемъ Патріархъ произнесъ къ Королю длинную, убѣдительную рѣчь, и, чтобы придать ей болѣе силы и вѣсу, надбавилъ тяжеловѣсные подарки

Составился ли миръ и подписанъ ли онъ, не извѣстно; одни говорятъ, что *pacis conditionibus compositis*, утвердивъ условія мира, разошлись; другіе же полагаютъ, что миръ не былъ совершенъ, ибо Король требовалъ невозможнаго; и это вѣроятнѣе, потому что война и въ послѣдствіи продолжалась. По видимому, Греки здѣсь испросили на нѣкоторое время перемиріе; по тому-то и отступили Болгарскія войска отъ города.

Хотя съ схваченныхъ за шею Византійцевъ Король и опустилъ руки, но все таки держалъ ихъ за поясъ, ибо его войска не оставляли Греческихъ владѣній въ Романіи и Македоніи, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крѣпостей и города, занятыхъ Греками, управляемы были Болгарами.

По истеченіи перемирія, Король началъ штурмовать Адріанополь, который, наконецъ, сдалъ на капитуляцію Комендантъ онаго, *Панкрутука*, 915. Греки утверждаютъ, будто Король подкупилъ его; впрочемъ, это не извѣстно.

Между тѣмъ въ Царьградѣ произошли новыя перемѣны въ управленіи: Императрица *Зоя*, мать малолѣтнаго Императора, Александромъ удалена была отъ Двора въ монастырь, въ коемъ и проживала до сего времени. Естественное побужденіе заставляло малолѣтнаго Константина требовать часто и сильно возвращенія своей родительницы. Приверженцы ея при Дворѣ довели дѣло до того, что Сенатъ принужденъ былъ возвратить ее Двору. Принявши званіе попечительницы своего сына, Императрица приняла духъ рѣшительный, уничтожила Опекунскій Комитетъ, удалила отъ Двора бывшихъ любимцевъ Александра, изъ коихъ большею частью составленъ былъ Комитетъ; Патріарху Николаю, произведенному Александромъ на мѣсто низложеннаго имъ, *Евѳимія*, на каѳедру Цареградскую, велѣла заниматься только своими духовными дѣлами, а лучшія достоинства раздала мужамъ, ею избраннымъ, удержавши скипетръ въ рукахъ своихъ.

Сія благоразумная Государыня не мало одушевила давимое Болгарами и Сарацынами отечество. Желая собрать силы онаго, постаралась повторить и упрочить перемиріе съ Владимиромъ, къ коему въ семъ намѣреніи послала съ богатыми подарками Пера Имперіи, *Василія*, и *Каникла* и *Никиту* Протоспатарія Еллады; послѣ чего Адріанополь возвращенъ Грекамъ.

Не смотря на сіе, угнетеніе Владимиромъ Имперіи довело Грековъ до мѣръ отчаянныхъ. Желая обратить всѣ силы свои на Болгаръ, Императрица поспѣшила заключить миръ съ Сарацынами, дабы всѣ восточныя Войска двинуть про-

тивъ Болгаръ. Для сего посланъ въ Сирію Перъ Имперіи, Иванъ Радинъ. Послѣ заключенія мира дано повелѣніе войскамъ поспѣшить въ Европу, подъ предводительствомъ Генерала, *Михаила Токсары*. Между тѣмъ въ Константинополѣ производились дѣятельно военныя приготовленія (917). По прибытія Азійскихъ войскъ и приготовленій Европейскихъ къ походу, при собраніи всѣхъ войскъ, вынесено было священное древо Животворящаго Креста придворнымъ Священникомъ, Константиномъ Кефалою, и Константиномъ Малалейскимъ, и предъ нимъ защитники отечества, павъ на колѣна, дали присягу сражаться до послѣдней крайности, или умереть за отечество.

Гвардіей начальствовалъ Іоаннъ *Грапсонъ*, полкомъ Иканатовъ Олвіанецъ *Марула*; Армянскими войсками командовалъ Генералъ *Мелій*; ополченія военныя (themata) предводимы были своими начальниками. Восточными, сражавшимися въ Сиріи противъ Сарацыновъ, командовалъ *Михаилъ Токсара*; Европейскими же корпусами *Романъ Аргиръ* и, братъ его, *Левъ*, и *Варда Фока*.

Главнокомандующимъ всѣхъ сихъ военныхъ силъ назначенъ *Леонъ Фока*, помощникомъ же ему *Константинъ Либійскій*.

Между тѣмъ заблаговременно высланъ былъ нѣкто Іоаннъ Богасъ или Богачь (Ioannes Bogas, Bogatzes) къ жителямъ горъ Трансильваніи, Печенѣгамъ, съ великою суммою денегъ и подарковъ, для возмущенія ихъ противъ Болгаріи. Сей народъ хотя и принадлежалъ къ Болгарской Державѣ, однако, будучи управляемъ своими собственными капитанами и защищаемъ горами, предоставилъ себѣ право служить и Болгаріи и противъ Болгаріи; это я разумѣю только о Волохахъ-горцахъ. Отношеніе ихъ къ Болгаріи было такое же, какъ и Албанцевъ къ Туркамъ.

Болгаре, которые не могли занимать гарнизонами самыя отдаленныя горскія мѣста, принуждены были признавать ихъ начальниковъ своими друзьями, которыхъ, однако, надлежало удерживать за собою особымъ благоволеніемъ Короля и подарками.

Въ сихъ военныхъ обстоятельствахъ, конечно, удалось было Греческому агенту взбунтовать нѣкоторую часть Печенѣговъ, которыхъ онъ, по плану Цареградцевъ, долженствовалъ переправить чрезъ Дунай для нападенія на самую Болгарію; для сего отправлена была въ Дунай эскадра подъ командою Адмирала, *Романа Лакапина.*

АХЕЛОЙСКАЯ БИТВА.

Между тѣмъ движенія двухъ враждебныхъ армій приходили въ соприкосновеніе. Византійскіе Генералы, всѣ старые и опытные, рѣшились идти наступательно. Послѣ предшествовавшихъ небольшихъ стычекъ, наконецъ, 20 числа Августа, при рѣкѣ *Ахелоѣ*, Владимиръ рѣшился дать генеральное сраженіе. Пораженіе Византійской арміи было совершенное, да такое, котораго вѣка не видали (eaque strages hominum edita, qualis a saeculo nunquam audita est), бѣгство же прочихъ и вопли наполнены ужаса, говорятъ Византійцы. Главнокомандующій раненый едва успѣлъ бѣжать отъ смерти въ Мезембрію; въ числѣ множества убитыхъ Генераловъ, Вельможъ, Перовъ и Трибуновъ, находились и отважные и храбрые сотоварищи Главнокомандующаго, *Константинъ Либійскій* и *Іоаннъ Грапсонъ*.

Межъ тѣмъ на Дунаѣ произошелъ споръ между Богасомъ и Адмираломъ касательно переправы Печенѣговъ, которые, однако, не рѣшась бунтовать, разошлись во свояси; по видимому, какой-либо Болгарскій Воевода воспрепятствовалъ имъ и Адмиралу. Впрочемъ, Богасъ обвинялъ Адмирала въ медленности и нерадѣніи. Возвратившись въ столицу, оба они отданы были подъ судъ, и дѣло дошло въ Сенатѣ до того, что Роману Адмиралу рѣшено было выколоть глаза, кои, однако, удержалъ онъ на ихъ мѣстѣ, по стараніямъ Константина Конгилы и Генерала Стефана, и по особенному расположенію Императрицы.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило около Чернаго моря, на западныя области Король велѣлъ напасть Петру, Намѣстнику своему, или *Господарю* въ Сербіи, съ коимъ сра-

жаться Византійское Правительство препоручило Дирахійскому (нынѣ Дураццо) Военному Губернатору, *Льву Рабдуху*. Болгарское оружіе и здѣсь увѣнчано успѣхомъ, ибо Петръ выбилъ Византійцевъ изъ Иллирійской области, *Паганіи*. Стѣсненныя и въ сей странѣ дѣла Имперіи, принудили Императора приступить къ подкупу; въ слѣдствіе чего предписано было Рабдуху не щадить ни золотыхъ горъ, чтобы склонить Воеводу на свою сторону, и Рабдухъ дѣйствительно имѣлъ съ нимъ свиданіе, въ коемъ предлагалъ ему дары Императора, съ тѣмъ, чтобы Воевода отложился отъ Болгаріи, призвалъ на помощь Угровъ и проч.

Узнавъ о семъ, Болгарскій Намѣстникъ Захолменской области (Zachlumiae), Михаилъ, донесъ Королю. Владимиръ, для изслѣдованія дѣла и для продолженія войны, болѣе дѣятельнаго, послалъ туда Воеводъ, *Павла Бранкована*, *Мамара* и *Ѳеодора Сигрича*, которые, взявъ Петра подъ арестъ и наложивъ на него цѣпи, отослали въ *Переяславъ*, гдѣ онъ и кончилъ жизнь въ тюрмѣ, а на мѣсто его Король управленіе Сербіи поручилъ *Бранкovану*.

СРАЖЕНІЕ ПРИ КАТАСИРТѢ.

Послѣ Ахелойской побѣды Король устремился за бѣжавшими, на столицу. Главнокомандующій, Леонъ Фока, поспѣшно собралъ остатки арміи, усиливъ оные присоединеніемъ резервовъ и новыхъ отрядовъ, выступившихъ изъ столицы; и, какъ для исправленія своей чести, такъ и для защищенія отечества, еще разъ выступилъ на сцену. Между прочими военачальниками находились *Іоаннъ* Эстеріархъ и *Николай*, сынъ Константина Дуки. Ограничиваясь оборонительнымъ дѣйствіемъ, Леонъ, для прикрытія столицы, расположился лагеремъ на мѣстѣ, называемомъ *Катасирты*. Король, или какой-либо его Воевода, напалъ на позицію Грековъ еще до разсвѣта, и разбилъ ихъ. Главнокомандующій бѣжалъ въ столицу; между убитыми легъ и храбрый *Николай Дука*.

Успѣхамъ Болгарскаго оружія предоставили на волю всю Романію и Македонію внутреннія интриги Грековъ (918). Адмиралъ, издавна питавшій вражду противъ Главнокомандующаго, теперь получилъ случай подкопать его и всю его партію. Константинъ Фока, Министръ Императорскаго Двора, родственникъ Главнокомандующаго, управлялъ не только Домомъ, но и самымъ Императоромъ. Наставникъ Императора, Ѳеодоръ, другъ Адмирала, довелъ своего воспитанника до того, что всѣ Фоки удалены отъ Двора, а на мѣсто ихъ введенъ Адмиралъ, Романъ Лакапинъ, и сдѣланъ командиромъ Гвардіи; Главнокомандующій, также Министръ Императорскаго Дома, и всѣ ихъ друзья и приверженцы, отставлены; на мѣсто же ихъ возведены друзья Адмирала, между коими находился и Патріархъ, которому теперь возвращена прежняя сила въ Сенатѣ.

Но симъ своимъ торжествомъ недоволенъ былъ Адмиралъ; онъ сталъ имѣть сильное вліяніе на молодаго Императора, и дѣло довелъ до того, что выдалъ за него дочь свою, *Елену*. Между тѣмъ ненавистники его не переставали дѣлать противъ него заговоры; но ему удалось открыть ихъ и наказать. Императрица, видя себя слишкомъ ограничиваемою симъ человѣкомъ, котораго она жаловала, покушалась удалить его отъ Двора и Правительства; но Романъ напротивъ довелъ дѣло свое до того, что и въ слѣдующемъ году (919) зять превозгласилъ его Со-Императоромъ, и велѣлъ короновать, а Императрица нашлась принужденною оставить и сына и Дворъ, и запереться опять въ монастырѣ.

Новый Главнокомандующій, *Потъ*, приступилъ къ своему дѣлу (920); но войска его были побиты Болгарами въ сраженіи при Термополѣ, гдѣ тяжело раненъ одинъ изъ военачальниковъ, Михаилъ, сынъ Моролеона, Губернатора Аріапольскаго.

Война между тѣмъ все продолжалась (921); ибо Король не хотѣлъ возвратить завоеванныя области, Романію и Македонію; Византійцы же хотѣли выбить его оттуда: посему война стала ограничиваться одними, такъ сказать, выбѣгами

изъ Константинополя, для прекращенія которыхъ Владимиръ велѣлъ своимъ Воеводамъ, *Кахану* и *Миничу* (Chaganus, Caucanus. Menices, Minitzes), строго блокировать столицу. Въ слѣдствіе сего повелѣнія Болгарскія войска заняли окрестности столицы, Маглаву, и загородные великолѣпные дворцы на поляхъ Пегійскихъ.

СРАЖЕНІЕ ПРИ МОГЛАВѢ И ПЕГАХЪ.

Романъ, принявъ на себя правленіе, пожалѣлъ о занятіи Болгарами прекрасной Пегійской долины и дворцовъ, и чтобы не быть, наконецъ, задавлену Владимиромъ, приступилъ къ приготовленію сильной вылазки; для сего собраны войска: *Императорская Гвардія* (ἐκ τῶν βασιλικῶν), *гарнизонъ столицы* (καὶ τῶν τ'ης ἑταιριας) и *полевыя регулярныя* полки (καὶ των ταγματικῶν), подъ начальствомъ *Леона* и *Пота Аргировъ*, *Алексія Патрикія*, и подъ главнымъ предводительствомъ *Іоанна*. Въ то же время Адмиралъ Музелай долженъ былъ съ своею эскадрою поддерживать атаку съ моря. Византійцы дѣлали наступъ колоннами; сраженіе было жаркое; наконецъ, Болгарскіе Воеводы одержали совершенную побѣду: Главнокомандующій и Алексій Патрикій стремглавъ побѣжали въ столицу; Генералъ Фотинъ съ многими другими (cum aliis quam plurimis) убитъ; Адмиралъ Музелай, будучи раненъ, принужденъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, броситься въ море, но не могъ достигнуть судовъ и съ большею частью своихъ воиновъ потонулъ. Аргиры же оба, защищавшіе дворцовое укрѣпленіе, вытѣсненные, послѣдовали примѣру Главнокомандовавшаго. Воеводы Болгарскіе, разсудивъ, что Пегійскіе дворцы и редуты при стѣнѣ служили только къ большему защищенію Византійцевъ (922), велѣли ихъ сжечь и срыть. Сіе случилось передъ пятой недѣлей великаго поста.

Межъ тѣмъ Король осаждалъ Адріанополь, который храбро защищаемъ былъ тамошнимъ Генералъ-Губернаторомъ, Моролеономъ, сдѣлавшимъ безуспѣшными многіе приступы

Короля. Но, наконецъ, истощивъ всѣ свои силы, послѣ долговременной осады, онъ принужденъ былъ уступить сильному приступу и попасться въ руки разъяреннаго побѣдителя. Византійцы говорятъ, что Король велѣлъ казнить сего храбраго Коменданта.

Въ сіе время блокирующій Болгарскій корпусъ сталъ пробиваться въ предмѣстье Константинополя, въ коимъ занялъ дворецъ Ѳеодоры. Совсѣмъ прижатые Византійцы рѣшились еще на послѣднее покушеніе (это было въ Іюнѣ мѣсяцѣ). Императоръ Романъ созвалъ всѣхъ своихъ военачальниковъ и, представляя имъ самыми убѣдительными выраженіями положеніе Государства, приглашалъ ихъ къ принятію оружія и отраженію врага. Всѣ дали обѣщаніе умереть за отечество; но одинъ только изъ нихъ, *Сахтичь*, исполнилъ свое слово. На другой день онъ напалъ на лагерь Болгарскій, въ коемъ, по причинѣ отсутствія большей части войска, многихъ перебилъ, но послѣ окруженный, лишившись большей части своего отряда, пустилъ повода на произволъ лошади и, сражаясь обѣими руками, пробился, наконецъ, съ немногими товарищами, но, покрытый ранами, только донесенъ до *Влахерны*, гдѣ, при наступающей ночи, отъ потери крови, скончался, а съ нимъ угасъ и военный духъ Византійцевъ.

Между тѣмъ какъ Византійцы проиграли все до самаго Цареграда, они боролись еще на сторонѣ съ Болгарами. Боясь потерять все до Пеллопонеса, Императоръ старался взбунтовать Сербовъ, чтобы тѣмъ удержать натискъ Болгаръ. Въ семъ намѣреніи онъ выслалъ въ Сербію, для возмущенія народа, нѣкоего *Прибислава*, котораго Греческіе Префекты должны были поддерживать. Возмущеніе въ Сербіи дѣйствительно произошло; но бунтовщики поражены Бранкованомъ на голову, а самъ Прибиславъ схваченъ, отосланъ въ столицу Болгаріи, гдѣ, вмѣсто Княжескихъ налатъ, получилъ въ удѣлъ тюрьму и цѣпи.

Но сіе, однако, не устрашило Византійцевъ отъ дальнѣйшихъ ихъ предпріятій; они возбуждали безпрестанно Сербскій и Кроатскій народъ къ возмущенію, которое, будучи под-

держиваемо и Византійскими Генералами, сдѣлалось столь сильнымъ, что едва не изгнаны были совсѣмъ Болгаре изъ Сербіи, Кроаціи и Далмаціи. При сихъ дѣлахъ, говорятъ, убиты упомянутые Болгарскіе Воеводы, *Мамаръ* и *Сигричъ*; *Бранкованъ* же принужденъ былъ бѣжать. Въ семъ возстаніи, со стороны инсургентовъ, главную роль игралъ нѣкто Сербъ *Захарій*, партизанъ Цареградскаго Двора, и, бѣжавшій изъ Переяславя въ Константинополь, *Чеславъ*, сынъ, взятаго еще Борисомъ и содержаннаго въ Переяславѣ, *Клонимира*.

Это принудило Короля принять дѣятельныя мѣры: онъ послалъ довольно значительное войско, подъ начальствомъ Воеводъ, *Коняна* (Conenus, Cnenus), *Емника* (Hemnecus) и *Ецбоклія* (Etzboclia; что за имя въ Греческихъ устахъ!). Захарій, бросивъ Чеслава, бѣжалъ въ Кроацію. Воеводы, наказавъ инсургентовъ, схвативъ зачинщиковъ возстанія и самаго *Чеслава*, и множество другихъ, подъ конвоемъ отправили въ Болгарію въ заключеніе (populumque omnem a minimo ad maximum in Bulgarium abduxerunt). Усмиривъ сію страну, Воеводы поспѣшили за остатками бѣжавшихъ инсургентовъ въ Кроацію, которая, однако, безъ сопротивленія обратилась къ прежнему повиновенію.

Кедринъ пишетъ, будто Король былъ пораженъ Кроатами на голову; но какъ Кедринъ одинъ изъ позднихъ писателей, и говоритъ часто противное писателямъ и свидѣтелямъ современнымъ, то и здѣсь ему имѣть вѣры не льзя. Вѣдь онъ уже заставилъ Короля быть побѣжденнымъ тамъ, гдѣ близкіе къ сему дѣлу писатели дѣлаютъ его побѣдителемъ. Король, какъ видно, лично не командовалъ ни въ Сербіи, ни въ Кроаціи, но чрезъ своихъ Воеводъ. По видимому, Кедринъ принялъ пораженіе *Мамара* и *Сигрича* за пораженіе самаго Короля, и приписалъ сіе однимъ Кроатамъ (Византійцы не рѣдко симъ именемъ и Сербовъ называли).

Впрочемъ, какъ бы то ни было, Сербія и Кроація во все царствованіе Владимира были Болгарскими областями, и управляемы были Болгарскими Намѣстниками; по сему Бол-

гарская Держава къ западу граничила съ Адріатическимъ моремъ, а тамъ дальше съ Краиной, Штиріей и Австріей.

Не извѣстно, до какихъ мѣстъ распространялись владѣнія Болгаріи къ югу; впрочемъ, видно, что ей принадлежала и часть нынѣшней Ѳессаліи и Албаніи, ибо эти страны, какъ увидимъ ниже, были отнимаемы у Болгаръ Византійцами.

Между тѣмъ все продолжалась блокада Константинополя (927), и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Греки ограничивались въ стѣнахъ столицы однимъ только оборонительнымъ положеніемъ. Наконецъ, Король, собравъ всѣ свои военныя силы и осадныя машины, приступилъ къ столицѣ съ арміею, въ твердомъ намѣреніи взять оную или, можетъ быть, только постращать Грековъ. Обложивъ съ суши кругомъ городъ, принялся за приступъ.

Императоръ, коему не было охоты защищать столицу, боясь неизвѣстнаго исхода приступа, обратился къ Королю съ просьбою о заключеніи мира; въ семъ намѣреніи выслалъ онъ въ лагерь осаждающихъ Патріарха *Николая*. Патріархъ возвратился, какъ видно, безуспѣшно, и на мѣсто его прибыли двое первыхъ Государственныхъ сановниковъ, *Михаилъ Стипіотъ*, Перъ Имперіи, и *Іоаннъ Мистикъ*, вторая послѣ Императоровъ, какъ говорятъ, особа (qui secundas ab Imperatore tenebat); оба они хотѣли переговаривать о мирѣ, но Король отпустилъ ихъ обратно, требуя личнаго свиданія съ Императоромъ.

Все было въ столицѣ въ уныніи и опасеніи; почти всѣ мужчины стояли подъ ружьемъ; жены и дѣти приготовлялись къ переправѣ въ Анатолію; полки почевали и дневали на ногахъ въ мѣстахъ, назначенныхъ для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ. Императоръ самъ оробѣлъ; ибо Владиміръ, принявъ *Стипіота* и *Мистика* слишкомъ гордо, отпустилъ назадъ, не вступая съ ними въ переговоры. Однако жъ, надобно было повиноваться требованію гордаго Короля. Посему назначено свиданіе внѣ города, на берегу моря, называемомъ *Космидіевымъ*, куда Императоръ вознамѣрился прибыть моремъ. Для сего тамъ устроена была на водѣ пристичная се-

му свиданію палатка, такъ какъ вся суша была занята Болгарами; Императоръ же опасался пуститься по среди враговъ.

Между тѣмъ во всѣхъ церквахъ Константинополя совершались ежедневно молебствія о поданіи помощи къ заключенію спасительнаго мира. Во Влахернахъ же продолжалось день и ночь молебственное бдѣніе; тамъ совершалъ молитвы самъ Патріархъ, *Николай*. Императоръ Романъ, огорченный критическимъ положеніемъ Государства и столицы, и самъ послѣдовалъ на сіе священное мѣсто, гдѣ, обливаясь слезами, палъ ницъ (ad preces manus extendit, deinde pronus in terram cadens, sacrum lacrimis pavimentum irrigavit, т. е., молился, воздѣвая къ небу руки, палъ на землю и омолчалъ слезами полъ); не имѣя довольно силъ мірскихъ, испрашивалъ помощи небесной, и послѣ отперъ священный кивотъ, и, вынувъ изъ него ризу Богоматери, наложилъ ее на свою голову.

Наконецъ, насталъ день свиданія. Императоръ, пускаясь въ видимую, по его мнѣнію, опасность, велѣлъ, на всякій случай, снарядить весь флотъ войскомъ, подъ прикрытіемъ коего, въ сопровожденіи членовъ Сената, отплылъ изъ гавани на назначенное мѣсто. Тамъ расположилъ въ линію флотъ, а самъ на Императорскомъ кораблѣ, посреди флота въ палаткѣ, дожидался прибытія Короля изъ лагеря. Ожиданіе мучительное; ибо Самодержецъ Римскій принужденъ былъ просить милости отъ владѣтеля Болгаріи; Король же медлилъ прибытіемъ по Аттиланскі, по Каранскі. Это было 9-го числа Сентября.

Наконецъ, въ 4-мъ часу по полудни, съ кораблей замѣтили появившіеся длинные ряды Болгарскаго войска. Это былъ Владимиръ, сопровождаемый частью своей осадной арміи (immensa exercitus plebe circumstipatus), которая, по прибытіи на берегъ, расположилась рядами въ длину онаго.

Видѣвшіе Болгарскихъ воиновъ говорятъ, что одни изъ нихъ были украшены золотыми щитами и позолоченными копіями; у другихъ блестѣли серебряные щиты и высеребренные

копья; иные красовались оружіемъ всякаго рода, и что всѣ до одного были покрыты желѣзными доспѣхами.

(Militum alii aureis clypeis et deauratis hastis, alii argenteis clypeis et hastis argento rutilantibus, alii quoque omni armorum genere ornati, cuncti autem ferro circumcincti).

Да, это были золотыя времена Болгаріи!

Между тѣмъ Императоръ, сошедъ съ корабля, вступилъ на приготовленное мѣсто, вошелъ въ открытую палатку, гдѣ дожидался прибытія Короля. Византійцы выхваляютъ твердость духа Императора, прибавляя, что шелъ твердыми стопами. Въ продолженіе сего Болгарскіе офицеры, осмотрѣвъ всю машину, на коей находилась палатка, и обмѣнявшись взаимно аманатами, возвратились къ своему Государю. Король, окруженный своими Воеводами и офицерами, выслушалъ ихъ донесеніе и, спрыгнувъ съ лошади, поспѣшно пошелъ по устроенному мостику въ палатку.

Въ сіе самое время Сенаторы и множество другихъ любопытныхъ взлѣзли на стѣны города и смотрѣли на это блистательное зрѣлище.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Государи приступили къ договору.

Говорятъ, будто Императоръ, послѣ привѣтствія, произнесъ къ Владимиру слѣдующую рѣчь: »Я слышалъ, что ты »истинный почитатель Бога и Христіанинъ; однако, твои дѣ»янія съ симъ никакъ не согласуются; ибо почитатели Бога »и истинные Христіане любятъ миръ и дружелюбіе; а толь»ко невѣрные и язычники проливаютъ невинную кровь. И »такъ, если ты дѣйствительно Христіанинъ, то перестань уже »проливать невинную кровь, прекрати несправедливыя убій»ства, заключи съ нами, Христіанами, миръ и дружелюбіе, и »не допусти, чтобы руки Христіанъ оскверняемы были »кровью единовѣрныхъ тебѣ Христіанъ. Если же сіе дѣла»ешь изъ жажды къ богатству, я готовъ насытить тебя »всѣмъ, чего желаешь; только удержи свою десницу, прими »миръ, поддерживай согласіе, дабы и ты жилъ спокойно, и »наши Христіане (Греки) могли нѣсколько поправиться отъ

» постигшихъ ихъ бѣдствій; ибо непозволительно тебѣ ве-
» сти войну съ твоими единовѣрцами.« Сказавъ сіе, говорятъ, Императоръ замолчалъ.

Ужели Императоръ не съумѣлъ произнесть лучшую рѣчь? Ужели онъ не зналъ настоящей причины, побудившей Короля къ долговременной войнѣ, и теперь сталъ только его спрашивать, чего онъ желаетъ?

Вѣрно, какой нибудь Византійскій лѣтописецъ въ послѣдствіи смастерилъ эту рѣчь изъ понятій, всякому извѣстныхъ, и заставилъ Императора въ своей лѣтописи повторить оную Королю. А между тѣмъ этотъ лѣтописецъ, постаравшійся кой-какъ составить рѣчь Государя изъ общихъ мѣстъ, упустилъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, условія трактата или заключенія мира. Знаемъ, что при семъ свиданіи двухъ Монарховъ заключенъ дѣйствительно миръ между двумя враждовавшими Державами, но въ какихъ пунктахъ, не знаемъ.

Изъ положенія Византійцевъ видно, что миръ сей былъ для нихъ дѣйствительно невыгоденъ; ибо, наконецъ, принуждены были они исполнить требованія Короля, которыя прежде отвергали. Какія были сіи требованія, не пишутъ Византійцы; по крайней мѣрѣ, можно полагать, что однимъ изъ первыхъ было, если не распространеніе, то возвращеніе правъ и преимуществъ Болгарской торговли во всѣхъ точкахъ и портахъ Имперіи, какъ сіе видно изъ цвѣтущаго состоянія, въ послѣдующіе за симъ миромъ годы, Болгарскаго купечества въ Имперіи, а наипаче въ Константинополѣ.

Вторымъ условіемъ была уступка Королю завоеванныхъ областей; Романія, Ѳракія и Македонія собственно населены были Болгарами, между тѣмъ какъ Греки обитали только по городамъ и южной части сихъ областей. Естественное побужденіе подстрекало Владимира присоединить сихъ сво-
ихъ единоплеменниковъ къ своей Державѣ. Не извѣстно, сколько земли, занятой Болгарскими войсками, возвращено Грекамъ; можно, однако, полагать, что уступлена имъ страна около Андріанополя вмѣстѣ съ симъ городомъ, о которомъ Греки упоминаютъ, что Болгаре дѣйствительно возвратили его Императору. Кажется, что и приморскія мѣста между

столицей и Θессалоникой остались за Греками. Впрочемъ, въ послѣдствіи увидимъ, что Греки станутъ осаждать Болгарскія крѣпости въ Романіи, преимущественно же въ Македоніи и Θессаліи, до самой Лариссы и Янины. Могли быть еще и другія условія мира касательно вознагражденія Болгаріи деньгами, или издѣліями, или драгоцѣнными товарами, и проч.

Вотъ картина сей войны. весьма отрывисто и недостаточно описанная Цареградскими монахами; ее сравнить можно съ писаннымъ портретомъ, но не довершеннымъ, коего большая часть чертъ мѣстами изглажена такъ, что едва можно въ нихъ добиться до взаимнаго ихъ отношенія, оттѣнковъ и вида цѣлаго. Посему остается прибавить только, что тогда бы только можно было видѣть славу и могущество Владимира и его Болгаръ во всемъ величіи, когда бы сія картина тогдашнихъ событій сохранена была для насъ вѣрною, цѣлою, полною и со всѣми своими оттѣнками.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНІЯ ВЛАДИМИРА II.

928 — 931.

И такъ, отягченный лаврами, славою, трудами и лѣтами, Владимиръ, послѣ заключенія мира, возвратился въ свою столицу. Въ какихъ занятіяхъ провелъ онъ послѣдніе годы своей жизни, не извѣстно; только знаемъ вообще, что онъ потщился укрѣпить внутреннее благосостояніе своего Государства.

Между тѣмъ онъ имѣлъ непремѣнное попеченіе и о просвѣщеніи своего Государства; и могъ ли сего дѣйствительно не желать Государь просвѣщенный? Патріотизмъ, который побуждаетъ къ геройству, былъ причиною того, что Владимиръ отмѣнно любилъ отечественный свой языкъ.

ПОНЯТІЕ О БОЛГАРСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ.

Болгарская литтература еще только начиналась; до сего времени она заключалась почти только въ книгахъ Священнаго Писанія и Богослужебныхъ книгахъ; по крайней мѣрѣ,

такъ думаемъ, ибо не имѣемъ памятниковъ прочихъ отраслей Болгарской литтературы до времени Владимира.

Сей Государь самъ понуждалъ своихъ ученыхъ къ переводу разныхъ сочиненій съ Греческаго на Болгарскій языкъ, коихъ имѣлъ услажденіе читать на отечественномъ языкѣ. По внушенію его, *Іоаннъ*, Ексархъ Болгаріи, достойный ученикъ и преемникъ Св. Меѳодія, написалъ сочиненіе о шестидневномъ твореніи міра, названное имъ *Шестодневъ*, и выбранное изъ сочиненій, какъ самъ свидѣтельствуетъ, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Севериана, Аристотеля и прочихъ философовъ, и поднесъ оное своему Монарху. Кромѣ сего, перевелъ Богословію и Философію Св. Іоанна Дамаскина, и оставилъ намъ слово на Вознесеніе Господне. Достойно еще замѣчанія и то, что Ексархъ начерталъ краткую Грамматику Болгарскаго языка.

«По волѣ сего же Государя,» говоритъ К. Калайдовичъ,» Епи-«скопъ Константинъ перевелъ Слова Св Аѳанасія Алексан-«дрійскаго на Аріанъ; а Григорій, пресвитеръ Болгарскихъ «церквей, по повелѣнію сего же книголюбиваго Государя, «Церковную и Гражданскую Исторію.»

Между тѣмъ и самъ Государь занимался переводами и извлеченіями: онъ избралъ и перевелъ отличныя мѣста изъ сочиненій Златоустаго, и назвалъ сіи извлеченія *Златоструемъ*.

Вотъ памятники Болгарской Словесности конца IX и начала X столѣтія. Только эти? Только эти недавно открыло любопытство, вывело на свѣтъ изъ забвенія и пыли библіотечной, въ странѣ далекой (въ Москвѣ) отъ ихъ отечества. Да и они, кажется, сгнили бы въ пыли, если бы не отыскалъ ихъ К. Ѳ. Калайдовичъ. Неужели кто заключитъ, что въ отечествѣ сихъ памятниковъ не было другихъ, только изъ того, что въ Москвѣ на сей разъ эти только открыты, и мы не знаемъ именъ или заглавій, а по сему и содержаніе другихъ, подобныхъ имъ, памятниковъ?

Много, много еще современныхъ, или послѣдующаго времени, памятниковъ Болгарской Словесности существовало и должно было существовать; но ѣдкое время и опустоши-

тельный бичь тирановъ сей страны могли сгладить оные съ лица земли. Если сохранились какіе либо изъ нихъ, то надлежитъ ихъ отыскивать въ разныхъ странахъ въ Болгаріи, Македоніи, въ Греческихъ монастыряхъ, въ Трансильваніи, Сербіи, Валахіи Молдавіи, и Россіи, т. е., на всемъ пространствѣ процвѣтавшей нѣкогда Славянской Церкви.

Нѣкоторые изъ нихъ попались случайно и въ отдаленныя заграничныя библіотеки, какъ въ Вѣнскую, Ватиканскую, Парижскую и проч.

Изъ всѣхъ странъ богатѣйшая нынѣ подобными рукописями есть Россія. «Большая часть Славянскихъ памятниковъ Славянской Словесности», какъ говорятъ издатели описанія рукописной библіотеки Графа Ѳ. Анд. Толстова, «остается въ рукописяхъ: ибо отъ заведенія въ Россіи типографіи (1564 года) до исхода XVII вѣка, тисканію предавали однѣ богослужебныя и весьма немногія богословско-нравственныя книги. Во всѣ времена Россіяне, особенно иноки и служители Церкви, ревностно занимались переписываніемъ, одни по собственному любознанію, другіе по волѣ властей и по обѣту, нѣкоторые, какъ ремесленники, добывали тѣмъ пропитаніе. Сіе доказывается обиліемъ рукописныхъ памятниковъ въ нынѣшнихъ книгохранилищахъ монастырскихъ, а еще болѣе — дошедшими до насъ переписями нѣкоторыхъ изъ нихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Если присоединимъ къ тому: нестроенія внутри Государства, частыя впаденія враговъ и сопутствовавшіе имъ пожары и опустошенія, — особенно въ эпохи Батыя и Лжедимитріевъ, то вообще можемъ заключить, что число письменныхъ памятниковъ, какъ существующихъ нынѣ, такъ и погибшихъ въ тѣ времена злополучій, было весьма велико. И нынѣшніе, въ сравненіи съ прежнимъ скудные, остатки нашей письменности, разсѣянные на цѣломъ пространствѣ Россіи въ особенныхъ библіотекахъ монастырскихъ, немногихъ общественныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ, составляютъ десятки тысячь рукописей.»

Но какъ сіи рукописи, всѣ почти, писаны не на Рускомъ языкѣ, а на Церковномъ (собственно Болгарскомъ),

или въ подражаніи оному, то весьма явно, что не всѣ сіи рукописи сочинены одними Русскими. Достовѣрно, что тою же дорогою перешли на Русь изъ-за границы и разныя рукописи, которою и самое Св. Писаніе, и что сіи рукописи переписываемы были книголюбивыми Россіянами.

Все число рукописей на Руси раздѣляю на два отдѣленія: 1) на рукописи, писанныя на совершенно не Русскомъ языкѣ, а на настоящемъ Болгарскомъ, т. е., на сочиненія, писанныя самими Болгарами. 2) На сочиненія, писанныя Россіянами на Болгарскомъ же языкѣ, или въ подражаніе оному. Различіе между сими обоими родами состоитъ въ томъ, что рукописи Россіянъ преисполнены Россизмами, т. е., представляютъ смѣсь Русскаго и Болгарскаго языка и языкъ сихъ сочиненій одѣтъ въ грамматическія формы Болгарскаго, но весьма часто съ ошибками, между тѣмъ какъ внутреннія его свойства принадлежатъ Русскому. Почему это такъ случилось, увидимъ въ другой разъ.

И такъ отдѣленіе не Русскихъ сочиненій принадлежитъ Болгарамъ. Чтобы чувствовать сіе различіе въ языкѣ рукописей, надлежитъ знать совершенно свойства языка Русскаго и Болгарскаго, или лучше, надо быть вмѣстѣ и Россіяниномъ и Болгариномъ. Сколько еще находится Болгарскихъ сочиненій въ числѣ Русскихъ рукописей, покажетъ время.

И такъ описаніе сихъ Болгарскихъ рукописей, отысканныхъ въ Россіи, и потомъ тѣхъ, которыя должны открыться въ прочихъ странахъ Европы, приведенное въ хронологической порядокъ, составитъ Исторію Болгарской Литературы. Сія то исторія должна рѣшить, сколько еще сочиненій привадлежитъ къ вѣку Владиміра II. Сіи труды принадлежатъ Болгарамъ; впрочемъ, они занимательны будутъ и для Россіянъ, которыхъ скромность не позволитъ приписывать себѣ то, что имъ не принадлежитъ.

И такъ мы видѣли вкратцѣ, что Владиміръ II отличался не только на полѣ бранномъ, но и на литтературномъ. Это обыкновенное явленіе въ исторіи, что великіе Монархи любили науки, или лучше, что любившіе науки и отечест-

венную Словесность были великими Монархами. Это есть условіе, *sine qua non*. Симъ только качествомъ восшелъ Владимиръ на столь высокую степень могущества и славы; онъ показалъ на дѣлѣ, что былъ достойнымъ воспитанникомъ Великаго Меѳодія. Величіе и процвѣтаніе Болгаріи, какъ въ умственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, суть ближайшіе плоды трудовъ сего Апостола Славянской Церкви.

Владиміръ оставилъ наслѣднику своему Державу, распространившуюся отъ Термопилъ до береговъ Дона, отъ Адріанополя до предѣловъ Штиріи и Австріи, заключаемую Чернымъ и Адріатическимъ морями и цѣпью Карпатскихъ горъ. Это была тогда величайшая, первая и могущественнѣйшая Держава Европы; а по быстрымъ успѣхамъ въ образованности, въ отечественной Литтературѣ и наукахъ она скоро сдѣлалась и просвѣщеннѣйшею. Если же искать великихъ людей сего времени въ Европѣ, то первымъ изъ нихъ окажется сей незабвенный Монархъ Болгаріи, достойный имени Великаго; ибо и Италія въ сіе время дошла до такого невѣжества, что узнала опять объ Омирѣ или Гомерѣ только съ XIII столѣтія. Аристотель, одинъ почти изъ Греческихъ классиковъ, былъ извѣстенъ на Западѣ въ недостаточномъ переводѣ его книги: Organon, сдѣланномъ по повелѣнію Карла Великаго; творенія геніевъ классической Греціи, какъ языческой, такъ и Христіанской, стали быть извѣстными Западу Европы только съ исхода XV столѣтія, то есть, когда, послѣ паденія Константинополя, Греки шайками бѣжали, вмѣстѣ съ рукописями, на Западъ, гдѣ искали пропитанія отправленіемъ должности учительской, между тѣмъ какъ Болгаре пользовались ими уже въ IX, X, XI столѣтіяхъ. Сверхъ сего, замѣчательно еще и то, что Болгаре имѣли краткую Грамматику своего языка уже съ 900, между тѣмъ какъ нынѣшніе просвѣщенные Европейскіе народы гораздо позже схватились за образованіе отечественнаго своего языка.

И такъ я принимаю Болгаръ за классическій народъ. Конечно, нельзя сказать этого въ отношеніи къ Европѣ вообще; но должно именно сказать въ отношеніи къ Россія-

намъ, Сербамъ, Кроатамъ, Моравянамъ, или вообще ко всей Славянской Церкви, хотя, впрочемъ, литтературная слава сего народа предана забвенію вмѣстѣ съ его исторіей.

Посему уничтожается клевета на древнихъ Россіянъ, которую выдумали историческіе изслѣдователи, дѣлая ихъ подданными Козаръ, коихъ они заставляютъ быть отраслію Татарскою, или даже Чухонскою, заключая всю ихъ Монархію въ Крыму и въ прилежащихъ къ нему округахъ.

Нѣтъ, нѣтъ! древніе Россы, если испытали вліяніе, или даже господство иностраннаго народа, то это было вліяніе Болгаръ, народа Славянскаго, имъ соплеменнаго, могущественнаго, того самаго, коего удары испытывали Греки, Римляне, послѣ Италіянцы, Сербы, Нѣмцы, Франки и, жители обширной Германіи, Славяне.

Собственно не извѣстно, когда скончался Владимиръ: иные полагаютъ, что въ 928, а другіе въ 948; но, по видимому и то и сіе невѣрно; ибо въ 928 году онъ занятъ былъ еще дѣлами съ Имперіей, а въ 948 долженъ былъ быть уже слишкомъ дряхлъ; притомъ Греческіе писатели ничего достовѣрнаго о семъ не говорятъ, смѣшивая въ повѣствованіи своемъ прошедшее съ настоящимъ. Можно полагать, что онъ скончался не позже 931 года, Маія 17 числа.

Отъ двухъ супругъ оставилъ онъ четырехъ сыновей: Петра, Іоанна, Михаила и Бояна. Сколько дочерей, не извѣстно.

ПЕТРЪ I.

Послѣ смерти Владимира II, говоритъ Енгель, Болгарская Держава находилась въ положеніи, подобномъ тому, въ которомъ была Франція послѣ смерти Лудовика XIV.

Первымъ явленіемъ въ Государствѣ, послѣ смерти Короля, были раздоры и интриги касательно наслѣдства престола. Владимиръ имѣлъ двухъ супругъ, по тогдашнему обыкновенію, Болгарокъ, своихъ подданныхъ. Имя первой отъ коей родились ему Іоаннъ, Михаилъ и Боянъ, не извѣстно; а о второй, отъ коей родился Петръ, знаемъ толь-

ко, что она была сестра одного знаменитаго и весьма богатаго Болгарскаго Воеводы, коего Византійцы называютъ Γεώργιος Σουρσουβουλος; не зная настоящаго фамильнаго имени его, мы называемъ его по Греческому *Юріемъ Сурсувуломъ.*

Естественный порядокъ требовалъ, чтобы послѣ смерти Короля восшелъ на престолъ одинъ изъ старшихъ его сыновей, тѣмъ паче, что Петръ былъ еще несовершеннолѣтнимъ. Но не знаю, по какой причинѣ, въ Великомъ Переяславлѣ превратили дѣло на оборотъ, возведя на престолъ Петра, и удаливъ отъ трона прочихъ Князей, его братьевъ. Это была, вѣроятно, интрига Юрья Сурсувула, стоявшаго на первѣйшей степени Государственнаго достоинства и владѣвшаго всѣми благами земными. Несомнѣнно, что ему захотѣлось еще именоваться дядею Короля, или даже управлять Государствомъ.

Какъ же смотрѣли на это старшіе братья Петра? Какъ смотрѣли братья и родственники покойной Королевы, матери старшихъ Князей, на властолюбивые поступки Юрья? Ужели не завидовали они ему и не желали подкопать его, или сами предупредить его желанія? — Подробностей о сихъ обстоятельствахъ никто намъ не оставилъ; знаемъ только, что послѣ смерти Владимира Дворъ раздѣлился на двое, и тутъ-то образовались въ Государствѣ двѣ сильныя партіи; все принимало ту, или другую сторону, отсюда вражда и злоželанія. Наконецъ, распри тѣмъ кончились, что Юрій Сурсувулъ взялъ верхъ надъ противниками; Петръ объявленъ Королемъ, Юрій же Регентомъ Государства и опекуномъ Короля.

Какъ смотрѣли Византійцы на сіи распри? Какъ радовались Греки, когда услышали, что Владимиръ умеръ? Они ждали его смерти съ нетерпѣніемъ; разные толки носились между Греками, еще во время жизни сего Монарха, о его смерти; даже и самъ Императоръ не безъ удовольствія слушалъ предсказанія нѣкоего астронома, Іоанна, о скорой его кончинѣ; словомъ, всѣ видѣли въ кончинѣ сей спасеніе и конецъ бѣдствій, какія претерпѣвала Имперія въ продолженіе его цар-

ствованія. И такъ Византійцы принимали живое участіе въ перемѣнѣ Болгарскаго Правительства; поелику чувствовали они, что опасность отъ сосѣдственной Державы преимущественно усиливалась тогда, когда управленіе ею находилось въ рукахъ мужа проницательнаго, мудраго, храбраго, то интересъ ихъ былъ ослабить Болгарію, хоть въ семъ отношеніи (кто не знаетъ, что ягненки могутъ сдѣлатся львами, если левъ будетъ ихъ предводителемъ? И сдѣлаютъ ли они что либо важное, если ягненокъ ими станетъ командовать?); и такъ интересъ ихъ слился въ одно съ интересомъ властолюбиваго *Сурсувула.* Тайныя его сношенія съ Византійскимъ Дворомъ открыли ему путь къ торжеству; ибо Императоръ со всѣми своими Патрикіями чистосердечно желалъ лучше видѣть на тронѣ Болгаріи Петра недоросля, чѣмъ одного изъ его братьевъ молодцовъ.

Должно полагать, что въ сіе время жила еще вдовствующая Королева, родительница Петра и мачиха обиженныхъ Князей. Кажется, все склонялось на сторону Петра; ужели можно думать, что Королева не стала бы покровительствовать видамъ своего брата и дѣлу своего сына?

И такъ дѣло кончено тѣмъ, что Петру присягнуло Государство, Князьямъ же надо было вступить въ Государственную службу; а именно: Иванъ и Михаилъ сдѣланы Господарями областей, но которыхъ именно, Греки намъ не досказали. *Боянъ* же, младшій изъ нихъ, предпочелъ жизнь частнаго человѣка. Получая слѣдующіе ему доходы, онъ предался своей склонности (въ коей онъ продолжалъ покойному Королю) къ наукамъ и Словесности, а преимущественно къ поэзіи и музыкѣ.

Само собою видно, что Владимиръ, будучи самъ отмѣнно воспитанъ и образованъ, и глубоко свѣдущъ не только въ отечественной, но и въ Греческой Словесности, старался дать подобное же воспитаніе и своимъ сыновьямъ; и такъ не будетъ никакой диковины, что Болгаре имѣли уже въ Боянѣ отечественнаго поэта, коего слава такъ возвеслась, что онъ прослылъ въ суевѣрномъ простомъ народѣ колдуномъ, который превращалъ волковъ въ людей, и об-

ратно. Неизвѣстно, почему приписана ему такая сила,— по удивительному ли содержанію его пѣсней, или по какой другой причинѣ; по крайней мѣрѣ, можно думать, что онъ названъ колдуномъ въ метафорическомъ только смыслѣ.

Не о семъ ли Боянѣ говоритъ пѣвецъ о полку Игоревомъ: «*Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню; Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облака; помняше бо рѣчь первыхъ временъ усобицѣ; тогда пущаше 10 соколовъ на стадо лебедей.*»

Ниже: «*О Бояне, славію стараго времени! Абы ты сія полки ущекоталъ, скача, славію, по мысленѣ древу, летая умомъ подъ облака, свивая славы оба полы сего времени, рища по тропу Трояню чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игоревы, того Ольга внуку.*»

Достовѣрно, что Боянъ Владимировичъ могъ ристать по тропѣ или дорогѣ Трояновой, ибо она находилась въ Болгарской Державѣ; былъ ли Боянъ пѣвецъ на Руси, не знаю; если же былъ, и его-то подразумѣваетъ пѣвецъ Игоревъ, то не понимаю, за чѣмъ онъ заставилъ его ристать въ Болгаріи, по дорогѣ Трояновой, на горы Балканскія.

Кромѣ сего, онъ называетъ его пѣвцомъ *стараго времени;* сіе же старое время, въ отношеніи къ Игоревому пѣвцу, падаетъ именно на время Бояна Владимировича. Онъ называетъ его *вѣщимъ*, что значитъ *предсказывателя, колдуна, волшебника*, что именно приписывается Болгарскому Бояну, который, говорятъ, владѣлъ мощнымъ искусствомъ Цирцеи. Съ симъ именно согласуется свидѣтельство о немъ пѣвца о полку Игоревомъ, говорящаго: «*растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облака.*»

Сверхъ сего старое время для пѣвца Игорева есть то, въ которое Русскіе не могли еще имѣть поэта своего; пѣвецъ Игоревъ есть довольно древній Русскій бардъ; но Боянъ, великій предшественникъ Русскаго барда, не могъ принадлежать другому народу Славянскому, какъ только

тому, который гораздо прежде Русскихъ вкусилъ плоды образованности и просвѣщенія, т. е., Болгарамъ. По видимому, нашъ пѣвецъ читалъ пѣснопѣнія Бояна, ибо онъ въ краткихъ словахъ изобразилъ характеръ его сочиненій, говорилъ, что онъ воображеніемъ своимъ растекался по деревьямъ, или ползалъ сѣрымъ волкомъ по землѣ, и парилъ орломъ по поднебесью, т. е., что воображеніе Бояна было самое пылкое, живое, увлекающее и обворожающее его слушателей, или читателей, и что Боянъ употреблялъ выраженія метафорическія и слогъ его былъ обильный, восточный. По одному преданію нашъ пѣвецъ не могъ судить о духѣ пѣснопѣній Бояна съ такою рѣшительностію.

И такъ Боянъ, коего Византійцы называютъ еще и Веніаминомъ, мало старался о политическихъ событіяхъ, довольствуясь лирой и тишиной, въ коей онъ прославлялъ вѣкъ отца своего, между тѣмъ братья его были не поэтами, а воинами. Партіи ихъ все еще существовали, и чѣмъ больше Регентъ показывалъ силы господства, тѣмъ больше возрастало ихъ негодованіе. Можно было опасаться междуусобной войны, для предотвращенія коей нужно было имѣть на престолѣ человѣка мужественнаго, предпріимчивато, или, если Петръ не былъ еще въ состояніи, по лѣтамъ своимъ, замѣнить Владимира II, то надлежало новому Правительству быть бдительнымъ, и между тѣмъ воспитать молодаго Монарха соотвѣтственно пользамъ Государства.

Къ несчастью, онъ попался въ руки человѣка властолюбиваго, который, какъ и всѣ подобные люди, для удержанія власти за собою, забавлялъ Короля играми, увеселеніями, да охотою, словомъ, онъ лишилъ отечество надежды имѣть отличнаго Государя; надменность же его возбуждала противъ него прочихъ Болгарскихъ Воеводъ, знаменитыхъ сослуживцевъ Владимира. Къ этому многія, какъ частныя, такъ общественныя, причины могли дать поводъ; но ярость его враговъ больше всего усилилась по причинѣ его честолюбивыхъ видовъ; когда узнали, что ему захотѣлось быть сватомъ Императора, вообще раздалось роптаніе. Многіе вновь пристали къ сторонѣ Князей.

И такъ Болгарія сама въ себѣ нашла враговъ: Правительство, еще не совсѣмъ утвердившееся, поспѣшило укрѣпиться союзомъ съ Византійцами.

Гдѣ же были въ это время Князья? Византійцы не оставили подробностей. Изъ нихъ только знаемъ, что Князья замышляли зло и, наконецъ, взбунтовались, какъ увидимъ ниже: по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что они находились въ Государственной службѣ; ибо въ воеводствѣ не могли имъ отказать; но гдѣ были они Воеводами, неизвѣстно, потому что Византійцы говорили о происшествіяхъ, не означая мѣста, или говорили слишкомъ неопредѣленно, а это значитъ, что они писали только по слуху, (на прим., in arce quadam, въ какой-то крѣпости, и проч.).

Впрочемъ, такъ какъ въ это дѣло Византійцы замѣшиваютъ и Скиѳовъ, которые, говорятъ они, отпали отъ поддантства Петра, то видно, что Болгарская Держава стала колебаться въ своей цѣлости, что разныя ея области стали помышлять объ отпаденіи. Видно не менѣе, что Князьямъ предоставлены были для управленія нѣкоторыя области.

Мы знаемъ, что Крымъ съ Молдавіею и Южною Россіею управляемы были особымъ Государемъ изъ Королевской крови; изъ сего можно заключить, что сіе Государство на сей разъ предоставлено одному изъ Князей; то же самое должно понимать и о Болгарскомъ Господарствѣ въ Венгріи.

Между тѣмъ *Сурсувулъ*, для утвержденія себя и племянника своего на престолѣ, вознамѣрился заключить новую тѣсную связь съ Византійцами. Онъ послалъ въ Константинополь тайно двухъ монаховъ, *Стефана* и *Георгія*, и вскорѣ послѣ того и самъ туда отправился. Весьма пріятенъ былъ Императору подобный гость; они вмѣстѣ тамъ сварили для себя кушанье, которое было и по вкусу Регента въ критическихъ его обстоятельствахъ, и по вкусу Императора, которому очень хотѣлось поправить свои дѣла въ Романіи. Согласились, чтобы внучка Императора, дочь Кесаря Христофора, Марія, вышла за молодаго Короля Болгаріи. По возвращеніи Регента въ Болгарію, опредѣлено было тор-

жественное сватовское посольство въ Константинополь, подъ предводительствомъ самаго Регента, коего сопровождали Воеводы и Бояре: Симеонъ Калутеркаи, Узампсъ (Usampsus!), Семенъ и Стефанъ (фамиліи ихъ не сказаны), Вельможи, Воеводы: Маготинъ, Каранъ (Cranus, Cronus), и Мѣникъ, или Мѣлникъ, или Миничь (Menicus, Menitzes, Minitzes, Manitzes).

По совершеніи сватовства, наконецъ, и самъ Король отправился съ значительною свитою туда же. Императоръ, по приближеніи Короля, вышелъ ему на встрѣчу до Влахерны, гдѣ, при первомъ свиданіи, Петръ долженъ былъ подписать предложенія Цареградскаго Двора, отъ которыхъ истощенные Владимиромъ Греки нѣсколько поправились, послѣ чего приступили къ договору свадебному.

День бракосочетанія назначенъ 8 числа Октября, а мѣсто въ загородной Пигійской Дворцовой церкви. Въ день сей церемоніи отправились въ назначенное мѣсто, по особенному церемоніалу, сперва Патріархъ, Стефанъ, въ сопровожденіи *Θеофана* Протовестіарія и прочаго клира, нѣсколько же спустя Княжна Марія, въ сопровожденіи цѣлаго Сената и прочихъ военныхъ и гражданскихъ Государственныхъ чиновъ.

По совершеніи бракосочетанія, дано было богатѣйшее и великолѣпное пиршество, послѣ коего новобрачная, въ сопровожденіи нѣсколькихъ *Зостъ* (т. е., Статсъ-Дамъ) и Θеофана Протовестіарія, отправилась въ тотъ же день въ городъ. На третій же день, на мѣстѣ сочетанія (въ Пигійскомъ же Дворцѣ) приготовлено было самое пышное и великолѣпное пиршество, на которое возвратилась Марія въ сопровожденіи Императоровъ Романа и Константина Багрянороднаго, отца ея, Кесаря Христофора, цѣлаго Двора, Сената и проч.

Наконецъ, послѣ окончанія всѣхъ свадебныхъ пиршествъ, новобрачные отправились въ Великій Переяславь.

Между тѣмъ вспыхнуло негодованіе партій въ Болгаріи; Михаилъ Владимировичь провозглашенъ Королемъ. Возстаніе началось въ Венгерскомъ Господарствѣ, и повлекло за

собою возмущеніе и въ Сербіи, и въ Македоніи; войска претендента завладѣли было всей западной Болгаріей до Никополя; на его сторонѣ объявила себя Македонія и вся страна Болгаріи до самой Аттики. Не извѣстно, долго ли продолжалась сія междоусобная война, ибо Византійцы здѣсь выражаются лаконически: «*Michael, ipse Petri frater, Bulgarici imperii cupidus, seorsum in Bulgariae quadam arce rebellavit, multosque Scythas, qui a Petri principatu desciverant, ad se pertraxit.*»

Но слово: «*rebellavit,*» не есть описаніе, или исторія самаго возмущенія, описаніе котораго пропущено; такъ же коротко можно упомянуть, что Али-Паша Янинскій *rebellavit* противъ Порты, хотя, впрочемъ, его возмущеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, и по сему заслуживало бы имѣть свое описаніе, или свою исторію.

И такъ, хотя исторія междоусобной войны въ Болгаріи не описана подробно Византійцами, однако, нельзя допустить, что дѣло Короля съ симъ Княземъ, поддерживаемымъ сильною партіею и войскомъ, могло бы быть заключено въ нѣсколько недѣль. Не бывъ въ состояніи отыскать подробности сей войны, я обратилъ на нее, по крайней мѣрѣ, вниманіе; ибо изъ сей темной эпохи произошли великія вліянія и политическіе перевороты на Востокѣ Европы.

Конечно, сіе происшествіе не было благопріятно для Болгаріи, которая сама собою стала унижаться въ своемъ могуществѣ. Правительство было слабо, и тѣмъ самымъ Византійцы возвышались въ политическомъ отношеніи и стали принимать по немножку опять прежній тонъ.

Между тѣмъ *Чеславъ* и многіе другіе Сербскіе плѣнные, при смутныхъ обстоятельствахъ Болгаріи, бѣжали, съ многими своими единоземцами, въ Сербію. Упустили воробья, который послѣ сдѣлался орломъ.

Не знаю, чѣмъ бы могло кончиться возмущеніе Королевича, если бы, наконецъ, не пресѣклось его смертью.

Не въ долгомъ послѣ сего времени воспослѣдовало другое возмущеніе, произведенное другимъ братомъ Короля. Гдѣ оно началось, нельзя сказать утвердительно; однако извѣ-

стно, что оно касалось Чернаго моря. Іоаннъ Владимировичь возсталъ противъ Короля и, вѣроятно, захотѣлъ отдѣлить ввѣренную ему область отъ Державы Болгарской.

Но теперь пора обратиться опять къ Сѣвернымъ границамъ Болгарской Державы.

Вопросъ: какое дѣйствіе произвела перемѣна Правительства Болгаріи въ ея политическомъ отношеніи съ Россіею? Ужели партіи и перевороты Болгаріи не произвели никакого вліянія на расположеніе Россійскихъ Удѣльныхъ (Феодальныхъ) Князей, или точнѣе, на ихъ Правителя — Игоря? По всей вѣроятности, это случилось: ибо Болгаре и Россы были тѣсные сосѣди; между ими производились дѣла торговыя и другія; имъ надо было взаимно уживаться. Болгарское Правительство, не смотря уже на введенное обыкновеніе, именно должно было объявить Русскому Владыкѣ о восшествіи на престолъ новаго Короля.

Но какъ Болгарія раздѣлилась на двое, то вопросъ: къ которой сторонѣ присталъ Игорь? Или которая сторона постаралась сильнѣе о снисканіи его дружества? Вѣдь все таки Игорь присталъ къ одной изъ нихъ; ибо, если Византійцы, какъ сосѣди, стали мѣшаться въ перевороты Болгаріи, то почему бы и Русское Правительство, то же какъ сосѣдственное, не интересовалось политическими обстоятельствами Болгаріи?

Ужели тогда, какъ Королевская партія прилѣплялась къ Византійцамъ, Княжеская не искала дружества другаго сосѣда? Господарство обоихъ Князей было въ областяхъ Державы, по сю сторону Дуная лежащихъ (ибо революціонная гроза, напавшая на, собственно такъ называемую, Болгарію, понеслась съ сей стороны Дуная), и сіе обстоятельство показываетъ, что Игорь могъ и долженствовалъ быть склоннымъ къ Королю Молдавскому, т. е., Козарскому Господарю, ибо Государь или Регентъ Болгаріи слишкомъ тѣсную завелъ связь съ Византійцами. Сія связь, или особенное дружество, было то приближеніе Болгаріи къ Грекамъ, которымъ она удалялась отъ Россіянъ; но за то Князь

Іоаннъ Владимировичь, отпавшій отъ Короля, двинулся въ противуположную сторону.

Весьма естественно, что онъ, управляя страною, граничащею съ Россіею, и намѣреваясь взойти на престолъ родительскій, принужденъ былъ искать дружества Игоря.

Но скажутъ, можетъ быть, историческіе азбучники, что это все мои пустыя умничанья, неосновательныя догадки. Умничанья, догадки! Если такъ, то прошу отвѣтить, по какой побудительной причинѣ произошелъ разрывъ между Греками и Россіянами, почему Игорь выступилъ въ походъ противъ Грековъ въ то самое время, когда Іоаннъ Владимировичь поднялъ оружіе на Короля Болгаріи, зятя Императора Греческаго? Потому, отвѣчаетъ Историографъ, что «сей Князь (Игорь, подобно Олегу) хотѣлъ прославить ею (т. е., сею войною) старость свою а), живя до того времени дружелюбно съ Имперіею б).

а) А это развѣ оффиціальное извѣстіе? естественное доказательство? Игорь вздумалъ прервать свое дружелюбіе съ Византійцами по тому, что на старости захотѣлось ему вкусить славы! Какой славы? Хотѣлъ ли онъ, чтобы вся Европа удивлялась его дѣяніямъ въ военныхъ журналахъ, которыхъ тогда и не было? Или хотѣлъ, чтобъ его біографъ, который тогда не зналъ еще и азбуки, поизрядньѣе написалъ его исторію? или боялся онъ, что Княженіе его. какъ говоритъ нашъ Историографъ, вообще не будетъ ознаменовано въ памяти народной никакимъ великимъ происшествіемъ?

Но, если онъ хотѣлъ славы, то не могъ ли прославить себя поближе? Вѣдь Россія окружена народами, коихъ частымъ набѣгамъ подвергалась: Козаре, на примѣръ, господствовавшіе надъ Южно-Россами, еще были на своемъ мѣстѣ, еще не всѣ изъ подвластныхъ имъ Россіянъ были освобождены; еще были даже особыя Русскія области, которыя ему не принадлежали. Вотъ тутъ-то была бы для него слава! Не выгоднѣе ли было для его славы и не легче ли пріобрѣтеніе оной въ сосѣдствѣ, чѣмъ за моремъ, съ землею укрѣпленною, съ народомъ хитрымъ, образованнымъ?

Ужели война съ Византійцами могла быть выгоднѣе для Россіи, чѣмъ, на примѣръ, обузданіе Печенѣговъ, Древлянъ, Литовцевъ и проч. Ужели Игорь увѣренъ былъ въ благополучномъ окончаніи своего предпріятія противъ неприступнаго Константинополя? Какія выгоды могъ онъ имѣть отъ похода на Константинополь, когда Россія была совершенно отъ Греціи отсѣчена Болгарскими владѣніями? И онъ повелъ множество Россіянъ къ Черному морю, чтобы дать Грекамъ потопить ихъ, по тому только, что хотѣлъ прославить свою старость? Какъ же онъ прославилъ себя? Онъ отправился на 10,000-номъ флотѣ, а назадъ возвратился почти что пѣшкомъ! Прославилъ же его Исторіографъ! Для чего же и приводить было сію Рудбековскую догадку?

Но положимъ, что Игорь хотѣлъ прославиться и вознамѣрился итти прямо на Царьградъ; однако, безъ причины онъ не могъ начать войны, живя съ Императоромъ дружелюбно: ибо Россіяне были уже въ то время народъ осѣдлый, хлѣбопашескій, торговый, имѣвшій свои законы, свое правленіе, и, хотя не просвѣщенный, однако, не безъ здраваго разсудка и чувства чести, а ни разбойничья шайка. Императоръ долженъ былъ узнать, почему долженствовало прекратиться его дружелюбіе съ Игоремъ; онъ долженъ былъ то же узнать объ огромныхъ противъ него приготовленіяхъ Игоря. Имперія уже и такъ устала отъ безпрерывной войны то тамъ, то сямъ; война еще продолжалась въ сіе самое время противъ Сарацинъ въ Сиріи. Чтобы избавить Государство отъ другой въ то же время войны, Императоръ немедленно приступилъ бы къ отвращенію оной; онъ, вѣроятно, послалъ бы къ берегамъ Руси одного, или двухъ патрикіевъ, чтобы узнать о причинѣ, подавшей поводъ къ военнымъ приготовленіямъ Россіянъ, и постараться привести дѣло на прежній ладъ. Если бы въ Кіевѣ негодовали на Грековъ за ту, или другую обиду, то Императоръ немедленно удовлетворилъ бы Россійское Правительство: ибо Имперія не имѣла и не могла имѣть никакого виду вести съ Россіею войну, которая не могла ей принести ни какихъ пріобрѣтеній.

И такъ, до начатія войны, необходимо должно было предшествовать съ обѣихъ сторонъ объясненіе. Какъ сторона наступательная были Россіяне, то, конечно, оборонительная т. е., Правительство Имперіи потребовало бы отвѣта: *почему?* И неужели Русскіе должны были непремѣнно начать войну по тому только, что ихъ Государю Игорю «*захотѣлось прославить свою старость?*»

б). «*Живя до того времени дружелюбно съ Имперіею.*» Какъ же до того времени жилъ онъ съ, сосѣдницей своей, Болгаріею? Ужели онъ не жилъ какъ либо съ Болгаріей? Ужели всѣ отношенія Россіи были только къ одной заморской Имперіи? Почему же Историіографъ умалчиваетъ и о происшествіяхъ въ Болгаріи и прибѣгаетъ къ столь странному доказательству? Какъ смотрѣло Болгарское Правительство, заключившее съ Императоромъ тѣсный союзъ, на огромную экспедицію Игоря, которая была болѣе вредна владѣніямъ Болгаріи, чѣмъ опасна отдаленной Имперіи?

Явно, что все предпріятіе было не противъ Константинополя прямо, но именно противъ Болгаріи, хотя, впрочемъ, въ семъ дѣлѣ досталось и Грекамъ, союзникамъ Короля.

Что значитъ: «*Игорь совокупи вои многи, Варяги, и Русь, и Поляны, и Словены, и Кривичи* (и Русь и Поляне, и Словене и Кривичи одинъ и тотъ же Русскій народъ; подъ сими именами разумѣетъ лѣтописецъ только различныя области, занимаемыя Русскимъ народомъ), *и* (или лучше:) *Тиверцы и Печенѣги на я?*» Вѣдь Тиверцы и Печенѣги принадлежали не Россіи, а Болгаріи; Лѣтописецъ уже отсталъ отъ имени Козаръ, и называетъ ихъ Тиверцами и Печенѣгами, которые составляли Козарское или Крымо-Молдавское Болгарское Господарство. И такъ это Болгарское Господарство измѣнило Болгаріи, возстало противъ ней? Иначе быть не льзя; ибо оно присоединилось къ Россійской арміи, или лучше предшествовало ей. Господарство возстало противъ Болгаріи по тому, что самъ Господарь, Князь Іоаннъ Владимировичь, возсталъ противъ Короля Болгарскаго.

Что же значитъ опять: «*и повелѣ Игорь Печенѣгомъ Болгарскую землю воевати*»? Не явно ли, что походъ былъ предпринятъ собственно противъ Болгаріи, а не противъ Грековъ?

И такъ дѣло было въ томъ, что Господарь Козарскій, Князь Іоаннъ Владимировичь, питая злонамѣреніе противъ младшаго своего брата, возведеннаго на престолъ Болгарской Державы, склонилъ на свою сторону Игоря. Конечно, политико-брачный Цареградскій союзъ ускорилъ аллiанцію Кіево-Козарскую, пока, наконецъ, открылась война.

Посему виды Игоря, при предпріятіи сей войны, были другіе, а не прославленіе старости, и, навѣрно, они касались пользы Россіянъ, и онъ, ради прибыли отечеству, въ какомъ бы то отношеніи ни было, а не славы ради, рѣшился подвергать старость свою военнымъ опасностямъ; слѣдственно, симъ уничтожается понятіе Исторіографа о немъ, какъ о «*безразсудномъ славолюбцѣ*».

Игорь имѣлъ въ виду другую, гораздо важнѣйшую, цѣль, а именно: 1) принести пользу своему народу, 2) низложить Петра I съ престола и возвести на оный Князя Іоанна. Но Императоръ вступился за своего зятя, и такъ завязалась общая война.

Нечего было дѣлать, — и на Руси стали приготовляться къ предстоящему бою и моремъ и сухимъ путемъ. Сіи приготовленія производились, по видимому, съ 937 или 938 году; кампанія же началась съ 339 года, или, за достовѣрное можно положить, въ 940 году. Я не повѣрю Византійцамъ, которые начинаютъ сіе дѣло только съ 941 года, такъ какъ они тогда только начали о семъ говорить, когда Россіяне, наконецъ, стали угрожать Цареграду большою опасностію изъ подстѣній его. Посему Россіяне въ Черномъ морѣ были въ прошедшемъ уже 940 году; а явленіе ихъ 11 Іюня, 941 года, подъ Константинополемъ почесть должно не началомъ, а продолженіемъ сей кампаніи.

Если обратимъ вниманіе на военныя силы Россіянъ, выступившія въ походъ, то не можемъ не видѣть, что показанія какъ Византійцевъ, такъ и Русскаго лѣтописца, слишкомъ

поверхностны. Это довольно ясно, что Русскіе предпринялн походъ и моремъ и сухимъ путемъ; слѣдственно, со стороны ихъ были двѣ различныя экспедиціи?

а) *Морская экспедиція.* Греки упоминаютъ только о морской экспедиціи Россіянъ, потому что только морская забрала ихъ за живое, между тѣмъ какъ сухопутная ихъ почти не касалась. Напротивъ того Несторъ намекаетъ на ту и другую; впрочемъ, о сухопутной такъ кратко говоритъ, что больше не поймешь, какъ только, что въ Болгаріи *«война была.»* По видимому, онъ умолчалъ бы и о морской, если бы ему въ этомъ не помогли Греки: онъ заимствовалъ у нихъ не только извѣстія, но и выраженія и ошибочные пересказы. *Извѣстія:* ибо онъ тоже расказываетъ, что и Византійцы, и не больше; *выраженія:* ибо можно себѣ легко представить, что Несторъ, который никогда самъ отъ себя не выдумывалъ ничего, сіи извѣстія переписалъ почти слово въ слово. Но какъ списки сего лѣтописца весьма различны и перековерканы, то легко можно понять, что и его переводъ Византійскихъ извѣстій нѣсколько измѣненъ. Надлежитъ узнать, изъ котораго Византійскаго писателя заимствовалъ Несторъ, и который изъ списковъ чище прочихъ сохранилъ сіе извѣстіе. Какъ предо мною нѣтъ на сей разъ всѣхъ списковъ, то я ограничуюсь находящимся у меня Кенигсбергскимъ. стр. 35: *«И Судъ весь пожгоша; ихже емше овѣхъ распичаху, и нѣхъ же въ землю приспяаху, другіи же, аки стража поставляюще, стрѣляху въ ня, и изымавше опаки руцѣ связываху, и гвозди желѣзны по среди главы вбиваху имъ, много же святыхъ церквей огневи предаша, монастыри пожгоша и проч.»* *Ошибочныя сказанія:* это есть распущенная молва о числѣ кораблей Россійскаго флота. Кто повѣритъ, что у Игоря было 10,000 кораблей или судовъ? Если взять и десятую долю сего числа баснословнаго, то не будетъ ли 1000 судовъ черезъ чуръ довольно? Не захотѣли ли Византійцы изъ Игоря сдѣлать Ксеркса, а изъ своего Протовестіарія, Ѳеофана,—Леонида? И Греческая эскадра, откомандированная противъ Русскихъ судовъ и состоявшая, по видимому, не болѣе, какъ изъ

40 или 50 судовъ, (такъ какъ прочія Греческія эскадры находились въ Средиземномъ морѣ и въ гаваняхъ Востока, ибо жаркія были дѣла съ Сарацынами, тоже хорошими моряками) разбила десятитысячный флотъ Игоря?

Начало сей сказки, вѣроятно, произошло оттуда, что матросы Греческой эскадры, возвратившись, послѣ кампаніи, въ городъ, изъ тщеславія разнесли вѣсть, будто Россійскій флотъ былъ въ столько и столько тысячь кораблей, а Греческіе монахи сіи вѣсти внесли въ свои хроники и написали, иные 10,000, а другіе 15,000, что, конечно, и тогда было бы нелѣпостію, когда бы находилось даже въ донесеніи Императору самаго Адмирала, который самъ дѣйствительно не могъ насчитать толикое число кораблей.

Посему выходитъ, что Несторъ самъ собою немного зналъ о подробностяхъ морской экспедиціи; а что оставилъ намъ въ лѣтописи, то выписалъ изъ повѣствованій тамошнихъ свидѣтелей, не измѣняя почти ничего, даже и круглаго числа 10-ти тысячь.

Если же надобно опредѣлить число Русскихъ судовъ ближе къ истинѣ, то можно положить ихъ отъ 300 до 350, или, по крайней мѣрѣ, не болѣе 400; но и это уже довольно много для того, чтобы дать потопить и сжечь Греческой эскадрѣ. — Что Несторъ внесъ въ свою лѣтопись 10,000 кораблей, простительно; ибо онъ не хотѣлъ перемѣнять чужое, и въ этомъ поступилъ, какъ честный Историкъ; но непростительно Исторіографу, который, не зная, вѣрить ли, или нѣтъ, вѣсти, распространенной Греческими матросами, внесъ всѣ 10 тысячь кораблей до одного въ свою Исторію.

И такъ, если на каждое изъ предполагаемыхъ 400 судовъ, по крайней мѣрѣ, посажено было 100 человѣкъ, то выйдетъ на лице 40,000 дессантнаго войска, и это уже весьма довольно, и больше не льзя ожидать было отъ тогдашняго времени.

б) *Сухопутная экспедиція.* Между тѣмъ какъ Россы вооружились на морѣ, они, конечно, еще сильнѣе приготовили свои сухопутныя силы. Съ сими-то силами не дрались Греческіе матросы, или этеристы, или тагматики; ибо отъ

подобной опасности заграждала ихъ сильная стѣна — Болгарія: по этому сіи силы не только не были увеличены до 1,000,000, но даже совсѣмъ и не упомянуты: всѣ онѣ, равно какъ и войска Іоанна Владимировича, могутъ быть подведены подъ одно общее заглавіе, т. е., *Князь Іоаннъ произвелъ бунтъ, въ намѣреніи возсѣсть на Болгарскій престолъ*; а изъ Нестора знаемъ только, что Россіяне послѣдовали къ Дунаю за Тиверцами и Печенѣгами. Противъ кого же? Противъ союзника и зятя Императора Греческаго!

Я не стану распложать Русской арміи круглымъ числомъ до 1,000,000, даже не скажу 100,000; но скажу просто, что она была порядочная и сильная, сообразно обстоятельствамъ тогдашняго времени: ибо видно изъ изчисленія областей у Нестора: *Русь*, *Словене*, *Поляне*, *Кривичи*, которые должны были выставить свои ополченія, что Игорь, хотя не какъ Ксеркъсъ, или Дарій, однако, какъ Государь народа многочисленнаго, какъ преемникъ Олега, выступилъ на брань.

Какая перемѣна въ политическомъ равновѣсіи между Болгаріей и Россіей! Не съ большимъ 50 лѣтъ тому назадъ Болгаре имѣли еще сильное вліяніе на Русь; теперь же Россіяне взяли надъ ними верхъ, и начали мѣшаться во внутренія ихъ дѣла.

Если разсуждать, сообразуясь буквально съ краткими лсовами нашего лѣтописца, то немного, или ничего не подвинешь впередъ понятія о событіяхъ давняго времени, и тогда критикъ долженъ будетъ сказать: «*Oleum et operam perdidi.*»

Выраженіе Нестора: «*и пойде на Греки въ ладьяхъ и на конехъ*», означаетъ обѣ экспедиціи, какъ сухопутную, такъ и морскую. «*На конехъ*», значитъ вообще сухопутное войско, — пѣхотное ли, или конное, — все равно; Несторъ такъ выразился по тому, что, по старинной, стратегіи конница была преимущественно въ употребленіи, а наипаче въ странахъ плоскихъ, какова и Россія. Кромѣ сего Игорю дѣйствительно надобно было имѣть много конницы; ибо предлежала борьба съ народомъ Болгарскимъ, котораго конница не

имѣла себѣ равной во всей Европѣ. Болгаре симъ родомъ войска славились не только тогда, когда ихъ называли Гуннами, но и въ XIII еще столѣтіи. Однако, нельзя думать, будто Игорь взялъ съ собою одну только конницу; ему нужны были не менѣе и пѣшія рати.

«*И пойде на Греки.*» Поелику дѣло завязалось между тремя Государствами, то Несторъ былъ въ недоумѣніи, противъ кого именно предпринята была Русская экспедиція. Нашедъ нѣсколько извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ Россіянъ на той точкѣ, гдѣ давили Грековъ, рѣшилъ онъ въ своемъ понятіи, что это было прямо «*на Греки*», которые межъ тѣмъ были только помощниками Петра Владимировича, какъ Россіяне союзниками Ивана Владимировича.

И такъ о дѣйствіяхъ Русскаго флота упомянули собственно Византійцы, а не Несторъ; онъ только повторилъ. Но положимъ, что Византійцы умолчали бы совершенно о дѣйствіяхъ дессантнаго Русскаго войска и о морскихъ сраженіяхъ, что тогда Несторъ? Онъ столь же коротко описалъ бы оныя, какъ описалъ и военныя дѣйствія Россіянъ въ Болгаріи, т. е., намекнулъ только однимъ, или двумя словами. Изъ сего видно, что Исторіею пропущена жаркая сѣча внутри предѣловъ Болгаріи. Виновникомъ сего историческаго ущерба не Несторъ, а судьба просвѣщенія. Война сія была жестокая, и продолжалась съ 940 по 944 годъ. Всѣ событія, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, происходившія на разныхъ точкахъ войны, наполнили бы четыре тома, какъ и событія всякой порядочной войны, въ которое бы время она ни была ведена, въ древнее ли, или въ новѣйшее. Какъ же принять должно лаконическую полу-страничку лѣтописи въ отношеніи къ двухъ-томному обстоятельному описанію Игоревой войны? Съ трудомъ представить себѣ можно изъ сей полстраницы все теченіе четырехъ-лѣтней войны на довольно значительномъ пространствѣ.

Какъ бы то ни было, надо допустить, однако, что непріятельскія дѣйствія началъ Болгарскій Царевичь; ибо собственно дѣло было его. За нимъ послѣдовали Россіяне, подобно Олеговымъ, то же къ Дунаю.

Съ какимъ же намѣреніемъ, сообразно Византійскимъ извѣстіямъ, рѣшился Игорь перенести театръ войны въ окрестности Константинополя, или лучше сказать, въ Анатолію? Какія военныя соображенія и съ какими именно движеніями могли бы его побудить взять точку своихъ военныхъ дѣйствій въ отдаленной странѣ, въ третьемъ Государствѣ, безъ всякаго сухопутнаго сообщенія съ Россіею? Вотъ вопросы, на которые и самъ толкователь Нестора, Шлецеръ, обѣщавшій разрѣшить всякое недоумѣніе, встрѣчающееся у Лѣтописца, не дерзнулъ отвѣтить, но на которые отвѣтить необходимо надобно; ибо ущербленное повѣствованіе лѣтописцевъ о семъ великомъ событіи, которое дѣйствительно имѣло свое начало и свое теченіе, направляемое обстоятельствами, для изслѣдованія цѣлаго во всѣхъ его подробностяхъ, слишкомъ недостаточно.

И такъ, вопреки напыщеннымъ аргументамъ Шлецера, предпринимающаго все, но рѣшающаго мало, необходимо нужно допустить подробное изслѣдованіе сей войны, чтобы представить себѣ дѣло болѣе яснымъ и естественнымъ; въ противномъ случаѣ оно остается загадочнымъ и непонятнымъ, и тѣмъ самымъ теряется картина политическаго отношенія сего времени между тремя Державами: Россіею, Болгаріей и Греціей.

И такъ, допустивъ, что походъ Россіянъ производился именно въ пользу Болгарскаго Царевича противъ его брата, должно принять, что военныя дѣйствія начались собственно съ Болгарами. Сообразно съ симъ должно тоже принять слѣдующее положеніе: что морская экспедиція Россіянъ была выставлена не для главной цѣли, которая находилась въ Болгаріи, и не въ Анатоліи, но только для поддержанія сухопутной, гораздо сильнѣйшей. Необходимость переправы Русской арміи чрезъ Дунай уже само собою предполагаетъ необходимость Русской флотиліи, какъ для перевоза войскъ, такъ и для защиты, или прикрытія переправы. Но какъ же говорить, скажите, о кампаніи Россіянъ за Дунаемъ во внутренности Болгаріи, которой не описываютъ подробно лѣтописцы? Объ умолчаніи лѣтописца я

уже говорилъ выше; а теперь, вмѣсто дальнѣйшаго отвѣта, спрошу: 1) по какой причинѣ, какъ, по какимъ обстоятельствамъ случилось, что Болгарская Держава, которая до сего самаго времени была еще одною изъ сильнѣйшихъ въ Европѣ, съ сего времени, т. е., съ эпохи 940—944, почти кругомъ, почти въ половину, обрѣзана, уменьшена? И почему съ сего именно времени Византійцы взяли чувствительный надъ нею перевѣсъ? Почему на землѣ сей Державы именно съ этого времени берутъ свое начало Венгрія, Сербія, Кроація? Могли ли Болгаре, народъ царствующій, если руки ихъ свободны были отъ всякаго посторонняго занятія, допустить возмущеніе и отпаденіе сихъ малыхъ и несильныхъ народовъ? Могли ли Сербы и Кроаты сбить съ себя иго, если бы Болгаре не заняты были раздоромъ между собою и войною съ какимъ либо чужимъ народомъ — сосѣдомъ? Сія эпоха нанесла смертельный ударъ Болгаріи; великія событія сего времени, по свойствамъ и теченію своего происхожденія, указываютъ на жестокій переворотъ, на борьбу въ самомъ сердцѣ сей Державы.

2) Откуда лучше объяснить дѣйствіе Россійскаго флота, или лучше высаднаго Русскаго воинства въ Анатоліи, какъ не изъ стеченія обстоятельствъ, касающихся Болгаріи? Могъ ли быть Игорь, или какой бы то ни былъ командиръ Русской эскадры, столь неразсудительнымъ, столь недальновиднымъ, чтобы, безъ всякой прямой пользы и цѣли для самой Россіи, пуститься въ такой походъ, котораго успѣхъ былъ сомнителенъ и исходъ дѣйствительно невыгодный? Если же не непосредственный интересъ былъ причиною высадки Россіянъ въ Анатоліи, то какая ближайшая причина была сего дѣйствія Россіянъ? Само собою слѣдуетъ, что ближайшая причина сего дѣйствія была необходимость военной диверсіи для поддержанія своего, происшедшая изъ военныхъ соображеній Іоанно-Игоревой стороны; и на оборотъ видно, что дѣйствіе противъ Анатольскихъ береговъ не могло быть иначе, какъ только съ согласія Болгаріи, или по требованію дѣлъ и обстоятельствъ въ оной, т. е., Анатольское дѣйствіе указываетъ на гораздо важ-

нѣйшее въ Болгаріи. Какъ же не понять сего тогда, какъ само собою ясно, что не всѣ Русскія сухопутныя силы, состоявшія и изъ многочисленной кавалеріи, сѣли на Русскія суда, которыя болѣе походили на барки, чѣмъ на фрегаты? Куда же сія конница шла, если уже и не обратить вниманіе на пѣхоту?

3) Да къ чему же доказывать такъ горячо, что дѣло Игоря было собственно съ Болгаріей, когда самъ Несторъ явно и откровенно говоритъ, что, по повелѣнію Игоря, сдѣлана переправа Печенѣгами (только одними Печенѣгами?) въ Болгарію для завоеванія оной?

Но теперь раждаются новые вопросы: 1) Ужели кампанія сія начата съ береговъ Анатоліи, или съ окрестностей Царяграда? По какимъ правиламъ военной науки, которая преимущественно внушается здравымъ разсудкомъ и опытностію, могли Россіяне рѣшиться начать войну съ отдаленной и самой опасной точки, чтобы послѣ вести оную на плечахъ обратно къ своему отечеству?

Изъ вышесказаннаго мною теперь уже ясно видно, что появленіе Русскаго флота у береговъ Царяграда и Анатоліи не есть начало сей кампаніи, а продолженіе оной; и такъ начата война именно съ Болгаріей.

2) Когда же началась сія война? — Какъ появленіе Россіянъ подъ Константинополемъ всѣми Византійцами полагается въ 941 году, сіе же появленіе было только продолженіемъ войны; то необходимо надо принять, что она началась не въ 941, а въ 940, или лучше, что первыя непріязненныя движенія съ самой одной Болгаріей открылись около 938—939 года.

3) Гдѣ находился самъ Игорь, въ Болгаріи ли, посреди своихъ сухопутныхъ силъ, или на водѣ, при флотѣ? Вотъ важный вопросъ, который рѣшить трудно, однако надобно.

Былъ ли онъ при флотѣ? 1) Всѣ Византійцы объ немъ ни слова не знаютъ: видно, что не былъ. Я не могу вообразить себѣ, чтобы они, говоря о столь жаркомъ дѣлѣ съ Россіянами въ Анатоліи, преминули упомянуть о самомъ ихъ Государѣ, если бы онъ дѣйствительно тамъ находился.

Вѣдь Греки должны же были имѣть съ Русскими какія нибудь сношенія, или переговоры. Касательно очищенія Анатольскихъ областей, какъ было имъ не замѣтить имя того Русскаго Архонта, по мановенію коего долженъ былъ двигаться весь механизмъ сей войны, если онъ дѣйствительно выступилъ на берегъ Анатоліи, или Романіи? И такъ Игоря не было при флотѣ.

2) Несторъ выражается: «*иде Игорь на Греки*». Изъ сего выраженія нельзя еще отнюдь заключить, что Игорь находился на флотѣ, или, собственно, самъ командовалъ онымъ. «*Иде на Греки*,» не больше значить, какъ: объявилъ войну и вступилъ въ походъ. Слова же: «*на Греки*», онъ прилжилъ потому, что большая часть военныхъ извѣстій, замѣченныхъ Византійцами, гласитъ о дѣлѣ Россіянъ на землѣ Греческой: и такъ, по преимуществу сохраненныхъ извѣстій, Несторъ заключилъ, что Игорь шелъ на Греки, межъ тѣмъ, какъ надобно было сказать: «Игорь шелъ на Болгаръ». И такъ неточное выраженіе лѣтописца: «*на Греки*», не даетъ ни малѣйшаго поводу къ заключенію, будто Игорь лично командовалъ судами противъ Константинополя.

3) Морская экспедиція не была главнымъ предпріятіемъ Игоря: за чѣмъ было ему идти заниматься дѣломъ посторонним, въ которомъ онъ не могъ надѣяться ни отличныхъ успѣховъ, ни славы? Предметъ его занятій была Болгарія, была корона сей Державы.

4) Игорь не былъ Адмираломъ, и до сихъ поръ не былъ даже ни однажды на морѣ: по чему же не сказать лучше, если уже хотятъ его заставить командовать лично, что онъ командовалъ изъ главной своей квартиры на сушѣ, гдѣ бы то ни было.

Одинъ только Ліутпрандъ, бывшій въ Константинополѣ около 946 года, т. е., послѣ окончанія сей войны, упоминаетъ объ Игорѣ, какъ о главномъ распорядителѣ морскаго снаряженія. Можетъ статься, что Игорь самъ прибылъ къ сему морскому сраженію, долженствовавшему рѣшить сію войну; можетъ, однако, и то статься, что Ліутпрандъ командованіе флотомъ какого либо Русскаго Адмирала, или Воена-

чальника приписалъ самому Игорю, ибо легко могъ вообразить себѣ ошибкою, что при Русскихъ морскихъ силахъ находился и самъ Царь ихъ. Впрочемъ, не понимаю, почему и Греки не замѣтили Игоря, подобно Ліуитпранду, если онъ дѣйствительно былъ на судахъ.

Какъ бы, впрочемъ, ни было, хотя бы Игорь въ 941 году дѣйствительно принялся за управленіе морскимъ сраженіемъ, однако, ничто не мѣшаетъ принять, что личный походъ Игоря былъ болѣе сухопутнымъ, чѣмъ морскимъ.

5) Какъ представить себѣ болѣе естественное и болѣе вѣроятное теченіе сей войны?

Изъ безсвязнаго и отрывистаго повѣствованія какъ Византійцевъ, такъ и Нестора, трудно вывести что либо поучительное для нынѣшнихъ Русскихъ военачальниковъ. Если расположить находящіяся извѣстія въ какой либо порядокъ, то онѣ, въ теченіи цѣлаго дѣла, покажутся только небольшими островами, огромныя же между ими пустыя мѣста, для возвращенія связи, критика должна пополнить догадками, изслѣдованіями, объясненіями. И такъ:

Война сперва возгорѣлась между Господаремъ, Княземъ Іоанномъ Владимировичемъ, и Королемъ, Петромъ, Болгарскими. Россія, побуждаемая партіею Князя, не хотѣла признать Болгарскимъ Королемъ Петра Владимировича, то есть, она лучше желала видѣть на престолѣ Болгаріи старшаго его брата. Мы видѣли уже, что пронырливый Регентъ и Дворъ Цареградскій предупредили Іоанна и Россію своими интригами, и что Греція рѣшилась принимать живое соучастіе въ дѣлахъ Болгаріи. Причина къ предлежащей войнѣ была сильная и естественная.

Какое же участіе принимали Греки при самомъ началѣ оной? Съ точностію не льзя опредѣлить; по крайней мѣрѣ, сколько судить можно изъ молчанія лѣтописей и изъ тогдашняго положенія Имперіи, видно, что не совсѣмъ живое, ибо:

Имперія, послѣ смерти Владимира II Великаго, не совсѣмъ еще могла совершенно оправиться. Война въ Азіи опять началась съ Сарацинами, и продолжалась; дѣло Им-

періи на Востокѣ весьма славно поддерживалъ храбрый Генералъ, Іоаннъ Куркова или Куркуа, который много областей и городовъ, по рѣкамъ Тибру и Ефрату, возвратилъ Имперіи: Продолжатель сравниваетъ его только съ однимъ Велизаріемъ. Не смотря на то, присутствіе сего вождя всегда необходимо было на предѣлахъ Имперіи, которые никогда не могли быть безопасными отъ безпокойныхъ Магометанъ.

Морская сила Имперіи безпрерывно должна была крейсировать у острововъ и береговъ Востока для обезпеченія оныхъ отъ Арабскихъ эскадръ, которыя, плавая по тому же самому морю, готовы были всегда къ нападенію на Греческіе острова и на твердую землю, и вели собственно корсарскій промыслъ для Сарацинскихъ Эмировъ, Беевъ и самыхъ Калифовъ.

На Черное море, кажется, Византійцы не обращали особеннаго вниманія; ибо ни Болгаре, ни Россіяне не занимались, собственно, корсарскимъ ремесломъ, а пользовались мореплаваніемъ для торговли, на сколько позволяли это трактаты между сими тремя народами. Впрочемъ, Черное море болѣе было въ рукахъ Россіянъ и Болгаръ, равно какъ и Черноморская торговля; Греки, которые не могли всѣ занимать своею массою, не желали и опредѣлить, или даже распространить, свою демаркаціонную линію, которая Владимиромъ II совсѣмъ уничтожена. Преимущества Болгарской и Русской торговли въ Константинополѣ явно показываютъ, сколь незначительно было господство Византійцевъ надъ Чернымъ моремъ.

Отраженіе даже посредственнаго на семъ морѣ противъ нихъ предпріятія должно было имъ стоить великаго напряженія силъ своихъ, что дѣйствительно видно изъ разсматриваемаго нами предпріятія Россіянъ, коимъ Греки стали противиться уже тогда, когда опасность начала угрожать самой столицѣ. Правда, что и Греки имѣли всегда свою эскадру на Черномъ морѣ; но она была не купеческая, а казенная, военная, для охраненія какъ Анатольскихъ, такъ и Оракійскихъ береговъ. Впрочемъ, какъ сіе море не было

наполняемо дѣятельными корсарами, и какъ Имперскія берега онаго были болѣе спокойными, то Греческое Адмиралтейство въ Черномъ морѣ держало уже выслуженныя суда, которыя догнивали частію въ Босфорскомъ проливѣ, частію у другихъ Черноморскихъ береговъ. Худой надзоръ за морскими силами Имперіи былъ причиною, что Греческое Правительство, въ продолженіе сего столѣтія, какъ увидимъ ниже, принуждено было приглашать и принимать въ службу небольшія Русскія эскадры.

Еще затрудненіе: въ сіе самое время, въ которомъ Греція захотѣла принять живое участіе въ политическомъ вѣсѣ съ Болгаріей и Россіей, занемогла она внутреннимъ раздоромъ. Сверхъ внутреннихъ интригъ, Константинъ Дука въ Анатоліи, въ военномъ поселеніи гвардіи (*Thema Obsequianorum*, или *Obsicianorum*) произвелъ сильное возмущеніе. И такъ Греція, вопреки ея властолюбивымъ желаніямъ, не могла вдругъ оказать силу свою въ полной мѣрѣ; руки ея были связаны; прежде надлежало привести въ порядокъ домашнія дѣла.

Сверхъ сего, дѣло это касалось, собственно, Болгаріи, которая должна была встрѣтить первыя движенія войны. Наконецъ, можетъ быть, Греція и не предполагала столь наглаго наступительнаго движенія Россіянъ.

Какъ бы то ни было, видно, однако, что переправѣ Россіянъ чрезъ Дунай не мѣшали Греки, которые извѣстились о семъ уже тогда, какъ сія переправа совершенно кончилась.

Не могу угадать, какой былъ планъ дѣйствій Россіянъ; но планъ все таки былъ. Хотя Россіяне и не объявляли войны Имперіи формально, однако, могли превидѣть, что Императоръ не отступится отъ своей связи съ Королемъ, и что, въ случаѣ успѣховъ въ Болгаріи, дѣло дойдетъ до рукопашной битвы съ Греками.

Если Игорь нуждался въ военномъ совѣтѣ, то главными его руководителями могли быть Князь Іоаннъ и его партія, въ которой находились многіе Вельможи и Воеводы Болгарскіе, нѣкогда бывшіе сослуживцами Владимира, и сдѣ-

лавшіеся врагами и Регента, и слабаго Короля. И такъ Игорь не имѣлъ недостатка въ людяхъ, весьма хорошо знавшихъ слабую сторону Грековъ, на которую, въ случаѣ, нужды надлежало сдѣлать оборотъ.

Посему, прежде нежели театръ войны перенесенъ былъ въ Имперію, Русскіе и приверженцы Князя Іоанна Владимировича, перешедъ Дунай, устремились къ своей цѣли, къ завоеванію Болгаріи и къ возведенію Царевича на престолъ. Само собою разумѣется, что и Болгарское Правительство не дремало и дѣятельно препоясалось къ оборонѣ.

Какіе успѣхи имѣло оружіе Русскихъ и Князя Іоанна въ Болгаріи, подробности этого неизвѣстны; по крайней мѣрѣ, можно полагать, что дѣла Болгарскихъ роялистовъ приняли было дурной оборотъ, такъ что Греки принуждены были ускорить свои военныя приготовленія и поспѣшить на помощь Королю. Что Болгарія потерпѣла тогда сильныя потрясенія, разстройства и перевороты, это ясно видно изъ того, что сія Держава никогда въ послѣдствіи не могла залечить полученныя ею раны.

Сіи бѣдствія продолжались съ 938 по 941 годъ; впрочемъ, завоеваніе Болгаріи, усѣянной отличными крѣпостями, было весьма трудно и сомнительно; ибо, если бы даже вездѣ отступали Королевскія войска (чего, однако, сказать рѣшительно не льзя), то и въ такомъ случаѣ укрѣпленныя мѣста, охраняемыя гарнизонами, могли давать имъ убѣжище, и тѣмъ самымъ служить защитою Королевскаго дѣла; для взятія всѣхъ крѣпостей штурмомъ ни у Россіянъ, ни у приверженцовъ Царевича недоставало довольно силъ: и такъ дѣло длилось, а Король защищался, гдѣ могъ и какъ могъ.

Межъ тѣмъ Королева Марія, при столь критическихъ обстоятельствахъ, поспѣшно отправилась въ Константинополь, къ своему Императору, Роману, для испрошенія ли помощи, или для свиданія, или для избѣжанія отъ военныхъ бѣдствій.

Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ, вѣрно, что Византійскій Дворъ, не смотря на войну свою съ Сарацинами и возмущеніе въ Анатоліи, долженъ былъ приступить къ

мѣрамъ рѣшительнымъ: ибо Король, хотя бы и сильно былъ защищаемъ, однако, отразить Русскихъ силъ, подкрѣпляемыхъ Болгарскими инсургентами, не былъ въ состояніи.

Въ Цареградскомъ рейдѣ поспѣшно приступили къ снаряженію флота: по неимѣнію достаточныхъ морскихъ силъ, говоритъ Ліутпрандъ, Императоръ, для усиленія своей эскарды, велѣлъ починить еще 15 поврежденныхъ судовъ, находившихся въ каналѣ, и нѣсколько брандеровъ. Vid. Шлецеръ, Несторъ, III. 44.

Но почему Россіяне высадились на берега Анатоліи? Какая была цѣль сей диверсіи? Это задача, которую не легко можно рѣшить. Причину сего движенія можно бы угадать достовѣрно соображеніемъ общаго теченія дѣлъ и подлиннымъ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ сему движенію; но какъ все сіе для насъ затеряно, т. е., какъ дѣла и событія сего времени во внутренности Болгаріи намъ не извѣстны, то не извѣстною останется и именная причина диверсіи Россіянъ на Анатолію. Однако, по крайней мѣрѣ, достовѣрно то, что сія высадка Россіянъ была слѣдствіемъ военной необходимости, предписанной обстоятельствами, а по сему и стратегіей, произведенной политическими интригами трехъ воюющихъ Державъ. И такъ высадка Россіянъ въ Анатолію, какою бы она ближайшею именно причиною произведена ни была, всегда будетъ не иное что, какъ только диверсія для прикрытія дѣлъ Болгарскихъ; между тѣмъ какъ Греки, по видимому, угрожали изъ своихъ Анатольскихъ владѣній высадкою на Болгарскіе берега, соединеніемъ своихъ войскъ съ Королевскими, занятіемъ Дуная своею флотиліею и пресѣченіемъ сообщенія съ Россіею.

Но еще новое обстоятельство подаетъ новый поводъ къ догадкамъ, а именно: возмущеніе въ Анатоліи Константина Дуки, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоего вельможи, выдававшаго себя за него. Сіе возмущеніе началось около 936 года, въ слѣдующемъ же потушено; но, при начатіи сей войны и при приближеніи Россіянъ, опять возгорѣлось съ гораздо большею яростію. Что это значитъ?

Возмущеніе сіе произведено было, какъ видно, Болгарскими военными поселеніями, переведенными въ Анатолію слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ Императоромъ Іустиніаномъ II изъ Ѳракіи и Македоніи. Сіи военныя поселенія уже тогда выставляли на службу Имперіи наличными до 30,000 человѣкъ. Этимъ поселеніямъ (Themata) даны были особыя областныя названія, подъ которыми сіи Болгаре слыли въ Византійской Исторіи. Сіи-то Славяне-Болгаре, употребляемые Имперіею въ частныхъ войнахъ на Востокѣ, проливали кровь свою за дѣло Имперіи на берегахъ Тигра, Евфрата, въ Сиріи, Месопотаміи и во всей Малой Азіи.

Какое отношеніе имѣла высадка Россіянъ къ сему возмущенію? Не было ли между обѣими сторонами какого либо сношенія? Что было причиною сего возстанія? Какое участіе принимали въ семъ событіи Россіяне, преимущественно же Болгарскіе инсургенты? Для поясненія сего дѣла нужно обратить вниманіе на умы въ Имперіи.

Извѣстно, что послѣ ранней смерти Императора Льва Философа наслѣдникомъ Имперіи сдѣлался малолѣтный сынъ его, Константинъ. Императрица мать, принявшая званіе Опекунши и Регентши Имперіи, недолго могла удержаться на челѣ бурныхъ обстоятельствъ, коими поражаема была тогда Имперія. При этомъ критическомъ положеніи дѣлъ оной, нужно было имѣть на престолѣ мужа твердаго, рѣшительнаго; и Византійцы стали оглядываться, чтобы избрать такого предпріимчиваго мужа; и хотя самъ Императоръ вышелъ изъ малолѣтства и по лѣтамъ своимъ могъ уже управлять Имперіей, но тихій нравъ его и мягкосердечіе дозволили интригантамъ помышлять о новомъ Правителѣ. Образовавшаяся партія, въ челѣ коей стоялъ Адмиралъ Лакапинъ, успѣла сему послѣднему помочь добиться у молодаго Императора первѣйшей въ Имперіи власти (Domesticus Scholarum), которую сравнить можно съ могуществомъ Великаго Визиря. Удаленіе Императрицы отъ Двора и чиновниковъ ея партіи отъ должностей отворило сему властолюбцу новое поле видовъ. Правя Имперіей отъ имени Константина, онъ сдѣлался грознымъ даже и для бо-

язливаго Императора, за коего онъ успѣлъ выдать дочь свою. Будучи тестемъ Императора и сдѣлавшись Цесаремъ, онъ захотѣлъ быть и со-Императоромъ, равнымъ зятю, а наконецъ первымъ и высшимъ его Государемъ, т. е., Августомъ. И такъ, бывшій Адмиралъ, Романъ Лакапинъ, все дѣлалъ по собственному произволу, исключительно самъ управляя всѣмъ; а Константинъ, лишенный постепенно власти, слылъ только по имени Императоромъ, не выходя изъ своего уединеннаго жилища никуда, предавшись наукамъ и Словесности.

Межъ тѣмъ гордость Романа умножала ежедневно число его враговъ; естественно, что многіе, имъ недовольные, желали лучше быть управляемы настоящимъ Императоромъ, кроткимъ Константиномъ; мысль о незаконно присвоенной Романомъ власти, или лучше о вынужденіи оной, подстрекала дерзость его недоброхотовъ; Константинъ самъ на причиняемыя какъ Романомъ, такъ и его сыновьями Кесарями, коихъ было нѣсколько, сану своему обиды, принужденъ былъ смотрѣть сквозь пальцы, видя себя въ рукахъ облагодѣтельствованныхъ имъ Романидовъ. Но когда добрый Императоръ сносилъ сіе молча, народъ ропталъ; болѣе же всѣхъ привержены были къ Константину Имперскіе Болгаре и находившіеся въ службѣ Славяне. Частые заговоры противъ Романа открываемы были даже между его приверженцами и строго наказываемы; нѣкоторые изъ такихъ заговоровъ превращались въ возмущеніе. Однимъ изъ подобныхъ было и возмущеніе Анатольскихъ Болгаръ къ низложенію Романа и утвержденію единодержавія одного Константина Багрянороднаго, который родомъ былъ собственно Болгаринъ-Славянинъ.

И такъ и въ Имперіи умы были раздѣлены на двѣ партіи, подобно какъ и въ Болгаріи, и такимъ образомъ стремились къ междуусобной брани. Императоръ Константинъ до сихъ поръ терпѣливо переносилъ надменность Романа и его сыновей; но терпѣніе его посѣшно ослабѣвало, по мѣрѣ возрастанія его лѣтъ; казалось, надобно было ему опасаться будущности, ибо онъ имѣлъ уже сына, о судьбѣ коего

долженъ былъ необходимо постараться и принять рѣшительныя мѣры для обезопасенія его участи, тѣмъ паче, что онъ понялъ тайныя намѣренія Романа удержать наслѣдство престола въ своемъ родѣ. Не смотря на это, Константинъ самъ не имѣлъ для сего довольно твердаго духа: при своей нерѣшимости, онъ отлагалъ дѣло со дня на день, полагаясь на тайныя старанія своихъ приверженцевъ, хотя и могъ опасаться изгнанія и совершеннаго исключенія отъ наслѣдства престола, ибо Романъ всѣ тѣ мѣста, на коихъ вертѣлась вся машина, занялъ своими тварями, преданными ему приверженцами. Между тѣмъ уловками своими онъ умѣлъ удержать Константина въ согласіи съ собою; видомъ миролюбія и приверженности онъ обезоруживалъ его и держалъ долго въ своихъ рукахъ.

Межъ тѣмъ духъ жителей Имперіи раздвоялся болѣе и болѣе: Славяне соперничали съ Греками; между обоими народами была тайная ненависть. Правленіе Романа ознаменовалось полнымъ предпочтеніемъ къ Грекамъ; онъ старался распространять Грецизмъ на счетъ Славянъ. и природныхъ начальниковъ ихъ хотѣлъ замѣнить Греками. Слѣдствіемъ сего были частые бунты Славянъ во всѣхъ концахъ Имперіи. Такъ возмутились въ Сѣверной Италіи (in Themate Longobardiae), въ Лонгобардской Имперской области, собственно называемые *Словене*, противъ присланнаго для управленія ими Греческаго стратега, но приведены къ повиновенію, и значительное ихъ количество, съ тремя ихъ начальниками, переведено въ Обсиціанскія военныя поселенія, находившіяся въ Анатоліи и прилежавшія къ Болгарскимъ. Капитаны ихъ или Главы (Κεφαλαὶ) получали мѣсячнаго жалованья только по пяти монетъ золотыхъ, а прочіе по три.

Подобное возмущеніе произведено Морейскими Славянами, *Езерянами* и *Миленцами*, которые приведены были къ сему происками Претора Мореи, Іоанна Протоспатарія. Морея тогда была обитаема преимущественно Славянами; большая часть ихъ повиновались Императору; одни *Езеряне* и *Миленцы*, обитатели Лакедемоніи, Элиды и горъ, нѣкогда называвшихся *Пентадактилосъ*, а нынѣ Майнотскими,

и протягивающихся въ пяти отдѣленіяхъ къ самому морю (Vid. Memor. Pop. in Slav. pag. 94), удерживали за собою нѣкоторую независимость. Императоръ смѣнилъ Претора другимъ, *Кринитомъ*, долженствовавшимъ усмирить сихъ грабителей: военныя дѣйствія начились въ мартѣ и кончились въ ноябрѣ тѣмъ, что сіи Славяне обязались давать подать Императору (pag. 98).

Анатолія сильными переселеніями Болгаръ и прочихъ Славянъ была много ославянена; ибо, сверхъ упомянутыхъ переселеній, въ царствованіе Константина Копронима, перешло туда 208,000 Болгаръ, коимъ Императоръ далъ жилища по рѣкѣ *Артанѣ* (Vid. Memor. Pop pag. 80).

Вообще, Восточная Имперія была полу-Славянскою, и полу-Греческою. Вмѣстѣ два народа и два Императора разныхъ націй! Не возможно было, чтобы, при сихъ обстоятельствахъ, не было расколу въ духѣ цѣлой массы. Замашки Романа кололи глаза Константину, а заключенная имъ кровная связь съ Переяславскимъ Дворомъ могла его пугать касательно будущаго; и сія самая связь Романа съ Королемъ Болгаріи отчуждала Константина отъ интересовъ сего послѣдняго, не только по политической причинѣ, но уже и по самому событію на свадебныхъ пиршествахъ, о которомъ мы упомянули выше. Словомъ, Петръ не могъ имѣть доброхота въ Константинѣ.

Ненавистники Романа и приверженцы Константина симъ же самымъ духомъ руководствовались въ своихъ поступкахъ, ибо ясно видѣли, что Романъ въ связи своей съ Дворомъ Болгарскимъ новое нашелъ утвержденіе на престолѣ.

Въ то самое время, какъ въ Болгаріи приготовлялась революція противъ Петра, подобная стала появляться и въ Имперіи противъ Романа. Цѣль была съ обѣихъ сторонъ одна. Претендентъ Болгарской Короны въ то тоже время, какъ въ Романѣ имѣлъ врага, въ Константинѣ нашелъ тайнаго доброжелателя. И такъ Іоаннъ Владимировичь имѣлъ на своей сторонѣ и Игоря и Константина.

Предвидѣно было, впрочемъ, что Романъ приметъ участіе въ дѣлахъ Болгарскаго Короля, и что два союзные Монарха не преминутъ дать себѣ помощь взаимно. Явно, что возстаніе въ Анатоліи имѣло тѣсную связь съ движеніями инсургентовъ въ Болгаріи.

И такъ, когда революція началась въ Болгаріи и нѣкоторыя области Анатоліи были уже приготовлены поднять оружіе, въ то самое время возстали и Езеряне и Миленцы въ Морѣ. Успѣхъ былъ вездѣ сомнителенъ; ибо претенденту, безъ посторонней помощи, не льзя было возсѣсть на престолъ Болгаріи, и военныя силы Имперіи въ Азіи были въ сіе время еще въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Посему вся надежда возложена была на Россіянъ.

И такъ высадка Россіянъ на берега Анатоліи была сдѣлана для поддержанія Азійской инсурекціи. Здѣсь-то Россіяне должны были придти въ соприкосновеніе съ Византійцами, и сіе-то ихъ соприкосновеніе только, а не всѣ ихъ дѣянія, внесены въ лѣтописи.

Но какъ внесены! Все, что сказано Византійцами, а изъ нихъ и Несторомъ, о высадкѣ Россіянъ въ Анатолію, о разныхъ ихъ тамъ движеніяхъ и сраженіяхъ, въ продолженіе цѣлаго лѣта, упомянуто весьма кратко; не означены ни мѣста сраженій, ни числа и мѣсяцы, ни силы обѣихъ сторонъ, ни уронъ, ни послѣдствія сихъ событій, и весь разсказъ заключенъ въ нѣсколькихъ словахъ, которыя недостаточны были бы и для заглавій статей настоящей подробной исторіи сей кампаніи.

Если надлежитъ вывести какое либо заключеніе изъ лаконическаго повѣствованія Византійцевъ, то надобно обратить на оное строгое вниманіе.

Повѣствованіе ихъ, какъ я замѣтилъ уже, не имѣетъ историческаго порядка. Экспедиція Россіянъ противъ Грековъ раздѣлилась на двое, т. е., на сухопутную, а именно, на предпріятіе войскъ, высаженныхъ на берега Анатоліи, и на морскую, то есть, на предназначеніе судовъ, плывшихъ къ Царюграду. Обѣ сіи партіи дѣйствовали особо, хотя, впрочемъ, и въ сообщеніи одна съ другой.

Византійцы о дѣяніяхъ обѣихъ сихъ партій разсказывают въ нѣсколькихъ словахъ вмѣстѣ, и сіе-то самое повѣствованіе состоитъ только въ поверхностномъ упоминаніи послѣдняго событія, рѣшившаго эту войну, то есть «*Россіяне, надѣлавъ прежде много зла*, наконецъ, *тамъ побиты* (на морѣ), *и тамъ* (въ Анатоліи) *удалились во свояси*».

Но что значитъ «*надѣлавъ прежде много зла?*» Что значитъ выжгли Судъ (Stenum), т. е., мѣста береговыя съ обѣихъ сторонъ Воспорскаго пролива? Что значитъ, что Восточная армія, подъ предводительствомъ Ивана Курквы, получила повелѣніе немедленно вступить въ походъ противъ Россіянъ?

Выжгли весь Судъ, т. е., всѣ строенія и селенія по берегамъ Воспорскаго пролива: это, собственно, принадлежало флоту.

Между тѣмъ Императоръ вызвалъ опять въ службу, находящагося на покоѣ, стараго и опытнаго генерала, *Варду Фоку*, нѣкогда командовавшаго противъ Владимира II, и вручилъ ему начальство надъ корпусомъ, дѣйствующимъ въ Анатоліи противъ Россіянъ.

Что сей генералъ велъ войну болѣе партизанскую, чѣмъ рѣшительную, открытую, видно оттуда, что онъ не могъ заставить Россіянъ очистить сію страну, не смотря на то, что Византійцы приписываютъ ему нѣкоторую побѣду. Впрочемъ, сія побѣда Варды была только частная и не надъ всѣми Русскими силами одержанная, но надъ однимъ отрядомъ, какъ сіе видно изъ неизвѣстнаго Продолжателя. Симеонъ Логоѳетъ именно говоритъ, что Варда одержалъ побѣду надъ отрядомъ, высланнымъ для фуражированья (manipulum necessarii pabuli et annonarum causa missum); то же самое говоритъ и *Георгій монахъ*, то же и Кедринъ, то же *Зонара*.

Кедринъ ясно выразился, что Россіяне, прежде нежели были совершенно побѣждены, много бѣдъ надѣлали. Сіе самое говорятъ и прочіе. Россіяне, въ продолженіе цѣлаго лѣта, держались въ Анатоліи и на Европейскихъ берегахъ Воспора. Изъ сего видно, что высадка Русскихъ была весьма сильная.

Посему Императоръ нашелъ себя принужденнымъ пріостановить свои побѣды въ Сиріи противъ Сарацынъ и дать повелѣніе побѣдоносному своему Восточному войску поспѣшить къ Черному морю (Incertus Continuator: «sed et sapientissimus solertissimusque Ioannes Curcuas, scholarum Domesticus, cum Asiatico omni *exercitu* praesto fuit.» Sym. Logoth: «sed et Curcuas *cum Asiaticis cunctis copiis*», etc.).

И такъ видно, что столицѣ угрожала великая опасность, и что силы Россіянъ были значительныя, для побѣжденія коихъ и спасенія столицы надлежало вызвать Восточную армію съ знаменитымъ военачальникомъ. Сколько именно было воиновъ въ этой арміи, Византійцы не говорятъ, но говорятъ явно объ ея многочисленности. Несторъ полагаетъ ее въ 40,000 человѣкъ, что дѣйствительно походитъ на истину и совершенно согласуется съ «*cum omni exercitu Asiatico, cum Asiaticicis copiis cunctis*» Византійцевъ. По присоединеніи Восточной арміи къ Анатольскому корпусу, Россіяне, конечно, должны были уступить непріятелю въ его землѣ, имъ мало извѣстной, гористой, весьма удобной для засадъ и стратегическихъ предпріятій, коими Греки всегда отличались. Они понесли значительный уронъ въ разныхъ мѣстахъ, коего многія могли быть причины; наконецъ, принуждены были оставить сію страну и сѣсть на свои суда.

Межъ тѣмъ какъ сіе случилось на твердой землѣ, на морѣ дѣло поручено было *Θеофану* Протовестіарію, тому самому, который заключилъ мирный трактатъ и свадебныя условія между Дворами Греческимъ и Болгарскимъ. Изъ единогласнаго свидѣтельства какъ Нестора, такъ и Византійцевъ, «*весь Судъ пожгоша*,» видно, что Русскія суда дѣйствительно вошли въ проливъ и вылазками опустошили его берега.

И такъ намѣреніе флота было чрезъ проливъ подойти къ столицѣ; но, встрѣтивъ сильное сопротивленіе, онъ принужденъ выйдти изъ пролива обратно въ открытое море, наложивъ блокаду на устье онаго.

Конечно, Греки постарались сбить съ мѣста блокирующихъ; это была необходимость во всякомъ отношеніи. Ихъ эскадра, снабженная Греческимъ огнемъ (брандерами?), подъ начальствомъ Ѳеофана Протовестіарія, напала на Русскія суда, расположившіяся предъ входомъ въ проливъ; конечно, ловкость и предпріимчивость Греческихъ моряковъ, превосходившая опытность Россіянъ, да Греческій огонь, ручались за успѣхъ ихъ предпріятія; и дѣйствительно, Россіяне, лишившись нѣсколько судовъ, принуждены были удалиться съ мѣста, и причалить поближе къ берегамъ Виѳиніи для поддержанія сообщенія съ сухопутными войсками въ Анатоліи.

Чтобы пресѣчь сообщеніе сихъ войскъ съ Болгаріей, Греки рѣшились именно истребить Русскій флотъ; вскорѣ послѣ сего воспослѣдовавшія морскія атаки сильно разстроили оный.

Между тѣмъ *Іоаннъ Куркуа*, въ соединеніи съ Вардомъ Фокою, выигравъ нѣсколько сраженій, повсюду преслѣдовалъ Россіянъ, удалившихся къ берегамъ и бѣжавшихъ на суда, которыя, въ свою очередь, отступали и, вѣроятно, приплыли къ Азійскимъ берегамъ именно для того, чтобы принять на себя отступающія Русскія дружины.

Поелику приближеніе Русскихъ судовъ подъ Константинополь, по Византійцамъ, случилось 21-го іюня, то надобно допустить, что высадка на берега Анатоліи произошла еще прежде, а именно, въ концѣ мая, или началѣ іюня. Возвращеніе Русскихъ дружинъ на суда произошло уже въ сентябрѣ.

Не смотря на сіе, Русскіе еще удерживались на морѣ, по сказанію самихъ Византійцевъ, и при недостаткѣ съѣстныхъ припасовъ и наступленіи зимы, наконецъ, удалились *восвояси*. Но куда восвояси? Вѣдь еще война продолжалась въ 942 и 943 годахъ? И такъ навѣрно приплыли они къ берегамъ Болгаріи, или даже въ устье Дуная.

Какъ сентябрь былъ тогда началомъ новаго года, то очищеніе Россіянами Анатоліи въ сентябрѣ, а послѣ Грече-

скихъ водъ въ октябрѣ, или ноябрѣ, должно считать уже событіями 942 года.

Впрочемъ, уронъ Россіянъ не былъ столь ужасенъ, какъ представляютъ оный мирные Византійскіе лѣтописцы; а все надобно признаться, что онъ былъ значительный.

Неизвѣстно, сколь сильная была высадка Россіянъ на берега Анатоліи; однако, можно полагать, что Россіяне въ сей непріятельской землѣ одни не сдѣлали бы столь великой суматохи, для истребленія коей Имперія принуждена была собрать всѣ свои силы. Именно извѣстно, что Россіянъ подкрѣпляли Анатольскіе инсургенты.

Сія инсурекція, коей успѣхи зависѣли отъ внѣшняго содѣйствія, по очищеніи Россіянами Анатоліи, должна была разсѣяться; ибо отраженныя противъ Россовъ войска обратились противъ возмутителей. Зачинщики схвачены и наказаны; главный же виновникъ оной, Константинъ Дука, казненъ въ Константинополѣ.

Межъ тѣмъ 942 годъ ознаменовался событіями въ самой Болгаріи. Византійцы не были въ состояніи продолжать свои побѣды, по причинѣ внутреннихъ безпокойствъ. Военныя событія въ Болгаріи все еще продолжались, хотя не извѣстно, съ какимъ успѣхомъ.

Наконецъ, Византійскій Дворъ взялъ верхъ въ сихъ критическихъ обстоятельствахъ; сталъ обращать вниманіе на преслѣдованіе враговъ и во внутренности Болгаріи. Для сего Греческая флотилія послѣдовала за Русскими судами къ Анхіалу и Мезембріи; откуда, однако, Русскія суда, чтобы избѣжать Греческихъ брандеровъ, поспѣшили въ устье Дуная, для защиты, въ случаѣ нужды, переправы Русскихъ дружинъ чрезъ оный обратно и для поддержанія сообщенія съ Валахіею, Молдавіею и Россіею.

Межъ тѣмъ Король, чтобы ослабить послѣдователей претендента, могъ все употребить для привлеченія къ себѣ; и дѣйствительно въ сихъ обстоятельствахъ можно было дѣйствовать не только оружіемъ, но и политикой. Легко можно вообразить, что оба союзные Двора имѣли столько разсудка, чтобы, для прекращенія всего зла, избавиться отъ

главнаго виновника онаго. Дѣло было въ томъ, чтобы достать въ руки самого претендента, и дѣло съ концомъ. Не знаю, какія интриги употребили высокіе союзники для достиженія своей цѣли; однако, извѣстно, что Іоаннъ Владимировичь схваченъ, высаженъ тотчасъ на, прибывшую въ Анхіалъ, Греческую флотилію и отправленъ въ Константинополь.

Сей рѣшительный поступокъ союзныхъ Дворовъ нанесъ смертельный ударъ Болгарской инсурекціи, которой нечего осталось дѣлать: большая часть послѣдователей Царевича примирились съ Королемъ, а закоснѣлые враги его крѣпче прилѣпились къ Россіянамъ.

Сіе происшествіе и другія, можетъ быть, многія чрезвычайно раздражили Игоря; немедленно предписано было произвести на Руси новыя и сильнѣйшія ополченія, которыя тотчасъ должны были двинуться къ Дунаю; ибо цѣль еще не была имъ достигнута: надо было сдержать свое Княжеское слово, надо было спасти честь Русскаго оружія, надо было отмстить Грекамъ и Болгарамъ, надо было защитить своего союзника, Тавро-Дакійскаго Господаря; и такъ понеслась еще сильнѣйшая гроза съ Сѣвера на Югъ, ополченія и Сѣверной, и Южной Россіи, и, сверхъ сего, Болгаре и Волохи, управляемые прежде претендентомъ областей, изъ вѣрности къ нему; все сіе шло въ поддержаніе уступавшихъ Королю силъ за Дунаемъ. Опять открылась переправа новыхъ войскъ чрезъ Дунай, опять стала усиливаться борьба въ Болгаріи.

Между тѣмъ претендентъ въ Константинополѣ находился подъ надзоромъ; Императоръ представилъ себя посредникомъ между двумя братьями; начались переговоры: но Князю, лишенному свободы, не оставалось болѣе ничего, какъ только согласиться на все, требуемое Болгарскимъ Дворомъ. И такъ Царевичь формально отказался, не только отъ Болгарской Короны, но и отъ собственнаго Господарства, и на вѣчную ссылку изъ своего отечества; въ замѣну сего отданы ему въ Анатоліи въ вѣчное и потомственное владѣніе обширныя помѣстья. Чтобы привлечь его больше къ

Имперіи, Греческій Дворъ женилъ его на одной знаменитой подданной Имперіи.

Во время сихъ событій въ Константинополѣ, союзные Дворы отмѣнно старались примириться съ Россіею; формальное отреченіе Царевича донесено оффиціально Игорю, коему, послѣ прекращенія главной пружины сей войны, не оставалось больше ничего дѣлать, развѣ только выдумывать новые предлоги. Союзные Дворы, для прекращенія бѣдствій и излеченія ранъ, полученныхъ обѣими Державами, чувствительно желали помириться съ Россіею, которая, не смотря на нѣкоторый уронъ въ рядахъ войскъ своихъ, среди земли отдаленной, непріятельской, окружаемыхъ врагами, однако, ни какъ не ослабившаяся во внутреннихъ своихъ силахъ, въ сихъ обстоятельствахъ играла весьма блестящую, повелительную роль; и я воображаю себѣ, что не она просила мира, но къ ней прибѣгали полномочные обѣихъ Державъ, желая искренно найти благорасположенность Русскаго Государя.

Я не могу проникнуть (944), чего могли желать еще въ Кіевѣ; вѣдь Царевичь съигралъ уже свою драму, ибо кончилъ ее богатою женитьбою; отдаленные же виды Игоря, только что мелькавшіе, исчезли, подобно привидѣнію; надобно было сообразоваться съ новыми обстоятельствами; союзныя Державы предлагали выгодныя условія: что же больше? Условія мира заключены съ обоими Дворами особо; трактатъ съ Греками сохраненъ нашимъ лѣтописцемъ; и неужели съ Болгаріей не было трактата по тому только, что Несторъ не имѣлъ откуда переписать оный? Вѣдь обстоятельства Болгаріи и ея соприкосновеніе съ Россіею были гораздо важнѣе и именно требовали сего мирнаго трактата болѣе, чѣмъ дѣла Имперіи? Вѣдь Русскія войска занимали области Болгарской Державы, которую надо было очистить? И будто не было никакого трактата между Россіей и Болгаріей? Если все то не существовало, о чемъ не знали лѣтописцы, то надо бы повѣрить, что и Русскій народъ до Рюрика не существовалъ, или въ 862 только году на обширномъ пространствѣ Скиѳіи и Сармаціи выпалъ

вмѣстѣ съ дождемъ съ поднебесной, или выросъ изъ земли вмѣстѣ съ травою, или вылѣзъ изъ Скандинавскихъ пещеръ

И такъ, заключивъ миръ, Игорь вывелъ свои рати изъ земли, уже пріятельской, обратно въ отечество. Весьма любопытно было бы знать содержаніе трактата Россіи съ Болгаріей. Все, что можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностію, есть то, что Болгарія уступила послѣднюю часть, до сихъ поръ еще остававшуюся за ней, Южной Россіи; отступленіе Суличей или Угличей съ Днѣпра за Днѣстръ нѣкоторымъ образомъ подтверждаетъ сіе положеніе. Отступленіе Суличей есть отступленіе господствовавшаго здѣсь народа Болгарскаго; ибо Суличи есть мѣстное названіе народа отъ рѣки Сулы: но были ли они дѣйствительно Россіяне, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, можно изъ слѣдующихъ причинъ догадываться, что они были Болгаре: 1) во время Олега они сражались именно съ Россіянами, и подъ ихъ именемъ именно Несторъ разумѣетъ Болгаръ-Козаръ, изъ подъ владычества коихъ Олегъ освобождалъ Южную Россію. 2) Въ сіе время (Игорево) избавленія Руси отъ вліянія иноземцовъ и населенія оной Суличи, если бы они дѣйствительно были Россіяне, по естественному побужденію переходили бы къ Русскимъ; но, напротивъ, мы видимъ изъ лѣтописи, что они уступили Игорю, и удалились къ Югу, какъ народъ, долженствовавшій очистить Русь. Видно, что Суличи были уже Христіанами и не хотѣли остаться подъ владычествомъ идолопоклонниковъ-Россіянъ. 3) Городъ ихъ былъ *Пересѣчень*. Шлецеръ отчаявается отыскать мѣсто сего города; по сему даже подозрѣваетъ, нѣтъ ли въ лѣтописи описки. Но какъ находимъ подобное имя еще и нынѣ въ названіи одного мѣста и монастыря въ Валахіи: *Персичень* (что есть собственно Пересѣчень), ведущаго свое начало отъ Болгаръ, прежнихъ владѣтелей сей страны, то изъ сей аналогіи видно, что существовало нѣкогда и другое мѣсто или городъ Болгарскій подъ симъ именемъ, въ Южной Руси, близь Чернаго моря, бывшей долгое время въ ихъ владѣніи, т. е., отъ имени города Пересѣчень мож-

но заключить, что *Суличи* — жители онаго, по крайней мѣрѣ, господствующіе, были Болгаре.

Какъ бы то ни было, по сказанію лѣтописца, Суличи, угнетаемые Игоревыми Россіянами, принуждены оставить Днѣпръ и удалиться за Днѣстръ, т. е., въ Молдавію, или Бессарабію.

Сверхъ сего изъ 10-го артикула трактата между Россіею и Греками, въ коемъ Русскій Великій Князь обязывается не пускать Черныхъ Болгаръ воевать противъ Херсонскихъ въ Крыму Греческихъ владѣній, видно, что страна, такъ называемая, *Сулицей*, и отчасти Тиверцовъ, отдана Русскимъ, т. е., что Русскіе приближились къ Черному морю.

Конечно, въ *Высокой Свѣтлицѣ* весьма живо чувствовали, сколь невыгодно было часто проводить суда изъ Руси въ Черное море чрезъ Болгарскія владѣнія, въ коихъ, не смотря даже на мирное съ Королемъ время, находились разбойничьи шайки и наѣздники, противъ коихъ должны были Руссіе Днѣпровскіе и Днѣстровскіе матросы быть всегда готовы къ отраженію нападенія.

И такъ Россіяне удержали за собою сіи мѣста, какъ видно изъ мирнаго договора, до самаго моря.

Впрочемъ, само собою слѣдуетъ, что Россіяне, приготовленные къ продолженію брани, не уступили бы, при заключеніи мира, заставить вознаградить себя за военныя издержки, т. е., не приминули бы удержать какую либо часть прежнихъ на Сѣверѣ Болгарскихъ владѣній.

Въ IX артикулѣ запрещается Русскимъ зимовать около Бѣловежья (а не Бѣлобережья) или Бѣлграда, нынѣ Аккермана; ибо сіи мѣста принадлежали Болгаріи: и такъ Болгарія и Россія раздѣлялись Днѣстромъ.

Впрочемъ, Крымъ. съ прилежащею къ оному частью Ново-Россіи, оставался еще съ Болгарами, а Херсонъ съ своими окрестностями за Греками. Конечно, въ договорѣ Греки особеннымъ артикуломъ хотѣли обезпечить владѣніе свое въ Крыму противъ Россіянъ; изъ этого можно бы заключить, что Россія завладѣла было и Болгарскими владѣніями въ Крыму, и пришла въ соприкосновеніе съ Хер-

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА София

сонскою областью, по тому что въ договорѣ не упоминается о Болгарскихъ владѣніяхъ, а именно только о Греческихъ, отъ коихъ Россіяне должны были удерживаться. Но какъ договоръ былъ съ Греками особо, то естественно, что они старались посредствомъ онаго обезпечить свои только владѣнія; по сему и умалчивается въ немъ о дѣлахъ Болгаріи, съ коею Россія имѣла свой особый договоръ.

Конечно, если бы сохранился договоръ Игоря и съ Дворомъ Болгарскимъ, дѣло это объяснило бы весь исходъ сей войны.

Подробное объясненіе Игорева договора сюда, собственно, не принадлежитъ, и мы оставляемъ это Русской Исторіи.

И такъ Россіяне съ сихъ поръ стали брать верхъ надъ Болгарами; и вообще Россія въ сіе время стала производить сильное вліяніе на равновѣсіе Государствъ Восточной Европы. Сіе-то открыло глаза Грекамъ, обратившимъ вниманіе на Россію; сіе-то было причиною, что Греки, наконецъ, ввели въ свои лѣтописи собственное имя народа.

Потеря Болгаріи въ сей войнѣ была въ уступленныхъ ею Южно-Русскихъ областяхъ. Но сія потеря составляетъ только часть ущербовъ, потерпѣнныхъ Болгаріею въ сіе время со всѣхъ сторонъ.

НАЧАЛО СЕРБІИ.

Въ то самое время, когда Россо-Болгарская война терзала внутренности Болгаріи, убѣжавшій отъ Двора Переяславскаго, Чеславъ, произвелъ возмущеніе въ Сербіи и Кроаціи. Возмущеніе сихъ двухъ народовъ за свободу, при бурныхъ обстоятельствахъ Короля, имѣло надежный успѣхъ. Въ Константинополѣ враги Короля тайно поддерживали сіе возмущеніе. Сверхъ сего возмущенные нашли себѣ крѣпкое пособіе въ Уграхъ и Россахъ, недавно поселившихся въ Сѣверной Венгріи.

Начало сему возстанію въ западныхъ областяхъ Болгарской Державы произвелъ, какъ уже извѣстно, второй претендентъ Болгарской Короны, второй братъ Петра I, Ми-

хаилъ Владимировичь. Внезапная его смерть, посреди успѣховъ оружія, не пресѣкла военнаго движенія племенъ, имъ возбужденныхъ; ибо мѣсто Михаила заступилъ Сербъ *Чеславъ*.

Въ то время, какъ продолжалась война около Чернаго моря, драка воспламенилась на цѣломъ западномъ пространствѣ Болгарскаго Государства, начиная съ Венгріи до самой Ѳессаліи, и проникнула даже до южныхъ береговъ Мореи; читатель припомнитъ вышеупомянутый бунтъ Славянъ *Езерянъ* и *Миленцевъ*.

Плѣненіе Іоанна Владимировича (943) и заключеніе мира съ Россіею, казалось, могло дать нѣсколько силъ Болгарскому Правительству потушить пожаръ и въ Венгріи, Сербіи, Кроаціи, Албаніи, отчасти Македоніи и Ѳессаліи. Этого можно было надѣяться и отъ содѣйствія Императора Романа; но, къ несчастію, новое событіе Королю помѣшало въ семъ.

Волненіе между Императорскими факціями еще не кончилось; въ томъ же году, въ которомъ заключенъ миръ съ Россіей, приверженцы, наконецъ, принудили боязливаго Багрянороднаго приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Весь Царьградъ запутанъ былъ въ интриги, въ коихъ Греки отличнѣйшіе мастера; сначала все подстрекнуто противъ Романа, и даже собственные его сыновья, Кесари Стефанъ и Константинъ; въ слѣдствіе чего Романъ принужденъ сложить съ себя корону и отправиться въ назначенное для его заточенія мѣсто, островъ *Протосъ*. Въ слѣдъ за симъ схвачены и оба Кесари: *Стефанъ*, поддавшійся безъ сопротивленія, отправленъ на островъ *Лезбосъ*, гдѣ доживалъ остальное время; Константинъ же (Романовичь), сопротивлявшійся, убитъ на мѣстѣ. Михаилъ Христофоровичь, братъ Королевы Болгарской, постриженъ въ монахи, и содержанъ подъ присмотромъ; а *Василій Романовичь*, плодъ тайной любви Романа съ одной Болгаркой, сдѣланъ евнухомъ.

И вотъ Константинъ Багрянородный, наконецъ, одинъ на родительскомъ престолѣ, по старанію вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Сей Государь, хотя и не былъ воинственнымъ,

однако, былъ изрядным политикомъ, какъ это ясно видно изъ его политическихъ сочиненій. Вступленіе его въ управленіе Имперіею перемѣнило духъ Двора Цареградскаго; преимущественно же измѣнилась тѣсная дружба съ Болгаріей, въ отношеніи коей сначала принятъ былъ видъ непріязненный; надлежало возобновить переговоры, или даже истребовать подтвержденія Константинова. Вотъ по чему, послѣ заключенія мира съ Россіей, опять отправлены къ *Высокой Свѣтлицѣ* Императорскіе послы съ дарами, для подтвержденія подписанныхъ уже артикуловъ.

Но не то дѣло было съ Болгаріей. Чеславъ имѣлъ своихъ агентовъ въ Константинополѣ, куда и самъ однажды съѣздилъ было; Сербія и Кроація стояли еще на ногахъ; Константинъ принялъ ихъ сторону, призналъ ихъ независимость, и за то онѣ должны были съ сего времени признавать покровительство Имперіи, а Правители ихъ быть вассаллами.

Нечего было дѣлать; ибо Болгарія не была въ силахъ вдругъ перемѣнить тонъ и начать войну съ Имперіей, и означенныя области стали быть отъ ней независимыми.

И такъ и съ сей стороны довольно пристрижены Болгарскія владѣнія. Македонія, часть Романіи, Ѳессаліи и Албаніи остались еще за Петромъ I. Въ Дураццо находился Губернаторъ Греческихъ приморскихъ владѣній, прилежащихъ къ Эпиру.

НАЧАЛО ВЕНГРІИ.

Между тѣмъ Сѣверные пришлецы Угре, и Россы, удержавшіеся въ Сѣверной Венгріи, при возникшихъ раздорахъ въ Болгаріи, имѣли прекрасный случай съиграть важную роль. При возстаніи Михаила, они вступили въ походъ, какъ его союзники, приблизились къ Дунаю, а оттуда, чрезъ Сербію, въ Македонію и Романію, — Имперскія владѣнія, вмѣстѣ съ полчищами Михаила, и, совершивъ этотъ походъ, возвратились въ Венгрію.

Неблагопріятныя обстоятельства Болгаріи не позволили обезпечить своихъ Венгерскихъ владѣній отъ сихъ безпокойныхъ сосѣдей. Утвердившись въ Сѣверной Венгріи, отчасти на землѣ, отнятой у Моравовъ, отчасти же на земляхъ, полученныхъ ими отъ Болгарскихъ Господарей, Угре умѣли воспользоваться внутренними переворотами Болгаріи, и постепенно стали напирать на Венгерскихъ Болгаръ, которые, не имѣя подпоры, принуждены были уступать и переселялись постепенно къ Югу Венгріи.

Впрочемъ, Угре дѣлали наѣзды во всѣ стороны; преимущественно же они нападали на *Блатенское* Задунайское Словенское Княжество, зависѣвшее доселѣ отъ Королей Болгаріи. Межъ тѣмъ какъ Сербы дрались за свою независимость, сіи Словене попались въ когти Уграмъ, коихъ ровная, плодородная, для пастбищъ удобная, земля, имъ понравилась. Угре, отчасти перешедъ Дунай въ Западной Венгріи, поселились на сей землѣ навсегда.

И такъ первое заселеніе Венгріи Уграми произошло преимущественно въ западной части оной. Оттуда дѣлали они частые наѣзды въ Каринтію, Штирію, Австрію, и во внутренность Нѣмечины, подъ начальствомъ храбрыхъ своихъ Визирей, Солтана и Токса, всегда возвращаясь домой съ добычею.

Простой Болгарскій народъ, между Трансильваніей, Тисою и Дунаемъ, переселялся ежедневно изъ сосѣдства, съ Уграми, которые были еще идолопоклонниками, кочевали и жили грабежемъ, а сверхъ сего были удалые наѣздники и не знали употребленія дипломатическихъ трактатовъ. По сему и Восточная (между Дунаемъ и Трансильваніей) Венгрія при переворотахъ открывалась Уграмъ.

Впрочемъ, проникающіе къ Югу Угре не выгоняли всѣхъ Болгаръ изъ занимаемыхъ ими областей, что, по крайней мѣрѣ, видно изъ Венгерскихъ лѣтописей, которыя свидѣтельствуютъ, что Угре оставили между собою многихъ Христіянъ Болгаръ съ ихъ церквами и монастырями въ ихъ деревняхъ для паханія земли, коею они сами, собственно, не занимались. Сверхъ сего Угре не были народъ многочислен-

ный; предводимый семью начальниками, онъ могъ простираться до нѣсколька сотъ тысячь душъ обоего пола и всякаго возраста. Если взять въ соображеніе, что изъ нынѣшнихъ десяти милліоновъ населенія Венгріи Угре составляютъ не больше $2\frac{1}{2}$ милліоновъ, то симъ подтверждается первоначальная ихъ немногочисленность. Да еще и теперь есть пустыя незаселенныя мѣста въ Южной Венгріи. И такъ Угре тогда не имѣли нужды въ большемъ пространствѣ. По сему ихъ походы противъ Болгаріи, Греціи, областей Германіи происходили не изъ нужды завоеваній, а только изъ корыстолюбія, изъ разгула подвижной, бивуачной, такъ сказать, жизни, и изъ надменной храбрости. Вспрыгнувъ на борзыхъ своихъ коней, они отправлялись въ дальніе наѣзды, и нерѣдко удавалось имъ произвести суматоху во всей Германіи, пока, наконецъ, не собрались всѣ Нѣмцы, подъ начальствомъ Императора, Генриха Птицелова, и, окруживъ сихъ удальцовъ подъ Авибуромъ въ Баваріи, не почесали ихъ порядочно и не принудили на время удержаться отъ Германіи.

Конечно, успѣхамъ Угровъ воспрепятствовали бы Болгаре при всей цѣлости своей державы, тишинѣ и порядкѣ дѣлъ общественныхъ; но, къ счастію Угровъ, возстановленная Сербія служила имъ значительнымъ оплотомъ, и дѣла ихъ слились въ одно съ интересомъ Сербовъ, такъ что опять, въ 943 году, они сдѣлали сильный наѣздъ въ Македонію.

Къ большому несчастію Болгаріи, въ Южной Венгріи два Болгарскіе Князя, по видимому, принадлежавшіе къ партіи претендентовъ, провозгласили себя независимыми отъ Петра I. Одинъ изъ нихъ, называемый Венгерскими лѣтописями *Менумородъ*, имѣлъ жилище въ Болгарскомъ Графствѣ, и именно, въ Великомъ Варадинѣ, и правилъ вокругъ лежащею страною; другой же, сынъ *Золана*, въ Сегединѣ. Они сначала побранились съ верховными повелителями Угровъ, а послѣ и поссорились, пока, наконецъ, лишились жизни, а земли ихъ, по военному праву, перешли въ наслѣдство къ Уграмъ. Третій, *Владъ*, управлялъ Темешскимъ Жупанствомъ, какъ можно полагать, отъ имени Короля.

Между тѣмъ, какъ Угре поселились сямъ и тамъ въ средней части Венгріи, сподвижники ихъ, Россы, засѣли въ мѣстахъ Сѣверныхъ. Главное ихъ сѣдалище было вокругъ Пресбурга или Пожоня; здѣсь они построили себѣ нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ; главное изъ нихъ былъ городъ съ крѣпостью, извѣстный нѣкогда у Венгерцевъ подъ именемъ *Русской Крѣпости* (О-Россъ-варъ; О-Rosz-var — Русская крѣпость). Сіи Россы, въ послѣдствіи смѣшанные по близости съ Моравитянами, оспаривали свое, и такъ уже весьма сходное съ Моравскимъ, нарѣчіе. Это замѣтно еще и теперь въ жителяхъ Сепешскаго, Шарошскаго и Земплинскаго Графствъ, кои еще и нынѣ себя называютъ Русскими, между тѣмъ какъ нарѣчіе ихъ составляетъ уже нѣкоторый переходъ отъ Малороссійскаго къ Моравскому.

Впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Венгріи поселились сіи Россы, переходя, однако, въ послѣдствіи, при разныхъ переворотахъ Венгріи, съ одного мѣста на другое. Жилище ихъ можно преслѣдовать подъ уцѣлѣвшими еще названіями мѣстъ: О-Россвейгъ, О-Россфалу, О-Россгаза, О-Росскö (Oroszvég, Oroszfalu, Oroszhaza, Oroszkö), т. е., Русское селеніе, Русская слобода, Русскій домъ, Русскій камень, и проч. Исторія сихъ Россіянъ, сливаясь съ исторіею прочихъ племенъ, населяющихъ Венгрію, скрывается въ исторіи сей страны, Венгріи.

И такъ Болгарское Государство не только что нѣсколько пресѣчено Россіянами, но даже въ извѣстныхъ его областяхъ образовались особыя, независимыя Княжества. Одна только югозападная часть Венгріи осталась еще за Болгарскимъ Королемъ, какъ бы принадлежавшая къ его воеводствамъ въ Валахіи, Трансильваніи и Молдавіи. Еще Романъ Императоръ получилъ обратно нѣкоторыя части Романіи.

Не смотря на сіе, оставшіяся еще владѣнія Болгаріи составляли довольно значительное цѣлое: Молдавія съ Бессарабіей, Валахія, Трансильванія, часть Романіи, большая часть Македоніи, владѣнія въ Θессаліи и Албаніи, Темешскій Банатъ и Крымъ съ окрестностями Перекопа и устья Днѣпра, гдѣ, по силѣ трактата съ Греками, не позвлялось зимовать

Россіянамъ. Все сіе вмѣстѣ могло имѣть довольно значительный политическій вѣсъ между Восточными Государствами Европы. Впрочемъ, все сіе нуждалось въ правленіи твердомъ, мудромъ, дѣятельномъ, рѣшительномъ; но Петръ, къ несчастію, не имѣлъ ни одного изъ качествъ, нужныхъ для такого правленія. Можно было еще надѣяться опять возвышенія и распространенія Державы, но недоставало правителя воинственнаго.

Имперія могла воспользоваться невыгоднымъ положеніемъ своей соперницы; но и самъ Багрянородный былъ слишкомъ боязливъ и кротокъ: по сему онъ согласился лучше заключить и поддерживать прочный миръ съ симъ Царствомъ. Вообще Имперія въ царствованіе сего Императора находилась въ одномъ оборонительномъ положеніи, и всѣ военныя ея дѣянія заключались въ отраженіи нападеній Аравитянъ, хотя не всегда успѣшномъ. Весь духъ Константина видѣнъ въ его поученіи сыну своему объ управленіи Государства, въ коемъ онъ, касательно дѣлъ иностранныхъ, совѣтуетъ ему довольно трусливыя мѣры.

И такъ, хотя Петръ и не былъ Государь воинственный, однако, со стороны Имперіи, онъ не могъ опасаться въ царствованіе Константина. Сербы и Кроаты довольствовались своею свободою, только что полученною, и, сверхъ того, что не было бы благоразумно выставить ее опять на произволъ ненадежной судьбы, они были подъ покровительствомъ Императора и безъ одобренія его не могли ничего начать съ Болгаріей.

Въ то же время и въ Россіи произошла перемѣна: Игорь въ 946 году скончался, или, какъ говорятъ лѣтописи, убитъ Древлянами; наслѣдникъ, Святославъ, былъ еще малолѣтенъ, и правленіе досталось его родительницѣ, *Ольгѣ*.

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россія, произведшая столь сильное давленіе на Болгарію, была весьма ощутительною сосѣдкою для Переяславскаго Двора. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, не смотря на недостатокъ Болгарскихъ лѣтописей и молчаніе Русской, что Петръ обратился для подтвержденія заключеннаго мира, къ новой Правительницѣ По-

сольство въ Кіевъ и приложеніе, какъ тогда водилось, подарковъ, есть дѣло столь вѣроятное, что походитъ даже на достовѣрность. Само собою слѣдуетъ, что и радушные Кіевляне взаимно отдарили Болгарскаго Короля, и съ сего времени Россія жила въ дружбѣ съ Болгаріей.

И такъ Болгарскія владѣнія должно было обезопасить отъ наглости безпокойныхъ *Угровъ*.

ОБЩЕЕ СНОШЕНІЕ ТРЕХЪ НАРОДОВЪ МЕЖДУ СОБОЮ: РОССІЯНЪ, БОЛГАРЪ, ГРЕКОВЪ. 946 — 970.

1. РОССІЯНЪ СЪ ГРЕКАМИ.

Въ сильномъ народномъ сношеніи Россіянъ съ Имперіею нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Если бъ мы имѣли Робертсона того времени, онъ написалъ бы намъ полную, живую картину онаго со всѣми его оттѣнками. Но, къ несчастію, намъ остались въ лѣтописяхъ однѣ отдѣльныя черты картины, одни отрывки. Я приведу здѣсь отрывки: выписываю ихъ въ томъ видѣ, какъ собралъ ихъ Стриттеръ (Vid. Mem. Popul. in Russ. pag 972).

902 годъ «Въ царствованіе Императора Льва Философа снаряжена морская экспедиція противъ острова Крита (Кандія), подъ начальствомъ Пера Имперіи и Логоѳета, Имеріа. Высаднаго войска на Имперскомъ флотѣ находилось 12,000 человѣкъ и 700 Россіянъ.»

«Жалованье 700 Россіянамъ вообще составляетъ одинъ центенарій» (т. е., 100 фунтовъ); жалованье цѣлаго флота и Россіянъ вмѣстѣ составляетъ 17 центенаріевъ 59 литръ и 42 номизмы.»

935 годъ. «Въ царствованіе Константина Багрянороднаго и Романа Лакапина Императорская эскадра, подъ начальствомъ Протоспатарія, *Епифанія*, прибывшая въ Лонгобардію (въ Италію), индикта осьмаго, состояла изъ 11 хеландіевъ; предшествовавшая же ей эскадра, подъ начальствомъ Пера Козмы, уже седьмаго индикта туда (въ Италію) приплывшая, состояла изъ столькихъ же хеландіевъ и семи Русскихъ кораблей, Ῥῶς χαράβια, на коихъ находилось 415 человѣкъ Россіянъ.»

949 годъ. (Во время похода противъ Крита) «Императорскія морскія силы состояли изъ 150 судовъ, въ числѣ коихъ находилось 7 Россійскихъ, которыя стояли у береговъ Далматскихъ и около Дураццо.»

«Эскадра, отправляемая противъ Кандіи, состояла: изъ 7 *памфиловъ* (родъ большихъ судовъ), 33 *хеландіевъ*, 20 *дромоновъ* (легкихъ судовъ, ботовъ), и при каждомъ изъ нихъ двѣ *узіи*» (мелкія суда), слѣдственно, всѣхъ 40 узій. *Россіянъ* при флотѣ находилось 584 человѣка, къ коимъ, если причислить 45 мальчиковъ или слугъ, служащихъ въ лагерѣ, выйдетъ число всѣхъ *Россіянъ* 629 человѣкъ, толмачей (Tulmatzi) 368, плѣнныхъ 700.»

Опять въ другой разъ: «Въ четырехъ Императорскихъ полкахъ, какъ офицерамъ, такъ и рядовымъ, Императорскимъ Коммиссіонерамъ и военнымъ врачамъ, плѣннымъ, какъ ихъ начальникамъ, такъ и рядовымъ, толмачамъ (Tulmatzis) и *Россіянамъ*, воинамъ, выставленнымъ церквами, работникамъ и правителямъ военныхъ машинъ, выдано крупною монетою: 1691 литръ и 53 номизмы; а милліарезіями, то есть, мелкою монетою. 73 литры, 62 номизмы и 4 милліарезіи.»

Опять: «Изъ казначейства выданы 24 литры золота, для покупки разныхъ вещей, нужныхъ для экспедиціи противъ Крита (Кандіи) и для вооруженія 9 *Россійскихъ кораблей* (τῶν ϛ χαραβίων τῶν Ρῶς), и двухъ одногребныхъ судовъ для плѣнныхъ и прочаго нужнаго для раздачи флоту по Высочайшему повелѣнію.»

«Для покупки толстаго холста для парусовъ на 9 кораблей, на коихъ плыли Россіяне, каждый въ 30 локтей, и для двухъ одногребныхъ судовъ въ 18 локтей, выдано 1154 номизмы, включая и холстъ (или сукно), въ излишествѣ роздѣнный Россіянамъ.»

962 годъ. Въ царствованіе Романа младшаго:

«Пятаго индикта, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, Никифоръ Фока, прибывъ въ Критъ и обложивъ городъ Кантакію, узналъ, что непріятельскіе отряды, не успѣвшіе пробраться въ городъ, удалились въ скрытныя мѣста, рощи и горы, и отрядилъ

для преслѣдованія ихъ, часть своей пѣхоты и конницы, *Россіянъ* и Анатольцевъ.»

963 годъ. «Пробывъ подъ стѣнами города почти 18 мѣсяцевъ, Главнокомандующій, въ мѣсяцѣ Мартѣ, приступилъ къ штурму. Всѣ ринулись на стѣны города, полковые, Армяне, *Россіяне*, Славяне (Σλαβησιανῶν) * и Оракійцы, и вскорѣ овладѣли городомъ.»

1027. Подъ конецъ царствованія Михаила Стратіотика. «Во время возмущенія противъ Императора Исаакія Комнина (на Востокѣ) зимовали два Франкскіе полка ** и одинъ Русскій, коихъ весьма опасался Амбустъ (одинъ изъ соумышленниковъ, боявшійся, чтобы сіи войска, узнавъ о возмущеніи, не схватили его и не выдали Императору)».

---

* Симъ именемъ называлось военное поселеніе (или область) въ Анатоліи, составленное отчасти изъ Болгаръ, не вмѣстившихся въ Опсиціанское, и отчасти изъ Словенъ, переселенныхъ туда изъ сѣверной Италіи, Далмаціи и Мореи.

** Φραγγικ'α, *Франкскіе*. Замѣтимъ, что слово Франкскіе не означаетъ здѣсь народности, т. е., собственно такъ называемыхъ Франковъ. Византійцы, со времени Карла Великаго, Франкіею называли его Монархію, а въ послѣдствіи и части ея, а жителей ихъ Франками. По сему и Константинъ Багрянородный Германію и Адріатическую Украину (землю Словенъ) называетъ постоянно Франкіею, а жителей Франками, по имени господствовавшаго народа; отсюда вышло то, что и Славяне и Нѣмцы включены подъ чужое имъ имя, если только они принадлежали къ завоеваніямъ Франковъ. Извѣстно, что даже и Далмація, коею нѣсколько времени владѣли Франки, называлась въ Константинополѣ *Франкохоріонъ*. Ergo: два Франкскіе полка, здѣсь упоминаемые лѣтописью, достовѣрнѣе всего были Славяне, а именно, Словене или изъ Истріи, или изъ Краины, или изъ другаго какого либо мѣста, входящаго подъ имя Франкіи; ибо изъ всѣхъ подданныхъ, или жителей, страны Франкіи, ближайшіе къ Грекамъ были Славяне; они наполняли восточную часть Франкіи, именно, прилегали къ Адріатическому морю, т. е., отсѣкали Нѣмцевъ отъ непосредственнаго знакомства съ Имперіей. И дѣйствительно, если жители Франкіи вступали въ службу Имперіи, то это были Славяне, а именно, по тому, что 1-е, они были близкіе сосѣди Греческихъ владѣній какъ въ Иллирикѣ, такъ и въ Италіи, слѣдственно, были съ ними знако-

1077 годъ. Въ царствованіе Михаила Дуки: «Во время возмущенія Никифора Бріеннія, отряжены противъ него Генералы, Руселій и Алексій Комнинъ; въ то же время туда же посланы (къ Аѳиръ) Русскія суда и пѣхота.»

Вотъ только нѣкоторыя точки изъ непрерывнаго теченія времени, 902, 935, 949, 962, 963, 1057, 1077 годовъ, схваченныя случайно. Неужели кто либо станетъ представлять себѣ присутствіе Россіянъ между Греками тогда только, подъ тѣми только годами, подъ которыми о нихъ упомянули лѣтописцы? Само собою видно, что Россіяне постоянно служили Имперіи; ибо нѣтъ ни какой достаточной причины заключить, что Россіяне не служили Имперіи и между годами, на примѣръ, 902—935, въ коихъ были особые случаи для упоминанія о нихъ. Такъ Русскій полкъ, въ 1057 году находившійся на квартирахъ на Востокѣ, уже и прежде сего года былъ въ службѣ Имперіи; происшедшее около сего года возмущеніе было причиною, что лѣтописецъ упомянулъ о семъ полку, который, однако, и послѣ сего года не переставалъ служить или на Востокѣ, или въ самой даже Анатоліи, или гдѣ бы то ни было въ Имперіи.

Если семь Русскихъ кораблей и 415 человѣкъ въ 934 году отправлены въ Италію, то вѣрно они и прежде сего года были уже на службѣ, и послѣ онаго дѣлали услуги Имперіи въ Италіи. Въ 949, состоявшая изъ семи кораблей, Русская эскадра, крейсировавшая у береговъ Дураццо и Далмаціи, уже въ 934 году находилась въ Средиземномъ морѣ, и можно думать, что и въ послѣдствіи не переставала приходить на помощь Императорамъ Византіи.

мы, и могли ожидать себѣ отъ сего знакомства разныхъ выгодъ; 2-е, они были соплеменниками Славянъ, наполнявшихъ Имперію, и весьма естественно могли умножить ихъ число, тѣмъ паче, что, 3-е, въ родной землѣ лишенные Нѣмцами всѣхъ правъ и преимуществъ, принуждены были оставить родину, въ коей сіи иноплеменники завладѣли всѣми высшими мѣстами, и искать счастія въ такой Державѣ, въ коей Славянамъ открытъ былъ путь не только къ Генералъ-Губернаторскому или Сенаторскому достоинству, но даже и къ престолу.

И такъ, въ отношеніи народной связи, службу Россіянъ вообще въ Имперіи, какъ сухопутную, такъ и морскую, представлять себѣ должно продолжавшеюся, т. е., понимать ее надобно не въ 902, 935, 949, 962, 1057, 1077 годахъ, но съ 902 или, лучше сказать, съ гораздо прежде начавшагося времени, по 935—949—962—1057—1077 годъ, и такъ дальше, пока сіе не пресѣклось особыми обстоятельствами. Это было въ военномъ отношеніи.

Какая же могла быть мирная, или торговая связь между Россіянами и Имперіей? Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что столь же сильно посѣщали Имперію и Константинополь и мирные искатели богатства, сколько и военные. Это заключить можно и безъ помощи всякаго свидѣтельства; но особенно видно сіе изъ договора Игорева съ Греками, въ которомъ именно обращены вниманіе и условія и на Русскихъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ Царьградъ, и которымъ жилища ихъ и складка ихъ товаровъ опредѣлены въ приморскомъ предмѣстьи Св. Мамы. Когда Ольга посѣтила Константинополь, то представлялись ей Цареградскіе Русскіе купцы. Сколько было еще такихъ Русскихъ, которые, не занимаясь ни войною, ни торговлею, введены были разными обстоятельствами и бродили по Имперіи за фортуною! И дѣйствительно, частныя Русскія лица, или купцы, съ ихъ лавками и товарами, были нѣчто постороннее для Византійскихъ лѣтописцевъ, которые всегда обращали вниманіе на одни только голыя военныя событія и на придворныя интриги.

И изъ сего выходитъ для Русской исторіи благопріятный результатъ, показывающій тогдашнее внутреннее достоинство Россіянъ. Если сравнить ихъ положеніе съ положеніемъ современныхъ имъ Западныхъ народовъ, то сравненіе сіе откроетъ преимущество образованности Россіянъ того времени предъ всѣми прочими народами Запада, которые погружены еще были въ невѣжествѣ и варварствѣ; и самая даже Италія, изъ коей происходили нѣкоторые лучи просвѣщенія, оварваренная въ продолженіе послѣдующихъ двухъ столѣтій, отуманилась невѣжествомъ, покрывавшимъ весь Западъ.

Въ XII только столѣтіи Французы и Германцы, по поводу Крестовыхъ походовъ, познакомившись съ Константинополемъ и съ просвѣщенными Аравитянами, перенесли на Западъ нѣсколько свѣдѣній, искусствъ и способовъ улучшенія какъ общественной, такъ и частной жизни. Нѣмцы и Французы нанимали суда у Венеціянъ для переправы въ Палестину, ибо сами моремъ не занимались. И такъ Россіяне подвергались благотворному вліянію знакомства съ просвѣщенною страною уже съ 800 или 900 года, межъ тѣмъ какъ Западъ началъ пользоваться онымъ только съ 1160 г. Но о семъ мы найдемъ случай поговорить ниже; здѣсь только я хотѣлъ обратить вниманіе на благотворныя свѣдѣнія въ Русскомъ народѣ, произведенныя знакомствомъ и сношеніями съ Греціею.

II. СНОШЕНІЕ БОЛГАРЪ СЪ ГРЕКАМИ.

Но тѣмъ сильнѣе были сношенія Болгаръ съ Имперіею. Сей народъ, не смотря на политическія свои потери, остался при той же народной дѣятельности, которою отличался и въ прежнія времена. Болгарія была еще сильною сосѣдницею Грековъ; она была въ сіе время при Византійскомъ Дворѣ уважаема болѣе всѣхъ Государствъ на земномъ шарѣ. Константинъ поддерживалъ миролюбіе съ сею Державою. Преимущества Болгарской торговли въ Имперіи, вынужденныя прежними Королями, были еще въ полной силѣ и слыли закономъ. Къ сожалѣнію, ни Болгарское, ни Византійское Министерство финансовъ не оставило намъ подробныхъ свѣдѣній, изъ коихъ мы могли бы усмотрѣть полный кругъ Болгарской дѣятельности.

Константинъ Багрянородный оставилъ намъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія, касающіяся до Болгаріи; я приведу оныя здѣсь слово въ слово.

Этикетъ Болгарскаго посольства при Цареградскомъ Дворѣ. Привѣтствіе Болгарскихъ посланниковъ при Дворѣ Императора: «Како здравіе Богомъ вѣнчаннаго Императора

духовнаго отца нашего, Божіею милостію Государя Болгаріи? Како здравствуютъ Августѣйшая Государыня, Ихъ Императорскія Высочества, Государи сыновья Ихъ и прочія чада? Здравъ ли Святѣйшій и Вселенскій Патріархъ? Здравы ли оба Магистры? Здравъ ли весь Сенатъ? всѣ четыре Логоѳета?»

«Послѣ сего Великій Церемоніймейстеръ въ свою очередь предлагалъ вопросы: «Въ добромъ ли здравіи духовный внукъ нашего Императора, Божіею милостію, Государь Болгаріи? Въ добромъ ли здравіи Государыня, его супруга? Въ добромъ ли здравіи *Коняртикинъ* и *Великій Тарканъ*, сыновья, Божіею милостію, Государя Болгаріи, и прочія его чада? Въ добромъ ли здравіи шесть Великихъ *Воеводъ* (Βολιάδες)? Здоровы ли прочіе, находящіеся какъ при Дворѣ, такъ и въ лагеряхъ, *Бояре* (Boliades)? Здравъ ли цѣлый народъ?»

Посланіе къ Архонту Болгаріи такъ надписывается: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единаго истиннаго Бога нашего, Константинъ и Романъ, Божіею милостію, Римскіе Императоры, любезнѣйшему и духовному нашему сыну, Божіею поспѣшествующею милостію, Архонту (Государю) Христіаннѣйшаго народа Болгарскаго.» Такъ писали прежде, говоритъ Константинъ; теперь же пишется: «Константинъ и Романъ въ Бозѣ Императоры, Короли Римлянъ, любезнѣйшему нашему въ Бозѣ сыну, Государю Царю (Βασιλέα Βουλγαριας) Болгаріи.»

Изъ описанія церковныхъ праздниковъ, празднуемыхъ съ великими церемоніями при Дворѣ, замѣчательно слѣдующее:

«Въ праздникъ Рождества Христова — къ Священному столу, о 19-ти приборахъ, пригласить должно: двухъ Магистровъ *, Перовъ и Проконсуловъ Имперіи—шесть, *Болгарскихъ* Гостей или Пословъ двухъ, наконецъ изъ Генералитета, или другихъ чиновъ, двухъ, чтобы при столѣ самаго Императора находилось 12 гостей, въ подражаніе 12-ти Апостоламъ, вечерявшимъ со Христомъ Спасителемъ. Къ побочнымъ же столамъ (съ правой и лѣвой стороны) пригласить всѣхъ Сенаторовъ и почетнѣйшихъ изъ разныхъ

---

* Это были первѣйшія достоинства въ Имперіи.

Государственныхъ Чиновъ, числомъ до 168; *Болгарскихъ гостей* 12.» и проч

«Въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія: къ золотому столу, находящемуся въ блестящей золотой палатѣ (in splendido Chrysotriclinio), пригласить — (кромѣ первѣйшихъ чиновъ Имперіи)— и двухъ Болгарскихъ Вельможъ; всего числомъ до 30. Къ четыремъ же столамъ, вокругъ сего находящимся въ четырехъ апартаментахъ, приглашаются избранные Императорскіе кандидаты и проч. *Болгарскихъ же* гостей 18 человѣкъ.»

«Гости священнаго золотаго стола входятъ въ собственныхъ праздничныхъ кафтанахъ, Болгаре — послѣ Воеводъ (post classem Strategorum), и садятся на лѣвой сторонѣ священной трапезы, на пятомъ, или шестомъ мѣстѣ,» т. е., считая отъ Августѣйшей Особы.

«Къ послѣднимъ же двумъ столамъ, къ столу на лѣвой сторонѣ, садятся плѣнные Сарацины, а къ правому — всѣ *Болгаре*. Всѣ же гости входятъ и выходятъ: Сенаторы и Генералы въ своихъ мундирахъ; Сарацины въ бѣломъ одѣяніи безъ поясовъ; Болгаре же въ собственномъ народномъ ихъ нарядѣ.»

«Въ шестой же день Свѣтлой недѣли производится крестный ходъ внутри Дворца, и дается аудіенція Болгарскимъ посланникамъ, принесшимъ подарки отъ Болгарскаго Короля; и бываетъ обѣденный столъ на священной золотой трапезѣ, къ коему приглашаются *Болгарскіе* посланники и первѣйшіе чины Имперіи. Къ прочимъ же столамъ приглашаются 54 лица Графскаго достоинства Имперіи (de ordine comitum), Болгарскихъ же гостей 18 человѣкъ, коихъ посадить за послѣдній столъ, въ ихъ народномъ одѣяніи.» (in suis scaramangiis. Не *спръмяки* ли это)?

«Въ третій же день Ѳоминой производится (на Ипподромѣ) конное ристалище, игра, которою заключаются празднества Свѣтлаго Воскресенія. Тогда же дается отпускная аудіенція Болгарскому Посольству» (Vid. Const. Porphyr. apud. Stritt. in Bulg. pag. 604—608).

Удивительно, въ какомъ почтеніи были въ Константинополѣ Болгаре. Вѣроятно, приглашаемые къ столу Императорскому 12, или 18 человѣкъ изъ Болгаръ, не были посланниками Болгарскаго Короля, но были выбираемы, какъ почетнѣйшіе, изъ многочисленнаго сословія Болгаръ, подданныхъ Петра I, пребывающихъ въ Константинополѣ. Собственно Болгарскіе Послы кушали за однимъ столомъ, вмѣстѣ съ Императоромъ, и обыкновенно были въ числѣ одного, или двухъ; въ случаѣ же отсутствія Пословъ, приглашаемы были къ золотой трапезѣ почтеннѣйшіе изъ Болгарскихъ Вельможъ, находящихся въ столицѣ.

Изъ сего видно, что дѣла Болгаръ въ Имперіи, въ правленіе Багрянороднаго, были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Изъ числа почетныхъ Болгарскихъ гостей, приглашаемыхъ ко Двору, видно, что число подданныхъ Болгаріи въ народонаселеніи Царяграда было весьма значительно; если же къ нимъ прибавить Болгаръ, подданныхъ Имперіи, и приливъ Россіянъ, то можно допустить, безъ всякой застѣнчивости, что Константинополь, въ правленіе Багрянороднаго, былъ городомъ почти на половину Славянскимъ, какъ уже это было въ царствованіе Славянъ: Іустина I, Іустиніана Великаго и его племянниковъ.

Здѣсь можно бы предложить вопросъ: служили ли и Болгаре Имперіи, подобно Россіянамъ? Естественно, что Болгаре, подданные Имперіи, служили оной; подданные же Болгаріи служили своему отечеству. По чему же Византійскія лѣтописи не упоминаютъ о службѣ Болгаръ въ Имперіи? По тому, что будучи подданными оной, они также, какъ и Греки, назывались Римлянами; если же частныя лица, подданныя Болгаріи, опредѣлялись въ службу Императора, то они не слишкомъ были замѣтны и исчезали, такъ сказать, въ великомъ числѣ своихъ единоплеменниковъ, подданныхъ Имперіи.

Впрочемъ, Болгаре, въ большомъ количествѣ опредѣлявшіеся въ службу Византійцевъ, называемы были по имени тѣхъ областей Болгарской Державы, къ коимъ они принадлежали; такъ можно видѣть въ лѣтописяхъ цѣлыми

полками Козаръ и Печенѣговъ, на жалованьи у Кесарей. По крайней мѣрѣ, достовѣрно, что оборотъ Болгаръ, какъ Христіанъ и близкихъ сосѣдей въ Имперіи, былъ несравненно сильнѣе и живѣе, чѣмъ самыхъ Россіянъ.

III. СНОШЕНІЕ РОССІЯНЪ СЪ БОЛГАРАМИ.

Упомянувъ вкратцѣ о двухъ линіяхъ направленія народныхъ сношеній Россіянъ и Болгаръ съ одною точкою, Имперіей, для довершенія треугольника, надобно обратить вниманіе на сообщеніе *Россіянъ* съ народомъ близкимъ, сосѣднимъ, съ Болгаріею, *Болгаръ* съ Сѣверными ихъ сосѣдями—Россіянами.

Какіе же отрывки изъ лѣтописей, или свидѣтельства, привесть вамъ, читатели, для оживленія картины дѣятельности и взаимныхъ сношеній сихъ двухъ Славянскихъ Государствъ! Несторъ не упоминаетъ о семъ; отъ Византійцевъ же чего ожидать можно, когда они преминули изобразить подробно Болгарскія сношенія даже и съ Имперіей? Шлецеръ нѣсколько разъ повторяетъ, что дѣла Болгаріи «ни по чему не принадлежатъ къ Русской исторіи! Болгарскія лѣтописи для насъ затеряны, или, по крайней мѣрѣ, еще не отысканы.

О безцѣнный Константинъ Багрянородный! И въ этомъ недоумѣніи онъ подаетъ намъ руку помощи; хотя слабою, однако, довольно ясною, чертою онъ изображаетъ направленіе современной ему народной дѣятельности Россіянъ, преимущественно же Южныхъ. Онъ современный, непререкаемый свидѣтель. Послушаемъ, что говоритъ онъ.

«Барки, приплывающія въ Константинополь изъ отдаленной (внутренней) Россіи, отправляются изъ *Немогарда* (Новгорода), гдѣ жилъ Святославъ, сынъ Русскаго Государя, Игоря. Тожъ отправляются изъ городовъ *Милиниски* (Смоленска), *Телюцы* (Полтецка, или Полтелецка), *Чернигоги* (Чернигова) и Вышеграда. Все это по рѣкѣ Днѣпру спускается и сосредоточивается въ Кіевѣ».

» Славяне же, ихъ (Россіянъ) подданные, называемые *Кривичами* и *Лензанами* (Поляками?) и прочіе Славяне въ горахъ (Константинъ, по видимому, думалъ, что и Россія такъ гориста, какъ и его Оракія; вѣрнѣе было бы сказать: въ лѣсахъ) своихъ въ зимнее время рубятъ барки, или мелкія суда, и приведши ихъ въ извѣстную форму, при благопріятной погодѣ, послѣ того какъ рушатся льды, сводятъ въ ближайшія озера, изъ нихъ же въ Днѣпръ, по которому приводятъ въ Кіевъ, тамъ останавливаютъ и продаютъ Россіянамъ».

Здѣсь вышло бы недоумѣніе изъ словъ Константина касательно собственныхъ именъ Русскихъ племенъ. *Кривичей* и *Полянъ* онъ называетъ сими частными областными названіями; но неизвѣстно, по какому поводу онъ ихъ называетъ Славянами, между тѣмъ какъ они никогда такъ себя не называли. Впрочемъ, изъ текста его видно, что сіе имя имъ онъ прибавилъ по произволу, и именно, въ общемъ понятіи племенности Кривичей и Полянъ, давъ о нихъ понятіе, что они принадлежатъ къ общему роду тѣхъ племенъ, кои означаются общимъ именемъ Славянъ. Такъ иногда не только у него, но и у прочихъ Византійцевъ, встрѣчаются и Болгаре, и Сербы, и Кроаты подъ симъ же именемъ *Славянъ*, хотя имъ никогда не назывались.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что областныя названія Русскаго народа, взятыя отъ рѣкъ, или качества мѣста, покрывали части одного и того же Русскаго народа, и что настоящее народное имя всѣхъ областныхъ племенъ было *Россы*.

Изъ текста его видно, что онъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія о всемъ объемѣ Русскаго народа, и что имя *Россовъ* взялъ въ частномъ, областномъ значеніи, т. е., родъ за видъ. По сему, относя родовое имя къ частнымъ племенамъ, онъ замѣнилъ его извѣстнымъ уже, Славянскимъ.

Изъ словъ его явствуетъ, что онъ подъ именемъ Россовъ понималъ часть Русскаго народа, прилегающаго къ Черному морю, т. е., обитавшаго въ юго-восточной части Россіи, какъ ближайшей къ Имперіи; ибо отсюда онъ и

сдѣлался извѣстнымъ Грекамъ подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Впрочемъ, Константинъ, называя Россіею, или отдаленной Россіею (ἀπὸ τῆς ἔξω Ρωσίας, внѣшнею Россіею), всю страну обитаемую племенами, коихъ онъ, собственно, не именуетъ Россами, а по своему Славянами, довольно понятно намекаетъ, что имя Россовъ было тогда общее народное всѣмъ племенамъ.

По сему понимать должно, что *Кривичи*, или *Поляне*, продававшіе свои суда, и *Россы*, покупавшіе оныя, были одинъ и тотъ же Русскій народъ, хотя, впрочемъ, изъ разныхъ областей.

Что касается до торговли судами между самыми Россіянами, то не должно толковать слова Константина буквально, т. е., будто бы тѣ только пускались въ судоходство, которые покупали уже готовыя суда, и будто дѣлавшіе, или продававшіе, оныя отнюдь не занимались сами судоходствомъ. Дѣло въ томъ, что хозяева судовъ, или предпріимщики судоходства по Днѣпру въ Черное море, могли быть столько же и Новгородцы, и Смоляне, т. е., самые Кривичи, сколько Черниговцы и Кіевляне. Весьма естественно, что Кривичи, какъ выражается Константинъ, привозили свои суда для продажи въ Кіевъ, ибо они жили вверхъ по Днѣпру и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ; но тѣмъ не менѣе они были такіе же Россы, какъ и покупщики ихъ судовъ. Послушаемъ далѣе:

«Россіяне, купивъ оныя, приготовляютъ, или дѣлаютъ, ихъ способными къ судоходству, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ для сего употребленія; а иногда даже пополняютъ оныя снарядами изъ разобранныхъ старыхъ судовъ.»

«Обыкновенно пускаются они въ іюнѣ мѣсяцѣ по Днѣпру, до самаго подвластнаго себѣ города, *Вытечева*. При семъ городѣ останавливаются на два, или три, дня, и когда соединились всѣ барки, пускаются по сей рѣкѣ въ дальнѣйшій путь».

Послѣ сего слѣдуетъ описаніе опаснаго пути чрезъ Днѣпровскіе пороги; наконецъ, прошедъ послѣдній, «приближа-

ются къ переправѣ Краіевой, чрезъ которую Херсонцы изъ Россіи переправляются обратно, и Печенѣги въ Херсонъ. Сія переправа не ширѣ ипподрома (главной площади въ Константинополѣ, на коей бывали конскія ристалища); но столь длинна, сколь далеко можетъ долетѣть стрѣла. Въ сіе-то мѣсто приходятъ Печенѣги (Печенѣжскія разбойничьи шайки) и нападаютъ на Россіянъ.»

«Прошедъ сіе мѣсто, Россіяне пристаютъ къ острову Св. Григорія, на которомъ, подъ дубомъ чрезвычайной величины, приносятъ въ жертву живыхъ птицъ. Кругомъ втыкаютъ въ землю стрѣлы, другіе оставляютъ хлѣбъ, мясо, или кто что имѣетъ, по ихъ обыкновенію. Также бросаютъ жребій о птицахъ, должно ли ихъ зарѣзать и съѣсть, или живыми отпустить. Путь отъ этого острова до самой рѣки *Селины* для Русскихъ безопасенъ отъ Печенѣговъ».

«Отсюда (отъ острова Св. Григорія) плывутъ далѣе въ продолженіе четырехъ дней; достигнувъ, наконецъ, Лимана, или устья рѣки (не говоритъ какой), гдѣ видѣнъ островъ Св. Еѳирія, на семъ островѣ отдыхаютъ два, или три, дня, и снабжаютъ свои суда всѣмъ нужнымъ для продолженія пути, какъ-то: парусами, мачтами, веслами. Устье сей рѣки есть лиманъ, который продолжается до открытаго моря, гдѣ видѣнъ островъ Св. Еѳирія.»

Подъ именемъ лимана (λίμνη) подразумѣваетъ здѣсь Константинъ длинное и широкое устье рѣки, которое, однако, не походитъ ни на море, ни на рѣку, ибо не замѣтно теченіе онаго, а болѣе всего походитъ на заливъ. Въ подобные лиманы, какъ извѣстно, не доходя еще до моря, входятъ Днѣпръ, Ингулъ и Бугъ, и еще двѣ рѣки между симъ послѣднимъ и Днѣстромъ, и, наконецъ, Днѣстръ.

И такъ изъ словъ Константина видно, что Россіяне входили въ Днѣпровскій лиманъ, и потомъ проходили мимо устьевъ прочихъ лимановъ; морскія ихъ станціи онъ означаетъ лежащими на пути ихъ островами, или же находящимися рядомъ, по правую сторону, лиманами, или именами рѣкъ, вливающихся въ сіи лиманы. Какъ называлась рѣка, при устьѣ или лиманѣ коей видѣнъ островъ Св. Еѳирія,

не извѣстно. Впрочемъ, если бы это было въ лиманѣ Днѣстра и Буга, то Константинъ бы прибавилъ ихъ названіе, ему уже извѣстное. И такъ подъ сею безъименною рѣкою должно понимать одну изъ малыхъ рѣчекъ между Бугомъ и Днѣстромъ, впадающихъ въ Черное море и образующихъ значительные лиманы. Здѣсь еще надлежитъ изъ строгаго соображенія мѣстностей опредѣлить мѣсто острова, или, можетъ бытъ, полуострова, Св. Еѳирія.

«Съ сего мѣста», продолжаетъ Багрянородный, «Россіяне отправляются къ Днѣстру» (а не къ Днѣпру, не ad Danaprim, какъ ошибкою у Стриттера, Memor. Popul. p. 985, но *ad Danastrim*), «гдѣ опять отдыхаютъ.» То есть: входятъ и въ лиманъ Днѣстровскій. Но зачѣмъ же имъ на каждомъ шагу отдыхать? Могъ ли Константинъ говорить опредѣлительно, что въ упомянутыхъ мѣстахъ они останавливались на два, или на три дня?, Конечно, не льзя вложить теченіе дѣлъ и обстоятельствъ Русскихъ судоходцевъ въ сію рамку постоянной опредѣленности; въ одно время, въ одномъ году, они могли попраздничать сямъ, или тамъ, два, три, дня; въ другомъ двѣ, три, недѣли, въ третьемъ ничего, или тамъ ничего, а тамъ больше; или въ одно и то же время одна Русская компанія тамъ столько останавливалась, а другая ни сколько. Вообще, движеніе Русскихъ спекулянтовъ и судовъ управляемо было стеченіемъ ихъ обстоятельствъ, которыя столь же могли быть неопредѣленны и непостоянны, какъ и волны морскія.

«Вышедъ отсюда (изъ Днѣстровскаго лимана), при хорошей погодѣ, Россіяне отправлялись къ рѣкѣ *Бѣлой*» (Album fluvium)», т е., моремъ къ устью рѣки *Бѣлой*. Сія рѣка есть одна изъ нынѣшнихъ небольшихъ, впадающихъ въ Черное море между Дунаемъ и Днѣстромъ; не подалеку отъ ней стоялъ приморскій Болгарскій городъ, *Бѣлградъ* или *Бѣлоградъ*; крѣпость въ ономъ выстроена была еще около 835 года Греческимъ архитекторомъ, Петроною, на иждивеніи Болгаро-Крымскаго (Казарскаго) Государя, для удержанія разбойничьихъ шаекъ, слывшихъ подъ именемъ

Саркелъ, что, говорятъ, значитъ *Бѣлой домъ*. Не знаю причины, по чему сей Бѣлградъ переселили на Донъ.

Аккерманъ еще и нынѣ отчасти слыветъ подъ именемъ Бѣлграда; впрочемъ, не льзя сказать, что онъ стоитъ на мѣстѣ древняго Бѣлграда; по крайней мѣрѣ, можно допустить, что онъ есть наслѣдіемъ Бѣлграда, хотя нѣсколько и перемѣнилъ мѣсто, переселившись съ лимана рѣчки Бѣлой на новое мѣсто, не подалеку отъ южнаго берега лимана Днѣстровскаго.

«Здѣсь пробывъ нѣсколько времени», то есть, въ лиманѣ рѣчки *Бѣлой*, или въ гавани *Бѣлограда*, «Россіяне отправляются далѣе къ Югу, и приплываютъ въ рѣку *Селину*, называемую *Перекладомъ* Дуная (Selinam, Danubii fluminis, ut vocant Paracladium)».

Это есть вторая рѣчка Бессарабіи, впадающая въ море, между Днѣстромъ и Дунаемъ Мимо лимана сей рѣчки проходили Русскіе суда. «Тогда,» говоритъ Константинъ, «по берегу бѣгутъ Печенѣги, покушаясь напасть на Русскихъ, или захватить что либо изъ ихъ морскаго каравана; но Русскіе, если вѣтеръ, какъ бываетъ, прибьетъ какія либо суда къ берегу, всѣ собираются для защиты отъ хищныхъ Печенѣговъ.»

И такъ Русскіе устье сей рѣки, весьма близкое къ устью Дуная, называли *Перекладомъ*, предмѣстьемъ самаго Дуная.

«Прошедъ Селину, Россіяне ни кого не опасаются, и, достигнувъ береговъ Болгаріи (т. е., страны, собственно такъ называемой), входятъ въ устье Дуная.»

Вездѣ въ устье рѣкъ! Долго ли же они пребывали въ устьи Дуная, Константинъ не отвѣчаетъ на это, а продолжаетъ:

«Послѣ изъ Дуная отправляются къ *Конопѣ*» (приморскій Болгарскій городъ), «отсюда къ Констанціи» (къ Кюстенджи) «и къ рѣкѣ *Варнѣ*; отъ рѣки же Варны къ рѣкѣ *Дичинѣ*, которыя всѣ мѣста принадлежатъ Болгаріи; а отъ *Дичины* приплываютъ къ Мезембріи,» въ гавань сего знаменитаго торговаго города.

«И такъ здѣсь,» заключаетъ Багрянородный, «оканчивается трудное, исполненное бѣдствій и опасностей, судоходство Россіянъ.»

Мезембрія—главная точка, главная складка Болгарской торговли, и Мезембрія—послѣдняя цѣль Русскаго судоходства! Констатинъ, современный писатель, говоритъ это и пальцемъ указываетъ на Болгарію, какъ на главное мѣсто Русскаго плаванія, Русской иностранной торговли. О Шлецеръ, Шлецеръ! И ты могъ написать, что Болгарія ни по чему не принадлежитъ къ Русской исторіи?

Довольно ясно понять можно изъ краткихъ словъ Константина цвѣтущее состояніе Русскаго судоходства и благотворныхъ слѣдствій онаго. Для чего Русскія суда такъ часто входили во всѣ почти лиманы? Всѣ берега Чернаго моря усѣяны были городами, мѣстами, гаванями; весь цвѣтъ народонаселенія прозябалъ у морскихъ береговъ; лиманы служили путями къ гаванямъ, а ихъ берега мѣстами сборищъ и ярмарокъ. Всѣ тѣ мѣста въ послѣдствіи опустѣли, судоходство прекратилось, города и селенія разрушены то Татарами, то Турками; не многія изъ нихъ удержались въ памяти, прочія же исчезли. Въ поясненіи исторіи Черноморской торговли много пользы можетъ принести критическое изслѣдованіе географіи сей приморской страны. Многія открытыя развалины и памятники въ Крыму, также въ Херсонской и Бессарабской приморской области даютъ надежду и на будущія открытія не только въ сихъ областяхъ, но и въ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи. Не льзя сомнѣваться въ успѣхѣ важныхъ открытій; надлежитъ только обратить внимательное око и употребить людей, въ семъ дѣлѣ опытныхъ.

И такъ Россіяне входили на судахъ въ лиманы Болгарскихъ владѣній и въ лиманы, собственно такъ называемой, Болгаріи: въ Дунай, въ *Конопу*, въ *Варну*, а тамъ и въ Мезембрію. Для чего же Русскія суда входили туда? Странный вопросъ! А для чего купеческія суда разныхъ націй входятъ еще и нынѣ, на примѣръ, въ Рижскій, Ревельскій, Невскій *лиманы?*

Однако, еще замѣтимъ, что не должно толковать словъ Константина буквально, т. е., будто одни и тѣ же суда, вышедъ изъ Днѣпровскаго лимана, должны были посѣщать непремѣнно всѣ лиманы, рядомъ слѣдующія; ибо онъ говоритъ о пути Русскихъ купеческихъ судовъ и о мѣстахъ, ими посѣщенныхъ вообще, когда бы то ни было, и какими бы то судами, или лицами, сдѣлано ни было. По сему понимать должно, что одни суда назначены были въ Николаевскій лиманъ, другія въ Днѣстровскій, иныя въ Бѣлоградскій, инымъ надобно было войти въ Дунай; иныя везли грузъ именно въ Конопу, или въ Варну, или въ Мезембрію, или въ Анхіалъ, или въ Константцію, или даже назначены были въ Константинополь; всѣ шли въ мѣсто своего назначенія. Сверхъ сего, въ слѣдующемъ году, или годахъ, суда, бывшія у Бѣлограда, могли быть отправлены и въ Мезембрію, или въ другіе какіе либо порты. То есть, все шло своимъ чередомъ, сообразно обстоятельствамъ, надобностямъ, видамъ хозяевъ, спекулянтовъ.

«Зимою же (продолжаетъ Константинъ) образъ жизни Россіянъ слѣдующій: въ началѣ мѣсяца Ноября ихъ Князья со всѣмъ (?) Русскимъ народомъ изъ Кіева расходятся по разнымъ малымъ городамъ, или по Славянскимъ областямъ своихъ данниковъ, *Древлянъ*, *Драговичей*, *Кривичей*, *Сѣверянъ* и прочихъ Славянъ. Тамъ прозимовавъ, весною, послѣ вскрытія рѣки Днѣпра, опять собираются въ Кіевѣ, и опять, снарядивъ всѣмъ нужнымъ свои суда, какъ уже выше описано, пускаются по Днѣпру въ дорогу, въ порты Романіи.»

Что же дѣлали зимою наши Россы? Не лѣнились, а вездѣ бродили, работали, собирали, покупали,, продавали, словомъ, все готовилось къ новому предстоящему плаванію, т. е., народъ былъ дѣятеленъ и зимою и лѣтомъ. Лѣтомъ — эта дѣятельность обнаруживалась въ сношеніяхъ народа съ Болгаріей и Грецією. Для того ли причаливали Русскіе сребролюбцы къ Болгарскимъ гаванямъ, чтобы, подперши ладонью подбородокъ, позѣвать на берега оныхъ?

Сіи-то Русскія экспедиціи въ Черноморскіе порты производимы были всякій годъ. Какое же могло быть по сему

знакомство и сношеніе Русскаго народа съ Болгарскимъ? Весьма короткое, весьма сильное. Но если бы даже и не было современнаго свидѣтельства Константинова, то изъ путешествій Россіянъ въ Имперію, довольно частыхъ, уже *a priori* явствуетъ, что, въ сосѣдней имъ, Болгаріи ихъ искательство счастія было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Имперіи, и что по сему Русскій народъ гораздо короче былъ знакомъ съ Болгарами, чѣмъ съ Греками. Ужели Русскимъ можно было не знать хорошенько Болгаръ-Козаръ, бывшихъ на Руси? Ужели Болгарамъ не знать было Русскихъ, прибывавшихъ въ ихъ сторону то съ оружіемъ въ рукахъ, то съ товарами? О Шлецеръ!

И такъ не льзя сомнѣваться, что Русскіе купцы, Русскіе искатели счастія бродили и проживали въ разныхъ областяхъ, въ разныхъ городахъ Болгарской Державы. Если Россіяне въ Имперіи служили сотнями, батальонами, даже цѣлыми полками; если они торговали въ Цареградѣ дюжинами: ужели не надо допустить, вопреки молчанію Лѣтописца, что въ городахъ сосѣдней Болгаріи странствовали они, если не *сотнями*, то, по крайней мѣрѣ, десятками? По чему не допустить, что десятокъ Русскихъ купцевъ могъ пребывать и въ столицѣ Болгаріи, *Великомъ Переяславѣ*, или въ *Доростолѣ*, или *Терновѣ*, или *Видинѣ*, или *Переяславцѣ*, или въ *Бориславлѣ*, или въ *Тріадицѣ* (Софіи) и проч., когда они въ сіе самое время, по свидѣтельству не только Грековъ, но и Арабовъ ходили въ Грузію, Персію, за Каспійское море, и даже въ Сирію? И обратно: по чему не допустить, что и Болгаре, въ свою очередь, бродили не только по Греціи, но и по Руси?

СЛѢДСТВІЕ ТѢСНЫХЪ СНОШЕНІЙ РОССІЯНЪ СЪ ВОЛГАРАМИ.

Какое слѣдствіе могло произойти отъ сего знакомства Россіянъ съ Христіанскимъ Болгарскимъ народомъ? То, что, обращаясь въ землѣ Христіанской, Русской народъ познакомился, если не со всѣми, по крайней мѣрѣ, съ главнѣй-

шими догматами Христова ученія. Многіе изъ Россіянъ, находясь долгое время въ сихъ странахъ, вѣроятно, приняли Вѣру Христіанскую; другіе же, хотя и не принимали оной, но, по крайней мѣрѣ, возвращались домой съ сомнѣніемъ въ душѣ своей о достоинствѣ *Перуна*, *Лады*, *Купала*, и множества прочихъ злыхъ боговъ и духовъ, вопырей, вѣдьмъ и тому подобныхъ; т. е., мало по малу, при удобномъ случаѣ, стали открываться глаза народа и видѣть свое заблужденіе.

Если обратить строгое вниманіе на всю важность заслуги Греческаго и Болгарскаго народа порознь касательно сего вліянія на умы Россіянъ, то, по справедливости, признаться надобно, что сія заслуга принадлежитъ преимущественно Болгарамъ, а именно, по преимуществу сосѣдства, сильнѣйшихъ сношеній и одноплеменности, хотя, впрочемъ, и Имперія оказывала нѣкоторое вліяніе на народный духъ Россіянъ.

Единоязычіе, т. е., соплеменность, могло служить главнѣйшимъ средствомъ къ распространенію и перенятію новаго ученія. Болгарскій народъ слишкомъ 450 лѣтъ пробылъ въ сосѣдствѣ съ Греками, пока, наконецъ, принялъ вѣроисповѣданіе онаго; причиною тому была трудность въ сообщеніи народныхъ понятій между двумя иноязычными народами, Греческимъ и Болгарскимъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ сія Держава сдѣлалась Христіанскою, обращеніе между прочими Славянскими племенами стало распространяться исполинскими шагами, и только остановилось на предѣлахъ Славянскаго міра (говорю только о Славянской Церкви). Причиною тому была естественная удобность сообщенія мыслей по причинѣ сродства Славянскихъ нарѣчій, понятныхъ всѣмъ племенамъ Славянскаго происхожденія.

И такъ, если обращеніе Россіянъ ускорено, сіе приписать должно предварительному крещенію Болгарскаго народа. Если бы сей народъ крестился еще около 600 года, то и крещеніе Россіи произошло бы, можетъ быть, за два, или за три, столѣтія до Владимира Великаго; и, напротивъ, если бы Болгаре обратились въ Христіанство только около

1100 года, то и крещеніе Россіи опоздало бы, вѣроятно, до начала XIII столѣтія.

Русскіе Князья едва ли могли бы ввести сами собою новую Вѣру, если бы она была еще далека отъ предѣловъ отечества и никакъ не извѣстна Россіянамъ. Народу сначала надлежало приготовляться къ сей великой религіозной перемѣнѣ знакомствомъ и сношеніями съ Болгарскою Державою; надлежало прежде самому увидѣть, хотя сколько нибудь, свое заблужденіе; въ противномъ случаѣ владѣтель не былъ бы въ силахъ принудить цѣлый народъ отстать отъ своей Вѣры.

Но, какъ бы то ни было, Россіяне крещены, слѣдственно, имѣли сношеніе съ Болгарами. Уже въ сіе время Христіанская Вѣра имѣла на Руси своихъ послѣдователей, а именно, здѣсь проживающихъ Болгаръ и Русскихъ прозелитовъ.

ПОЛОЖЕНІЕ БОЛГАРІИ.

Болгарія весьма нуждалась въ продолженіи согласія съ Восточною Имперіею и Россіею; ибо не тотчасъ можно было залечить раны, нанесенныя ей междоусобною войною. Блестящее ея вліяніе стало тускнуть, наипаче съ тѣхъ поръ, какъ Южная Россія, освобожденная отъ непосредственнаго ея вліянія, принялась за дѣятельность. Слабое правленіе Петра I потушило въ народѣ, привыкшемъ къ дѣятельнымъ Монархамъ, надежду поправить потери отечества.

Женатый на Греческой Царевнѣ, Петръ былъ столь слабъ, что безъ прекословія повиновался ея капризамъ. Гордая и слишкомъ приверженная къ своимъ Грекамъ, она и на тронѣ Болгаріи, гдѣ ей надлежало быть Болгаркою, не переставала быть ревностной Гречанкой; она даже во многихъ случаяхъ служила орудіемъ Императора въ его интересахъ въ Болгаріи. Народу не нравилась такая Царица, тѣмъ еще паче, что ихъ Королевы, хотя и Болгарки, не мѣшались въ дѣла политическія.

Между тѣмъ у Короля родились уже два сына. Народъ могъ ласкаться надеждою; онъ желалъ воскресить въ нихъ духъ Владимира II. Надлежало одного изъ нихъ назвать симъ драгоцѣннымъ для Болгаръ именемъ; но дѣло зависѣло отъ Королевы: ей непріятно было дать сыну имя того, который столько ударовъ наносилъ Грекамъ; и такъ, по волѣ ея, одному дано имя дѣда Короля, друга Имперіи, *Бориса* I, а другому дѣда Королевы, Императора *Романа*.

Но чуть только оба молодые Короля, Борисъ и Романъ, вышли изъ пеленъ, какъ мать взяла въ свои руки ихъ воспитаніе; Король согласился на сіе, тѣмъ болѣе, что властолюбивая его супруга господствовала надъ нимъ жестоко и въ иныхъ отношеніяхъ. Въ слѣдствіе сего самовластія Королева отвезла Царевичей въ Константинополь, куда, подъ видомъ ихъ посѣщенія, ѣзжала почти ежегодно, и гдѣ всякій разъ долго щеголяла на счетъ Болгарской казны.

Между тѣмъ 9 Ноября, 959 года скончался Императоръ Константинъ Багрянородный, и на престолъ восшелъ сынъ его, *Романъ*, называемый *Младшимъ*. Сія перемѣна Византійскаго Правительства не нанесла никакого измѣненія въ дружескомъ отношеніи Имперіи къ Болгаріи.

Молодой Императоръ (21 года) почти ничѣмъ не былъ дѣятельнѣе своего родителя; нѣжно воспитанный, онъ не находилъ услажденія въ лагерѣ, и въ Сенатъ даже заглядывалъ не слишкомъ часто. Любимецъ его *Іосифъ*, бывшій прежде Вице-Адмираломъ, а теперь сдѣланный Министромъ Императорскаго Двора, вертѣлъ важнѣйшими дѣлами; *Сисиній* управлялъ столицею, а два брата, *Никифоръ* и *Левъ* Фоки, начальствовали надъ арміею противъ Сарацинъ, и довольно счастливо.

Сей славный Никифоръ Фока, вождь, хотя еще молодой, но храбрый и благоразумный, сталъ приводить военныя силы Имперіи въ лучшее состояніе, введеніемъ строгой дисциплины, наборомъ рекрутъ и пополненіемъ полковъ. Ему-то препоручено было завоеваніе Кандіи; подъ его-то начальствомъ служилъ и *отрядъ Россіянъ* до совершеннаго завоеванія острова Кандіи, 960—963 года. Послѣ сего

завоеванія онъ отправился принять команду на сухомъ пути въ Азіи.

И такъ Болгарія со стороны Имперіи и Россіи была спокойна; но не такъ безопасна была она со стороны юной Венгріи. Безпокойные Угре, какъ мы уже видѣли выше, распространили власть свою до Темешскаго Баната; теперь они возвратились уже въ Трансильванію, и оттуда дѣлали набѣги на Болгарское Воеводство въ Валахіи. Боязливый Король, чтобы удержать ихъ въ покоѣ, заключилъ съ ними условія, для Болгаріи не совсѣмъ славныя; по крайней мѣрѣ, извѣстно, что съ сего времени одно Угорское колѣно навсегда осталось въ части Трансильваніи, съ 950 г.

Впрочемъ, сіе колѣно имѣло своего собственнаго Князя, и не зависѣло отъ прочихъ, въ Венгріи поселившихся. Сіи-то Угре прежде всѣхъ прочихъ приняли Христіанскую Вѣру; Князь Дюла (Gyula) или, какъ у Византійцевъ, *Гилласъ*. былъ, около 955 года, съ другимъ Угорскимъ Княземъ, *Волосудомъ*, въ Константинополѣ, крестился и привезъ съ собою монаха, *Іеровея*, посвященнаго въ Епископы Трансильваніи, который, по прибытіи на мѣсто, крестилъ весь домъ сего Князя, большую часть Угровъ и Трансильванскихъ Волоховъ.

Кажется, что Петръ мало дорожилъ Трансильваніей; еще остались другія части оной за Болгаріей, управляемыя особыми Воеводами. Между тѣмъ въ отдѣлившейся части образовалось независимое Угорское Княжество, съ которымъ надо было вступать въ переговоры.

Но гораздо безпокойнѣе были Угорскія колѣна въ Венгріи: они нападали на сосѣднія имъ страны безъ разбору; и на сей разъ, около 960 года, проскакали, чрезъ Сербію и отчасти Болгарію, даже въ самую Ѳракію, откуда, однако, тотчасъ должны были убраться, преслѣдуемые корпусомъ Генерала Маріана. Они не вели войну, а по произволу дѣлали набѣги, что тѣмъ невыгоднѣе было для Болгаріи, ибо надлежало безпрестанно быть противъ нихъ въ готовности; впрочемъ, сіи наѣздники удерживали за собою не страны, а увозили свои пожитки.

Между тѣмъ Императоръ Романъ царствовавъ три года съ половиною, умеръ на 24, или 25, году отъ рожденія, и оставилъ двухъ сыновей, Василія и Константина, въ пеленахъ, и двухъ дочерей, Ѳеофану и Анну. Сіе обстоятельство причинило волненіе умовъ въ Цареградѣ; предвидѣли, что кормило Государства падаетъ въ руки одного изъ вельможъ, до совершеннолѣтія наслѣдниковъ.

Любимецъ покойнаго Государя, Іосифъ Врингасъ, надѣялся все удержать за собою; но Императрица умѣла отвратить сего ненавистнаго ей человѣка. Она обратила взоры свои на Воеводу, Никифора Фоку. Сей герой, послѣ завоеванія Кандіи, прибылъ было въ столицу; но какъ Романъ замѣтилъ, что Императрица слишкомъ покровительствовала ему, то выслалъ его къ Азійской арміи, которою предводительствовали храбрые Генералы, *Иванъ Цимискій* и *Романъ Куркуа*, сынъ, или родственникъ, безсмертнаго *Ивана Куркувы*.

Какъ только Императоръ скончался, Императрица тотчасъ дала знать своему любимцу, и Никифоръ, съ отрядомъ войска, поспѣшилъ къ столицѣ. Конечно, не отъ Императрицы зависѣло избрать его въ Регенты: надлежало имѣть согласіе цѣлаго Сената; Никифоръ же имѣлъ враговъ, между коими сильнѣйшимъ былъ любимецъ покойнаго Императора. Впрочемъ, при Дворѣ все дѣло скоро обдѣлано въ пользу молодаго Воеводы Никифора, который, бросившись внезапно въ городъ, велѣлъ переколоть противившихся его избранію, и, наконецъ, 16 числа Августа, 963 года, коронованъ Патріархомъ Поліевктомъ. При семъ новый Императоръ, отца своего, Варду, который весьма удачно игралъ свою роль, произвелъ въ Кесари, а 20 Сентября совершено и бракосочетаніе его съ Императрицей.

И такъ на престолѣ Имперіи является воинъ храбрый, молодой, дѣятельный, предпріимчивый; Имперія одолжена ему какъ завоеваніями, такъ и улучшеніемъ военной и гражданской части. Сія перемѣна въ Константинополѣ поставила Болгарію въ опасное положеніе: тутъ-то нуженъ былъ Каранъ, или Владиміръ II; но въ Петрѣ выходило совсѣмъ

противное. Впрочемъ, Никифоръ, будучи на сей разъ занятъ другими войнами, какъ на Востокѣ, такъ и въ Сиціи (и здѣсь сражались Россіяне подъ знаменами Византійцевъ противъ Сарацинъ), подтвердилъ мирныя отношенія съ Дворомъ Переяславскимъ.

Не смотря на сіе, положеніе Болгаріи дѣлалось опаснымъ и со стороны Россіи. Уже созрѣлъ Святославъ, и устарѣлая Ольга уступила ему кормило Государственное. Молодой Святославъ былъ храбръ, дѣятеленъ, предпріимчивъ, проницателенъ, и сталъ руководствоваться совсѣмъ другою политикой, которая клонилась къ завоеваніямъ. Первые военные опыты своей храбрости Святославъ показалъ на Руси, противъ Вятичей.

Но еще опаснѣе становилось дѣло Болгаріи отъ внутренняго броженія умовъ среди оной. Слабое и недѣятельное правленіе Петра навело на него ненависть народа; враги его еще болѣе раздражились; но, кромѣ слабостей его, еще болѣе надѣлала ему враговъ властолюбивая Королева. Царевичи, Борисъ и Романъ, воспитанные въ Константинополѣ, проживали тамъ дни свои и казну отечества, среди нѣги и роскоши. Болгаре, видя огречившихся и избалованныхъ своихъ Князей, лишились надежды имѣть хорошаго Государя; Князьямъ не хотѣлось возвратиться въ Болгарію на службу; народъ упрекалъ ихъ въ приверженности къ Грекамъ, и думалъ, что, восшедши на престолъ, они не будутъ вѣрными охранителями своей земли, а сдѣлаются вассалами Грековъ, измѣнниками отечества. Хотя Князья и дѣйствительно любили свое отечество, однако, неосторожные ихъ поступки могли произвесть кривые толки въ народѣ, которому всегда бываетъ пріятно видѣть въ своихъ Государяхъ первыхъ патріотовъ.

Но, можетъ быть, не мало было ошибокъ и самого Петра, не замѣченныхъ Византійцами, и сіи ошибки раздражили противъ него народъ; и такъ все готовилось къ революціи, къ сему крайнему злу, коего только недоставало для совершеннаго паденія сего знаменитаго Государства.

ВОЗМУЩЕНІЕ ВОЛГАРЪ.

Подробностей сего возмущенія Византійцы, по своей привычкѣ мало заниматься чужими дѣлами, намъ не оставили, а сказали просто, что въ Болгаріи произошло возмущеніе противъ Короля. Въ челѣ сего возмущенія стоялъ богатый Воевода, *Чижманъ* или, какъ Греки произносятъ имя его, *Сизманъ*, и четыре его сыновья: *Ааронъ*, *Самуилъ*, *Давидъ* и *Моисей*.

Не извѣстно, что хотѣли сдѣлать Болгарскіе инсургенты; не желали ли они вызвать изъ Имперіи заточеннаго тамъ своего Царевича, Іоанна Владимировича? не въ его ли пользу сдѣлалось сіе возстаніе? не явился ли онъ тайно въ Болгарію? По какому поводу Россія перемѣнила свое дружелюбіе съ Переяславскимъ Дворомъ? Вотъ вопросы, на которые не льзя отвѣтить ни вдругъ, ни рѣшительно.

Прежде всего замѣтимъ, что сіе возмущеніе ввело за собою новыя великія событія между тремя Державами; можетъ быть, причина, по которой и Россія и Имперія схватились за оружіе, заключается, главнымъ образомъ, въ Болгарской инсурекціи.

Причина разрыва между Россіею и Болгаріею, которую приводитъ Кедринъ, какъ странна, такъ и неудовлетворительна для яснаго понятія.

«Въ четвертое лѣто» (967 года) говоритъ онъ, «своего царствованія, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, Императоръ (Никифоръ) отправился изъ столицы для осмотру Ѳракійскихъ городовъ, и когда прибылъ къ великому Суду, просилъ, чрезъ письмо, Болгарскаго Короля, Петра, чтобы онъ не допустилъ Угоръ переправляться чрезъ Дунай и нападать на Имперскія области. Но какъ Король не повиновался Императору, а извинялся подъ разными предлогами, то Императоръ отправилъ къ Святославу Калокира, сына Херсонскаго Губернатора, побудить его къ нанесенію Болгаріи войны и завоеванію оной.»

Причина странная: ибо 1-е, по словамъ самого же Кедрина, тотчасъ послѣ восшествія Никифора на престолъ,

миръ съ Болгаріей подтвержденъ имъ торжественно, и, въ залогъ сохраненія онаго, находились въ Царьградѣ оба Болгарскіе Царевичи, Борисъ и Романъ. Сей миръ Никифоромъ соблюдаемъ былъ во все его царствованіе.

2-е. Никифоръ не могъ предписывать союзному Государю ничего въ такомъ тонѣ, въ какомъ себѣ воображаетъ Кедринъ; ибо Петръ своимъ достоинствомъ, какъ Монархъ, равенъ былъ Никифору.

3-е. Сверхъ сего Угре были народъ независимый, не подчиненный волѣ Петра.

4-е. Если Никифору хотѣлось удержать наѣзды Угровъ, то для сего расположены были у Сѣверныхъ границъ Имперіи пѣхота и конница; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ обратиться къ ихъ предводителямъ, а не къ Болгарскому Королю.

5-е. Владѣнія Короля не менѣе должны были терпѣть отъ сихъ хищниковъ, какъ и владѣнія Императора; по сему Императоръ не имѣлъ никакого повода къ разрыву съ Болгаріей, что дѣйствительно онъ и доказалъ мирнымъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ Болгаріи.

6-е. Если Король объяснилъ свои причины, по коимъ онъ не хотѣлъ вести войну съ Уграми, то Императоръ не имѣлъ повода къ начатію вражды съ Болгаріей, которая въ дѣлѣ Имперіи съ Уграми симъ дѣлалась неутральной.

7-е. Положимъ, что Императоръ хотѣлъ отмстить Королю, въ такомъ случаѣ для чего жъ было ему не возстать противъ него самому, а напротивъ возбуждать Россіянъ? А подущеніе Россіянъ Императоромъ а) было бы самымъ вздорнымъ и низкимъ поступкомъ; б) не принесло бы никакой пользы Имперіи, ибо 1) Болгарія не была уже опасною для Имперіи; 2) завоеваніе оной Святославомъ было бы въ пользу Россіи, а не Имперіи; 3) существованіе Болгаріи нужно было для Имперіи, какъ оплотъ противъ Россіянъ.

8-е. Способъ выраженія и изложенія Кедрина и Зонары показываетъ, сколь не искусны были они въ объясненіи тайныхъ пружинъ происшествій политическихъ, Хотя не

льзя сомнѣваться въ посольствѣ Греческомъ къ Святославу, но Кедринъ принялъ оное въ томъ смыслѣ, въ которомъ и не думалъ Императоръ.

9-е. Наконецъ, если Византійцы побудили Россіянъ противъ Болгаріи, то по чему они вступились такъ сильно за оную?

И такъ не льзя допустить, чтобы Никифоръ побуждалъ Россіянъ къ войнѣ; побужденіе сіе произошло не отъ Византійцевъ, но, какъ мы еще яснѣе увидимъ, изъ самой Болгаріи, или отъ Болгарской революціи.

Конечно, сіе событіе заняло собою какъ Россіянъ, такъ и Грековъ. По видимому, Болгарскіе инсургенты желали имѣть другаго Короля; не извѣстно, кого именно они имѣли въ виду; впрочемъ, какъ случается въ подобныхъ безпорядкахъ, они могли желать одного, другіе другаго; можетъ быть, хотѣли они вызвать Іоанна Владимировича, или Бояна Владимировича, или, если ихъ уже не было въ живыхъ, то ихъ сыновей, если они ихъ имѣли. А какъ съ Царскимъ Домомъ были въ родствѣ и еще другія знаменитыя Болгарскія фамиліи, то могло статься, что безпокойныя, мечтательныя головы, надѣлавъ себѣ приверженцевъ, стали посягать и на престолъ. Подобной дерзости силы придать могли весьма частые подобные примѣры въ правленіи Византійскомъ.

Какъ бы то ни было, извѣстно, что пламя бунта распространилось по всей Болгаріи; Византійцы замѣтили намъ только имена главныхъ предводителей онаго, коихъ я уже наименовалъ выше.

ВОЙНА СЪ РОССІЕЙ; ТРАГИЧЕСКІЙ КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА I. 967—968.

Конечно, инсурекція, при однихъ собственныхъ силахъ, не имѣла бы желаемаго успѣха; ибо, какъ Дворъ былъ въ согласіи съ Имперіей, а наслѣдники въ Константинополѣ, то инсургенты могли предвидѣть, что Императоръ, въ случаѣ смерти Короля, чтобы вмѣшаться въ дѣла Болгаріи, при-

метъ сторону наслѣдниковъ престола и защититъ ихъ право наслѣдія. По сему они стали оглядываться, гдѣ бы найти чужестранную помощь; иначе не льзя было имъ произвести дѣло, какъ только возобновивъ сцены Игорева времени.

И такъ они обратились къ Святославу, не извѣстно, однако, съ какими предложеніями, или условіями. Конечно, событія въ Болгаріи обратили на себя вниманіе Греческаго Правительства, которое немедленно должно было отнестись къ Русскому (тѣмъ паче, что Ольга уже сложила съ себя правленіе, вручивши оное Святославу), для узнанія намѣреній онаго въ семъ случаѣ. По сему посольство Никифора къ Святославу весьма естественно, и оно было, какъ видно, не въ смыслѣ Кедрина, для возбужденія къ войнѣ, а единственно по случаю Болгарскихъ происшествій.

Свидѣтельство Льва Діакона о 15-ти центнерахъ, т. е., о 37 пудахъ и 20 фунтахъ золота, будто присланнаго Императоромъ Святославу, невѣроятно и походитъ на сказку, или выдумку; ибо Императоръ, если ему хотѣлось отмстить Болгаріи, за сіи деньги могъ снарядить экспедицію. Впрочемъ, какъ посольство отправлялось въ Кіевъ, то, по обыкновенію тогдашнему, Императоръ могъ дѣйствительно приложить свои подарки порядочной цѣны, которые Діаконъ превратилъ въ 37 пудовъ золота.

Не льзя никакъ допустить, чтобы Императоръ отпустилъ изъ Имперіи въ чужой край столь значительную массу сего благороднаго металла; кажется, впрочемъ, что нашъ Діаконъ симъ выраженіемъ мѣтилъ на цѣну подарковъ, состоявшихъ въ иныхъ вещахъ. Но, какъ бы то ни было, извѣстно, что, при отправленіи посольства между Государствами Восточной Европы, прилагали подарки, и сіе обыкновеніе и по нынѣ удержалось у Восточныхъ народовъ. По сему не льзя сомнѣваться и въ томъ, что Никифоръ прислалъ подарки Святославу, ибо это было принадлежностію посольства. Но въ чемъ состояла инструкція Греческому послу, можно догадаться изъ общаго соображенія отношеній сихъ трехъ Державъ Однако, чтобы посолъ домогался объявленія Болгаріи войны, сего допустить не льзя.

Поелику Болгарія раздѣлилась на двѣ партіи, Королевскую и мятежническую, то здѣсь былъ вопросъ, къ которой сторонѣ пристанетъ Россія. Въ Константинополѣ предвидѣли, что инсургенты обратятся къ Святославу, и сіе тѣмъ явнѣе было, что то же самое случилось и во время Игоря. Конечно, Византійскій Дворъ принялъ живое участіе въ защитѣ наслѣдства молодыхъ Болгарскихъ Князей, чтобы тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ своими кіентами и низвести ихъ на степень вассальства; сверхъ сего же самые Князья были родственниками Византійскаго Двора.

Пока Ольга правила, Россія была въ полномъ дружелюбіи съ Переяславскимъ Дворомъ; но съ восшествіемъ Святослава на престолъ перемѣнилось сіе дружелюбіе. По видимому, недоброхоты Петра заблаговременно склонили Святослава на свою сторону; и дѣйствительно, не трудно было инсургентамъ обратить въ свою пользу такой характеръ, какой имѣлъ Святославъ; одно уже воспоминаніе о неудачномъ походѣ его родителя могло въ немъ возбудить ненависть къ Петру I и желаніе отмстить ему.

Что Святославъ именно присталъ къ сторонѣ инсургентовъ, явно видно изъ слѣдующаго:

1-е. Въ описаніи Святославовой кампаніи видимъ, что онъ, сражаясь съ Болгарами (Королевскими), имѣлъ въ своемъ войскѣ и Болгаръ же, т. е., инсургентовъ.

2-е. Легкое завоеваніе въ короткое время цѣлой Болгаріи неоспоримо показываетъ, что Россіянамъ въ семъ дѣлѣ вездѣ способствовала Болгарская инсурекція. Завоеваніе сей страны Имперіи, какъ мы увидимъ, должно было стоить 30-ти лѣтней войны, чрезвычайныхъ трудовъ и несмѣтнаго пролитія крови; и, не смотря на сіе, почти половина Болгарскихъ крѣпостей держались и сдались только добровольно. По сему взятіе Святославомъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, 80-ти городовъ, т. е., лучшихъ мѣстъ, и всей Болгаріи въ одинъ, или въ полтора, положимъ, года, совершенно невозможно, если бы не способствовали ему въ семъ дѣлѣ самые Болгаре.

И такъ самое событіе показываетъ, что Святославъ склонился на сторону инсурекціи, или, лучше сказать, вызванъ инсургентами.

Вотъ, думаю, политическая причина войны Россіи съ Болгаріей. Но если вникнемъ въ самыя потаенныя извилины сердца такихъ людей, которые вертятъ цѣлою машиною Государства, если изыскать ту внутреннюю пружину, которая побудила Святослава къ враждебному намѣренію противъ Болгарскаго Двора, то можно еще замѣтить слѣдующее: Извѣстно, что Святославъ привержепъ былъ твердо къ Вѣрѣ отцевъ своихъ, подобно прочимъ героямъ старыхъ и новыхъ временъ, и по сему жилъ въ несогласіи съ Ольгой, принявшей Вѣру, ему ненавистную; а ему не могли быть неизвѣстными старанія Болгарскаго Духовенства и Правительства распространить Христіанскую Религію и во всей Руси.

Какъ бы то ни было, Святославъ, собравъ значительное войско, началъ свои непріятельскія движенія. Карамзинъ, по лѣтописи, полагаетъ сію армію круглымъ числомъ въ 60,000. Можетъ статься, хотя, впрочемъ, этого показанія не льзя принимать за оффиціальное извѣстіе; дѣло только въ томъ, что военныя силы Святослава должны были быть довольно значительныя; а 60,000, по тогдашнему времени, была сильная армія.

Начатіе войны съ Болгаріею, какъ Несторомъ, такъ и Византійцами, отнесено къ 967 году; но сіе самое начатіе и описаніе обстоятельствъ онаго кажется нѣсколько темнымъ. Святославъ началъ свои военные подвиги съ 964 года, съ коего до 967-го, по лѣтописцу, онъ велъ войну съ *Вятичами*, *Козарами*, *Ясами* и *Касогами*, и вдругъ, въ 967, началъ дѣло съ Болгарами. Это трудно себѣ объяснить, если допустить съ Карамзинымъ, что Ясы и Касоги жили среди горъ Кавказскихъ у береговъ, Каспійскаго моря, и что всѣ сіи имена составляли особенные независимые народы. Не льзя вообразить, какимъ образомъ могъ бы Святославъ, въ продолженіе двухъ съ половиною, или трехъ, лѣтъ, вести войну съ сими, по предположенію, отдѣльными стра-

нами, и притомъ на такомъ разстояніи. Какъ могъ Святославъ назначить театръ войны въ странѣ отдаленной, на берегу Каспійскаго моря, и отдѣленной отъ Россіи многими другими народами, и въ короткое время начать и кончить войну съ *Вятичами*, *Козарами*, *Ясами* и *Касогами!* На что походитъ подобная война? Не просто ли на набѣгъ? Если же сіи народы были отдѣльные, то для чего раздражать ихъ было Святославу?

Географическія свѣдѣнія сего времени весьма темны, кратки, неопредѣленны; по сему и историческія понятія, принимаемыя тѣмъ, или другимъ, писателемъ, сомнительны; ибо дѣйствительно поддерживаются предположеніями, по причинѣ недостатка народоописательныхъ свѣдѣній тогдашняго времени. Самъ же могу ошибиться, но.... *errando discimus.*

Не видя возможности войны Святослава въ столь короткое время съ Вятичами, Козарами, Яссами, Касогами, Болгарами, я думаю, что сіи народы не составляли особыхъ Государствъ, но принадлежали къ одному цѣлому, исключивъ, однако, Вятичей.

Дѣло Святослава съ Вятичами то же принадлежало къ одному дѣлу съ прочими; ибо, по свидѣтельству лѣтописца, они подвластны были еще Козарамъ, которые въ то время еще господствовали по Волгѣ.

Отнявъ сихъ данниковъ у Козаръ, Святославъ симъ объявилъ имъ войну; это онъ доказалъ тѣмъ, что въ слѣдъ за симъ напалъ и на самихъ Козаръ. Кто были сіи Козаре, мы видѣли уже; здѣсь только напомню, что нападеніе Святослава на Козаръ, т. е., на Крымъ, было начатіе войны съ Болгаріей; вступивъ въ предѣлы ея феодальныхъ владѣній, онъ взялъ приморскій городъ, *Бѣлградъ* или *Бѣлую Вежу*; тутъ-то на пути онъ побѣдилъ и *Ясовъ* и *Касоговъ*.

Я думаю лучше искать имя Ясовъ и Касоговъ между Днѣпромъ и Дунаемъ, чѣмъ у береговъ Каспійскаго моря. Несторовы Ясы суть не иное что, какъ *Jasyges* иностранныхъ писателей. Сіе имя не есть собственное народное, но областное мѣстное, т. е., носимое народомъ по обитаемому имъ мѣсту.

Не могу опредѣлить рѣшительно, къ какому роду принадлежали сіи Ясы, къ Славянамъ ли, а именно, *Болгарамъ*, къ Волохамъ ли, или Уграмъ. Будучи извѣстны подъ именемъ только мѣстнымъ и немногочисленны, все таки принадлежали они къ какому либо изъ упомянутыхъ трехъ родовъ, или племенъ. Сіи Ясы остались въ Молдавіи до перваго появленія Татаръ, при приближеніи коихъ они удалились въ Венгрію. Венгерское Правительство дало имъ жилища по ту сторону Дуная, около Песта и Будина, на незаселенныхъ равнинахъ. Сіи новые поселенцы были единоплеменники Угровъ, т. е., Мадяровъ; они были всегда въ Венгріи называемы мѣстнымъ ихъ именемъ *Ясовъ* (по Венгерски *Jaszok*, *Ясскокъ*, т. е., Ясы — по Латыни Jazyges), и по сію пору жилища ихъ въ Венгріи называются Jaszsag: Ясс—шагъ, т. е., *Ясскими* жилищами, Ясскою страною; впрочемъ, нынѣ они, по тожеству языка своего съ Мадярскимъ и по новому отечеству, называютъ себя Мадьярами, т. е., Венграми.

И такъ Ясы Нестора суть небольшое колѣно Угровъ, загнанныхъ, по случаю военныхъ обстоятельствъ, Владимиромъ II изъ Лебедяни въ окрестности города *Ясъ* и *Сучавы* и отчасти въ прилежащія Карпатскія горы.

Сіи-то Ясы въ послѣдствіи извѣстны были Нестору подъ именемъ *Половцевъ*, вмѣстѣ съ другимъ, единоплеменнымъ имъ, колѣномъ, называемымъ *Куманами*, по Латыни *Cumani*, по Венгерски *Kunok*. Сіи послѣдніе, въ одно почти время съ Ясами, переселились въ Венгрію, и въ сосѣдствѣ съ ними поселены; и нынѣ еще древнія ихъ жилища въ Венгріи называются *Kunság*, Куманская, или Куннская область (Coloniae Cumanorum, Cumani).

Конечно, имя *Половцы* въ послѣдствіи въ Русской лѣтописи вошло въ употребленіе; но въ сіе время Святослава оно означаемо было двумя именами Ясовъ и Касоговъ; въ послѣдствіи уже Касоговъ стали называть Половцами, и это названіе беретъ свое начало собственно изъ Русскаго языка. И дѣйствительно, въ то самое время, въ которое Половцы исчезаютъ изъ Русской лѣтописи, *Ясы* и *Куманы* проникаютъ въ Венгрію и поселяются въ оной, то есть, на-

родъ, оставивъ сосѣдство и драки съ Россіянами, удаляется отъ сообщенія съ ними, и по тому Русское ихъ имя исчезаетъ изъ Русскихъ лѣтописей.

И такъ думаю, что Карамзинъ неосторожно поступилъ, перенеся Ясовъ и Касоговъ Нестора, а въ самомъ дѣлѣ остававшуюся въ сосѣдствѣ съ Рускими часть Угорскаго народа, въ горы Кавказскія, на берега Каспійскаго моря, и заставивъ Святослава туда отправляться, въ самое недосужное для него время. Кажется, что они также имъ удалены съ своихъ мѣстъ, какъ и Печенѣги, что дѣлается тѣмъ страннѣе, что на его картѣ древнѣйшей Россіи, какъ я уже замѣтилъ выше, вся обширная сторона между Карпатскими горами, Прутомъ и Дунаемъ, т. е., Венгрія, Молдавія, Валахія и Трансильванія, ни кѣмъ не заселена. Историческіе слѣды, естественность и соображеніе военныхъ дѣлъ Святослава, требуютъ искать уголка для Ясовъ и Касоговъ именно на семъ Европейскомъ прстранствѣ, что гораздо ближе подойдетъ къ истинѣ. Между тѣмъ военная слава Святослава совершенно ничего не потерпитъ, если опредѣлить жилища Ясовъ и Касоговъ гораздо ближе къ предѣламъ Руси, но даже и увеличится тѣмъ, что симъ даются военнымъ его дѣяніямъ общая связь и видъ правильной и болѣе довременной войны, чѣмъ устранень будетъ и краткій его набѣгъ на страну отдаленную, предполагаемый безъ всякаго явнаго доказательства и не представляющій ни отмѣнной пользы народу, ни знанія благоразумной стратегіи.

И такъ *Ясы*, или *Яссы*, и *Касоги*, часть Угорскаго племени, оставшаяся внутри Болгарскихъ владѣній, по видимому, еще Владимиромъ II принуждена была, или согласилась, быть въ вассальствѣ или зависимости отъ сего Монарха, и, кажется, что и прочіе Угре удалились оттуда и прошли *мимо Кіева горою*, по тому именно, что не захотѣли лишиться своей независимости. *

---

* Въ доказательство ихъ одноплеменности Несторъ прибавляетъ: *«бѣша бо ходяще, яко Половцы.»*

Какую роль играли сіи Ясы во время похода Игорева, не извѣстно; по крайней мѣрѣ вѣрно то, что, послѣ заключенія мира, они остались за Болгаріей. Изъ сего видно, что нападенію Святослава на Болгарію должно было непремѣнно предшествовать покореніе жителей страны между Днѣпромъ и Дунаемъ, между коими должно было споткнуться и на Ясахъ и Касогахъ.

Изложенныя много уже выше понятія о жителяхъ между Днѣпромъ и Дунаемъ показываютъ, что нападеніе Россіянъ на сіи области было уже началомъ войны съ Болгаріей, прежде нежели Россіяне перешли Дунай, т. е., до 967 года, въ которомъ Россійское оружіе проникло уже въ самую Болгарію. Выраженіе Русской лѣтописи, опредѣляющей нашествіе Святослава на Болгарію именно только съ 968 года, отнюдь не противно сему положенію. Я уже выше показалъ значеніе слова *Болгаріи* и *Болгаръ* какъ у Нестора, такъ и у Византійцевъ.

Походъ Святослава на Болгаръ, по Несторовому смыслу, значитъ борьбу въ такой странѣ, каторая называлась именно Болгаріею, а не то, будто на Дунаѣ только онъ началъ сражаться съ Болгарскимъ народомъ, который не менѣе того жилъ и въ странѣ между Днѣстромъ и Дунаемъ, извѣстной у лѣтописцевъ подъ особымъ, а въ самомъ дѣлѣ подъ мѣстнымъ только, названіемъ, народомъ, который не менѣе принадлежалъ если не къ самой Болгаріи (странѣ), то къ Болгарскому Государству. Это были Печенѣги — Болгаре.

Почему же Несторъ, говоря о Козарахъ, Ясахъ и Касогахъ до прибытія Русскаго оружія въ предѣлы самой Болгаріи, не упомянулъ о Печенѣгахъ? Невозможно, чтобы Русское войско, на пути своемъ къ Дунаю, не имѣло дѣла и съ Печенѣгами; — или развѣ они участвовали въ инсурекціи Болгаръ? Для чего же въ слѣдущемъ году, во время пребыванія Святослава въ Болгаріи, они сдѣлали диверсію противъ Кіева? По видимому, лѣтописецъ позабылъ ихъ; да и вообще воспоминаніе лѣтописи о военныхъ дѣяніяхъ Святослава около Крыма и на всемъ пространствѣ между Днѣ-

стромъ и Дунаемъ изображено въ столь краткихъ отрывкахъ и безъ связи, что съ трудомъ только можно себѣ вообразить какое либо цѣлое, общее теченіе его подвиговъ.

Но, какъ бы то ни было, вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что, прежде нежели удалось Святославу *пріидти на Дунай и на Болгары* въ 968 году, въ предшествующихъ онъ встрѣтилъ затрудненіе въ за-Днѣстровской странѣ, которая, будучи изъ плодоноснѣйшихъ во всей Европѣ, съ незапамятныхъ временъ всегда была обитаема, и на сей разъ не была пуста, не была, по крайней мѣрѣ, безпошлинной дорогою для такихъ гостей, каковы были Русаки Святославовы, коихъ позабавить могли не только внутри самые жители, но даже и приморскія укрѣпленныя мѣста.

Болгарское Правительство, лишившееся воинственнаго духа, и межъ тѣмъ ослабляемое внутреннимъ мятежемъ, не имѣло довольно силъ, чтобы пріостановить стремленіе Россійскаго войска, которое, наконецъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, 968 года, переправившись чрезъ Дунай, заняло, въ короткое время, по Нестору, *до 80 городовъ*, а по Византійцамъ, *множество городовъ и крѣпостей*, между коими были и тѣ, коихъ Византійцы никогда не могли взять штурмомъ и осадными машинами. Надъ большею частію сихъ городовъ и крѣпостей не пролито слишкомъ много крови; ибо иныя изъ оныхъ доставлены Россіянамъ инсургентами.

Но больше всего могла стоить завоевателямъ столица сего Государства. Король, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, запершся въ оной съ своими вѣрными приверженцами. Великій Переяславль, кромѣ своихъ городныхъ стѣнъ, защищаемъ былъ еще особою внутреннею крѣпостью на возвышенномъ нѣсколько мѣстѣ, въ коей находился Королевскій Дворецъ. Придвинута осада; — Король защищался до крайности, но городъ и Дворецъ взятъ штурмомъ, въ коемъ палъ и самъ сей несчастный Монархъ; но какъ, не извѣстно, по крайней мѣрѣ, послѣ сего штурма, нигдѣ объ немъ не упоминается, и Святославъ принялъ кормило правленія сей Державы.

Я его причислилъ въ рядъ Болгарскихъ Королей потому, что онъ, хотя и недолговременно, дѣйствительно правилъ симъ Государствомъ. Доказательства сему приведу въ его царствованіи.

КОНЕЦЪ.

Замѣчанія Цензора на нѣкоторыя погрѣшительныя мнѣнія, содержащіяся въ книгѣ:

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ОБЪ ИСТОРІИ БОЛГАРЪ.

1) Стр. 59, строк. 28. «Добровскій усиливался утвердить Меѳодія и Кирилла въ Моравіи, въ чемъ ему притакаетъ и Шлецеръ....» Стран. 94, строк. 8. «Но статься не могло, чтобы они когда либо проповѣдывали въ Моравіи....»

Замѣч. Сказаніе о проповѣди Меѳодія и Кирилла въ Моравіи основано не на догадкахъ Добровскаго или Шлецера, а на историческихъ памятникахъ, изъ коихъ нѣкоторые, особенно Паннонскіе: а) Жизнь Св. Меѳодія, описанная однимъ изъ учениковъ его, и б) Жизнь Св. Кирилла, составлены во время близкое къ введенію Христіянства въ Моравіи (содержаніе той и другой, съ критич. замѣчаніями въ Москвитянинѣ 1843 г. Въ томъ же журналѣ, нояб. 1846 г., см. стат. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители). Сіи памятники, равно какъ и свидѣтельства, содержащіяся: а) въ Греч. жизнеописаніи Св. Климента, ученика

Меѳодіева, б) въ Несторовой лѣтописи, в) въ сочиненіяхъ Іоанна, Екзарха Болгарскаго, г) въ Житіи Св. Кирилла, изъ Хиланд. Библ., д) въ Житіи Меѳодія, въ прологѣ XIII вѣка, представляютъ неоспоримое доказательство того, что Св. Кириллъ и Меѳодій были просвѣтителями Моравскаго народа.

2) Стран. 60, строк. 18. «Возможно ли, чтобы сіи мужи въ безпрерывномъ своемъ путешествіи и занятіи проповѣданіемъ, крещеніемъ и спорами могли и помыслить о переводѣ тѣхъ огромныхъ книгъ (т. е., Библіи и Книгъ Богослужебныхъ), для перевода коихъ не довольно было цѣлой жизни....»

Замѣч. а) О преложеніи сихъ книгъ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ находятся свидѣтельства во всѣхъ, выше изчисленныхъ, древнихъ историческихъ памятникахъ. б) Въ этомъ трудѣ могли помогать имъ знавшіе Греческій и Славянскій языки ученики ихъ: Гораздъ Климентъ, Наумъ, Ангеларъ и Савва (см Жизнеописаніе Климента). в) Многіе изъ учителей Церкви, занимаясь каждодневно трудами пастырскаго служенія, успѣли написать по 5-ти, 6-ти, 10-ти томовъ бесѣдъ, размышленій и толкованій, и величина каждаго тома ихъ сочиненій не много меньше (а у иныхъ и больше) объема всего Свящ. Писанія.

3) Стран. 60, строк. 9—5 снизу. «Возможно ли, чтобы монархъ Болгаріи и новонасажденная въ ней Церковь отпустили отъ себя сихъ необходимыхъ для Государства и Церкви людей въ Моравію и дальше (тоже на стран. 93)?...»

Замѣч. Возможно: а) по тому, что Борисъ не имѣлъ власти удержать у себя на долгое время Меѳодія и Кирилла, которые Императоромъ и Патріархомъ посланы бы-

ли собственно къ Моравскимъ и Паннонскимъ Князьямъ;
б) по тому, что Меѳодія, не долго потрудившагося въ насажденіи Христіанской Вѣры въ Болгаріи, замѣнили тамъ сподвижники и преемники его: Архіепископъ Св. Іосифъ, и огда же поставленные Епископы, Попы и Игумены; о нихъ упоминаетъ въ началѣ X вѣка одинъ Болгаринъ, котораго сказаніе помѣщено въ Прологѣ XIII вѣка, подъ 26-мъ ноября.

4) Стран. 97, строк. 17. «Небольшое число Христіанъ въ Римѣ....»

Замѣч. Сказанное здѣсь о небольшомъ числѣ Христіанъ въ Римѣ въ теченіе трехъ первыхъ столѣтій по Р. Х. те справедливо. Въ половинѣ III стол. въ Римской Церкви было 46 пресвитеровъ (Euseb. L. VII. c. 43), а предъ гоненіемъ Діоклетіана считалось въ Римѣ слишкомъ 40 храмовъ (Optat. L. II. p. 19).

5) Стран. 100, строк. 22. «Карлу Великому хотѣлось быть Римскимъ Императоромъ, а Льву III сдѣлаться Патріархомъ.»

Замѣч. Еще въ V вѣкѣ на Халкидонскомъ Соборѣ подтверждено равенство Каѳедры Константинопольской съ Римскою, и между тѣмъ Константинопольскіе Епископы названы Патріархами, а въ VI вѣкѣ и Аквилейскій, и Ліонскій и Толедскій, и Кембриджскій Епископы именовались Патріархами. Въ VII вѣкѣ на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ Патріархи Римскіе именуемы былу уже Папами. Все это было за долго до Карла Великаго.

6) Стран. 109, стр. 9—4 снизу. «Въ Венгріи Греко-Славянское богослуженіе было господствующимъ до XIV столѣтія.... Король Св. Владиславъ....»

Замѣч. Сего нельзя согласить съ исторіею. Гейза въ 973 г. принялъ изъ Германіи проповѣдниковъ Христіанства

Сынъ его, **Стефанъ, въ 1000 г.**, посылалъ Епископа Астрика въ Римъ, для полученія Королевскаго вѣнца отъ Папы. Владиславъ, царствовавшій съ 1077 г. по 1095-й, только при помощи Папы Григорія VII, превозмогъ своего соперника, Соломона, и утвердился на Престолѣ въ концѣ XII вѣка. Онъ причисленъ къ лику Святыхъ Папою Целестиномъ III, но Восточная Церковь не признаетъ его Святымъ.

7) **Стр. 3, строк. 23—32. «Сочинитель сей (Латинской) Легенды, не зная, откуда перешли въ Моравію переводы Св. Писанія и Богослужебныхъ Книгъ, которые, собственно, принадлежатъ Болгарамъ, приписалъ сіе Кириллу и Меѳодію: для сего онъ выдумываетъ посольство Славянскихъ Князей къ Императору Михаилу, съ требованіемъ отъ него учителей, отправленіе къ нимъ изъ Царяграда проповѣдниковъ, Кирилла и Меѳодія, изобрѣтеніе ими Словенскихъ буквъ и переводъ Св. Писанія на языкъ, который онъ называетъ Словенскимъ!...»**

Замѣч. Слишкомъ опрометчиво сочинитель называетъ выдуманными въ XIV вѣкѣ на Западѣ такія событія, о которыхъ повѣствуютъ Писатели, жившіе въ IX, X, XI столѣтіяхъ въ предѣлахъ Православной Восточной Церкви (см. Замѣч. 1).

8) **Стр. 112, строк. 6—3 снизу. «Какъ могъ Папа запрещать Болгарское Богослуженіе, которое употреблялось въ такихъ странахъ, въ которыя власть Папы не проникла.»**

Замѣч. Если Папа Николай въ 806 г. угрожалъ проклятіемъ Императору и требовалъ на судъ Патріарховъ Игнатія и Фотія, то по чему же называть нелѣпымъ вздоромъ

то сказаніе, что сей же Папа требовалъ въ Римъ Моравских Просвѣтителей?

9) Стр. 113, строк. 13—10 сн. «Отвергая свидѣтельство Легендъ, рѣшительно должно признать, что Кириллъ и Меѳодій ни въ нынѣшней Моравіи, ни въ Римѣ никогда не бывали....»

Замѣч. Приговоръ неосновательный: всѣ доказательства этого мнѣнія, выше приведенныя авторомъ, слабы.

10) Стр. 131, строк. 2. «Въ сіе-то время (послѣ 876 г.) приняты въ Богеміи и Моравіи обряды Восточной Православной Церкви.... изъ Болгаріи.»

Замѣч. Напротивъ сего, Паннонской ученикъ Св. Меѳодія въ описаніи жизни его, равно какъ и по немъ бывшіе жизнеописатели относятъ обращеніе Моравіи ко времени царствованія Имп. Михаила, который умеръ въ 866 г., и приписываютъ Меѳодію и Константину. По свидѣтельству жизнеописателя Паннонскаго, Константинъ и Меѳодій, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Моравіи, отправились въ Римъ и тамъ видѣли Епископа Формоза и Библіотекаря Анастасія; а это не могло быть позже 868 г. Вычетши изъ сего числа три, или четыре, слишкомъ года пребыванія Константина и Меѳодія въ Моравіи и Панноніи, найдемъ, что они принесли Православное ученіе въ Моравію не позже 864 года, а не въ 878 г. То же, или весьма близкое, лѣтосчисленіе оказывается по сличеніи и прочихъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіи.

11) Стр. 132, строк. 4. «Вотъ первые Архипастыри Моравіи (Агаѳонъ и Сергій), а не Кириллъ и Меѳодій.»

Замѣч. По чему же не Меѳодій? Паннонскій описатель жизни его, равно какъ и все другіе біографы, называютъ его

Архіепископомъ Моравскимъ. Въ Папскихъ письмахъ, которыхъ подлинность здѣсь опровергается очень слабо, Меѳодій не однократно называется Епископомъ.

12) Стр. 188, строк. 5—2. «Какимъ образомъ могъ почтенный Карамзинъ, мужъ просвѣщенный и не безъ критическаго ума, принять на себя смастереннуюо вставщикомъ (Нестора) сказочку о приключеніяхъ двухъ вымышленныхъ человѣкъ»...?

Замѣч. Всѣ вышеприведенныя возраженія противъ достовѣрности сказанія Несторова о убіеніи Аскольда и Дира слишкомъ слабы для того, чтобъ опровергнуть древнее преданіе о сихъ Князьяхъ. Несторъ, видѣвшій ихъ могилы, въ двухъ мѣстахъ своей лѣтописи свидѣтельствуетъ объ нихъ. Даже сторонній свидѣтель, писавшій въ первой половинѣ X в., Арабскій историкъ, Массуди, говоритъ о Дирѣ: «изъ всѣхъ Склабскихъ царей сильнѣйшій есть Диръ.» (См. Рус. Ист. Сборн., т. 4, кн. 4, стр. 341, 342).

УНИВЕРСИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА СОФИЯ

Пров. 1956